РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

8.

С. Т. АКСАКОВЪ:

„Исторія моего знакомства съ Гоголемъ".

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

ПОДПИСКА
НА
„ЖИВУЮ СТАРИНУ“.

Съ осени (Сентября—Октября) текущаго года Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣтомъ Общества, предпринимаетъ изданіе журнала „ЖИВАЯ СТАРИНА“, имѣющаго выходить четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими Отдѣлали: I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Небольшіе матеріалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскіе и инородческіе. III. Критика и библіографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Смѣсь. Частныя замѣтки. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою во внутрнннія губерніи Имперіи и за границу 5 р. 50 коп.

Посильно трудясь, совмѣстно съ другими Отдѣленіями Географическаго Общества, надъ изученіемъ нашего отечества, родственныхъ намъ народовъ и пограничныхъ Имперіи странъ азіатскихъ, Этнографическое Отдѣленіе съ самаго основанія Общества, въ теченіи 45 лѣтъ, обнародовало цѣлый рядъ сборниковъ-матеріаловъ, наблюденій, изслѣдованій, немаловажныхъ для народовѣдѣнья Россіи, вызвало и поощрило много цѣнныхъ трудовъ различныхъ мѣстныхъ наблюдателей со всѣхъ частей Имперіи, представителей разныхъ народностей и всѣхъ классовъ общества.

Въ послѣднее время, по причинамъ понятнымъ, значительно возрасло число крестьянъ въ рядахъ членовъ сотрудниковъ Общества. Рядомъ съ этимъ замѣчается и другое отрадное явленіе. Съ возвышеньемъ и распространеньемъ у насъ женскаго образованья, стали все чаще являться русскія образованныя женщины, съ любовью изучающія этнографію. За послѣдніе годы Этнографическое Отдѣленіе пріобрѣло себѣ нѣсколько почтенныхъ членовъ сотрудницъ. У всѣхъ племенъ и народовъ женщина по преимуществу хранительница преданья, обычая, живой старины. Не говоря уже о народностяхъ мусульманскихъ, и простолюдинки христіанки всѣхъ племенъ многаго никогда не повѣдаютъ мущинѣ, особенно иного съ ними круга, изъ того, чтó съ полною откровенностью выскажутъ и выложатъ женщинѣ, совершенно отъ нихъ отличной по состоянью и по образованью. Такое появленье новыхъ наблюдателей—этнографовъ съ одной стороны изъ самаго ядра народнаго, изъ крестьянства, главнаго хранителя и созидателя народнаго быта и обычнаго права, чистаго языка и народной словестности, съ другой изъ безпрерывно ростущаго круга обравованныхъ русскихъ женщинъ, съ интересомъ къ этнографическимъ изученіямъ, наконецъ усиленье въ учащейся особенно въ высшихъ заведеніяхъ молодежи любви къ народу, стремленья къ сближенью съ нимъ и къ живому его изученью сулятъ и несомнѣнно принесутъ въ ближайщемъ будущемъ много добра русской литературѣ по народовѣдѣнью.

Не прерывая изданія Записокъ—большихъ сборниковъ матеріаловъ, наблюденій, болѣе или менѣе обширныхъ изслѣдованій,—теперь печатаются два большіе сборника: Смоленскій члена-сотрудника В. Н. Добровольскаго и Македонскій члена-сотрудника П. Д. Драганова,—Этнографическое отдѣленіе въ предпринимаемомъ имъ періодическомъ изданіи „ЖИВАЯ СТАРИНА“ желаетъ помѣщать небольшія статьи и записки, доставляемыя или

ИСТОРІЯ
МОЕГО ЗНАКОМСТВА
съ
ГОГОЛЕМЪ

СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ ВСЕЙ ПЕРЕПИСКИ

съ 1832 по 1852 годъ.

Сочиненіе С. Т. Аксакова.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1890.

*

„Есть у меня одно сочиненіе", говорилъ въ 1857-мъ году Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ пишущему эти строки, „ужъ не знаю, по моей старости и хворости, буду ли и въ силахъ довести его до конца? Впрочемъ, оно во всякомъ случаѣ не для печати. Развѣ-развѣ лѣтъ черезъ тридцать или сорокъ послѣ моей смерти можно будетъ напечатать его. Это—*Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*. Тутъ задѣто множество лицъ: всѣ они еще живы, и сейчасъ занимаютъ очень видныя общественныя положенія. Рано, еще слишкомъ рано печатать о Гоголѣ всю правду".

Много лѣтъ спустя, именно въ 1880-мъ году, Ив. Серг. Аксаковъ помѣстилъ отрывокъ изъ этого сочиненія въ своей газетѣ «Русь»: напечатано лишь начало сочиненія, при томъ и оно не вполнѣ. Въ напечатанномъ отрывкѣ все знакомство съ Гоголемъ ограничивается лишь концемъ тридцатыхъ годовъ; а выходъ въ свѣтъ *Мертвыхъ Душъ*, и всеобщій переполохъ, произведенный ими, и съ того времени зачавшійся переворотъ въ душѣ самого Гоголя, выразившійся къ концу сороковыхъ годовъ *Перепиской съ друзьями* — все это еще было скрыто отъ читателей. Цѣлая половина рукописи, такимъ образомъ, оставалась подспудомъ. А она-то, между тѣмъ, и представляетъ главный интересъ—какъ по отношенію къ Гоголю, такъ и въ отношеніи самого автора. Здѣсь только этотъ замѣчательный литературный трудъ, можно сказать, и достигаетъ своего полнаго напряженія и входитъ въ настоящую силу.— Редактору «Руси», разумѣется, было легче, чѣмъ кому-бы то ни было, позволить себѣ разныя сглаживанія и поправки въ посмертной рукописи своего отца. Для него-же, съ другой стороны, было и затруднительнѣе, чѣмъ всякому другому, печатать все то̀, что въ отношеніяхъ его отца съ Гоголемъ могло болѣе говорить въ пользу перваго, чѣмъ послѣдняго: просто было неловко печатать самыя эти письма Сергѣя Тимоѳеевича и его личныя воспоминанія о себѣ - въ Запискахъ о Гоголѣ. Для нынѣшняго изданія не существуетъ ни той легости, ни этихъ затрудненій. *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ* печатается теперь вполнѣ: вся, какъ есть.

Важная для біографіи Гоголя, она, безспорно, составляетъ еще незамѣнимый матеріалъ для біографіи самого Сергѣя Тимоѳеевича,—но тѣмъ лучше. Этимъ, собственно говоря, она и драгоцѣнна вдвойнѣ.

Кто лично знавалъ автора „Семейной Хроники", радъ будетъ встрѣтиться съ нимъ, какъ съ живымъ въ этихъ Запискахъ. Весь онъ тутъ безъ утайки: съ одной стороны, даже до мелочныхъ житейскихъ подробностей, которыхъ никогда ни передъ кѣмъ не думалъ и скрывать въ быту своемъ; а съ другой стороны — и со всѣми прекрасными душевными порывами, долженствовавшими оставаться и дѣйствительно остававшимися тайною для всѣхъ, пока онъ былъ живъ. Это въ точномъ смыслѣ слова *посмертныя* Записки.

Приводимыя здѣсь письма Гоголя большею частью уже были напечатаны въ изданіи г. Кулиша. Самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ предоставилъ ихъ, вскорѣ послѣ смерти Гоголя, въ распоряженіе его біографа; кромѣ того, сообщилъ ему и щедрыя выдержки изъ своихъ собственныхъ воспоминаній о скончавшемся другѣ. Все это однако было вновь провѣрено по подлинникамъ и все, что тогда было напечатано съ пропусками, тутъ возстановлено въ цѣлости. Во всякомъ случаѣ, только теперь, на ряду съ печатаемыми въ первый разъ письмами самого Сергѣя Тимоѳеевича, получаютъ и письма Гоголя наибольшее значеніе и свой полный смыслъ.

Появленіе *Мертвыхъ Душъ* составляетъ нѣкоторымъ образомъ эру въ нашей литературѣ. Высказавъ ими сущую правду о той пресловутой Россіи, которую творцы разныхъ Петріадъ величали Петровіей, Гоголевская эпоха тѣмъ самымъ предвозвѣстила поворотъ къ народности. Но что она намѣтила какъ искомое, того сама по себѣ дать не могла. Въ свою очередь, наплодила и она цѣлыя поколѣнія не совсѣмъ нормальныхъ Русскихъ людей: это были какіе-то *«сами себя ищущіе»*— и только. Гоголь такъ и умеръ, не доискавшись нормальнаго Русскаго человѣка. Замѣчательно, что, бѣгая за нимъ по всему свѣту и повсюду разыскивая то, чего не находилъ въ себѣ, авторъ *Мертвыхъ Душъ* все больше годъ отъ году привязывался къ семьѣ Аксаковыхъ и особенно цѣнилъ свою дружбу со старикомъ Аксаковымъ. Онъ настойчиво просилъ напослѣдокъ, чтобы самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ непремѣнно записалъ на старости лѣтъ все-все, чѣмъ ему смолоду, повидимому такъ привольно, жилось на Руси. Отъ этого ожидалъ Гоголь себѣ и другимъ великой пользы. Въ отвѣтъ на такой призывъ сложились — прежде *Семейная Хроника*, еще при жизни Гоголя; а потомъ и *Дѣтскіе годы Багрова внука*.

Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, когда Русское общественное сознаніе выбьется, съ Божьей помощью, на свою прямую дорогу, и наступитъ наконецъ желанный литературный періодъ на Руси (лучшій противъ такъ называемаго Гоголевскаго, длящагося даже сейчасъ)—оба названныя произведенія, и *Семейная Хроника*, и *Дѣтскія годы Багрова внука*, займутъ подобающее имъ мѣсто на историческомъ рубежѣ этихъ двухъ періодовъ, какъ естественно-образовавшійся переходъ отъ одного къ другому.

Тогда (не сомнѣваемся и въ томъ) сами эти Записки о Гоголѣ займутъ видное мѣсто въ исторіи Русской литературы—живой памятникъ и явное доказательство тому: какими сложными и до невообразимости причудливыми путями пробивало себѣ дорогу Русское народное самосознаніе, какими извилистыми и до нельзя перепутанными линіями доискивалось оно, въ смѣнявшихся поколѣніяхъ, само себя.

1890 г. Москва. *Н. М. Павловъ.*

—

ВСТУПЛЕНІЕ.

„Исторія знакомства моего съ Гоголемъ", еще вполнѣ не оконченная мною, писана была не для печати, или по крайней мѣрѣ для печати по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, когда уже никого изъ выведенныхъ въ ней лицъ давно не будетъ на свѣтѣ, когда цензура сдѣлается свободною или вовсе упразднится, когда Русское общество привыкнетъ къ этой свободѣ и отложитъ ту щекотливость, ту подозрительную раздражительность, которая теперь болѣе всякой цензуры мѣшаетъ говорить откровенно, даже о давнопрошедшемъ. Я печатно предлагалъ всѣмъ друзьямъ и людямъ, коротко знавшимъ Гоголя, написать вполнѣ искренніе разсказы своего знакомства съ нимъ и такимъ образомъ оставить будущимъ біографамъ достовѣрные матеріалы для составленія полной и правдивой біографіи великаго писателя. Это была бы, по моему мнѣнію, истинная услуга исторіи Русской литературы и потомству. Не знаю, принято ли кѣмъ нибудь мое предложеніе, но я почти исполнилъ свое намѣреніе.—Очевидно возникаютъ вопросы: какъ можно печатать сочиненіе, писанное не для печати? Какая причина заставила меня измѣнить цѣли, съ которою писана книга? Первый вопросъ разрѣшается легко: изъ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ" исклю-

чено все, чего еще нельзя напечатать въ настоящее время. Причина же, почему я такъ поступилъ, состоитъ въ слѣдующемъ: четыре года прошли какъ мы лишились Гоголя; кромѣ біографіи и напечатанныхъ въ журналахъ многихъ статей, о немъ продолжаютъ писать и печатать; ошибочныя мнѣнія о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ, вкрадываются въ сочиненія всѣхъ пишущихъ о немъ, потому что изъ нихъ—даже самъ біографъ его [1])—лично Гоголя не знали или не находились съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Я думаю, что мой искренній, никакимъ постороннимъ чувствомъ не подкрашенный разсказъ можетъ бросить истинный свѣтъ не на великаго писателя (для котораго, говорятъ, это неважно), а на человѣка. Мнѣ кажется, что дружба моя къ Гоголю и долгъ его памяти требуютъ отъ меня такого поступка. Записки мои потеряютъ не только большую половину своей занимательности, но и большую половину очевидности, т-е. способности изъяснить предметъ, о важности котораго распространяться не нужно [2]).

---

[1]) Т.-е. П. А. Кулишъ, издавшій 1856 году свои „Записки о жизни Гоголя". *Изд.*

[2]) Это вступленіе написано было С. Т. Аксаковымъ въ 1856 году для напечатанія его воспоминаній о Гоголѣ въ неполномъ видѣ, какъ тогда предполагалъ авторъ. Теперь, по прошествіи слишкомъ тридцати лѣтъ съ его кончины, воспоминанія печатаются вполнѣ. Начало ихъ помѣщено сыномъ его И. С. Аксаковымъ въ его газетѣ „Русь", но съ нѣкоторыми пропусками. *Изд.*

Въ 1832 году, кажется, весною, когда мы жили въ домѣ Слѣпцова на Сивцевомъ Вражкѣ, Погодинъ привезъ ко мнѣ въ первый разъ и совершенно неожиданно, Николая Васильевича Гоголя. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" были давно уже прочтены, и мы всѣ восхищались ими. Я прочелъ впрочемъ Диканьку нечаянно: я получилъ ее изъ книжной лавки, вмѣстѣ съ другими книгами, для чтенія вслухъ моей женѣ, по случаю ея нездоровья. Можно себѣ представить нашу радость при такомъ сюрпризѣ. Не вдругъ узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодинъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, узналъ тамъ, кто такой былъ „Рудый Панько", познакомился съ нимъ и привезъ намъ извѣстіе, что Диканьку написалъ Гоголь-Яновскій. И такъ это имя было уже намъ извѣстно и драгоцѣнно.

По Субботамъ постоянно обѣдали у насъ и проводили вечеръ короткіе мои пріятели. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ кабинетѣ моемъ, находившемся въ мезонинѣ, игралъ я въ карты въ четверной бостонъ, а человѣка три не игравшихъ сидѣли около стола. Въ комнатѣ было жарко, и нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, сидѣли безъ фраковъ. Вдругъ Погодинъ, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ въ комнату, съ неизвѣстнымъ мнѣ очень молодымъ человѣкомъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ вамъ Николай Васильевичъ Гоголь!" Эфектъ былъ сильный. Я очень сконфузился, бросился надѣвать сюртукъ, бормоча пустыя слова пошлыхъ рекомендацій. Во всякое другое время я не такъ бы встрѣтилъ Гоголя. Всѣ мои гости (тутъ были П. Г. Фроловъ, М. М. Пинскій и П. С. Щепкинъ—прочихъ не помню) тоже какъ-то озадачились и молчали. Пріемъ былъ не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодинъ упросили меня продолжать игру, потому что замѣнить меня было некому. Скоро однако прибѣжалъ Константинъ, бросился къ Гоголю и заговорилъ съ нимъ съ большимъ чувствомъ и пылкостью. Я очень обрадовался и разсѣянно

продолжалъ игру, прислушиваясь однимъ ухомъ къ словамъ Гоголя; но онъ говорилъ тихо, и я ничего не слыхалъ.

Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ другую физіономію его лицу: намъ показалось, что въ немъ было что-то хохлацкое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство. У меня осталось въ памяти, что на немъ былъ пестрый свѣтлый жилетъ съ большой цѣпочкой. У насъ остались портреты, изображающіе его въ тогдашнемъ видѣ, подаренные впослѣдствіи Константину самимъ Гоголемъ.

Къ сожалѣнію, я совершенно не помню моихъ разговоровъ съ Гоголемъ въ первое наше свиданіе; но помню, что я часто заговаривалъ съ нимъ. Черезъ часъ онъ ушелъ, сказавъ, что побываетъ у меня на дняхъ, какъ нибудь поранѣе утромъ и попроситъ сводить его къ Загоскину, съ которымъ ему очень хотѣлось познакомиться и который жилъ очень близко отъ меня. Константинъ тоже не помнитъ своихъ разговоровъ съ нимъ, кромѣ того, что Гоголь сказалъ про себя, что онъ былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ; но помнитъ, что онъ держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ-то съ высока, чего, разумѣется, не было, но могло такъ показаться. Ему не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ безъ исключенія невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе. Отдать визитъ Гоголю не было возможности, потому что не знали, гдѣ онъ остановился: Гоголь не хотѣлъ этого сказать.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я уже предупредилъ Загоскина, что Гоголь хочетъ съ нимъ познакомиться и что я приведу его къ нему, явился ко мнѣ довольно рано Николай Васильевичъ. Я обратился къ нему съ искренними похвалами его Диканькѣ; но видно слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще въ немъ было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искренняго увлеченія и изліянія, къ которымъ я способенъ до излишества. По его просьбѣ мы скоро пошли пѣшкомъ къ Загоскину. Дорогой онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни (я не зналъ тогда, что онъ говорилъ объ этомъ Константину) и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотря на него изумленными и недовѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: „Да чѣмъ же вы больны?“ Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его находится въ кишкахъ. Дорогой

разговоръ шелъ о Загоскинѣ. Гоголь хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, чтó слѣдуетъ, особенно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

.... даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его". Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами; но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что Русская комедія его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее. Надобно сказать, что Загоскинъ, также давно прочитавшій Диканьку и хвалившій ее, въ тоже время не оцѣнилъ вполнѣ; а въ описаніяхъ Украинской природы находилъ неестественность, напыщенность, восторженность молодаго писателя; онъ находилъ вездѣ неправильность языка, даже безграмотность. Послѣднее очень было забавно, потому что Загоскина нельзя было обвинить въ большой грамотности. Онъ даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнѣнію, нашими похвалами. Но по добродушію своему и по самолюбію человѣческому, ему пріятно было, что превозносимый всѣми Гоголь поспѣшилъ къ нему пріѣхать. Онъ принялъ его съ отверстыми объятіями, съ крикомъ и похвалами; нѣсколько разъ принимался цѣловать Гоголя, потомъ кинулся обнимать меня, билъ кулакомъ въ спину, называлъ хомякомъ, сусликомъ и пр. и пр.; однимъ словомъ, былъ вполнѣ любезенъ по своему. Загоскинъ говорилъ безъ умолку о себѣ: о множествѣ своихъ занятій, о безчисленномъ количествѣ прочитанныхъ имъ книгъ, о своихъ археологическихъ трудахъ, о пребываніи въ чужихъ краяхъ (онъ не былъ далѣе Данцига), о томъ, что онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ всю Русь и пр. и пр. Всѣ знаютъ, что это совершенный вздоръ и что ему искренно вѣрилъ одинъ Загоскинъ. Гоголь понялъ это сразу и говорилъ съ хозяиномъ, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ, совершенно въ пору и въ мѣру. Онъ обратился къ шкафамъ съ книгами... Тутъ началась новая, а для меня уже старая исторія: Загоскинъ началъ показывать и хвастаться книгами, потомъ табакерками и наконецъ шкатулками. Я сидѣлъ молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: онъ вдругъ вынулъ часы и сказалъ, что ему пора идти, обѣщалъ еще забѣжать какъ нибудь и ушелъ.

— „Ну что, спросилъ я Загоскина, какъ понравился тебѣ Гоголь?“—„Ахъ какой милый“, закричалъ Загоскинъ, „милый, скромный, да какой, братецъ, умница!; и пр. и пр.; а Гоголь ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ обиходныхъ, пошлыхъ словъ.

Въ этотъ проѣздъ Гоголя изъ Полтавы въ Петербургъ, наше знакомство не сдѣлалось близкимъ. Не помню черезъ сколько времени, Гоголь опять былъ въ Москвѣ проѣздомъ на самое короткое время; былъ у насъ и опять попросилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Загоскину, на чтó я охотно согласился. Мы были у Загоскина также поутру; онъ попрежнему принялъ Гоголя очень радушно и любезничалъ по своему; а Гоголь держалъ себя также по своему, т. е. говорилъ о совершенныхъ пустякахъ и ни слова о литературѣ, хотя хозяинъ заговаривалъ о ней не одинъ разъ. Замѣчательнаго ничего не происходило, кромѣ того, что Загоскинъ, показывая Гоголю свои раскидныя кресла, такъ прищемилъ мнѣ обѣ руки пружинами, что я закричалъ; а Загоскинъ оторопѣлъ и не вдругъ освободилъ меня изъ моего тяжкаго положенія, въ которомъ я былъ похожъ на растянутаго для пытки человѣка. Отъ этой потѣхи руки у меня долго болѣли. Гоголь даже не улыбнулся, но впослѣдствіи часто вспоминалъ этотъ случай, и не смѣясь самъ, такъ мастерски его разсказывалъ, что заставлялъ всѣхъ хохотать до слезъ. Вообще въ его шуткахъ было очень много оригинальныхъ пріемовъ, выраженій, складу и того особеннаго юмора, который составляетъ исключительную собственность Малороссовъ; передать ихъ невозможно. Въ послѣдствіи, безчисленными опытами убѣдился я, что повтореніе Гоголевыхъ словъ, отъ которыхъ слушатели валялись со смѣху, когда онъ самъ ихъ произносилъ—не производило ни малѣйшаго эфекта, когда говорилъ ихъ я или кто нибудь другой.

И въ этотъ пріѣздъ знакомство наше съ Гоголемъ не подвинулось впередъ; но кажется онъ познакомился съ Ольгой Семеновной и съ Вѣрой *). Въ 1834 году, мы жили на Сѣнномъ рынкѣ, въ домѣ Штюрмера. Гоголь между тѣмъ успѣлъ уже выдать „Миргородъ“ и „Арабески“. Великій талантъ его оказался въ полной силѣ. Свѣжи, прелестны, благоуханны, художественны были разсказы въ Диканькѣ; но въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ уже являлся великій художникъ съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ. Мы съ Константиномъ, моя семья и всѣ люди, способные чувствовать искусство, были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя. Надобно сказать правду, что кромѣ при-

---

*) Т.-е. съ супругою С. Т. Аксакова и старшей ихъ дочерью. *Изд.*

сяжныхъ любителей литературы во всѣхъ слояхъ общества, молодые люди лучше и скорѣе оцѣнили Гоголя. Московскіе студенты всѣ пришли отъ него въ восхищеніе и первые распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ.

Въ одинъ вечеръ сидѣли мы въ ложѣ Большаго театра; вдругъ растворилась дверь, вошелъ Гоголь и съ веселымъ дружескимъ видомъ, какого мы никогда не видѣли, протянулъ мнѣ руку съ словами: „Здравствуйте!“ Нечего говорить, какъ мы были изумлены и обрадованы. Константинъ, едва ли не болѣе всѣхъ понимавшій значеніе Гоголя, забылъ гдѣ онъ и громко закричалъ, что̀ обратило вниманіе сосѣднихъ ложъ. Это было во время антракта. Вслѣдъ за Гоголемъ вошелъ къ намъ въ ложу Александръ Павловичъ Ефремовъ, и Константинъ шепнулъ ему на ухо: „Знаешь ли кто у насъ? Это Гоголь“. Ефремовъ, выпуча глаза также отъ изумленія и радости, побѣжалъ въ кресла и сообщилъ эту новость покойному Станкевичу и еще кому-то изъ нашихъ знакомыхъ. Въ одну минуту нѣсколько трубокъ и биноклей обратились на нашу ложу, и слова „Гоголь, Гоголь“ разнеслись по кресламъ. Не знаю, замѣтилъ ли онъ это движеніе, только, сказавъ нѣсколько словъ, что онъ опять въ Москвѣ на короткое время, Гоголь уѣхалъ.

Не смотря на краткость свиданія, мы всѣ замѣтили, что въ отношеніи къ намъ Гоголь совершенно сдѣлался другимъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ не было никакихъ причинъ, которыя во время его отсутствія могли бы насъ сблизить. Самый приходъ его въ ложу показывалъ уже увѣренность, что мы ему обрадуемся. Мы радовались и удивлялись такой перемѣнѣ. Впослѣдствіи, изъ разговоровъ съ Погодинымъ, я заключилъ (тоже думаю и теперь), что его разсказы объ насъ, о нашемъ высокомъ мнѣніи о талантѣ Гоголя, о нашей горячей любви къ его произведеніямъ произвели это обращеніе. Послѣ такихъ разговоровъ съ Погодинымъ, Гоголь немедленно поѣхалъ къ намъ, не засталъ насъ до̀ма, узналъ, что мы въ театрѣ, и явился въ нашу ложу.

Гоголь везъ съ собою въ Петербургъ комедію, всѣмъ извѣстную теперь подъ именемъ „Женитьба“; тогда называлась она „Женихи“. Онъ самъ вызвался прочесть ее вслухъ въ домѣ у Погодина для всѣхъ знакомыхъ хозяина. Погодинъ воспользовался этимъ позволеніемъ и назвалъ столько гостей, что довольно большая комната была буквально набита биткомъ. И какая досада, я захворалъ и не могъ слышать этого чуднаго, единственнаго чтенія. Къ тому же это случилось въ Субботу, въ мой день, а мои гости не были приглашены на чтеніе къ Погодину.

Разумѣется, Константинъ мой былъ тамъ. Гоголь до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою піесу, что многіе, понимающіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, особенно господина Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія не такъ полна, цѣльна и далеко не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Я совершенно раздѣляю это мнѣніе, потому что впослѣдствіи хорошо узналъ неподражаемое искусство Гоголя въ чтеніи всего комическаго. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно; но увы, комедія не была понята! Большая часть говорили, что піеса неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ.

Гоголь сожалѣлъ, что меня не было у Погодина; назначилъ день, въ который хотѣлъ пріѣхать къ намъ обѣдать и прочесть комедію мнѣ и всему моему семейству. Въ назначенный день я пригласилъ къ себѣ именно тѣхъ гостей, которымъ не удалось слышать комедію Гоголя. Между прочими гостями были Станкевичъ и Бѣлинскій. Гоголь очень опоздалъ къ обѣду, что впослѣдствіи нерѣдко съ нимъ случалось. Мнѣ было досадно, что гости мои такъ долго голодали, и въ 5 часовъ я велѣлъ подавать кушать; но въ самое это время увидѣли мы Гоголя, который шелъ пѣшкомъ черезъ всю Сѣнную площадь къ нашему дому. Но увы, ожиданія наши не сбылись: Гоголь сказалъ, что никакъ не можетъ сегодня прочесть намъ комедію, а потому и не принесъ ея съ собой. Все это мнѣ было непріятно и, вѣроятно, вслѣдствіе того, и въ этотъ пріѣздъ Гоголя въ Москву, не послѣдовало такого сближенія между нами, какого я желалъ, а въ послѣднее время и надѣялся. Я видѣлся съ нимъ еще одинъ разъ поутру у Погодина на самое короткое время и узналъ, что Гоголь на другой день ѣдетъ въ Петербургъ.

Въ 1835 году дошли до насъ слухи изъ Петербурга, что Гоголь написалъ комедію „Ревизоръ", что въ этой піесѣ явился талантъ его, какъ писателя драматическаго, въ новомъ и глубокомъ значеніи. Говорили, что эту піесу никакая бы цензура не пропустила, но что Государь приказалъ ее напечатать и дать на театрѣ. На сценѣ комедія имѣла огромный успѣхъ, но въ тоже время много надѣлала враговъ Гоголю. Самые злонамѣренные толки раздавались въ высшемъ чиновничьемъ кругу и даже въ ушахъ самого Государя. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить нашего нетерпѣнія прочесть „Ревизора", который какъ-то долго не присылался въ Москву. Я прочелъ его въ первый разъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Однажды, поздно заигравшись въ Англійскомъ клубѣ, я выходилъ изъ него вмѣстѣ съ Великопольскимъ. Въ это

время швейцаръ подалъ мнѣ записку изъ дому: меня увѣдомляли, что какой-то проѣзжій полковникъ привезъ Ѳ. Н. Глинкѣ печатный экземпляръ „Ревизора" и оставилъ у него до 6-ти часовъ утра; что Глинка прислалъ экземпляръ намъ и что всѣ ожидаютъ меня, чтобы слушать „Ревизора". Съ горяча я сказалъ объ этомъ Великопольскому и не могъ уже отказать ему въ позволеніи услышать „Ревизора", и мы поскакали домой. Я жилъ тогда въ Старой Басманной, въ домѣ Куракина. Было уже около часу за полночь. Никто не спалъ, всѣ сидѣли въ ожиданіи меня, въ моемъ кабинетѣ, даже m-lle Potôt, жившая у насъ съ матерью. Я не могъ въ первый разъ вѣрно прочесть „Ревизора"; но конечно никто никогда не читалъ его съ такимъ увлеченіемъ, которое раздѣляли и слушатели. „Ревизоръ" былъ проданъ Петербургской дирекціи самимъ Гоголемъ за 2,500 рубл. ассигн., а потому немедленно начали его ставить и въ Москвѣ. Гоголь былъ хорошо знакомъ съ Мих. Сем. Щепкинымъ и поручилъ ему письменно постановку „Ревизора", снабдивъ притомъ многими, по большой части очень дѣльными наставленіями. Въ тоже время узнали мы, что самъ Гоголь, сильно огорченный и разстроенный чѣмъ-то въ Петербургѣ, распродалъ съ уступкою всѣ остававшіеся экземпляры „Ревизора" и другихъ своихъ сочиненій, и сбирается немедленно уѣхать за границу. Это огорчило меня и многихъ его почитателей. Вдругъ приходитъ ко мнѣ Щепкинъ и говоритъ, что ему очень неловко ставить „Ревизора", что товарищи этимъ какъ-то обижаются, не обращаютъ никакого вниманія на его замѣчанія и что піеса отъ этого будетъ поставлена плохо; что гораздо было бы лучше, еслибъ піеса ставилась безъ всякаго надзора, такъ, сама по себѣ, по общему произволу актеровъ; что если онъ пожалуется репертуарному члену или директору, то дѣло пойдетъ еще хуже: ибо директоръ и репертуарный членъ ничего не смыслятъ и никогда такими дѣлами не занимаются; а господа артисты, на зло ему, Щепкину, совсѣмъ уронятъ піесу. Щепкинъ плакалъ отъ своего затруднительнаго положенія и отъ мысли, что онъ такъ худо исполнитъ порученіе Гоголя. Онъ прибавилъ, что единственное спасеніе состоитъ въ томъ, чтобъ я взялъ на себя постановку піесы, потому что актеры меня уважаютъ и любятъ и вся дирекція состоитъ изъ моихъ короткихъ пріятелей; что онъ напишетъ объ этомъ Гоголю, который съ радостью передастъ это порученіе мнѣ. Я согласился и туже минуту написалъ самъ въ Петербургъ къ Гоголю горячее письмо, объяснивъ, почему Щепкину неудобно ставить піесу и почему мнѣ это будетъ удобно, прибавя, что въ сущности всѣмъ будетъ распоряжаться Щепкинъ, только черезъ меня. Это было первое мое письмо къ Гоголю и его отвѣтъ былъ первымъ его письмомъ ко мнѣ. Вотъ оно:

„Я получилъ пріятное для меня письмо ваше. Участіе ваше меня тронуло. Пріятно думать, что среди многолюдной неблаговолящей толпы скрывается тѣсный кружокъ избранныхъ, повѣряющій творенія наши вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ и вкусомъ; еще болѣе пріятно, когда глаза его обращаются на творца ихъ съ тою любовью, какая дышетъ въ письмѣ вашемъ.—Я не знаю какъ благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей піесѣ. Я поручилъ ее уже Щепкину и писалъ объ этомъ письмо къ Загоскину. Если же ему точно нѣтъ возможности ладить самому съ дирекціей и если онъ не отдавалъ еще письма, то извѣстите меня, я въ туже минуту приготовлю новое письмо къ Загоскину. Самъ я никакимъ образомъ не могу пріѣхать къ вамъ, потому что занятъ приготовленіями къ моему отъѣзду, который будетъ если не 30 Мая, то 6 Іюня непремѣнно. Но по возвращеніи изъ чужихъ краевъ я постоянный житель столицы древней.

Еще разъ принося вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность остаюсь на всегда

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Н. Гоголь".

На конвертѣ:

Его Высокоблагородію *) Милостивому Государю
Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову отъ Н. Гоголя.

„Мая 15
1836".

Какъ это странно, что письмо такое простое, искреннее не понравилось всѣмъ и даже мнѣ.

Отсюда начинается долговременная и тяжелая исторія неполнаго пониманія Гоголя людьми самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями! Безграничной, безусловной довѣренности въ свою искренность Гоголь не имѣлъ до своей смерти. Нельзя предположить, чтобъ всѣ мы были виноваты въ этомъ безъ всякаго основанія; оно заключалось въ наружности обращенія и въ необъяснимыхъ странностяхъ его духа. Это матерія длинная и, чтобы бросить на нее нѣкоторый свѣтъ, заранѣе скажу только, что впослѣдствіи я часто говаривалъ, для успокоенія Шевырева и особенно Погодина: „Господа, ну какъ мы можемъ судить Гоголя по себѣ? Можетъ быть, у него всѣ нервы въ десятеро тоньше нашихъ и устроены какъ нибудь вверхъ ногами!" На что Погодинъ со смѣхомъ отвѣчалъ: „Развѣ что такъ!"

*) Я былъ тогда титулярнымъ совѣтникомъ; но Гоголь, по фигурѣ моей, вообразилъ, что я непремѣнно долженъ быть статскимъ совѣтникомъ.

Вслѣдствіе письма Гоголя ко мнѣ Щепкинъ писалъ къ нему, что письмо къ Загоскину отдано давно, о чемъ онъ его увѣдомлялъ; но, кажется, Гоголь не получалъ этого письма, потому что не отвѣчалъ на него и уѣхалъ немедленно за границу.

Итакъ „Ревизоръ" былъ поставленъ безъ моего участія. Впрочемъ, эта піеса игралась и теперь играется въ Москвѣ довольно хорошо, кромѣ Хлестакова, роль котораго труднѣе всѣхъ. Гоголь всегда мнѣ жаловался, что не находитъ актера для этой роли, что отъ того піеса теряетъ смыслъ и скорѣе должна называться *Городничій*, чѣмъ *Ревизоръ* *).

Въ 1837-мъ году погибъ Пушкинъ. Изъ писемъ самого Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была эта потеря. Гоголь сдѣлался боленъ и духомъ, и тѣломъ. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно и что смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою, съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ **).

Въ началѣ 1838-го года распространились по Москвѣ слухи, что Гоголь отчаянно боленъ въ Италіи, и даже посаженъ за долги въ тюрьму. Разумѣется, послѣднее было совершенная ложь. Во всей Москвѣ переписывался съ нимъ одинъ Погодинъ; онъ получилъ наконецъ письмо отъ Гоголя, увѣдомлявшее объ его болѣзни и трудныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Это письмо было писано изъ Неаполя отъ 20-го Августа. Между прочимъ Гоголь писалъ въ немъ: „Мнѣ не хотѣлось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2000. Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора, ихъ возвращу". Мы рѣшились ему помочь, но подъ большимъ секретомъ: я, Погодинъ, Баратынскій и Н. Ф. Павловъ сложились по 250 р. и 1000 р. предложилъ самъ, по сердцу весьма добрый человѣкъ, И. Е. Великопольскій, которому я только намекнулъ о поло-

---

*) Не за долго до своей смерти, онъ передалъ эту роль г-ну Шумскому и самъ ставилъ піесу. Я тогда уже не ѣздилъ въ театръ, но всѣ зрители восхищались Шумскимъ; самъ Гоголь видѣлъ его изъ нашей ложи, въ продолженіи двухъ дѣйствій, и остался имъ доволенъ.

**) Въ 1839 году Жуковскій пріѣхалъ въ Римъ, гдѣ жилъ Гоголь. Когда они увидѣлись (это было въ первый разъ съ 1836 года), то оба внезапно воскликнули: Пушкинъ! *П. Б.*

женіи Гоголя и о нашемъ намѣреніи. Секретъ былъ вполнѣ сохраненъ. Погодинъ долженъ былъ написать къ Гоголю письмо слѣдующаго содержанія: „Видя, что ты находишься въ нуждѣ, на чужой сторонѣ, я, имѣя свободныя деньги, посылаю тебѣ 2000 р. ассигнаціями. Ты отдашь ихъ мнѣ тогда, когда разбогатѣешь, что́ безъ сомнѣнія будетъ". Деньги были отосланы немедленно. Съ этими деньгами случилась странная исторія. Я удостовѣренъ, что онѣ были получены Гоголемъ, потому что въ одномъ своемъ письмѣ Погодинъ очень неделикатно напоминаетъ объ нихъ Гоголю, тогда какъ онъ далъ честное слово намъ, что Гоголь никогда не узнаетъ о нашей складчинѣ; но вотъ что́ непостижимо: когда финансовыя дѣла Гоголя поправились, когда онъ напечаталъ свои сочиненія въ 4-хъ томахъ, тогда онъ поручилъ всѣ расплаты Шевыреву и далъ ему собственноручный регистръ, въ которомъ даже всѣ мелкіе долги были записаны съ точностью; объ этихъ же 2000-хъ не упомянуто; этотъ регистръ и теперь находится у Шевырева.

Въ 1838-мъ году, кажется 8-го Іюня, уѣхалъ Константинъ за границу, намѣреваясь долго прожить въ чужихъ краяхъ (онъ не могъ прожить долѣе пяти мѣсяцовъ). Передъ возвращеніемъ своимъ въ Россію, онъ написалъ къ Гоголю въ Римъ самое горячее письмо, убѣждая его воротиться въ Москву (Гоголь жилъ въ Римѣ уже болѣе двухъ лѣтъ) и назначая ему мѣсто съѣзда въ Кельнѣ, гдѣ Константинъ будетъ ждать его, чтобъ ѣхать въ обратный путь вмѣстѣ. Гоголь еще не думалъ возвращаться, да и письмо получилъ двумя мѣсяцами позднѣе, потому что куда-то уѣзжалъ изъ Рима. Письмо это, вѣроятно дышавшее горячей любовью, произвело однако глубокое впечатлѣніе на Гоголя и хотя онъ не отвѣчалъ на него, но по возвращеніи въ Россію, черезъ годъ, говорилъ о немъ съ искреннимъ чувствомъ.

Въ 1839 году, Погодинъ ѣздилъ за границу, имѣя намѣреніе привезти съ собою Гоголя. Онъ ни слова не писалъ намъ о свиданіи съ Гоголемъ, и хотя мы сначала надѣялись, что они воротятся въ Москву вмѣстѣ, но потомъ уже потеряли эту надежду. Мы жили лѣто на дачѣ въ Аксиньинѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы. 29-го Сентября вдругъ получаю я слѣдующую записку отъ Михаила Семеновича Щепкина:

„Почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ, и не одинъ; ожиданія наши исполнились: съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ. Я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ даже до того, что едвали не сухо его встрѣтилъ;

вчера просидѣлъ цѣлый вечеръ у нихъ и, кажется, путнаго слова не сказалъ: такое волненіе его пріѣздъ во мнѣ произвелъ, что я нынѣшнюю ночь почти не спалъ. Не утерпѣлъ, чтобы не извѣстить васъ о такомъ для насъ сюрпризѣ: ибо, помнится, мы совсѣмъ уже его не ожидали. Прощайте; сегодня къ несчастію, играю и потому не увижу его.

Вашъ покорнѣйшій слуга Михаилъ Щепкинъ".

От 28-го Сентября
1839 года.

Я помѣщаю эту записку для того, чтобъ показать, что̀ значилъ пріѣздъ Гоголя въ Москву для его почитателей. Мы всѣ обрадовались чрезвычайно. Константинъ, прочитавши записку, прежде всѣхъ, поднялъ отъ радости такой крикъ, что всѣхъ перепугалъ, а съ Машенькой *) сдѣлалось даже дурно. Онъ уѣхалъ въ Москву въ тотъ же день, а я съ семействомъ переѣхалъ 1-го Октября. Константинъ уже видѣлся съ Гоголемъ, который остановился у Погодина въ его собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Гоголь встрѣтился съ Константиномъ весело и ласково; говорилъ о письмѣ, которое очевидно было для него пріятно и объяснялъ, почему онъ не могъ пріѣхать въ назначенное Константиномъ мѣсто, т. е. въ Кёльнъ. Причина состояла въ томъ, что онъ уѣзжалъ на то время изъ Рима, а воротясь цѣлый мѣсяцъ не получалъ писемъ изъ Россіи, хотя часто освѣдомлялся на почтѣ; наконецъ, онъ рѣшился пересмотрѣть самъ всѣ лежащія тамъ письма и между ними нашелъ нѣсколько адресованныхъ къ нему; въ томъ числѣ находилось и письмо Константина. Безтолковый почтовой чиновникъ принималъ Гоголя за кого-то другаго и потому не отдавалъ до сихъ поръ ему писемъ.

Разговаривая очень пріятно, Константинъ сдѣлалъ Гоголю вопросъ самый естественный, но конечно слишкомъ часто повторяемый всѣми при встрѣчѣ съ писателемъ: „Что̀ вы намъ привезли, Николай Васильевичъ?" и Гоголь вдругъ очень сухо и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „Ничего". Подобные вопросы были всегда ему очень непріятны; онъ особенно любилъ содержать въ секретѣ то, чѣмъ занимался и терпѣть не могъ, если хотѣли его нарушить.

На другой день моего переѣзда въ Москву, Гоголь пріѣхалъ къ намъ обѣдать вмѣстѣ съ Щепкинымъ, когда мы уже сидѣли за столомъ, совсѣмъ его не ожидая. Съ искренними, радостными восклицаніями встрѣ-

---

*) Младшей дочерью С. Т. Аксакова. *Изд.*

тили его всѣ, и онъ самъ казался воротившимся къ близкимъ и давнишнимъ друзьямъ, а не просто къ знакомымъ, которые видѣлись нѣсколько разъ и то на короткое время. Я былъ восхищенъ до глубины сердца и въ тоже время удивленъ. Казалось, какъ бы могло пятилѣтнее отсутствіе, безъ письменныхъ сношеній, такъ сблизить насъ съ Гоголемъ? По чувствамъ нашимъ мы конечно имѣли полное право на его дружбу и безъ сомнѣнія Погодинъ, знавшій насъ очень коротко, передалъ ему подробно обо всемъ, и Гоголь почувствовалъ, что мы точно его настоящіе друзья.

Наружность Гоголя такъ перемѣнилась, что его можно было не узнать: слѣдовъ не было прежняго, гладковыбритаго и обстриженнаго (кромѣ хохла) франтика въ модномъ фракѣ! Прекрасные бѣлокурые густые волосы лежали у него почти по плечамъ; красивые усы, эспаньелка довершали перемѣну; всѣ черты лица получили совсѣмъ другое значеніе; особенно въ глазахъ, когда онъ говорилъ, выражалась доброта, веселость и любовь ко всѣмъ; когда же онъ молчалъ или задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему-то высокому. Сертукъ, въ родѣ пальто, замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ совершенной крайности. Самая фигура Гоголя въ сертукѣ сдѣлалась благообразнѣе. Шутки Гоголя, которыхъ передать нѣтъ никакой возможности, были такъ оригинальны и забавны, что неудержимый смѣхъ одолѣвалъ всѣхъ, кто его слушалъ, самъ же онъ всегда шутилъ не улыбаясь.

Съ этого собственно времени началась наша тѣсная дружба, вдругъ развившаяся между нами. Гоголь бывалъ у насъ почти каждый день и очень часто обѣдалъ. Зная, какъ онъ не любитъ, чтобъ говорили съ нимъ объ его сочиненіяхъ, мы никогда объ нихъ не поминали, хотя слухъ о „Мертвыхъ Душахъ“ обѣжалъ уже всю Россію и возбудилъ общее вниманіе и любопытство. Не помню кто-то писалъ изъ чужихъ краевъ, что, выслушавъ передъ отъѣздомъ изъ Рима первую главу „Мертвыхъ Душъ“, онъ хохоталъ до самаго Парижа. Другіе были не такъ деликатны, какъ мы, и приступали къ Гоголю съ вопросами, но получали самые неудовлетворительные и даже непріятные отвѣты.

Гоголь сказалъ намъ, что ему надобно скоро ѣхать въ Петербургъ, чтобъ взять сестеръ своихъ изъ Патріотическаго Института, гдѣ онѣ воспитывались на казенномъ содержаніи. Мать Гоголя должна была весною пріѣхать за дочерьми въ Москву. Я самъ вмѣстѣ съ Вѣрой сбирался ѣхать въ Петербургъ, чтобъ отвезть моего Мишу въ Пажескій

Корпусъ, гдѣ онъ былъ давно кандидатомъ. Я сейчасъ предложилъ Гоголю ѣхать вмѣстѣ, и онъ очень былъ тому радъ.

Не зная хорошенько времени, когда долженъ былъ послѣдовать выпускъ воспитанницъ изъ Патріотическаго Института, Гоголь сначала торопился отъѣздомъ. Это видно изъ записки Погодина ко мнѣ, въ которой онъ пишетъ, что Гоголь проситъ меня справиться объ этомъ выпускѣ; но торопиться было не къ чему: выпускъ послѣдовалъ въ Декабрѣ. Во всякомъ случаѣ, замедленіе отъѣзда происходило отъ насъ. Я писалъ Гоголю 20-го Октября, что „желая непремѣнно ѣхать вмѣстѣ съ вами, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ, можете ли вы отложить свой отъѣздъ до вторника? Если не можете, мы ѣдемъ въ воскресенье поутру". На той же запискѣ Гоголь отвѣчалъ:

„Коли вамъ это непремѣнно хочется и нужно, и я могу сдѣлать вамъ этимъ удовольствіе, то готовъ отложить отъѣздъ свой до вторника охотно". Но и во вторникъ отъѣздъ былъ отложенъ, и мы выѣхали въ четвергъ послѣ обѣда 26-го Октября (1839 г.). Я взялъ особый дилижансъ, раздѣленный на два купе: въ заднемъ — я съ Вѣрой. Оба купе сообщались двумя небольшими окнами, въ которыхъ деревянныя рамки можно было поднимать и опускать: съ нашей стороны въ рамкахъ были вставлены два зеркала. Это путешествіе было для меня и для дѣтей моихъ такъ пріятно, такъ весело, что я и теперь вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ. Гоголь былъ такъ любезенъ, такъ постоянно шутливъ, что мы помирали со смѣху. Всѣ эти шутки обыкновенно происходили на станціяхъ или при разговорахъ съ кондукторомъ и ямщиками. Самый обыкновенный вопросъ или какое нибудь требованіе Гоголь умѣлъ такъ сказать забавно, что мы сейчасъ начинали хохотать; иногда даже было намъ совѣстно передъ Гоголемъ, особенно когда мы бывали окружены толпою слушателей. Въ продолженіе дороги, которая тянулась болѣе четырехъ сутокъ, Гоголь говорилъ иногда съ увлеченіемъ о жизни въ Италіи, о живописи (которую очень любилъ и къ которой имѣлъ рѣшительный талантъ), объ искусствѣ вообще, о комедіи въ особенности, о своемъ „Ревизорѣ", очень сожалѣя о томъ, что главная роль Хлестакова играется дурно въ Петербургѣ и Москвѣ, отъ чего піэса теряла весь смыслъ (хотя въ Москвѣ онъ не видалъ „Ревизора" на сценѣ). Онъ предлагалъ мнѣ, воротясь изъ Петербурга, разыграть „Ревизора" на домашнемъ театрѣ; самъ хотѣлъ взять роль Хлестакова, мнѣ предлагалъ Городничаго, Томашевскому (съ которымъ я успѣлъ его познакомить), служившему цензоромъ въ Почтамтѣ, назначалъ роль

почтмейстера, и такъ далѣе. Много высказывалъ Гоголь такихъ ясныхъ и вѣрныхъ взглядовъ на искусство, такихъ тонкихъ пониманій художества, что я былъ очарованъ имъ. Большую же часть во время ѣзды, закутавшись въ шинель, поднявъ ея воротникъ выше головы, онъ читалъ какую-то книгу, которую пряталъ подъ себя или клалъ въ мѣшокъ, который всегда выносилъ съ собою на станціяхъ. Въ этомъ огромномъ мѣшкѣ находились принадлежности туалета: какое-то масло, которымъ онъ мазалъ свои волосы, усы и эспаньолку, нѣсколько головныхъ щетокъ, изъ которыхъ одна былъ очень большая и кривая: ею Гоголь разсчесывалъ свои длинные волосы. Тутъ же были ножницы, щипчики и щеточки для ногтей, наконецъ, нѣсколько книгъ. Сосѣдъ Гоголя, четырнадцатилѣтній нашъ Миша, живой и веселый, всегда показывалъ намъ знаками, что́ дѣлаетъ Гоголь, читаетъ или дремлетъ. Миша подсмотрѣлъ даже, какую книгу онъ читалъ: это былъ Шекспиръ на Французскомъ языкѣ.

Гоголь чувствовалъ всегда, особенно въ сидячемъ положеніи, необыкновенную зябкость; безъ сомнѣнія это было признакомъ болѣзненнаго состоянія нервъ, которые не пришли еще въ свое нормальное положеніе послѣ смерти Пушкина. Гоголь могъ согрѣвать ноги только ходьбою, и для того въ дорогу онъ надѣлъ сверхъ сапоговъ длинные и толстые Русскіе шерстяные чулки и сверхъ всего этого теплые медвѣжьи сапоги. Не смотря на то, онъ на каждой станціи бѣгалъ по комнатамъ и даже улицамъ во все время, пока перекладывали лошадей, или просто ставилъ ноги въ печку. Гоголь былъ тогда еще немножко гастрономъ; онъ взялъ на себя распоряженіе нашимъ кофеемъ, чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ. Ѣхали мы чрезвычайно медленно, потому что лошади, возившія дилижансы, едва таскали ноги, и Гоголь расчиталъ, что на другой день, часовъ въ пять пополудни, мы должны пріѣхать въ Торжокъ, слѣдственно должны тамъ обѣдать и полакомиться знаменитыми котлетами Пожарскаго, и ради таковыхъ причинъ далъ намъ только позавтракать, обѣдать же не далъ. Мы весело повиновались такому распоряженію. Вмѣсто 5-ти часовъ вечера, мы пріѣхали въ Торжокъ въ 3 часа утра. Гоголь шутилъ такъ забавно надъ будущимъ нашимъ утреннимъ обѣдомъ, что мы съ громкимъ смѣхомъ взошли на лѣстницу извѣстной гостинницы, а Гоголь сейчасъ заказалъ намъ дюжину котлетъ, съ тѣмъ, чтобъ другихъ блюдъ не спрашивать. Черезъ полчаса были готовы котлеты, и одна ихъ наружность и запахъ возбудили сильный аппетитъ въ проголодавшихся путешественникахъ. Котлеты были точно необыкновенно вкусны, но вдругъ (кажется, первая Вѣра) мы всѣ перестали жевать, а начали вытаскивать изъ

своихъ ртовъ довольно длинные бѣлокурые волосы. Картина была очень забавная, а шутки Гоголя придали столько комическаго этому приключенію, что нѣсколько минутъ мы только хохотали, какъ безумные. Успокоившись, принялись мы разсматривать свои котлеты, и что́ же оказалось? Въ каждой изъ нихъ мы нашли по нѣскольку десятковъ такихъ же длинныхъ бѣлокурыхъ волосъ! Какъ они туда попали, я и теперь не понимаю. Предположенія Гоголя были одно другого смѣшнѣе. Между прочимъ говорилъ онъ съ своимъ неподражаемымъ Малороссійскимъ юморомъ, что вѣрно поваръ былъ пьянъ и не выспался, что его разбудили и что онъ съ досады рвалъ на себѣ волосы, когда готовилъ котлеты; а можетъ быть онъ и не пьянъ и очень добрый человѣкъ, а былъ боленъ недавно лихорадкой, отъ чего у него лѣзли волосы, которые и падали на кушанье, когда онъ приготовлялъ его, потряхивая своими бѣлокурыми кудрями. Мы послали для объясненія за половымъ, а Гоголь предупредилъ насъ, какой отвѣтъ мы получимъ отъ половаго: „Волосы-съ? Какіе-же тутъ волосы-съ? Откуда придти волосамъ-съ? Это такъ-съ, ничего-съ! Куриныя перушки или пухъ, и проч. и проч.“ Въ самую эту минуту вошелъ половой и на предложенный нами вопросъ отвѣчалъ точно тоже, что́ говорилъ Гоголь, многое даже тѣми же самыми словами. Хохотъ до того овладѣлъ нами, что половой и нашъ человѣкъ посмотрѣли на насъ, выпуча глаза отъ удивленія, и я боялся, чтобы Вѣрѣ не сдѣлалось дурно. Наконецъ, припадокъ смѣха прошелъ. Вѣра попросила себѣ разогрѣть бульону; а мы трое, вытаскавъ предварительно всѣ волосы, принялись мужественно за котлеты.

Такъ же весело продолжалась вся дорога. Не помню гдѣ-то предлагали намъ купить пряниковъ. Гоголь, взявши одинъ изъ нихъ, началъ съ самымъ простодушнымъ видомъ и серьезнымъ голосомъ увѣрять продавца, что это не пряники; что онъ ошибся и захватилъ какъ нибудь куски мыла вмѣсто пряниковъ, что и по бѣлому ихъ цвѣту это видно, да и пахнутъ они мыломъ, что пусть онъ самъ отвѣдаетъ и что мыло стоитъ гораздо дороже чѣмъ пряники. Продавецъ сначала очень серьезно и убѣдительно доказывалъ, что это точно пряники, а не мыло и, наконецъ, разсердился. Въ моемъ разсказѣ ничего нѣтъ смѣшнаго, но, слушая Гоголя, не было возможности не смѣяться.

Помню я также завтракъ на станціи въ Померани, которая издавна славилась своимъ кофеемъ и вафлями и еще болѣе была замѣчательна, тогда уже старымъ, своимъ слугою, 20 лѣтъ ходившимъ повидимому въ одномъ и томъ же фракѣ, въ однихъ и тѣхъ же чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Это былъ лакей высшаго разряда, съ самой пред-

ставительной наружностью и приличными манерами. Его знала вся Россія, ѣздившая въ Петербургъ. Въ какое бы время дня и ночи ни пріѣхали порядочно одѣтые путешественники, особенно дамы, лакей-джентльменъ являлся немедленно въ полномъ своемъ костюмѣ. Меня увѣряли, что онъ всегда спалъ въ немъ, сидя на стулѣ. Съ этимъ-то интереснымъ для Гоголя человѣкомъ умѣлъ онъ разговаривать такъ мастерски, впадая въ его тонъ, что всегда хладнокровно-учтивый старикъ, оставляя вѣчно носимую маску, являлся другимъ лицомъ, такъ сказать, съ внутренними своими чертами. Въ этомъ разговорѣ было что-то умилительно-забавное и для меня даже трогательное.

30-го Октября въ 8 часовъ вечера пріѣхали мы въ Петербургъ. Не доѣзжая до Владимирской, гдѣ былъ домъ Карташевскихъ, Гоголь вышелъ изъ дилижанса, захватилъ свой мѣшокъ и простился съ нами. Онъ не зналъ, гдѣ остановится: у Плетнева или у Жуковскаго. Онъ обѣщалъ немедленно прислать за своими вещами и чемоданомъ и увѣдомить насъ о своей квартирѣ; хотѣлъ также скоро побывать и самъ. Но обѣщанія Гоголя въ этомъ родѣ были весьма невѣрны: въ тотъ же самый вечеръ, но такъ поздно, что всѣ уже легли спать, Гоголь пріѣзжалъ самъ, взялъ свой мѣшокъ и еще кое-что и сказалъ человѣку, что пришлетъ за остальными вещами; но гдѣ живетъ, не сказалъ. На другой день я поѣхалъ его отыскивать, но не успѣлъ отыскать. По множеству моихъ разъѣздовъ, я не успѣлъ побывать у Плетнева, а у Жуковскаго Гоголя не оказалось. Наконецъ, 3-го Ноября, я былъ у Гоголя. Онъ только что переѣхалъ къ Жуковскому и обѣщалъ на другой день, то-есть 4-го, пріѣхать обѣдать къ намъ. Онъ очень мнѣ обрадовался, но казался чѣмъ-то смущеннымъ и уже не походилъ на прежняго, *дорожнаго* Гоголя. Онъ развеселился нѣсколько, говоря, что возметъ своихъ сестеръ и опять вмѣстѣ съ нами поѣдетъ въ Москву; хотѣлъ немедленно, какъ только можно будетъ переѣхать черезъ Неву, повезти насъ въ Патріотическій Институтъ, чтобъ познакомить съ своими сестрами. Онъ не остался у насъ обѣдать, потому что за нимъ прислалъ Жуковскій. Я познакомилъ его съ моими хозяевами. Гоголь всѣмъ не очень понравился, даже Машенькѣ. Вообще должно сказать, что, кромѣ Машеньки, никто не понималъ и не цѣнилъ Гоголя, какъ писателя. Григорій Ивановичъ Карташевскій даже и не читалъ его; но я надѣялся, что онъ можетъ и долженъ вполнѣ оцѣнить Гоголя, потому что въ молодости, когда онъ былъ еще моимъ воспитателемъ, онъ страстно любилъ Донъ-Кихота, обожалъ Шекспира и Гомера и первый развилъ въ моей душѣ любовь къ искусству. Ожиданія мои не справдались, что увидимъ впослѣдствіи.

5-го Ноября я еще не сходилъ сверху, потому что до половины втораго просидѣлъ у меня Кавелинъ, только что успѣли прибѣжать ко мнѣ Вѣра и Машенька, чтобъ послушать „Арабески" Гоголя, которые я наканунѣ купилъ для Машеньки — какъ вбѣжалъ самъ Гоголь, до того замерзшій, что даже жалко и смѣшно было смотрѣть на него (въ то время стояла въ Петербургѣ страшная стужа, до 23 градусовъ при сильномъ вѣтрѣ); но потомъ, посогрѣвшись, онъ былъ очень веселъ и забавенъ съ обѣими дѣвицами. Сидѣлъ очень долго и просидѣлъ бы еще дольше, но пришелъ Ив. Ив. Панаевъ: это напомнило Гоголю, что ему пора идти. Несмотря на то, что Гоголь показался всѣмъ очень веселымъ, внутренно онъ былъ чрезвычайно разстроенъ. 5-го же Ноября онъ былъ у меня опять и открылъ мнѣ свое затруднительное положеніе. Онъ былъ обнадеженъ Жуковскимъ, что сестры его получатъ вспоможеніе при выходѣ изъ Института отъ щедротъ Государыни; но теперь никто не берется доложить ей о томъ, ибо по случаю нездоровья она не занимается дѣлами, и безпокоить ее докладами считаютъ неприличнымъ. Гоголь сказалъ, что на счетъ его уже начались сплетни и что онъ горитъ нетерпѣніемъ поскорѣе отсюда уѣхать. Очень просилъ, чтобъ я съ Вѣрой и съ нимъ съѣздилъ къ его сестрамъ и поручилъ мнѣ въ каждомъ письмѣ писать къ моей женѣ и Константину по пяти поклоновъ. Я былъ взволнованъ его положеніемъ и предложилъ ему все что̀ тогда у меня было, разумѣется безделицу; онъ сказалъ что-то весьма растроганнымъ голосомъ и убѣжалъ. Въ тотъ же день я описалъ все подробно Ольгѣ Семеновнѣ, замѣтивъ, что вѣроятно Гоголю надобно много денегъ, что все это, какъ я надѣюсь, поправится, а въ противномъ случаѣ—я поправлю.

Во всемъ кругѣ моихъ старыхъ товарищей и друзей, во всемъ кругѣ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, кому бы нравился Гоголь и кто бы цѣнилъ его вполнѣ. Даже никого, кто бы всего его прочелъ! О, Петербургъ, о, пошло-дѣловой Петербургъ! Вотъ напримѣръ, Владимиръ Ивановичъ Панаевъ, тоже старый мой товарищъ, литераторъ и членъ Россійской Академіи, съ которымъ, разумѣется, я никогда о Гоголѣ не разсуждалъ, вдругъ спрашиваетъ меня при многихъ свидѣтеляхъ: „А что̀ Гоголь? Опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?" Не помню, что̀ я отвѣчалъ ему; но вѣроятно присутствіе другихъ спасло его отъ такого отвѣта, отъ котораго не поздоровилось бы ему.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней Гоголь еще надѣялся на какія-то благопріятныя обстоятельства; мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ,

но на короткое время. Всякій разъ условливались, когда ѣхать къ его сестрамъ, и всякій разъ что-нибудь мѣшало.

Наконецъ 13-го Ноября обѣдалъ у насъ Гоголь. Григорій Ивановичъ, который успѣлъ прочесть кое-что изъ него и всю ночь хохоталъ отъ „Вія", увы, также не могъ вполнѣ понять художественное достоинство Гоголя; онъ почувствовалъ только одинъ комизмъ его. Это не помѣшало ему быть вполнѣ любезнымъ по своему съ своимъ землякомъ. Гоголь за обѣдомъ вдругъ спросилъ меня потихоньку: „Откуда этотъ превосходный портретъ?" и указалъ на портретъ Кириловны, написанный Машенькой Карташевской. Я, разумѣется, сейчасъ объяснилъ дѣло, и Машенька, которой по нездоровью не было за столомъ, также и Вѣры, была сердечно утѣшена отзывомъ Гоголя. Послѣ обѣда онъ смотрѣлъ портретъ Вѣры, начатый Машенькой, и портретъ нашей Марихенъ, сдѣланный Вѣрой, и чрезвычайно хвалилъ, особенно портретъ Марихенъ, и въ заключеніи сказалъ, что имъ нужно коротко познакомиться съ Вандикомъ, чтобъ усовершенствоваться. Оба друга были въ восхищеніи. Я объяснилъ ему, какое прекрасное существо Машенька Карташевская. Послѣ обѣда Гоголь долго говорилъ съ Григоріемъ Ивановичемъ объ искусствѣ вообще: о музыкѣ, живописи, о театрѣ и характерѣ Малороссійской поэзіи; говорилъ удивительно хорошо! Все было такъ ново, свѣжо и истинно! И какой же вышелъ результатъ? Григорій Ивановичъ, этотъ умный, высоконравственный, просвѣщенный и доступный пониманію нѣкоторыхъ сторонъ искусства человѣкъ, сказалъ намъ съ Вѣрой: что Малороссійскій народъ пустой и что Гоголь самъ точно такой же Хохолъ, какихъ онъ представляетъ въ своихъ повѣстяхъ, что ему мало одного, что онъ хочетъ быть и музыкантомъ, и живописцемъ, и началъ бранить его за то, что онъ предался Италіи. Это меня сердечно огорчило, и Вѣра печально сказала мнѣ: „Что́ послѣ этого и говорить, если Григорій Ивановичъ не можетъ понять, какое глубокое и великое значеніе имѣетъ для Гоголя вообще искусство, въ какихъ бы оно формахъ ни проявлялось!"

13-го Ноября этого года осталось для меня незабвеннымъ днемъ на всю мою жизнь. Послѣ обѣда, часовъ въ 7, мы ушли съ Гоголемъ на верхъ, чтобъ поговорить на единѣ. Когда я позвалъ Гоголя, обнялъ его одной рукою и повелъ такимъ образомъ на верхъ, то на лицѣ его изобразилось такое волненіе и смущеніе... Нѣтъ, оба эти слова не выражаютъ того, что̀ выражалось на его лицѣ! Я почувствовалъ, что Гоголь, предвидя, о чемъ я буду говорить съ нимъ, терзался внутренно, что ему это было больно, непріятно, унизительно. Мнѣ вдругъ сдѣла-

лось такъ совѣстно, такъ стыдно, что я привожу въ непріятное смущеніе, даже въ какую-то робость этого геніальнаго человѣка,—и я на минуту поколебался: говорить ли мнѣ съ нимъ объ его положеніи? Но, взойдя на верхъ, Гоголь преодолѣлъ себя и началъ говорить самъ.

Его обстоятельства были слѣдующія. Жуковскій увѣрилъ его, черезъ письмо, еще въ Москву, что Императрица пожалуетъ его сестрамъ при выходѣ изъ Института по крайней мѣрѣ по тысячѣ рублей (что̀ впрочемъ я уже отчасти зналъ). Съ этой вѣрной надеждой онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; но она не сбылась, по нездоровью Государыни, и неизвѣстно, когда сбудется. Къ довершенію всего Гоголь потерялъ свой бумажникъ съ деньгами, да еще съ записками, для него очень важными. Объ этомъ было публиковано въ Полицейской Газетѣ; но, разумѣется, бумажникъ не нашелся, именно потому, что въ немъ были деньги. Кромѣ того, что ему надобно было одѣть сестеръ и довезти до Москвы, онъ долженъ заплатить за какіе-то уроки... Что̀ дѣлать? Къ кому обратиться? Все кругомъ холодно, какъ ледъ, а денегъ ни гроша! У людей близкихъ, т. е. у Жуковскаго и Плетнева, онъ почему-то денегъ просить не могъ (вѣроятно, онъ имъ былъ долженъ). Просить у другихъ, не имѣя на то никакого права, считалъ онъ унизительнымъ, безчестнымъ и даже безполезнымъ. Хотя я живо помню, но пересказать не умѣю, какъ вскипѣла моя душа. Прерывающимся отъ внутренняго чувства, но въ тоже время твердымъ голосомъ, я сказалъ ему, что я могу безъ малѣйшаго стѣсненія, совершенно свободно, располагать 2000 рублей; что ему будетъ грѣхъ, если онъ, хотя на одну минуту, усумнится; что не онъ будетъ одолженъ мнѣ, а я ему; что помочь ему въ затруднительномъ положеніи я считаю самою счастливою минутою моей жизни; что я имѣю право на это счастье по моей дружбѣ къ нему; имѣю право даже на то, чтобы онъ взялъ эту помощь безъ малѣйшаго смущенія, и не только безъ непріятнаго чувства, но съ удовольствіемъ, которое чувствуетъ человѣкъ, доставляя удовольствіе другому человѣку.—Видно, въ словахъ моихъ и на лицѣ моемъ выражалось столько чувства правды, что лице Гоголя не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ. Вмѣсто отвѣта, онъ благодарилъ Бога за эту минуту, за встрѣчу на землѣ со мной и моимъ семействомъ, протянулъ мнѣ обѣ свои руки, крѣпко сжалъ мои и посмотрѣлъ на меня такими глазами, какими смотрѣлъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, уѣзжая изъ нашего Абрамцева въ Москву и прощаясь со мной не надолго. (Я вѣрю, что въ немъ это было предчувствіе вѣчной разлуки...) Гоголь не скрылъ отъ меня, что зналъ напередъ, какъ поступлю я; но что въ тоже время зналъ черезъ Погодина и Шевырева о моемъ

нерѣдко затруднительномъ положеніи, зналъ, что я иногда самъ нуждаюсь въ деньгахъ, и что мысль быть причиною какого нибудь лишенія цѣлаго огромнаго семейства его терзала, и потому-то было такъ ему тяжело признаваться мнѣ въ своей бѣдности, въ своей крайности; что, успокоивъ его на мой счетъ, я свалилъ камень его давившій, что ему теперь легко и свободно. Онъ съ любовію и радостью началъ говорить о томъ, что́ у него уже готово въ мысляхъ и что онъ сдѣлаетъ по возвращеніи въ Москву; что кромѣ труда, завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, то есть „Мертвыя Души"— у него составлена въ головѣ трагедія изъ Исторіи Запорожья, въ которой все готово, до послѣдней нитки, даже въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ; что это его давнишнее, любимое дитя, что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу. Онъ говорилъ о моемъ семействѣ, которое вполнѣ понималъ и цѣнилъ; особенно о моемъ Константинѣ, котораго нетерпѣливо желалъ перенести изъ отвлеченнаго міра мысли въ міръ искусства, куда, не смотря на философское направленіе, влекло его призваніе. Сердца наши были переполнены чувствомъ; я видѣлъ, что каждому изъ насъ нужно было остаться на единѣ. Я обнялъ Гоголя, сказалъ ему, что мнѣ необходимо надобно ѣхать и просилъ, чтобы завтра, послѣ обѣда, онъ зашелъ ко мнѣ или назначилъ мнѣ часъ, когда я могу пріѣхать къ нему съ деньгами, которыя спрятаны у моей сестры; что никто, кромѣ Константина и моей жены знать объ этомъ не долженъ. Гоголь, спокойный и веселый, ушелъ отъ меня. Я, конечно, былъ вполнѣ счастливъ; но денегъ у меня не было. Надобно было ихъ достать, что́ не составляло трудности: я сейчасъ написалъ записку и попросилъ на двѣ недѣли 2000 рублей *) къ извѣстному богачу, очень замѣчательному человѣку по своему уму и душевнымъ свойствамъ, разумѣется, весьма одностороннимъ,—откупщику Бенардаки, съ которымъ былъ хорошо знако́мъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что завтра поутру пріѣдетъ самъ для исполненія моего „приказанія". Эта любезность была исполнена въ точности. Въ тотъ же вечеръ, я не вытерпѣлъ и нарушилъ обѣщаніе, добровольно данное Гоголю: я не могъ скрыть моего восторженнаго состоянія отъ Вѣры и друга ея Машеньки Карташевской, которую любилъ какъ дочь (впрочемъ онѣ были единственнымъ исключеніемъ). Обѣ мои дѣвицы пришли въ восхищеніе. 14-го Ноября Гоголь ко мнѣ не приходилъ. 15-го я писалъ къ нему записку и звалъ за *нужнымъ*.

---

*) Для уплаты этихъ денегъ я написалъ въ Москву къ должнику своему Великопольскому, который сейчасъ выслалъ мнѣ 2700 рублей, то есть весь долгъ.

Гоголь не приходилъ. 16-го я поѣхалъ къ нему самъ, не засталъ его дома. Зная отъ Бенардаки, который 14-го числа самъ привезъ мнѣ поутру 2000 рублей, что именно 16 Гоголь обѣщалъ у него обѣдать, я написалъ записку къ Гоголю и велѣлъ человѣку дожидаться его у Бенардаки; но Гоголь обманулъ и не приходилъ обѣдать. На меня напало безпокойство и сомнѣніе, что Гоголь раздумалъ взять у меня деньги. Замѣчательно, что этотъ Грекъ Бенардаки, очень умный, но безъ образованія, былъ единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, который называлъ Гоголя геніальнымъ писателемъ и знакомство съ нимъ ставилъ себѣ за большую честь.

Въ этотъ же день, 16-го Ноября, обѣдали у Карташевскихъ два тайныхъ совѣтника: весьма извѣстный и любимый прежде литераторъ Хмѣльницкій и другой тоже литераторъ, мало извѣстный, но не безъ дарованія, Марковъ. Нѣсколько разъ разговоръ обращался на Гоголя. Боже мой, что̀ они говорили, какъ они понимали его—этому трудно повѣрить! Я тогда же написалъ объ нихъ въ письмѣ къ моей женѣ, что это были Калибаны въ пониманіи искусства, и это совершенная правда. Зная свою горячность, рѣзкость и неумѣренность въ своихъ выраженіяхъ, я молилъ только Бога дать мнѣ терпѣніе и положить храненіе устамъ моимъ. Я ходилъ по залѣ съ Вѣрой и Машенькой, гдѣ однако были слышны всѣ разговоры, и удивлялся вмѣстѣ съ ними крайнему тупоумію и невѣжеству высшей Петербургской публики, какъ служебной, такъ и литературной. Брату Николаю Тимоѳеевичу было даже совѣстно за стариннаго его пріятеля Хмѣльницкаго, а Григорію Ивановичу—за Маркова. Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло; я подошелъ къ нимъ и съ убійственнымъ выраженіемъ сказалъ: „Ваши превосходительства, сядемте-ка лучше въ карты!“

Только что мы кончили игру, въ которую я съ злобнымъ удовольствіемъ обыгралъ всѣхъ трехъ тайныхъ совѣтниковъ, какъ пришелъ ко мнѣ Гоголь. Я выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и увелъ его на верхъ. Слава Богу, все исполнилось по моему желанію! Гоголь взялъ деньги и былъ спокоенъ, даже веселъ. Онъ не приходилъ ко мнѣ, потому что переѣзжалъ отъ Плетнева къ Жуковскому во дворецъ. Впрочемъ, я не вполнѣ повѣрилъ его словамъ, потому что на его переѣздъ достаточно было одного часа, и у меня осталось сомнѣніе, что Гоголь колебался взять у меня деньги и, можетъ быть, даже пробовалъ достать ихъ у кого нибудь другаго. На другой день мы назначили ѣхать съ нимъ въ Патріотическій Институтъ.

Должно упомянуть, что въ это время вышли изъ печати вторыя „Три повѣсти“ Н. Ф. Павлова, что, сравнивая ихъ съ прежними, многіе нападали на нихъ, а Гоголь постоянно защищалъ, доказывая, что онѣ имѣютъ свое неотъемлемое достоинство (наблюдательный умъ сочинителя и прекрасный языкъ) и что онѣ нисколько не хуже первыхъ.

Наконецъ, 17-го ѣздили мы съ Вѣрой и съ Гоголемъ къ его сестрамъ. Гоголь былъ нѣжный братъ; онъ боялся, что сестры его произведутъ на насъ невыгодное впечатлѣніе; онъ во всю дорогу приготовлялъ насъ, разсказывая объ ихъ неловкости и застѣнчивости и неумѣніи говорить. Мы нашли ихъ точно такими, какъ ожидали, т. е. совершенными монастырками. Вѣра старалась обласкать ихъ какъ можно больше; онѣ были увѣрены, что въ слѣдующій четвергъ, 23 Ноября, ѣдутъ вмѣстѣ съ нами въ Москву. Гоголь просилъ насъ обмануть ихъ, кажется для того, чтобы заранѣе взять ихъ изъ Института, съ которымъ онѣ не хотѣли разстаться, за долго до отъѣзда. Меньшая Лиза, веселая и живая, была любимицей брата. Можетъ быть, и самъ Гоголь этого не зналъ; но мы замѣтили. Изъ Института мы завезли Гоголя на его квартиру у Жуковскаго, который жилъ во дворцѣ, потому что Гоголь, давши слово обѣдать съ нами у Карташевскихъ, сказалъ намъ, что ему нужно чѣмъ то дома распорядиться. Мы дожидались его съ четверть часа и не вдругъ замѣтили, что онъ бѣгалъ на квартиру для того, чтобъ надѣть фракъ. Гоголь сказалъ намъ, что на другой день онъ перевозитъ сестеръ своихъ къ княгинѣ Репниной (бывшей Балабиной), у которой онѣ останутся до отъѣзда. Гоголю совѣстно было оставлять ихъ тамъ слишкомъ долго, и потому Гоголь просилъ меня ускорить нашъ отъѣздъ изъ Петербурга. Это приводило меня въ большое затрудненіе; потому что судьба моего Миши не была устроена, и отъѣздъ мой могъ быть отложенъ очень на долго. Я не вдругъ даже рѣшился сказать объ этомъ Гоголю, потому что такое извѣстіе было бы для него ударомъ. Ему казалось невозможнымъ ѣхать одному съ сестрами, которыя семь лѣтъ не выѣзжали изъ Института, ничего не знали и всего боялись. Впослѣдствіи мы испытали на дѣлѣ, что опасенія Гоголя были справедливы. Послѣдующіе дни Гоголь не такъ часто видѣлся съ нами, потому что очень занимался своими сестрами: онъ самъ покупалъ все нужное для ихъ костюма, нерѣдко терялъ записки нужныхъ покупокъ, которыя онѣ ему давали, и покупалъ совсѣмъ не то, что было нужно; а между тѣмъ у него была маленькая претензія, что онъ во всемъ знаетъ толкъ и умѣетъ купить хорошо и дешево. Когда же Гоголь сидѣлъ у меня, то любимый его разговоръ былъ о томъ, какъ онъ весною увезетъ съ собою Константина въ Италію и какъ благо-

творно подѣйствуетъ на него эта классическая страна искусства. Я предупредилъ его, что мы не можемъ скоро ѣхать и чтобъ онъ насъ не дожидался. Гоголь съ тяжелымъ вздохомъ признался мнѣ, что безъ насъ никакъ не можетъ ѣхать, и потому будетъ ждать нашего отъѣзда, какъ бы онъ поздно ни послѣдовалъ. Очень жаловался на юродство институтскаго воспитанія и говорилъ, что его сестры не умѣютъ даже ходить по-человѣчески. Онъ хотѣлъ на дняхъ привести ихъ къ намъ, чтобъ познакомить съ сестрой Надиной и ея дочерьми. Гоголь опять читалъ повѣсти Н.Ф. Павлова, опять многое хвалилъ и говорилъ, что онъ имѣетъ свое неотъемлемое достоинство.

24 го Ноября Гоголь сидѣлъ у меня цѣлое утро и сказалъ мнѣ между прочимъ, что здѣшнія мерзости не такъ уже его оскорбляютъ, что онъ впадаетъ въ апатію и что ему скоро будетъ все равно, какъ бы о немъ ни думали и какъ бы съ нимъ ни поступали. Совѣстно было мнѣ оставлять его долго въ этомъ положеніи и отнимать у него время, которое можетъ быть было бы творчески плодотворно въ Москвѣ. Къ тому же сестры его грустили по Институту, и дальнѣйшее пребываніе ихъ у княгини Репниной было для него тягостно. Но чтó же было мнѣ дѣлать? Нельзя же было мнѣ пожертвовать для этого существенно-важными обстоятельствами для собственнаго моего семейства!

26-го Ноября давали „Ревизора“. У насъ было два бель-этажа; но я никакъ не могъ уговорить Гоголя ѣхать съ нами. Онъ вѣрно разсчиталъ, до чего должно было дойдти его представленіе въ теченіе четырехъ лѣтъ: „Ревизора“ нельзя было видѣть безъ отвращенія, всѣ актеры впали въ отвратительную карикатуру. Сосницкій сначала былъ не дуренъ; много было естественности и правды въ его игрѣ; слышно было, что Гоголь самъ два раза читалъ ему „Ревизора“, онъ переннялъ коечто и еще не забылъ; но какъ скоро дошло до волненій духа, *до страсти*, говоря по театральному,—Сосницкій сдѣлался невыносимымъ ломакой, балаганнымъ паясомъ.

На другой день по утру я поѣхалъ къ Гоголю. Мнѣ сказали, что его нѣтъ дома, и я зашелъ къ его хозяину, къ Жуковскому. Я не былъ съ нимъ коротко знакóмъ; но по Кавелину и Гоголю онъ хорошо меня зналъ. Я засидѣлся у него часа два. Говорили о Гоголѣ. Я не могу умолчать, не смотря на все мое уваженіе къ знаменитому писателю и еще бóльшее уваженіе къ его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, что Жуковскій не вполнѣ цѣнилъ талантъ Гоголя. Я подозрѣваю въ этомъ даже Пушкина, особенно потому, что Пушкинъ погибъ, зная

только наброски первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ". Оба они восхищались талантомъ Гоголя въ изображеніи пошлости человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ схватывать вовсе незамѣтныя черты и придавать имъ такую выпуклость, такую жизнь, такое внутреннее значеніе, что каждый образъ становился живымъ лицемъ, совершенно понятнымъ и незабвеннымъ для читателя, восхищались его юморомъ, комизмомъ,— и только. Серьезнаго значенія, мнѣ такъ кажется, они не придавали ему. Впрочемъ должно предположить по письмамъ и отзывамъ Жуковскаго, что онъ не понималъ Гоголя вполнѣ. Жуковскій также много говорилъ со мной о Милькѣевѣ, принимая теплое участіе въ его судьбѣ. Онъ читалъ мнѣ многія его письма, которыя несравненно лучше его стиховъ, имѣющихъ также достоинство, хотя одностороннее. Письма Милькѣева очень меня разогрѣли, и я раздѣлялъ надежды Жуковскаго, не оправдавшіяся впослѣдствіи. Наконецъ, я простился съ ласковымъ хозяиномъ и сказалъ, что зайду узнать, не воротился ли Гоголь, котораго мнѣ нужно видѣть.—„Гоголь никуда не уходилъ", сказалъ Жуковскій: „Онъ дома и пишетъ. Но теперь пора уже ему гулять. Пойдемте". И онъ провелъ меня черезъ внутреннія комнаты къ кабинету Гоголя, тихо отперъ и отворилъ дверь. Я едва не закричалъ отъ удивленія. Передо мной стоялъ Гоголь въ слѣдующемъ фантастическомъ костюмѣ: вмѣсто сапогъ длинные шерстяные Русскіе чулки, выше колѣнъ; вмѣсто сюртука, сверхъ фланелеваго камзола, бархатный спензеръ; шея обмотана большимъ разноцвѣтнымъ шарфомъ, а на головѣ бархатный, малиновый, шитый золотомъ кокошникъ, весьма похожій на головной уборъ Мордовокъ. Гоголь писалъ и былъ углубленъ въ свое дѣло, и мы очевидно ему помѣшали. Онъ долго, *не зря смотрѣлъ* на насъ, по выраженію Жуковскаго, но костюмомъ своимъ нисколько не стѣснялся. Жуковскій сейчасъ ушелъ, и я, скрѣпя сердце, сказалъ Гоголю, что мы поѣдемъ изъ Петербурга послѣ 6-го Декабря. Онъ былъ очень огорченъ, но отвѣчалъ, что дѣлать нечего, и что онъ покоряется своей участи. Я звалъ его гулять, но онъ возразилъ, что еще рано. Я, увидѣвъ, что ему надобно было что-то кончить, сейчасъ съ нимъ простился.

29-го Ноября, передъ обѣдомъ, Гоголь привозилъ къ намъ своихъ сестеръ. Ихъ разласкали до нельзя, даже больная моя сестра встала съ постели, чтобъ принять ихъ; но это были такія дикарки, какихъ и вообразить нельзя. Онѣ стали несравненно хуже чѣмъ были въ Институтѣ: въ новыхъ длинныхъ платьяхъ совершенно не умѣли себя держать, путались въ нихъ, безпрестанно спотыкались и падали, отъ чего приходили въ такую конфузію, что ни на одинъ вопросъ ни слова не отвѣчали. Жалко было смотрѣть на бѣднаго Гоголя.

Мы условились съ нимъ послѣ завтра въ одно время пріѣхать въ Эрмитажъ: мы съ Панаевымъ, который доставилъ намъ вѣчный билетъ для входа, а Гоголь съ сестрами и съ Балабиной. Гоголь предлагалъ Вѣрочкѣ и Машенькѣ осмотрѣть картины Жуковскаго, между которыми были очень замѣчательныя, и также его чудесный альбомъ, стоившій, какъ говорили, тысячъ 40. Разумѣется, это надо было сдѣлать въ отсутствіи хозяина, что мои дѣвицы находили не совсѣмъ удобнымъ. Въ Эрмитажѣ мы были 1-го Декабря съ Панаевымъ до 2-хъ часовъ, а потомъ съ какимъ-то чичероне вплоть до сумерекъ. Уже въ послѣднихъ комнатахъ, передъ самымъ выходомъ, встрѣтили мы сестеръ Гоголя съ старухой Балабиной и ея дочерью; но самъ Гоголь не пріѣзжалъ. Сестры его сказали намъ, что онѣ сейчасъ отъ Жуковскаго; онѣ вѣроятно осматривали картины и знаменитый альбомъ.

2-го Декабря былъ у насъ Гоголь, и мы вновь опечалили его извѣстіемъ, что и послѣ 6-го Декабря отъѣздъ нашъ на нѣсколько дней отлагается. 3-го Декабря я читалъ „Арабески" Григорію Ивановичу, Машенькѣ и Вѣрочкѣ. Я прочелъ „Жизнь", „Невскій Проспектъ", съ нѣкоторыми выпусками, и „Записки Сумашедшаго". Григорій Ивановичъ очень хвалилъ, а Машенька и Вѣра были въ восхищеніи и тронуты до слезъ. До 6-го Декабря мы видѣлись съ Гоголемъ одинъ разъ на короткое время. 6-го Декабря я ѣздилъ въ Царское Село, и надежда на помѣщеніе Миши въ Лицей разрушилась. Я рѣшился помѣстить его или въ экстерны Пажескаго Корпуса, или въ Юнкерскую Школу. 7-го Декабря я написалъ къ Гоголю обо всемъ случившемся со мной и также о томъ, что теперь я самъ не знаю, когда поѣду, и чтобъ онъ не ждалъ меня. Я получилъ отвѣтъ самый нѣжный и грустный *). Гоголь обвинялъ въ моей неудачѣ свою несчастную судьбу, не хотѣлъ безъ меня ѣхать и жалѣлъ только о томъ, что я огорченъ. Жестокіе морозы повергли его въ уныніе, и въ добавокъ онъ отморозилъ ухо. Онъ хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ на другой день; но я намѣревался предупредить его, потому что онъ очень легко одѣтъ. Гоголь не сталъ дожидаться слѣдующаго дня: онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ тотъ же день послѣ обѣда, сильно разстроенный моею неудачей, и утѣшалъ меня сколько могъ, даже вызвался развѣдать объ учителяхъ Юнкерской Школы. Онъ такъ страдалъ отъ стужи, что у насъ сердце переболѣло глядя на него.

До 11-го Декабря мы не видали Гоголя; морозы сдѣлались сноснѣе, и онъ, узнавъ отъ меня, что я не могу ничего положительнаго сказать

*) Онъ потерянъ; но слова Гоголевой записки сохранились въ письмѣ моемъ къ женѣ, писанномъ въ тотъ же день.

о своемъ отъѣздѣ, рѣшался черезъ недѣлю уѣхать одинъ съ сестрами. 13-го Гоголь былъ у насъ, и такъ какъ мы рѣшились черезъ нѣсколько дней непремѣнно ѣхать, то, разумѣется, условились ѣхать вмѣстѣ. Ѳедоръ Ивановичъ Васьковъ также вызвался ѣхать съ нами. 15-го Гоголь вторично привозилъ своихъ сестеръ; онѣ стали гораздо развязнѣе, много говорили и были очень забавны. Онѣ нетерпѣливо желали уѣхать поскорѣе въ Москву. Много разъ уже назначался день нашего отъѣзда и много разъ отмѣнялся по самымъ неожиданнымъ причинамъ, и Гоголь полагалъ, что именно ему что-то постороннее мѣшаетъ выѣхать изъ Петербурга.

Наконецъ, дня черезъ два (настоящаго числа не знаю), выѣхали мы изъ Петербурга. Я взялъ два особыхъ дилижанса: одинъ четвероместный, называющійся фамильнымъ, въ которомъ сѣли Вѣра, двѣ сестры Гоголя и я; другой двумѣстный, въ которомъ сидѣли Гоголь и Ѳедоръ Ивановичъ Васьковъ. Впрочемъ, въ продолженіи дня, Гоголь станціи на двѣ садился къ сестрамъ, а я—на его мѣсто къ Васькову.

Не смотря на то, что Гоголь нетерпѣливо желалъ уѣхать изъ Петербурга, возвратный нашъ путь совсѣмъ не былъ такъ веселъ, какъ путь изъ Москвы въ Петербургъ. Во-первыхъ, потому что Васьковъ, хотя былъ самое милое и доброе существо, былъ мало знакомъ съ Гоголемъ, и во-вторыхъ, потому что послѣдняго сильно озабочивали и смущали сестры. Уродливость физическаго и нравственнаго институтскаго воспитанія высказывалась тутъ выпукло и ярко. Ничего, конечно, не зная и не понимая, онѣ всего боялись, ото всего кричали и плакали, особенно по ночамъ. Принужденность положенія въ дорогѣ, шубы, платки и теплая обувь наводили на нихъ тоску, такъ что имъ дѣлалось и тошно, и дурно. Къ тому же, какъ совершенныя дѣти, онѣ безпрестанно ссорились между собою. Все это приводило Гоголя въ отчаяніе и за настоящее, и за будущее ихъ положеніе. Надобно сказать правду, что бѣдной Вѣрочкѣ много было хлопотъ и заботъ, и я удивлялся ея терпѣнію. Я не знаю, что сталъ бы съ ними дѣлать Гоголь безъ нея. Онѣ бы свели его съ ума. Жалко и смѣшно было смотрѣть на Гоголя; онъ ничего не разумѣлъ въ этомъ дѣлѣ, и всѣ его пріемы и наставленія были не кстати, не у мѣста, не во-время и совершенно безполезны, и геніальный поэтъ былъ въ этомъ случаѣ нелѣпѣе всякаго пошлаго человѣка. Одинъ Васьковъ смѣшилъ меня всю дорогу своими жалобами. Мы плѣнили его описаніемъ веселаго нашего пушествія съ Гоголемъ въ Петербургъ; онъ ожидалъ того же на возвратномъ пути, но вышло совсѣмъ напротивъ. Когда Гоголь садился вмѣстѣ съ Васьковымъ, то сейчасъ притво-

рялся спящимъ и въ четверо сутокъ не сказалъ ни одного слова; а Васьковъ, любившій спать днемъ, любилъ поговорить вечеромъ и ночью.

Онъ заговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ, но мнимоспящій Гоголь не отвѣчалъ ни слова. Всякое утро Васьковъ прекомически благодарилъ меня за пріятнаго сосѣда, котораго онъ до сыта наслушался и нахохотался. На станціяхъ, во время обѣдовъ и завтраковъ, чая и кофе, не слыхали мы ни одной шутки отъ Гоголя. Онъ и Вѣра постоянно были заняты около капризныхъ *патріотокъ*, на которыхъ угодить не было никакой возможности, которымъ все не нравилось, потому что не было похоже на ихъ Институтъ, и которыя буквально почти ничего не ѣли, потому что кушанья были не такъ приготовлены, какъ у нихъ въ Институтѣ. Можно себѣ представить, что точно такая же исторія была въ Петербургѣ у княгини Репниной! Каково было смотрѣть на все это бѣдному Гоголю? Онъ просто былъ мученикъ.

Наконецъ, на пятые сутки притащились мы въ Москву. Натурально. сначала всѣ пріѣхали къ намъ. Гоголь познакомилъ своихъ сестеръ съ моей женой и съ моимъ семействомъ и перевезъ ихъ къ Погодину, у котораго и самъ помѣстился. Они занимали мезонинъ: на одной сторонѣ жилъ Гоголь, а на другой его сестры.

Тутъ начались наши почти ежедневныя свиданія. 2-го Января Ольга Семеновна съ Вѣрой уѣхала въ Курскъ. Третьяго числа, часа за два до обѣда, вдругъ прибѣгаетъ къ намъ Гоголь (меня не было дома), вытаскиваетъ изъ кармановъ макароны, сыръ - пармазанъ и даже сливочное масло, и проситъ, чтобъ призвали повара и растолковали ему какъ сварить макароны. Въ обыкновенное время обѣда Гоголь пріѣхалъ къ намъ съ Щепкинымъ, но меня опять не было дома: я поѣхалъ выручать свою шубу, которою обмѣнился съ кѣмъ-то въ Опекунскомъ Совѣтѣ. По необыкновенному счастію, я нашелъ свою прекрасную шубу, висящую на той же вѣшалкѣ: хозяинъ дрянной шубы, которую я надѣлъ вмѣсто своей, видно еще не кончилъ своихъ дѣлъ и оставался почти уже въ опустѣвшей залѣ Опекунскаго Совѣта. Чрезвычайно обрадованный я возвратился веселъ домой, гдѣ Гоголь и Щепкинъ уже давно меня ожидали. Гоголь встрѣтилъ меня слѣдующими словами: „Вы теперь сироты, и я привезъ макаронъ, сыру и масла, чтобъ васъ утѣшить. Я же слышалъ, что вы такой славный мѣхъ подцѣпили, что́ въ немъ есть не только звѣри, но и птицы и чортъ знаетъ что такое“. Когда подали макароны, которые, по приказанію Гоголя, не были доварены, онъ самъ принялся стряпать. Стоя на

ногахъ передъ миской, онъ засучилъ обшлага и съ торопливостью, и въ тоже время съ аккуратностью, положилъ сначала множество масла и двумя соусными ложками принялся мѣшать макароны, потомъ положилъ соли, потомъ перцу и наконецъ сыръ, и продолжалъ долго мѣшать. Нельзя было безъ смѣха и удивленія смотрѣть на Гоголя; онъ такъ отъ всей души занимался этимъ дѣломъ, какъ будто оно было его любимое ремесло, и я подумалъ, что еслибъ судьба не сдѣлала Гоголя великимъ поэтомъ, то онъ былъ бы непремѣнно артистомъ-поваромъ. Какъ скоро оказался признакъ, что макароны готовы, т. е. когда распустившійся сыръ началъ тянуться нитками, Гоголь съ великою торопливостью заставилъ насъ положить себѣ на тарелки макаронъ и кушать. Макароны точно были очень вкусны, но многимъ показались не доварены и слишкомъ посыпаны перцомъ; но Гоголь находилъ ихъ очень удачными, ѣлъ много и не чувствовалъ потомъ никакой тягости, на которую нѣкоторые потомъ жаловались. Въ этотъ день бѣдный Константинъ долженъ былъ встать изъ-за стола и недообѣдавши уѣхать, потому что онъ далъ слово обѣдать у Горчаковыхъ, да забылъ. Особенно было это ему тяжело, потому что мы не переставали надѣяться, что Гоголь что нибудь намъ прочтетъ; но это случилось еще не скоро. Во все время пребыванія Гоголя въ Москвѣ макароны появлялись у насъ довольно часто. На другой день получилъ я письмо отъ И. И. Панаева, въ которомъ онъ отъ имени Одоевскаго, Плетнева, Врасскаго, Краевскаго и отъ себя умолялъ, чтобъ Гоголь не продавалъ своихъ прежнихъ сочиненій Смирдину за 5 тыс. (и новой комедіи въ томъ числѣ), особенно потому, что *новая комедія* будетъ напечатана въ „Сынѣ Отечества" или „Библіотекѣ для Чтенія"; а Врасскій предлагаетъ 6 тысячъ съ правомъ напечатать новую комедію въ „Отечественныхъ Запискахъ". Я очень хорошо понялъ благородную причину, которая заставила Гоголя торопиться продажею своихъ сочиненій, для чего онъ поручилъ все это дѣло Жуковскому; но о новой комедіи мы не слыхали. Я немедленно поѣхалъ къ Гоголю и, разумѣется, ни той, ни другой продажи не состоялось. Подъ *новой комедіей* вѣроятно разумѣлись разные отрывки изъ недописанной Гоголемъ комедіи, которую онъ хотѣлъ назвать: „Владиміръ третьей степени". Я не могу утвердительно сказать, почему Гоголь не дописалъ этой комедіи; можетъ быть, онъ призналъ ее въ полномъ составѣ неудобною въ цензурномъ отношеніи, а можетъ быть былъ недоволенъ ею какъ взыскательный художникъ.

Черезъ нѣсколько дней, а именно въ субботу, обѣдалъ у насъ Гоголь съ другими гостями; въ томъ числѣ были Самаринъ и Григорій Толстой, давнишній мой знакомый и товарищъ по театру, который жилъ

въ Симбирскѣ и пріѣхалъ въ Москву на короткое время и которому очень хотѣлось увидать и познакомиться съ Гоголемъ. Гоголь пріѣхалъ къ обѣду нѣсколькими минутами ранѣе обыкновеннаго и сказалъ, что онъ пригласилъ ко мнѣ обѣдать незнакомаго мнѣ гостя графа Владимира Сологуба. Еслибъ это сдѣлалъ кто нибудь другой изъ моихъ пріятелей, то я бы былъ этимъ недоволенъ; но все пріятное для Гоголя было и для меня пріятно. Дѣло состояло въ томъ, что Сологубъ былъ въ Москвѣ проѣздомъ, давно не видался съ Гоголемъ, въ этотъ же вечеръ уѣзжалъ въ Петербургъ и желалъ пробыть съ нимъ нѣсколько времени вмѣстѣ. Гоголь, не понимавшій неприличія этого поступка и не знавшій, можетъ быть, что Сологубъ, какъ человѣкъ, мнѣ не понравится, пригласилъ его отобѣдать у насъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Толстой и сказалъ, что Сологубъ стоитъ въ лакейской и что ему совѣстно войдти. Я вышелъ къ нему и принялъ его ласково и нецеремонно. Гоголь опять дѣлалъ макароны и былъ очень веселъ и забавенъ. Сологубъ держалъ себя очень скромно, ѣлъ за троихъ и не позволялъ себѣ никакихъ выходокъ, которыя могли бы назваться неучтивостью по нашимъ понятіямъ и которыми онъ очень извѣстенъ въ такъ называемомъ большомъ кругу. Съ этого дня Гоголь уже обыкновенно по субботамъ приготовлялъ макароны. Онъ приходилъ къ намъ почти всякій день и обѣдалъ раза три въ недѣлю, но всегда являлся неожиданно. Въ это время мы узнали, что Гоголь очень много работалъ; но самъ онъ ничего о томъ не говорилъ. Онъ приходилъ къ намъ отдыхать отъ своихъ творческихъ трудовъ, поговорить вздоръ, пошутить, поиграть на бильярдѣ, на которомъ, разумѣется, играть совершенно не умѣлъ; но Константину удавалось иногда затягивать его въ серьезные разговоры объ искусствѣ вообще. Я мало помню такихъ разговоровъ, но заключаю о нихъ по письмамъ Константина, которыя онъ писалъ около 20-го Января къ Вѣрѣ въ Курскъ и къ Мишѣ въ Петербургъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ: „Чѣмъ болѣе я смотрю на него, тѣмъ болѣе удивляюсь и чувствую всю важность этого человѣка и всю мелкость людей его не понимающихъ. Что̀ это за художникъ! Какъ полезно съ нимъ проводить время! Какъ уясняетъ онъ взглядъ въ міръ искусства! Недавно я написалъ письмо объ этомъ къ Мишѣ, серьезное и важное, которое вылилось у меня изъ души“.

Въ это время пріѣхалъ Пановъ изъ деревни. Онъ вполнѣ понималъ и цѣнилъ Гоголя. Разумѣется, мы сейчасъ ихъ познакомили, и Пановъ привязался всею своею любящею душою къ великому художнику. Онъ скоро доказалъ свою привязанность убѣдительнымъ образомъ.

Такъ шло время до возвращенія Ольги Семеновны съ Вѣрой и съ Соничкой Самборской изъ Обояни. Онѣ воротились, кажется, 2-го или 3-го Февраля, вѣроятно въ субботу, потому что у насъ обѣдалъ Гоголь и много гостей. Достовѣрно, что, во время ихъ отсутствія, продолжавшагося ровно мѣсяцъ, Гоголь намъ ничего не читалъ; но когда началъ онъ читать намъ „Мертвыя Души", т. е. котораго именно числа —письменныхъ доказательствъ нѣтъ. Легко можетъ быть, что онъ читалъ одинъ или два раза по возвращеніи нашемъ изъ Петербурга, отъ 23-го Декабря до 2-го Января: потому что въ письмахъ Вѣры къ Машенькѣ Карташевской есть извѣстіе, отъ 14-го Февраля, что мы слушали уже Итальянскую его повѣсть (Анунціату) и что 6-го Марта Гоголь прочелъ намъ уже 4-ю главу „Мертвыхъ Душъ".

8-го Марта, при многихъ гостяхъ, совершенно неожиданно для насъ, объявилъ Гоголь, что хочетъ читать. Разумѣется, всѣ пришли въ восхищеніе отъ такого извѣстія, и всѣ соединились въ гостинной. Гоголь сѣлъ за боковой круглый столъ, вынулъ какую-то тетрадку, вдругъ икнулъ и, опустивъ бумагу, сказалъ, *какъ онъ объѣлся грибковъ.* Это было начало комической сцены, которую онъ намъ и прочелъ. Онъ началъ чтеніе до такой степени натурально, что ни одинъ изъ присутствующихъ не догадался, что слышитъ сочиненіе. Впрочемъ не только начало, но и вся сцена была точно также читана естественно и превосходно. Послѣ этого, въ одну изъ субботъ, онъ прочелъ 5-ю главу, а 17-го Апрѣля, тоже въ субботу, онъ прочелъ намъ, передъ самой заутреней Свѣтлаго Воскресенья, въ маленькомъ моемъ кабинетѣ, 6-ю главу, въ которой созданіе Плюшкина привело меня и всѣхъ насъ въ великій восторгъ. При этомъ чтеніи былъ Армфельдъ, пріѣхавшій просто поиграть со мной въ пикетъ до заутрени, и Пановъ, который пріѣхалъ въ то время, когда уже Гоголь читалъ, и чтобъ не помѣшать этому чтенію, онъ сидѣлъ у двери другаго моего кабинетца. Пановъ пришелъ въ упоеніе и тутъ же рѣшился пожертвовать всѣми своими разсчетами и ѣхать вмѣстѣ съ Гоголемъ въ Италію. Я уже говорилъ о томъ, какъ нуженъ былъ товарищъ Гоголю и что онъ напрасно искалъ его. Послѣ чтенія мы всѣ отправились въ Кремль, чтобъ услышать на площади первый ударъ колокола Ивана Великаго. Похристосовавшись послѣ заутрени съ Гоголемъ, Пановъ сказалъ ему, что ѣдетъ съ нимъ въ Италію, чему Гоголь чрезвычайно обрадовался.

Передъ Святой недѣлей пріѣхала мать Гоголя съ его меньшой сестрой. Взглянувъ на Марью Ивановну (такъ зовутъ мать Гоголя) и поговоря съ ней нѣсколько минутъ отъ души, можно было понять, что

у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, нѣжное, любящее существо, полное эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора. Она была такъ моложава, такъ хороша собой, что ее рѣшительно можно было назвать только старшею сестрою Гоголя. Натурально, Марья Ивановна жила вмѣстѣ съ своими дочерьми также у Погодина.

Въ это пребываніе свое въ Москвѣ Гоголь игралъ иногда въ домино съ Константиномъ и Вѣрой, и она проиграла ему дорожный мѣшокъ (sac de voyage). Гоголь взялъ обѣщаніе съ Вѣры, что̀ она напишетъ ему масляными красками мой портретъ, на что Вѣра согласилась съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ намъ свой, и онъ обѣщалъ.

Я не говорилъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело на меня, на все мое семейство, а равно и на весь почти нашъ кругъ знакомыхъ, когда мы услышали первое чтеніе первой главы „Мертвыхъ Душъ". Это былъ восторгъ упоенія, полное счастіе, которому завидовали всѣ, кому не удалось быть у насъ во время чтенія; потому что Гоголь не вдругъ сталъ читать у другихъ своихъ знакомыхъ.

Приблизился день имянинъ Гоголя, 9-е Мая, и онъ захотѣлъ угостить обѣдомъ всѣхъ своихъ пріятелей и знакомыхъ въ саду у Погодина. Можно себѣ представить, какъ было мнѣ досадно, что я не могъ участвовать въ этомъ обѣдѣ: у меня сдѣлался жестокій флюсъ отъ зубной боли, съ сильной опухолью. Не смотря на то, я пріѣхалъ въ каретѣ, закутавъ совершенно свою голову, чтобы обнять и поздравить Гоголя; но обѣдать на открытомъ воздухѣ, въ довольно прохладную погоду, не было никакой возможности. Разумѣется, Константинъ тамъ обѣдалъ и упросилъ имянинника позвать Самарина, съ которымъ Гоголь былъ знако̀мъ еще мало. На этомъ обѣдѣ, кромѣ круга близкихъ пріятелей и знакомыхъ, были: И. С. Тургеневъ, князь П. А. Вяземскій, Лермонтовъ, М. Ѳ. Орловъ, М. А. Дмитріевъ, Загоскинъ, профессора Армфельдъ и Рѣдкинъ, и многіе другіе. Обѣдъ былъ веселый и шумный; но Гоголь, хотя былъ также веселъ, но какъ-то озабоченъ, что̀ впрочемъ всегда съ нимъ бывало въ подобныхъ случаяхъ. Послѣ обѣда, всѣ разбрелись по саду, маленькими кружками. Лермонтовъ читалъ наизустъ Гоголю и другимъ, кто тутъ случились, отрывокъ изъ новой своей поэмы „Мцыри" и читалъ, говорятъ, прекрасно. Константинъ не слыхалъ чтенія, потому что въ это время находился въ другомъ концѣ обширнаго сада съ кѣмъ-то изъ своихъ пріятелей. Потомъ всѣ собрались въ бесѣдку, гдѣ Гоголь, собственноручно, съ особеннымъ стараніемъ, при-

готовлялъ жженку. Онъ любилъ брать на себя приготовленіе этого напитка, при чемъ говаривалъ много очень забавныхъ шутокъ. Вечеромъ пріѣхали къ имяниннику пить чай уже въ домѣ нѣсколько дамъ: А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, Е. М. Хомякова и Черткова. На вечеръ многіе изъ гостей отправились къ Павловымъ, куда Константинъ, будучи за что-то сердитъ на Н. Ф. Павлова, не поѣхалъ.

Послѣднюю недѣлю своего пребыванія въ Москвѣ Гоголь былъ у насъ всякій день и пять разъ обѣдалъ, по большей части съ своей матерью и сестрами. Отъѣздъ Гоголя съ Пановымъ былъ назначенъ на 17-го Мая.

Гоголь съ сестрой своей Лизой былъ съ моими дѣтьми въ театрѣ. Играла m-me Allan, пріѣхавшая изъ Петербурга; послѣ спектакля онъ хотѣлъ ѣхать; но, за большимъ разгономъ, лошадей не достали, и Гоголь съ сестрою ночевали у насъ. На другой день, 18-го Мая, послѣ завтрака, въ 12 часовъ, Гоголь, простившись очень дружески и нѣжно съ нами и съ сестрой, которая очень плакала, сѣлъ съ Пановымъ въ тарантасъ, я съ Константиномъ и Щепкинъ съ сыномъ Дмитріемъ помѣстились въ коляскѣ, а Погодинъ съ зятемъ своимъ Мессингомъ—на дрожкахъ, и выѣхали изъ Москвы. Въ такомъ порядкѣ ѣхали мы съ Поклонной горы по Смоленской дорогѣ, потому что путешественники наши отправлялись черезъ Варшаву. На Поклонной горѣ мы вышли всѣ изъ экипажей, полюбовались на Москву; Гоголь и Пановъ, уѣзжая на чужбину, простились съ ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодинъ и Щепкинъ сѣли въ коляску, а молодежь помѣстилась въ тарантасѣ и на дрожкахъ. Такъ доѣхали мы до Перхушкова, т.-е. до первой станціи. Дорогой былъ Гоголь веселъ и разговорчивъ. Онъ повторилъ свое обѣщаніе, сдѣланное имъ у меня въ домѣ за завтракомъ, и еще наканунѣ за обѣдомъ, что черезъ годъ воротится въ Москву и привезетъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ", совершенно готовый для печати. Это обѣщаніе онъ сдержалъ, но тогда мы ему не совсѣмъ вѣрили. Намъ очень не нравился его отъѣздъ въ чужіе края, въ Италію, которую, какъ намъ казалось, онъ любилъ слишкомъ много. Намъ казалось непонятнымъ увѣреніе Гоголя, что ему надобно удалиться въ Римъ, чтобъ писать объ Россіи; намъ казалось, что Гоголь недовольно любитъ Россію, что Итальянское небо, свободная жизнь посреди художниковъ всякаго рода, роскошь климата, поэтическія развалины славнаго прошедшаго, все это вмѣстѣ бросало невыгодную тѣнь на природу нашу и нашу жизнь. Въ Перхушковѣ мы обѣдали, выпили здоровье отъѣзжающихъ; Гоголь сдѣлалъ жженку, не потому чтобъ

мы любили выпить, а такъ, ради воспоминанія подобныхъ оказій. Вскорѣ послѣ обѣда, мы сѣли, по Русскому обычаю, потомъ помолились. Гоголь прощался съ нами нѣжно, особенно со мной и Константиномъ, былъ очень растроганъ, но не хотѣлъ этого показать. Онъ сѣлъ въ тарантасъ съ нашимъ добрымъ Пановымъ, и мы стояли на улицѣ до тѣхъ поръ, пока экипажъ не пропалъ изъ глазъ. Погодинъ былъ искренно разстроенъ, а Щепкинъ заливался слезами. Я, Щепкинъ, Погодинъ и Константинъ сѣли въ коляску, а Митя Щепкинъ и Мессингъ на дрожки. На половинѣ дороги, вдругъ откуда ни взялись, потянулись съ Сѣверовостока черныя, страшныя тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западнаго горизонта; сдѣлалось очень темно, и какое-то зловѣщее чувство налегло на насъ. Мы грустно разговаривали , примѣняя къ будущей судьбѣ Гоголя мрачныя тучи, потемнившія солнце; но не болѣе какъ черезъ полчаса мы были поражены внезапною перемѣною горизонта: сильный сѣверо-западный вѣтеръ рвалъ на клочки и разгонялъ черныя тучи, въ четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всемъ блескѣ своихъ лучей и великолѣпно склонялось къ Западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Не трудно было составить благопріятное толкованіе небеснаго знаменья. Какихъ блистательныхъ надеждъ, какихъ великихъ созданій и какого полнаго торжества его славы мы не могли ожидать въ будущемъ! Это явленіе произвело на насъ съ Константиномъ, особенно на меня, такое сильное впечатлѣніе, что я, во всю остальную жизнь Гоголя, никогда не смущался черными тучами, которыя, не только затемняли его путь, но даже грозили пресѣчь его существованіе, не давъ ему кончить великаго труда. До самаго послѣдняго страшнаго извѣстія, я былъ убѣжденъ, что Гоголь не можетъ умереть, не совершивъ дѣла, свыше ему предназначеннаго.

Обращаюсь назадъ. По возвращеніи изъ Петербурга, проживъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ матерью и сестрами въ домѣ Погодина, Гоголь увѣрилъ себя, что его сестры, *патріотки* (какъ ихъ называютъ), которыя по ребячьи были очень несогласны между собой, не могутъ ѣхать вмѣстѣ съ матерью въ деревню, потому что онѣ будутъ постоянно огорчать мать своими ссорами. И такъ онъ рѣшился пристроить какъ нибудь въ Москвѣ меньшую сестру Лизу, которая была умнѣе, живѣе и болѣе расположена къ жизни въ обществѣ. Приведеніе въ исполненіе этой мысли стоило много хлопотъ и огорченій Гоголю. Черткова, съ которой онъ былъ очень друженъ, не взяла его сестры къ себѣ, хотя очень могла это сдѣлать; у другихъ знакомыхъ помѣстить было невозможно. Наконецъ, черезъ Надежду Николаевну Шереметеву,

почтенную и благодѣтельную старушку, которая впослѣдствіи любила Гоголя какъ сына, помѣстилъ онъ сестру свою Лизу къ г-жѣ Раевской, женщинѣ благочестивой, богатой, не имѣвшей своихъ дѣтей, у которой жили и воспитывались какія-то родственницы. Мать Гоголя уѣхала изъ Москвы прежде.

Гоголь читалъ первыя главы „Мертвыхъ Душъ" у Ив. Вас. Кирѣевскаго и еще у кого-то. Всѣ слушатели приходили въ совершенный восторгъ; но были люди, которые возненавидѣли Гоголя съ самаго появленія „Ревизора". „Мертвыя Души" только усилили эту ненависть. Такъ, напримѣръ, я самъ слышалъ, какъ извѣстный графъ Толстой-Американецъ говорилъ при многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ „врагъ Россіи и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь". Въ Петербургѣ было гораздо болѣе такихъ особъ, которыя раздѣляли мнѣніе графа Толстаго.

Во второй половинѣ Іюня, получилъ я первое письмо отъ Гоголя изъ Варшавы. Вотъ оно: *)

„Варшава, 10 Іюня (1840)".

„Здравствуйте, мой добрый и близкій сердцу моему другъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Грѣшно бы было, еслибы я не отозвался къ вамъ съ дороги. Но, что̀ я за вздоръ несу: грѣшно! Я бы не посмотрѣлъ на то, грѣшно или нѣтъ, прилично или неприлично, и вѣрно бы не написалъ вамъ ни слова, особливо теперь, еслибы здѣсь не дѣйствовало побужденіе душевное. Обнимаю васъ и цѣлую нѣсколько разъ. Мнѣ не кажется, что я съ вами разстался. Я васъ вижу возлѣ себя ежеминутно и даже такъ, какъ будто бы вы только что сказали мнѣ нѣсколько словъ и мнѣ слѣдуетъ на нихъ отвѣчать. У меня не существуетъ разлуки, и вотъ почему я легче разстаюсь чѣмъ другой. И никто изъ моихъ друзей по этой же причинѣ не можетъ умереть, потому что онъ вѣчно живетъ со мною".

„Мы доѣхали до Варшавы благополучно—вотъ покамѣстъ все, что̀ васъ можетъ интересовать. Нигдѣ ни на одной станціи не было никакой задержки; словомъ, лучше доѣхать невозможно. Даже погода была хороша: у мѣста дождь, у мѣста солнце. Здѣсь я нашелъ кое-какихъ знакомыхъ, а черезъ два дни мы выѣзжаемъ въ Краковъ и оттуда, ко-

*) Всѣ письма Гоголя не только списаны съ точностью, но даже *скопированы*.

ли успѣемъ, того же дня въ Вѣну. Обнимаю нѣсколько разъ Константина Сергѣевича и снабжаю слѣдующими довольно скучными порученіями: привезти съ собою кое-какія для меня книжки, а именно миніатюрное изданіе Онѣгина, Горя отъ Ума и басней Дмитріева и если только вышло компактное изданіе Русскихъ пѣсней Сахарова, то привезти и его. Еще: если вы достали и если вамъ случится достать для меня какихъ нибудь докладныхъ записокъ и дѣлъ, то привезти и ихъ также. Михаилъ Семеновичъ, котораго также при сей вѣрной оказіи цѣлую и обнимаю, обѣщался съ своей стороны достать. Хорошо бы присообщить ихъ также. Увѣдомьте меня, когда ѣдете въ деревню. Корь, я полагаю, у васъ уже совершенно окончилась. Перецѣлуйте за меня все милое семейство ваше и Ольгѣ Семеновнѣ вмѣстѣ съ самою искреннѣйшею благодарностью передайте очень пріятное извѣстіе, именно, что запасовъ, данныхъ намъ, стало не только на всю дорогу, но даже и на станціонныхъ смотрителей, и даже въ Варшавѣ мы надѣлили прислуживавшихъ намъ плутовъ остатками пироговъ, балыковъ, лепешекъ и прочаго".

„Прощайте, мой безцѣнный другъ. Обнимаю васъ множество разъ".

Порученія Константину привезть съ собою книги и дѣловыя бумаги показываютъ, что Гоголь вполнѣ былъ увѣренъ въ скоромъ пріѣздѣ Константина въ Италію. У насъ точно было это намѣреніе, хотя не такъ твердое и непреложное, какъ это казалось Гоголю *). Впрочемъ еслибъ оно и было точно таково, то конечно не могло бы исполниться, потому что въ 1840-мъ году, 12 Августа, умеръ мужъ у сестры Надежды Тимоѳеевны, и мы съ Вѣрой прожили четыре мѣсяца въ Петербургѣ, а въ 1841 году, 5 Марта, мы потеряли Мишу. Потому разлучаться было не время. Дѣловыя бумаги и разные акты, которыхъ Гоголь добивался постоянно, вѣроятно были ему нужны для того, чтобъ повѣрить написанныя имъ въ „Мертвыхъ Душахъ" разныя судебныя сдѣлки Чичикова, которыя такъ и остались невѣрными съ дѣйствительностью.

Вскорѣ по полученіи этого перваго письма я уѣхалъ съ Гришей за Волгу въ свои деревни, и объ этомъ-то отъѣздѣ спрашиваетъ меня Гоголь. Вотъ мое письмо къ Гоголю.

„Да, мой милый, мой безцѣнный другъ Николай Васильевичъ! Между друзьями нѣтъ разлуки! Вы такъ прекрасно высказали мнѣ мои соб-

*) Но въ доказательство, что оно было, прилагаю отвѣтъ мой на это первое письмо Гоголя.

ственныя чувства! Письмо ваше изъ Варшавы отъ 10 Іюня нов. ст. обрадовало все наше семейство. Меня не было дома, и не я его получилъ; за то слова *письмо отъ Гоголя* радостно и шумно встрѣтили меня, когда я воротился. Не нужно говорить, какъ драгоцѣнно мнѣ это *душевное побужденіе*, которое заставило васъ написать его.... По непонятной для меня самого какой-то недогадкѣ, я не спросилъ васъ, куда писать къ вамъ? Мнѣ такъ это досадно! Мнѣ такъ хотѣлось писать, такъ было необходимо высказать вамъ, все что̀ тѣснилось въ душѣ.... но отъ глупой мысли, что письмо мое нигдѣ не можетъ васъ поймать и пролежитъ гдѣ-нибудь извѣстное время, воротится опять въ Москву, опускались у меня руки... Теперь, я столько пропустилъ времени, что вѣроятно, это въ самомъ дѣлѣ случится... Но нужды нѣтъ. Если письмо не застанетъ васъ въ Вѣнѣ, то можетъ быть, если вы оставили свой адресъ, настигнетъ васъ на водахъ или гдѣ-нибудь въ Германіи. Я и все семейство мое здоровы. Корь миновалась благополучно. Всѣ обнимаемъ васъ, а Константинъ особенно и та̀къ крѣпко, что только заочно могутъ быть безвредны такія объятія. Всѣ ваши порученія онъ выполнитъ съ радостію. Онъ все еще готовится писать диссертацію. Лиза ваша здорова, начинаетъ привыкать къ новому своему житью-бытью и хорошо улаживается. Мы видимся нерѣдко. Она гоститъ у насъ другой день: вчера было воскресеніе, а сегодня Раевской нѣтъ дома. Лиза сама пишетъ. Погодинъ вѣрно написалъ вамъ, что у него родился сынъ въ день рожденія Петра Великаго и названъ Петромъ, и что я крестилъ его съ Лизаветой Григорьевной Чертковой. Это мнѣ было очень пріятно, потому что она ваша добрая пріятельница. Едвали я поѣду въ свои деревни за Волгу. Кажется, мы проведемъ лѣто въ Москвѣ: къ этому есть много побудительныхъ причинъ и не весьма пріятныхъ. Не такой годъ, чтобъ разставаться. Я прочелъ *Лермонтова „Героя нашего времени“* въ связи, и нахожу въ немъ большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтовъ прозаикъ будетъ выше Лермонтова-стихотворца. Письмо мое написано очень безпорядочно... нужды нѣтъ, не хочу пропустить почты. Михаилъ Семеновичъ очень было прихворнулъ, но теперь выѣзжаетъ и поправляется. Пожалѣйте: онъ на строжайшей діэтѣ... Онъ обнимаетъ васъ и обѣщаетъ достать много *записокъ изъ дѣлъ*, къ которымъ я присоединю свои. Все это привезетъ вамъ Константинъ, если не встрѣтится оказіи прежде“.

Изъ этого письма очевидно, что мы дѣйствительно имѣли твердое намѣреніе послать Константина въ Италію къ Гоголю. Оно вѣроятно писано вскорѣ по полученіи письма отъ Гоголя.

Почти черезъ мѣсяцъ получилъ я отъ Гоголя второе письмо, уже изъ Вѣны.

„Іюля 7 (1840) Вѣна“.

„Я получилъ третьяго дня письмо ваше, другъ души моей, Сергѣй Тимоѳеевичъ! Оно ко мнѣ дошло очень исправно и дойдетъ безъ сомнѣнія и другое также исправно, если только вамъ придетъ желаніе написать его; потому что я въ Вѣнѣ еще надѣюсь пробыть мѣсяца полтора, попить воды и отдохнуть. Здѣсь покойнѣе чѣмъ на водахъ, куда съѣзжается слишкомъ скучный для меня свѣтъ. Тутъ все ближе, подъ рукой, и свобода во всемъ. Нужно знать, что послѣдняя давно убѣжала изъ деревень и маленькихъ городовъ Европы, гдѣ существуютъ воды и съѣзды. Парадно — мочи нѣтъ! Къ тому же у меня такая скверная натура, что при взглядѣ на эту толпу, пріѣхавшую со всѣхъ сторонъ лечиться — уже нѣсколько тошнитъ, а на водахъ это не идетъ: нужно напротивъ, чтобы слабило. Какъ вспомню Маріенбадъ и лица, изъ которыхъ каждое насильно и нахально влѣзло въ память, попадаясь разъ по сорока на день, и несносныхъ Русскихъ съ вѣчнымъ и непреложнымъ вопросомъ: „А который стаканъ вы пьете?“ вопросъ, отъ котораго я улепетывалъ по проселочнымъ дорожкамъ. Этотъ вопросъ мнѣ показался на ту пору роднымъ братцомъ другаго извѣстнаго вопроса: „Чѣмъ вы подарите насъ новенькимъ?“ Ибо всякое слово, само по себѣ невинное, но повторенное двадцать разъ, дѣлается пошлѣе добродѣтельнаго Цинскаго *), или романовъ Булгарина, что все одно и тоже... Я замѣчаю, что я кажется не кончилъ періода. Но вонъ его! Былъ ли когда-нибудь какой толкъ въ періодахъ? Я только вижу и слышу толкъ въ чувствахъ и душѣ. И такъ я на водахъ въ Вѣнѣ, гдѣ и дешевлѣ и покойнѣе и веселѣе. Я здѣсь одинъ; меня не смущаетъ никто. На Нѣмцевъ я гляжу какъ на необходимыхъ насѣкомыхъ во всякой Русской избѣ. Они вокругъ меня бѣгаютъ, лазятъ, но мнѣ не мѣшаютъ; а если который изъ нихъ взлѣзетъ мнѣ на носъ, то щолчекъ, и былъ таковъ! Я совершенно покоенъ послѣ вашего письма. Первое и главное: вы здоровы; но мнѣ жаль, если вы проведете лѣто въ Москвѣ. Перемѣна необходимо нужна вамъ, какъ и всякому человѣку, проведшему зиму въ Москвѣ. Мнѣ жаль, если у васъ не будетъ дачи, пруда съ рыбами, лѣса и дорогъ, которыя бы заманили ходить“.

„Ради Бога сдѣлайте такъ, чтобъ ваше лѣто не было похоже на зиму; иначе это значитъ гнѣвить Бога и выпускать на Него эпиграммы. Вѣна приняла меня царскимъ образомъ! Только теперь всего два дня прекратилась опера. Чудная, невиданная. Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль первые пѣвцы Италіи мощно возмущали, двигали и производили

*) Тогдашняго Московскаго оберъ-полицеймейстера. *Изд.*

благодѣтельныя потрясенія въ моихъ чувствахъ. Велики милости Бога! Я оживу еще. Обнимаю отъ души Константина Сергѣевича, хотя безъ сомнѣнія не такъ крѣпко, какъ онъ меня, но это не безъ выгоды: бокамъ нѣсколько легче. И между прочимъ прошу его къ наданнымъ отъ меня коммиссіямъ прибавить еще нѣсколько, и именно: спросить у Погодина, не нашелся ли мой Шекспиръ 2-й томъ, который взять ему съ собою и прибавить къ этому оба изданія пѣсней Максимовича, а можетъ быть и третье, коли вышло. А главное, купить или поручить Михаилу Семеновичу купить у лучшаго сапожника Петербургской выдѣланной кожи, самой мягкой для сапогъ, т. е. одни передки. Они такъ уже вырѣзанные находятся; мѣста не занимаютъ и удобны къ взятію. Пары двѣ или три; случилась бѣда: всѣ сапоги, сдѣланные мнѣ *Таке*, оказались короткими. Упрямый Нѣмецъ! Я толковалъ ему, что будутъ коротки—не хотѣлъ, сапожная колодка, согласиться! и широки такъ, что у меня ноги распухли. Хорошо бы было, еслибы мнѣ были доставлены эти кожи, а дѣлаютъ сапоги здѣсь не дурно. Товарищъ мой немного было прихворнулъ, но теперь здоровъ, заглядывается на Вѣну и съ грустью собирается ее оставить послѣ завтра для дальнѣйшаго пути. Онъ теперь сидитъ за письмомъ къ вамъ. Цалую ручки Ольги Семеновны и посылаю мое душевное объятіе всему вашему семейству. Прощайте, мой другъ! Будьте здоровы и берегите свое здоровье!"

Къ этому письму не нужно прибавлять никакихъ объясненій. Но слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь продолжается въ душѣ Гоголя тоже самое настроеніе, съ какимъ онъ уѣхалъ изъ Москвы. Его же увидимъ мы и въ слѣдующемъ письмѣ въ Москву къ Ольгѣ Семеновнѣ: ибо я извѣстилъ Гоголя, что уѣзжаю съ Константиномъ за Волгу, куда я и уѣхалъ, кажется, 27 Іюня. Изъ этого письма также видно, какое значеніе имѣли для Гоголя всѣ искусства и какъ благодѣтельно было ихъ вліяніе на его душу. О сильномъ стремленіи его къ живописи я уже имѣлъ случай говорить; но здѣсь видно, какъ дѣйствовала на него музыка и какъ дороги были ему родныя Малороссійскія пѣсни. Даже третье изданіе Максимовича, почти однихъ и тѣхъ же пѣсенъ, проситъ онъ Константина привезть ему въ Римъ. И такъ, очень ошибочно это мнѣніе, что будто Гоголь только въ послѣдніе два года своей жизни вновь обратился къ своей прекрасной родинѣ и къ ея прелестнымъ пѣснямъ. Вотъ его письмо къ Ольгѣ Семеновнѣ изъ Венеціи.

„Венеція, Августа 10 (1840)".

„Такъ какъ Сергѣя Тимоѳеевича теперь вѣроятно нѣтъ въ Москвѣ, Константинъ Сергѣевичъ безъ сомнѣнія тоже съ нимъ: то рѣшаюсь, Ольга

Семеновна, осадить васъ моими двумя усерднѣйшими просьбами. Но прежде чѣмъ просьба, позвольте поблагодарить васъ, вы знаете за что́: за все. Позвольте поблагодарить также васъ и все ваше семейство за память обо мнѣ; впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ благодарить мнѣ не зачѣмъ, потому что здѣсь плата тою же монетою съ моей стороны, что̀ вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, — а просьбы мои слѣдующія. Отправьте прилагаемое при семъ письмо къ Лизѣ и вручите Михайлу Семеновичу прилагаемое при семъ дѣйствіе переведенной для него комедіи. Еще одна просьба, о которой напоминать мнѣ немножко безсовѣстно, но нечего дѣлать. Просьба эта относится прямо къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ, а въ чемъ она заключается—это ей извѣстно. Исполненію ея конечно теперь мѣшаетъ отъѣздъ Сергѣя Тимоѳеевича. Но по пріѣздѣ... Вѣра Сергѣевна, простите меня за мой докучливый характеръ. Прощайте. Веселитесь веселѣе сколь можно. Я васъ вижу очень живо, также вижу всѣхъ васъ, все ваше семейство".

„Къ Сергѣю Тимоѳеевичу я буду писать изъ Рима; не знаю, только куда адресовать; впрочемъ отправите вы. Цѣлую ваши ручки".

Первое дѣйствіе комедіи, о которой пишетъ Гоголь, принадлежитъ къ той самой піэсѣ, которую Щепкинъ, подъ названьемъ „Дядька въ хлопотахъ", давалъ себѣ въ бенефисъ въ прошедшую зиму, черезъ годъ послѣ кончины Гоголя. Просьба къ Вѣрочкѣ относится до моего портрета, который она обѣщала написать для Гоголя, исполненію которой безъ сомнѣнія мѣшало мое отсутствіе. Я воротился изъ-за Волги въ исходѣ Августа. Меня ожидало уже печальное извѣстіе, что Григорія Ивановича Карташевскаго нѣтъ на свѣтѣ. Черезъ сутки мы уже уѣхали съ Вѣрой въ Петербургъ. Писемъ отъ Гоголя долго не было. Наконецъ, пришло извѣстіе, что онъ былъ отчаянно боленъ, и вотъ письмо, которое я получилъ отъ него уже въ Январѣ 1841 года.

„Римъ, Декабря 28 (1840)".

„Я много передъ вами виноватъ, другъ души моей Сергѣй Тимоѳеевичъ, что не писалъ къ вамъ тотчасъ послѣ вашего мнѣ такъ всегда пріятнаго письма. Я былъ тогда боленъ. О моей болѣзни мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ, потому что это бы васъ огорчило. Вы же въ это время и безъ того, какъ я узналъ, узнали великую утрату; лгать мнѣ тоже не хотѣлось, и потому я рѣшился обождать. Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудесной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни. Вы въ вашемъ письмѣ

сказали, что вѣрите въ то, что мы увидимся опять. Какъ угодно будетъ всевышней силѣ! Можетъ быть это желаніе, желаніе сердецъ нашихъ, сильное обоюдно, исполнится. По крайней мѣрѣ обстоятельства идутъ какъ будто бы къ тому".

„Я, кажется, не получу мѣста, о которомъ, помните, мы хлопотали и которое могло бы обезпечить мое пребываніе въ Римѣ. Я почти, признаюсь, это предвидѣлъ; потому что К—ва, который надулъ всѣхъ, я разгадалъ почти съ перваго взгляда: это человѣкъ, который слишкомъ любитъ только одного себя и прикинулся любящимъ и то и се потому только, чтобы посредствомъ этого болѣе удовлетворять своей страсти, т.-е. любви къ самому себѣ. Онъ мною дорожитъ столько же какъ тряпкой. Ему нужно имѣть при себѣ непремѣнно какую нибудь Европейскую знаменитость въ художественномъ мірѣ, въ достоинство внутреннее которой онъ хотя, можетъ быть, и самъ не вѣритъ, но вѣритъ въ разнесшуюся знаменитость: ибо ему, что̀ весьма естественно, хочется разыграть со всѣмъ блескомъ ту роль, которую онъ не очень смыслитъ. Но Богъ съ нимъ! Я радъ всему, всему что̀ ни случается со мною въ жизни, и какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то, что̀ называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить Невидимую Руку, ведущую меня".

„Другое обстоятельство, которое можетъ дать надежду на возвратъ мой—мои занятія. Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Перемѣняю, перечищаю, многое переработываю вовсе и вижу, что ихъ печатаніе не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ вѣрно немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временамъ свѣжесть мнѣ очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной водѣ, которую я сталъ пить по совѣту доктора, котораго за это благослови Богъ и который думаетъ, что мнѣ холодное лѣченіе должно помочь. Воздухъ теперь чудный въ Римѣ, свѣжій. Но лѣто, лѣто, это я уже испыталъ, мнѣ непремѣнно нужно провести въ дорогѣ. Я повредилъ себѣ много, что зажился въ душной Вѣнѣ. Но чтоже было дѣлать; признаюсь—у меня не было средствъ тогда пред-

принять путешествіе, у меня слишкомъ было все разсчитано. О еслибъ я имѣлъ возможность всякое лѣто сдѣлать какую нибудь дальную, дальную дорогу; дорога удивительно спасительна для меня... Но обратимся къ началу. Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключается много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое что̀ казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда либо принимать близко къ сердцу. И то что̀ я пріобрѣлъ въ теперешній пріѣздъ мой въ Москву, вы знаете! Что̀ я разумѣю, вамъ за этимъ незачѣмъ далеко ходить, чтобы узнать какое это пріобрѣтеніе. Да, я не знаю, какъ и чѣмъ благодарить мнѣ Бога... Но уже когда я мыслю о васъ и объ этомъ юношѣ такъ полномъ силъ и всякой благодати, который такъ привязался ко мнѣ,—я чувствую въ этомъ что-то такое сладкое... Но довольно. Сокровенныя чувства какъ-то становятся пошлѣе, когда облекаются въ слова. Я хотѣлъ было обождать этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ нимъ перемѣненныя страницы въ „Ревизорѣ" и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ, и не успѣлъ. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ что̀ нужно къ спѣху, а все бы хотѣлось заняться тѣмъ что̀ не къ спѣху. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. У меня почти дыбомъ волосы, какъ вспомню, въ какіе я вошелъ долги. Я знаю, что вамъ подчасъ и весьма нужны деньги; но я надѣюсь черезъ недѣлю выслать вамъ переправки и приложенія къ „Ревизору", которыя, можетъ быть, заставятъ лучше покупать его. Хорошо бы, если бы онъ выручилъ прежде должные вамъ, а потомъ тысячу взятую у Панова, которую я пообѣщалъ ему уплатить было въ Февралѣ. Пановъ молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, и Италія ему много принесла пользы, какой бы онъ никогда не пріобрѣлъ въ Германіи, въ чемъ онъ совершенно убѣдился; это не мѣшаетъ довести между прочимъ до свѣдѣнія кое-кого. А впрочемъ, если разсудить по правдѣ, то я не знаю, почему вообще молодымъ людямъ не развернуться въ полнотѣ силъ и въ Русской землѣ; но почему можетъ увлечь въ длинныя разсужденія.—Покамѣстъ прощайте".

Письмо это написано уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія. Этотъ тонъ сохранился уже на всегда. Должно повѣрить, что *много чуднаго* совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. От-

сюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже не совмѣстимо съ тѣлесною оболочкою человѣка. Я не спрашивалъ Гоголя въ подробности, что́ съ нимъ случилось: частью изъ деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрогиваться до такихъ предметовъ и явленій, которымъ я не вѣрилъ и теперь не вѣрю, считая ихъ порожденіемъ болѣзненнаго состоянія духа и тѣла. Но я слышалъ, что Гоголь во время болѣзни имѣлъ какія-то видѣнія, о которыхъ онъ тогда же разсказалъ ходившему за нимъ съ братскою нѣжностью и заботою купцу Н. П. Боткину, который случился на то время въ Римѣ. Что́ касается до мѣста, которое мы всѣ желали доставить Гоголю, то оно, кажется, вовсе не состоялось. К—въ былъ назначенъ въ Римѣ въ родѣ какого-то попечителя и оффиціальнаго ходатая всѣхъ Русскихъ художниковъ, тамъ живущихъ. Гоголь хотѣлъ быть его помощникомъ, которому предполагали опредѣлить жалованья слишкомъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями; получивъ такое мѣсто, Гоголь былъ бы обезпеченъ въ своемъ существованіи. Что́ же собственно разумѣлъ Гоголь подъ словами: „къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то что́ называютъ въ свѣтѣ неудачами", то это обстоятельство осталось для меня неизвѣстнымъ. Слова самого Гоголя утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать „Мертвыя Души", какъ любопытный и забавный анекдотъ, что только впослѣдствіи онъ узналъ, говоря его словами, „на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ", что впослѣдствіи, мало-по-малу, составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни; что впослѣдствіи почувствовалъ онъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость—примиренія... Возможно ли было исполненіе такой задачи и могъ ли ее исполнить Гоголь—это вопросъ другой, къ которому я обращусь въ концѣ этихъ записокъ. Въ словахъ Гоголя, что онъ слышитъ въ себѣ *сильно чувство къ Россіи* заключается очевидно указаніе, подтверждаемое послѣдующими словами, что этого чувства у него прежде не было или было слишкомъ мало. Безъ сомнѣнія пребываніе въ Москвѣ, въ ея Русской атмосферѣ, дружба съ нами и особенно вліяніе Константина, который постоянно объяснялъ Гоголю, со всею пылкостью своихъ глубокихъ, святыхъ убѣжденій, все значеніе, весь смыслъ Русскаго народа, были единственныя тому причины. Я самъ замѣчалъ много разъ, какое впечатлѣніе производилъ онъ на Гоголя, хотя послѣдній старательно скрывалъ свое внутреннее движеніе. Единственно въ этомъ письмѣ, въ

первый и послѣдній разъ, высказался откровенно Гоголь. И прежде и послѣ этого письма, онъ по большей части подшучивалъ надъ Русскимъ человѣкомъ. Есть еще доказательства этого Русскаго движенія, образовавшагося въ Москвѣ именно въ 1840 году: въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" многія мѣста въ этомъ духѣ очевидно вставлены и даже не совсѣмъ гармонируютъ съ прежними рѣчами. Подъ словами „*и то что я пріобрѣлъ въ теперешній пріѣздъ мой въ Москву*, Гоголь разумѣетъ дружбу со мной и моимъ семействомъ; а подъ словами *юноша полный всякой благодати*—Константина.

Я не получалъ писемъ отъ Гоголя около двухъ мѣсяцевъ. Прилагаемое письмо отъ 5 Марта 1841 года получено мною уже тогда, когда Богу было угодно поразить насъ ужаснымъ и неожиданнымъ ударомъ: именно 5 Марта потеряли мы сына, полнаго крѣпости тѣлесныхъ силъ и всякихъ блистательныхъ надеждъ; а потому всѣ порученія Гоголя передалъ я къ исполненію Погодину.

„Марта 5 (1841)". Римъ".

„Мнѣ грустно такъ долго не получать отъ васъ вѣсти, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Но, можетъ быть, я самъ виноватъ. Можетъ быть, вы ожидали высылки мною обѣщанныхъ измѣненій и приложеній, слѣдуемыхъ ко 2-му изданію „Ревизора". Но я не могъ найти нигдѣ ихъ. Теперь только случаемъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ не думалъ. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ скучно теперь заниматься тѣмъ, что̀ нужно на скорую руку, какъ мнѣ тягостно на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю мою душу. Но вотъ вамъ, наконецъ, эти приложенія. Здѣсь письмо, писанное мною къ Пушкину по его собственному желанію. Онъ былъ тогда въ деревнѣ. Піэса игралась безъ него. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала и меня просилъ увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ. Письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ. Изъ этого письма я выключилъ то, что̀ собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставилъ только то, что̀ можетъ быть интересно для будущей постановки „Ревизора", если она когда-нибудь состоится. Мнѣ кажется, что прилагаемый отрывокъ будетъ нелишнимъ для умнаго актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо подъ такимъ названіемъ, какое на немъ выставлено, нужно отнесть на конецъ піэсы, а за нимъ непосредственно слѣдуютъ двѣ прилагаемыя выключенныя изъ піэсы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится въ началѣ книги перваго изданія, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возмите приложенное въ его письмѣ измѣненіе четвертаго акта, которое

совершенно необходимо. Хорошо бы издать „Ревизора" въ миніатюрномъ форматѣ; а впрочемъ, какъ найдете лучшимъ. Теперь я долженъ съ вами поговорить о дѣлѣ важномъ, но объ этомъ сообщитъ вамъ Погодинъ. Вы вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаете совѣщаніе, какъ устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имѣю право и чувствую это въ душѣ. Да, другъ мой! Я глубоко счастливъ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушенье не приходитъ отъ человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета. О, еслибы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего, больше ни часу мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе: они одни, какъ я уже замѣтилъ, возстановляютъ меня. У меня всѣ средства истощились уже нѣсколько мѣсяцевъ. Для меня нужно сдѣлать заемъ. Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 42 года выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго года, уже достаточно для уплаты. Теперь я вашъ; Москва мнѣ родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей Русской груди. Все было дивно и мудро расположено Высшею Волею. И мой пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ, все было благо. Никому не говорите ничего ни о томъ, что я буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь; словомъ, ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти совершенно невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что: пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ и Константинъ Сергѣевичъ; имъ же нужно: Михаилу Семеновичу для здоровья, Константину Сергѣевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться; а милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого. Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ! Они сдѣлаютъ небезполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу; конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле-держится; но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище, стало быть ее нужно беречь. Жду вашего отвѣта чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Еслибы вы знали, какъ я теперь жажду обнять васъ. До свиданья! Какъ пре-

красно это слово. Перецѣлуйте моимъ поцѣлуемъ всѣхъ вашихъ: Ольгу Семеновну, Вѣру Сергѣевну, Ольгу Сергѣевну, всѣхъ, всѣхъ. Письма мнѣ адресуйте на имя банкира Валентини, это будетъ вѣрнѣе чѣмъ Poste restante. Адресъ его: Piazza Apostoli, Palazzo Valentini".

Это письмо привело въ восхищеніе всѣхъ друзей Гоголя, а также меня и мое семейство, на столько, на сколько наши убитыя горестью сердца могли принять въ этомъ участіе. Письмо это утверждаетъ обращеніе Гоголя къ Россіи: слова „къ Русской груди моей" это доказываютъ. Можно также заключить, что Гоголь переѣзжалъ въ Москву на всегда, съ тѣмъ чтобы уже не ѣздить болѣе въ чужіе края, о чемъ онъ и самъ мнѣ говорилъ сначала по возвращеніи изъ Рима. Какъ слышна искренность убѣжденій Гоголя, въ этомъ письмѣ, въ великость своего труда, какъ въ благую, свыше назначенную цѣль всей своей жизни! Поѣхать къ Гоголю, такъ сказать, навстрѣчу, чтобъ привезть его въ Москву, никто не могъ: Константину невозможно было разлучиться съ нами въ это печальное время; Щепкинъ не имѣлъ никакихъ средствъ ѣхать, да и получить заграничный отпускъ было бы для него очень затруднительно. Что же касается до займа денегъ для Гоголя и вообще до его письма объ этомъ предметѣ, то его не вдругъ показали мнѣ, потому что мнѣ было не до того. Общее это письмо было написано ко мнѣ, къ Погодину и Шевыреву.

Второе и послѣднее письмо ко мнѣ въ этомъ году отъ Гоголя изъ Рима не имѣетъ числа; но по содержанію его можно догадаться, что оно написано довольно скоро послѣ письма отъ 5 Марта, когда Гоголь еще не зналъ о нашемъ несчастіи. Вотъ оно:

„Едва только я успѣлъ отправить письмо мое къ вамъ съ приложеньями къ „Ревизору", какъ получилъ вслѣдъ за тѣмъ ваше. Оно было для меня тѣмъ пріятнѣе, что мнѣ казалось уже, будто я отъ васъ Богъ знаетъ когда не получалъ вѣсти. Цѣлую васъ нѣсколько разъ въ задатокъ поцѣлуевъ личныхъ. „Ревизора" я полагаю не отложить ли до осени? Время близится къ лѣту; въ это время книги сбываются плохо, и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпускомъ повременить до осени. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ благоразуміе и опытность. Вы пишете, чтобы я прислалъ что-нибудь въ журналъ Погодину. Боже! Еслибы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе. Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святаго своего труда для меня уже бѣда. Никогда-бъ не предложилъ мнѣ

въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ чего онъ лишаетъ меня. Еслибы я имѣлъ деньги, клянусь я бы отдалъ всѣ деньги, сколько-бъ у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи. Но такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старой лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его, Боже! можетъ быть двѣ-три недѣли. Ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванья, какъ великая, и можетъ быть еще бо̀льшаго и тягостно-томительнѣйшаго труда; ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы, преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь! грѣхъ, сильный грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня. Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ; я умеръ теперь для всего мелочнаго. И для презрѣннаго журнальнаго ли, пошлаго, занятаго ежедневнымъ дрязгомъ, я долженъ совершать непрощаемыя преступленія? И что̀ поможетъ журналу моя статья? Но статья будетъ готова и недѣли черезъ три выслана. Жаль только, если она усилитъ мое болѣзненное расположеніе; но я думаю, нѣтъ. Богъ милостивъ. Дорога, дорога! Я сильно надѣюсь на дорогу. Она же такъ теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна. Я увижу моихъ друзей, моихъ родныхъ друзей. Не говорите о моемъ пріѣздѣ никому и Погодину скажите, чтобъ онъ также не говорилъ; если же прежде объ этомъ проговорились, то теперь говорите, что это невѣрно еще; ничего тоже не сказывайте о моемъ трудѣ. Обнимите Погодина и скажите ему, что я пла̀чу, что не могу быть полезнымъ ему со стороны журнала; но что онъ, если у него бьется Русское чувство любви къ отечеству, онъ долженъ требовать, чтобъ я не давалъ ему ничего. Вы, можетъ быть, дивитесь, что я вызываю Константина Сергѣевича и Михаила Семеновича; но я дѣлалъ это въ томъ предположеніи, что Кон—у Сер—у нужно было и безъ того ѣхать, а Мих. Сем. тоже хотѣлъ ѣхать къ водамъ, что̀ ему принесло бы значительную пользу. Я бы ихъ ожидалъ хоть въ самомъ первомъ за нашею границею Нѣмецкомъ городкѣ. Вы знаете этому причины изъ письма моего, которое вы уже получили. На счетъ денегъ нужно будетъ распорядиться скорѣе. Въ Маѣ мѣсяцѣ я полагаю выѣхать изъ Рима, мѣсяцы жаркіе провести гдѣ нибудь въ холодныхъ углахъ Европы, можетъ быть, въ Швейцаріи, и къ началу Сентября въ Москву, обнять и прижать васъ сильно. Прощайте, жду съ нетерпѣніемъ вашихъ писемъ.

Обнимаю крѣпко все ваше семейство."

Желаніе Гоголя не исполнилось: „Ревизоръ" былъ напечатанъ Погодинымъ со всѣми приложеніями, которыя предварительно были помѣ-

щены въ „Москвитянинѣ“, что̀, разумѣется, было Гоголю непріятно. Хотя я былъ тогда въ такомъ положеніи, что не могу обвинять строго себя; но я долженъ признаться, что финансовые разсчеты журналиста не казались мнѣ тогда такъ противными, какъ теперь, и что вообще я не умѣлъ понимать во всей полнотѣ страдальческаго положенія Гоголя. Очевиднымъ доказательствомъ тому служитъ мое письмо къ Гоголю, въ которомъ я просилъ, чтобъ онъ прислалъ что-нибудь въ журналъ Погодину.

Теперь для меня это очень прискорбно, но прошедшаго не воротишь. Я особенно долженъ обвинять себя потому, что только моя просьба (какъ мнѣ кажется) могла заставить Гоголя оторваться отъ своего святаго труда, пожертвовать своею чудною Итальянскою повѣстью „Анунціата“, которой начало онъ намъ читалъ, и сдѣлать изъ нея отдѣльную статью подъ названіемъ „Римъ“, которая впослѣдствіи была напечатана въ „Москвитянинѣ“. Впрочемъ у Гоголя не достало силъ исполнить свое обѣщаніе такъ скоро; онъ точно оставилъ было „Мертвыя Души“ и принялся за передѣлку „Анунціаты“. Но онъ былъ такъ занятъ, такъ погруженъ въ міръ своей поэмы, что работа не спорилась и сдѣлалась для него невыносимою. Онъ бросилъ ее и докончилъ уже въ Москвѣ.

Между тѣмъ Гоголь получилъ извѣстіе о нашемъ несчастіи. Не помню, писалъ-ли я самъ къ нему объ этомъ; но знаю, что онъ написалъ ко мнѣ утѣшительное письмо, которое до меня не дошло и осталось для меня неизвѣстнымъ. Письмо было послано черезъ Погодина; вѣроятно оно заключало въ себѣ такого рода утѣшенія, до которыхъ я былъ большой неохотникъ, и могъ скорѣе разсердиться за нихъ, чѣмъ утѣшиться ими. Погодинъ зналъ это очень хорошо и не отдалъ письма, а впослѣдствіи или затерялъ или обманулъ меня, сказавъ, что письма не нашелъ.

Гоголя мы уже давно ждали, но наконецъ и ждать перестали; а потому внезапное появленіе его у насъ въ домѣ 18 Октября произвело такой же радостный шумъ, какъ въ 39-мъ году письмо Щепкина, извѣщавшее о пріѣздѣ Гоголя въ Москву: крикъ Константина точно также всѣхъ напугалъ.

Въ этотъ годъ послѣдовала сильная перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ: гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто не бывало. Иногда, очевидно безъ намѣренія, слышался юморъ и при-

родный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде не противный ему или не замѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора. Проявленіе послѣдней его проказливости случилось во время переѣзда Гоголя изъ Петербурга въ Москву. Онъ пріѣхалъ въ одной почтовой каретѣ съ Петр. Ив. Пейкеромъ и сидѣлъ съ нимъ въ одномъ купе. Замѣтя, что товарищъ очень обрадовался сосѣдству знаменитаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не *Гоголь*, а *Гогель*, прикинулся смиреннымъ простячкомъ, круглымъ сиротой и разсказалъ о себѣ преплачевную исторію. Притомъ, на всѣ вопросы, отвѣчалъ: „нѣтъ, не знаю“. Пейкеръ оставилъ въ покоѣ своего неразговорчиваго сосѣда. Пріѣхавъ въ Москву, Пейкеръ немедленно посѣтилъ насъ. Рѣчь зашла о Гоголѣ, и Петербургскій гость изъявилъ горячее желаніе его видѣть. Я сказалъ, что это очень немудрено, потому что Гоголь бываетъ у меня почти всякой день. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Гоголь, своей тогда еще живою и бодрою походкой. Я познакомилъ его съ моимъ гостемъ, и что-же? Онъ узнаётъ въ Гоголѣ несноснаго своего сосѣда Гогеля. Мы не могли удержаться отъ смѣха, но Пейкеръ осердился. Онъ былъ правъ; за что Гоголь дурачилъ его трое сутокъ? Между тѣмъ Гоголь сдѣлалъ это единственно для того, чтобъ избавиться отъ докучныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ обыкновенно писателю: „Что вы теперь пишете? Когда подарите насъ новымъ произведеніемъ? Для чего вы не напишете того-то?“ и пр. и пр. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который такъ любилъ уединеніе дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу, и онъ, поднявъ воротникъ шинели выше своей головы (это была его любимая поза), всю дорогу читалъ потихоньку Шекспира или предавался своимъ творческимъ фантазіямъ. Между тѣмъ многіе его за это обвиняли. Мы успокоили Пейкера, объяснивъ ему, что подобныя мистификаціи Гоголь дѣлалъ со всѣми. Впослѣдствіи они обѣдали у насъ вмѣстѣ, и Гоголь былъ любезенъ съ своимъ прежнимъ дорожнымъ сосѣдомъ.

Гоголь точно привезъ съ собой первый томъ „Мертвыхъ Душъ“, совершенно конченный и отчасти отдѣланный. Онъ требовалъ отъ насъ, чтобъ мы никому объ этомъ не говорили, а всѣмъ бы отвѣчали, что ничего готоваго нѣтъ. Начались хлопоты съ перепискою набѣло „Мертвыхъ Душъ“. Я доставилъ было Гоголю отличнаго переписчика, бывшаго при мнѣ воспитанникомъ въ Межевомъ Институтѣ, Крузе; но не знаю или, лучше сказать, не помню почему, Гоголь взялъ другаго переписчика. Прилагаемая записка служитъ тому доказательствомъ.

„Я къ вамъ приходилъ между прочимъ съ просьбою, которую со-

„вершенно позабылъ. А именно, нельзя ли послать къ Крузе взять у „него десть или двѣ чистой бумаги, которая ему теперь не нужна, а „будетъ нужна моему переписчику. Изъ-за нея остановилось дѣло."

„Гоголь".

Покуда переписывались первыя шесть главъ, Гоголь прочелъ мнѣ, Константину и Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, т. е. въ домѣ Погодина, и ни за что̀ не соглашался, чтобъ кто нибудь слышалъ ихъ кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній, не столько на частности, какъ на общій составъ и ходъ происшествія въ цѣломъ томѣ. Я рѣшительно не былъ тогда способенъ къ такого роду замѣчаніямъ; частности, мелочи бросались мнѣ въ глаза во время чтенія, но и объ нихъ я забывалъ послѣ. И такъ я молчалъ, но Погодинъ заговорилъ. Что̀ онъ говорилъ, я хорошенько не помню; помню только, что онъ между прочимъ утверждалъ, что въ первомъ томѣ содержаніе поэмы не двигается впередъ; что Гоголь выстроилъ длинный корридоръ, по которому ведетъ своего читателя вмѣстѣ съ Чичиковымъ и, отворяя двери направо и налѣво, показываетъ сидящаго въ каждой комнатѣ урода. Я принялся спорить съ Погодинымъ, доказывая, что тутъ никакого корридора и никакихъ уродовъ нѣтъ что содержаніе поэмы идетъ впередъ, потому что Чичиковъ ѣздитъ по добрымъ людямъ и скупаетъ мертвыя души..... Но Гоголь былъ не доволенъ моимъ заступленіемъ и, сказавъ мнѣ: „сами вы ничего замѣтить не хотите или не замѣчаете, а другому замѣчать мѣшаете...." просилъ Погодина продолжать и очень внимательно его слушалъ, не возражая ни однимъ словомъ.

Я говорилъ Гоголю послѣ, что, слушая „Мерт. Д." въ первый разъ, да хоть бы и не въ первый, и увлекаясь красотами его художественнаго созданія, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать какіе нибудь недостатки; что если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто-переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочелъ ее и, можетъ быть, не одинъ разъ; тогда дѣло другое. Но Гоголь не хотѣлъ и не могъ этого сдѣлать: рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру въ Петербургъ. Тутъ случилось что-то такое, чего я и теперь объяснить не умѣю. Гоголь хотѣлъ послать первый томъ „Мерт. Д." въ Петербургъ къ Жуковскому или къ графу Вьельгорскому для того, чтобъ найти возможность представить ее прямо къ Государю: ибо всѣ мы думали, что обыкновенная цензура его не пропуститъ. Вдругъ Гоголь перемѣнилъ свое намѣреніе и послалъ ру-

копись въ Петербургъ прямо къ цензору Никитенко, и кажется, послалъ съ Бѣлинскимъ, по крайней мѣрѣ не сказалъ намъ, съ кѣмъ. У насъ возникло подозрѣніе, что Гоголь имѣлъ сношеніе съ Бѣлинскимъ, который пріѣзжалъ на короткое время въ Москву, секретно отъ насъ; потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи „Отеч. Записокъ“ и обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ Русскому человѣку и ко всему нашему Русскому направленію.

Въ это время, т. е. въ концѣ 1841 и въ началѣ 1842 года, начали возникать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ. Гоголь молчалъ, но казался разстроеннымъ; а Погодинъ началъ сильно жаловаться на Гоголя: на его капризность, скрытность, неискренность, даже ложь, холодность и невниманіе къ хозяевамъ, т. е. къ нему, къ его женѣ, къ матери и къ тещѣ, которыя будто бы ничѣмъ не могли ему угодить. Я долженъ признаться, къ сожалѣнію, что жалобы и обвиненія Погодина казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева. Я однако, объясняя себѣ поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми съиздѣтства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людямъ, но и выдумывать всякій вздоръ для скрытія истины, я старался успокоить другихъ моими объясненіями. Я приписывалъ скрытность и даже какую нибудь пустую ложь, которую употреблялъ иногда Гоголь, когда его уличали въ неискренности, единственно странности его характера и его разсѣянности. Будучи погруженъ въ совсѣмъ другія мысли, разбуженный какъ будто отъ сна, онъ иногда самъ не зналъ что̀ отвѣчаетъ и что̀ говоритъ, лишь бы только отдѣлаться отъ докучнаго вопроса; данный такимъ образомъ отвѣтъ не впопадъ надобно было впослѣдствіи поддержать или оправдать, изъ чего иногда выходило цѣлое сплетеніе разныхъ мелкихъ неправдъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что странности Гоголя иногда были необъяснимы и остались навсегда для меня загадками. Мнѣ нерѣдко приходилось объяснять самому себѣ поступки Гоголя точно такъ, какъ я объяснялъ ихъ другимъ, т. е., что мы не можемъ судить Гоголя по себѣ, даже не можемъ понимать его впечатлѣній, потому что вѣроятно весь организмъ его устроенъ какъ нибудь иначе, чѣмъ у насъ; что нервы его, можетъ быть, во сто разъ тоньше нашихъ: слышатъ то́, чего мы не слышимъ, и содрогаются отъ причинъ, для насъ неизвѣстныхъ. На такое объясненіе Погодинъ съ злобнымъ смѣхомъ отвѣчалъ: „развѣ что такъ“. Я тогда еще не вполнѣ понималъ Погодина и потому не догадывался, что главнѣйшею причиною его неудовольствія было то, что Гоголь ничего не давалъ

ему въ журналъ, чего онъ постоянно и грубо требовалъ, несмотря на всѣ, уже приведенныя мною, письма Гоголя. Послѣ объяснилось, что Погодинъ пилилъ, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себѣ въ журналъ и укоряя его въ неблагодарности, которыя посылалъ ежедневно къ нему снизу наверхъ. Такая жизнь сдѣлалась мученьемъ для Гоголя и была единственною причиною скораго его отъѣзда за границу. Теперь для меня ясно, что грубая, черствая, топорная натура Погодина, лишенная отъ природы или отъ воспитанія всѣхъ нервъ, передающихъ чувства деликатности, разборчивости, нѣжности, не могла иначе поступать съ натурою Гоголя, самою поэтическою, воспріимчивою и попреимуществу нѣжною. Погодинъ сдѣлалъ много добра Гоголю, хлопоталъ за него горячо всегда и вездѣ, передавалъ ему много денегъ (не имѣя почти никакого состоянія и имѣя на рукахъ большое семейство), содержалъ его съ сестрами и съ матерью у себя въ домѣ и по всему этому считалъ, что онъ имѣетъ полное право распоряжаться въ свою пользу талантомъ Гоголя и заставлять его писать въ издаваемый имъ журналъ. Погодинъ всегда имѣлъ добрые порывы и былъ способенъ сдѣлать добро даже и такому человѣку, который не могъ заплатить ему тѣмъ же; но какъ скоро ему казалось, что одолженный имъ человѣкъ можетъ его отблагодарить, то онъ уже приступалъ къ нему безъ всякихъ церемоній, бралъ его за воротъ и говорилъ: „я тебѣ помогъ въ нуждѣ, а теперь ты на меня работай“.

Я сказалъ, что были случаи, въ которыхъ я никакъ не умѣлъ объяснить себѣ поступковъ Гоголя; именно, въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1842 года было два такихъ случая. Пріѣхалъ въ Москву старый мой, еще по гимназіи, товарищъ и другъ, Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ; онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, умный, образованный, живой, добрый, любящій и одаренный сильнымъ эстетическимъ чувствомъ. Кромѣ того, что онъ, по крайней мѣрѣ до изданія „Мертв. Д.“ понималъ и цѣнилъ Гоголя, онъ былъ съ нимъ очень дружески знакомъ въ Римѣ и какъ гостепріимный Славянинъ, не одинъ разъ угощалъ у себя Гоголя. Княжевичъ очень обрадовался, узнавъ, что мы съ Гоголемъ друзья и что онъ бываетъ у насъ всякій день. Я думалъ, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? Въ первый разъ, когда Княжевичъ пріѣхалъ къ намъ при Гоголѣ и сталъ здороваться съ кѣмъ-то за дверьми маленькой гостиной, въ которой мы всѣ сидѣли, Гоголь непримѣтно юркнулъ въ мой кабинетъ, и когда мы хватились его, то узнали, что онъ поспѣшно убѣжалъ изъ дому. Такой поступокъ поразилъ всѣхъ насъ, особенно удивилъ Княжевича. На другой день продолжалась такая же исторія, только съ тою разницею, что Гоголь не убѣжалъ изъ дому, когда пріѣхалъ Княже-

вичъ, а спрятался въ дальній кабинетецъ, схватилъ книгу, усѣлся въ большія кресла и притворился спящимъ. Онъ оставался въ такомъ положеніи болѣе двухъ часовъ и также потихоньку уѣхалъ. На вопросы, что съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ самыми дѣтскими отговорками: въ первый пріѣздъ Княжевича онъ будто вспомнилъ какое-то необходимое дѣло, по которому надобно было ему сейчасъ уѣхать, а въ другой разъ—будто ему такъ захотѣлось спать, что онъ не могъ тому противиться, а проснувшись, почувствовалъ головную боль и необходимость поскорѣе освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Мы всѣ были не только поражены изумленіемъ, но даже оскорблены. Я хотѣлъ даже заставить Гоголя объясниться съ Княжевичемъ; но послѣдній упросилъ меня этого не дѣлать и даже взялъ съ меня честное слово, что я и наединѣ не стану говорить объ этомъ съ Гоголемъ. Онъ думалъ, что вѣроятно Гоголю что нибудь насказали и что онъ имѣетъ на него неудовольствіе. Княжевичъ такъ любилъ горячо и меня и Гоголя, что буквально счелъ бы за несчастіе быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращеніе съ Гоголемъ измѣнилось и стало холоднѣе. Гоголь притворился, что не примѣчаетъ того. На третій день опять пріѣхалъ Княжевичъ съ дочерью, тогда какъ мы съ Гоголемъ сидѣли всѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы всѣ сейчасъ встали, пошли навстрѣчу своему гостю и, затворивъ Гоголя въ кабинетѣ, расположились въ гостиной. Черезъ полчаса вдругъ двери отворились, вбѣжалъ Гоголь и съ словами: „Ахъ, здравствуйте, Дмитрій Максимовичъ!"... протянулъ ему обѣ руки, кажется даже обнялъ его, и началась самая дружеская бесѣда пріятелей, не видавшихся давно другъ съ другомъ... Точно онъ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ послѣ разлуки, и точно прошедшихъ двухъ дней не бывало. Покорно прошу объяснить такую странность! Всякое объясненіе казалось мнѣ такъ невыгоднымъ для Гоголя, что я уже никогда не говорилъ съ нимъ объ этомъ, въ чемъ раскаеваюсь теперь.

Такихъ недоразумѣній, оставшихся безъ объясненій, было много и, вѣроятно, они были причиной тому, что Гоголь никогда не бывалъ со мною вполнѣ откровененъ. Другое происшествіе состояло въ слѣдующемъ (домашніе мои утверждаютъ, что оно случилось въ 1840-мъ г., но это всё равно). Гоголь еще не видалъ на Московской сценѣ „Ревизора"; актеры даже обижались этимъ, и мы уговорили Гоголя посмотрѣть свою комедію. Гоголь выбралъ день, и „Ревизора" назначили. Слухъ объ этомъ распространился по Москвѣ, и лучшая публика заняла бель-этажъ и первые ряды креселъ. Гоголь пріѣхалъ въ бенуаръ къ Чертковой, первый съ лѣвой стороны, и сѣлъ или почти легъ, такъ чтобъ въ креслахъ было не видно. Черезъ два бенуара сидѣлъ я съ семействомъ; піэса шла отлично хорошо; публика принимала её (можетъ быть, въ сотый разъ)

съ восхищенiемъ. По окончанiи 3-го акта, вдругъ всѣ встали, обратились къ бенуару Чертковой и начали вызывать автора. Вѣроятно кому нибудь пришла мысль, что Гоголь можетъ уѣхать, не дослушавъ пiэсы. Нѣсколько времени онъ выдерживалъ вызовы и громъ рукоплесканiй; потомъ выбѣжалъ изъ бенуара. Я бросился за нимъ, чтобъ провести его въ ложу директора, предполагая, что онъ хочетъ показаться публикѣ; но вдругъ вижу, что онъ спѣшитъ вонъ изъ театра. Я догналъ его у наружныхъ дверей и упрашивалъ войдти въ директорскую ложу. Гоголь не согласился, сказалъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать и убѣжалъ. Публика была очень недовольна, сочла такой поступокъ оскорбительнымъ и приписала его безмѣрному самолюбiю и гордости автора. На другой день Гоголь одумался, написалъ извинительное письмо къ Загоскину (директору театра), прося его сдѣлать письмо извѣстнымъ въ публикѣ, благодарилъ, извинялся и наклепалъ на себя небывалыя обстоятельства. Погодинъ прислалъ это письмо на другой день мнѣ, спрашивая, что̀ дѣлать? Я отсовѣтывалъ посылать, съ чѣмъ и Погодинъ былъ согласенъ. Гоголь не послалъ письма и на мои вопросы отвѣчалъ мнѣ точно тоже, на что̀ намекалъ только въ письмѣ, т. е. что онъ передъ самымъ спектаклемъ получилъ огорчительное письмо отъ матери, которое его такъ разстроило, что принимать въ эту минуту изъявленiе восторга зрителей было для него не только совѣстно, но даже невозможно. Намъ казалось тогда, и теперь еще почти всѣмъ кажется, такое объясненiе неискреннимъ и несправедливымъ. Мать Гоголя вскорѣ прiѣхала въ Москву, и мы узнали, что ничего особенно-огорчительнаго съ нею въ это время не случилось. Отговорка Гоголя признана была нами за чистую выдумку; но теперь я отступаюсь отъ этой мысли, признаю вполнѣ возможнымъ, что обыкновенное письмо о затрудненiи въ уплатѣ процентовъ по имѣнiю, заложенному въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнiя, могло такъ разстроить Гоголя, что всякое торжество, прiятное самолюбiю человѣческому, могло показаться ему грѣшнымъ и противнымъ. Объясненiе же съ публикой о такихъ щекотливыхъ, семейныхъ обстоятельствахъ, которое мы сейчасъ готовы назвать трусостью и подлостью, или, изъ милости, крайнимъ неприличiемъ — обличаютъ только чистую, прямую, простую душу Гоголя, полную любви къ людямъ и увѣренную въ ихъ сочувствiи.

Гоголь продолжалъ бывать у насъ очень часто, почти всякiй день, и охотно слушалъ разсказы Константина о томъ, какъ онъ держалъ себя и дѣйствовалъ въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, который онъ началъ посѣщать тогда и въ которомъ искали его знакомства. Константинъ увлекался мыслью, что истины, которыя онъ проповѣ-

дывалъ тамъ, согласно съ своимъ задушевнымъ и глубокимъ убѣжденіемъ, произведутъ благотворное дѣйствіе. Онъ ошибался. Свѣтъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ слушалъ его, какъ диковинное явленіе, и только. Это сдѣлалось модою. Правда, нѣкоторые полюбили его за теплоту убѣжденій, но самыя убѣжденія считали прекрасными мечтами. Гоголь хорошо понималъ настоящее значеніе этого явленія и очень имъ забавлялся.

Докуки Погодина увѣнчались однако успѣхомъ. Гоголь далъ ему въ журналъ большую статью подъ названіемъ „Римъ", которая была напечатана въ 3 № Москвитянина. Онъ прочелъ ее въ началѣ Февраля предварительно у насъ, а потомъ на литературномъ вечерѣ у князя Дм. Вл. Голицына (у Гоголя не было фрака, и онъ надѣлъ фракъ Константина). Не смотря на высокое достоинство этой піэсы, слишкомъ длинной для чтенія на раутѣ у какого бы то ни было генерала-губернатора, чтеніе почти усыпило половину зрителей; но когда къ концу піэсы дѣло дошло до комическихъ разговоровъ Итальянскихъ женщинъ между собою и съ своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло въ неописанный восторгъ, который и остался надолго въ благодарной памяти слушателей.

Многія дамы, незнакомыя лично съ Гоголемъ, но знакомыя съ нами, желали его видѣть; но Гоголя трудно было уговорить придти въ гостиную, когда тамъ сидѣла незнакомая ему дама. Одна изъ нихъ *** желала особенно познакомиться съ Гоголемъ; а потому Вѣра и Константинъ такъ пристали съ просьбами къ Гоголю, что какимъ-то чудомъ уговорили его войти въ гостиную. Это точно стоило большихъ трудовъ Константину и Вѣрѣ. Они приставали къ нему всячески, убѣждали его; онъ отдѣлывался разными уловками: то заговаривалъ о другомъ, то начиналъ имъ читать вслухъ что нибудь изъ Московъ. Вѣдомостей и т. д. Наконецъ, видя, что онъ уступаетъ, Константинъ громко возвѣстилъ его въ гостиной, такъ что ему ужъ нельзя было не войдти, и онъ вошелъ; но дама *** не съумѣла сказать ему ни слова, и онъ, оставшись нѣсколько минутъ, ушелъ. Константинъ проводилъ его и благодарилъ, но онъ былъ не совсѣмъ доволенъ, и на вопросъ Константина, какъ онъ нашелъ ***, онъ сказалъ, что не можетъ судить о ней, потому что не слыхалъ отъ нея ни слова, „а вы мнѣ сказали, что она желаетъ со мною познакомиться".

Еще въ Генварѣ 1842-го г. дошли до насъ слухи, что первый томъ „Мертв. Душ." въ рукописи ходитъ по рукамъ въ Петербургѣ. Гоголь

не зналъ, что́ и дѣлать. Онъ писалъ туда къ своимъ пріятелямъ, даже хотѣлъ самъ ѣхать на выручку его; но, наконецъ, нетерпѣливо ожидаемая рукопись, вся безъ исключенія пропущенная цензоромъ, была получена. Я не могу утвердительно сказать, дознались ли мы тогда настоящимъ образомъ, гдѣ и по чьей милости прогуливался цѣлый мѣсяцъ первый томъ „Мертв. Д.“. У насъ оставалось подозрѣніе, что тотъ господинъ, которому поручено было его отправить на почту, или почтамтскій чиновникъ, принявшій посылку, вздумали напередъ прочесть любопытную новость и дать почитать своимъ пріятелямъ; дѣло только въ томъ, что рукопись ѣхала изъ Петербурга до Москвы цѣлый мѣсяцъ. Я увѣренъ, что Никитенко не смѣлъ пропустить ее самъ, и что она была показана какому нибудь высшему цензору, если не Государю. Мы не вѣрили глазамъ своимъ, не видя ни одного замараннаго слова; но Гоголь не видѣлъ въ этомъ ничего необыкновеннаго и считалъ, что такъ тому и слѣдовало быть. Въ началѣ напечатаны 2,500 экземпляровъ. Обертка была нарисована самимъ Гоголемъ. Денегъ у Гоголя не было, потому „Мертв. Д.“ печатались въ типографіи въ долгъ, а бумагу взялъ на себя въ кредитъ Погодинъ. Печатаніе продолжалось два мѣсяца. Не смотря на то, что Гоголь былъ сильно занятъ этимъ дѣломъ, очевидно было, что онъ часъ отъ часу болѣе разстраивался духомъ и даже тѣломъ: онъ чувствовалъ головокруженіе и одинъ разъ имѣлъ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ чувствъ и безъ всякой помощи, потому что случилось это на верху, въ мезонинѣ, гдѣ у него никогда никого не было. Вдругъ дошли до Константина слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Онъ не повѣрилъ и спросилъ самъ Гоголя, который сначала отвѣчалъ неопредѣленно: „можетъ быть“; но потомъ сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться, потому что не можетъ писать, и потому что такое положеніе разрушаетъ его здоровье. Константинъ былъ очень огорченъ и съ горячностію убѣждалъ Гоголя не ѣздить, а испытать всѣ средства, чтобъ пріучить себя писать въ Москвѣ. Гоголь отвѣчалъ ему, что онъ именно то и дѣлаетъ, и проживетъ въ Москвѣ до нельзя. Вѣра, при которой происходилъ этотъ разговоръ, сказала Гоголю, что никакъ не должно доводить до нельзя, а лучше уѣхать немедленно. Я съ огорченіемъ и не удовольствіемъ узналъ объ этомъ. Все дѣлалось какъ-то неясно, неоткровенно, непонятно для меня, и моя дружба къ Гоголю тѣмъ оскорблялась. Теперь я вижу, что въ этомъ виноватъ былъ я болѣе всѣхъ, что я невнимательно смотрѣлъ на положеніе Гоголя, легкомысленно осуждалъ его, недостаточно показывалъ къ нему участія, а потому и не пользовался его полной откровенностью. У меня всегда было правило— не навязываться съ своимъ участіемъ, не домогаться ничьей откровен-

ности. Такое правило рѣшительно иногда бываетъ ложно, а съ Гоголемъ болѣе ложно, чѣмъ съ кѣмъ нибудь. Будучи самъ плохимъ христіаниномъ, я съ неудовольствіемъ и недовѣрчивостью смотрѣлъ на религіозное направленіе Гоголя. Вѣроятно это было главною причиною, почему онъ не открывался мнѣ въ своихъ намѣреніяхъ. Еслибъ я съ любовію и горячностью приставалъ къ Гоголю съ распросами, еслибъ я заставлялъ его быть съ собою откровеннымъ съ самаго пріѣзда въ Москву, то вѣроятно я могъ бы не допустить до огромнаго размѣра его неудовольствій съ Погодинымъ, и тогда, можетъ быть, Гоголь не уѣхалъ бы изъ Россіи, по крайней мѣрѣ такъ скоро. Черезъ нѣсколько дней, передъ вечеромъ, уѣзжалъ я въ клубъ, и всѣ меня провожали до передней. Вдругъ входитъ Гоголь съ образомъ Спасителя въ рукахъ и сіяющимъ, просвѣтленнымъ лицомъ. Такого выраженія въ глазахъ у него я никогда ни видывалъ. Гоголь сказалъ: „Я все ждалъ, что кто нибудь благословитъ меня образомъ, и никто не сдѣлалъ этого; наконецъ, Инокентій благословилъ меня. Теперь я могу объявить, куда я ѣду: ко Гробу Господню“. Онъ провожалъ Инокентія, и тотъ, прощаясь съ нимъ, благословилъ его образомъ. Инокентію, какъ архіерею, весьма естественно было благословить Гоголя образомъ; но Гоголь давно желалъ, чтобъ его благословила Ольга Семеновна, а прямо сказать не хотѣлъ. Онъ все ожидалъ, что она почувствуетъ къ этому влеченіе и даже самъ подговаривался; но Ольга Семеновна не догадывалась, да и какъ было догадаться? Признаюсь я не былъ доволенъ ни просвѣтленнымъ лицомъ Гоголя, ни намѣреніемъ его ѣхать ко Святымъ Мѣстамъ. Все это казалось мнѣ напряженнымъ, нервнымъ состояніемъ и особенно страшнымъ въ Гоголѣ, какъ въ художникѣ,—и я уѣхалъ въ клубъ. Безъ меня было много разговоровъ объ этомъ предметѣ, и особенно Вѣра приставала къ Гоголю со многими вопросами, которые, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ были ему пріятны. Напримѣръ, на вопросъ: „съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію; съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда или съ тѣмъ, чтобъ такъ скоро уѣхать?“ Гоголь отвѣчалъ: „съ тѣмъ, чтобъ проститься“. Всѣмъ извѣстно, что и письменно, и словесно Гоголь высказывалъ совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ, на долго ли ѣдетъ онъ? Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ, что на десять и наконецъ, что онъ ѣдетъ на пять лѣтъ. Ольга Семеновна сказала ему, что теперь она ожидаетъ отъ него описанія Палестины, на что̀ Гоголь отвѣчалъ: „Да, я опишу вамъ ее; но для того мнѣ надобно очиститься и быть достойну“. Черезъ нѣсколько времени онъ ушелъ *), оставя образъ у насъ, и взялъ его уже на другой день.

*) Въ этотъ день вечеромъ онъ хотѣлъ было идти къ Дмитріеву, у котораго очень давно не бывалъ по Пятницамъ; но онъ былъ такъ разстроенъ, или, лучше сказать, такъ про-

Въ первыхъ числахъ Мая пріѣхала мать Гоголя съ его сестрой Анютой, чтобъ взять съ собой Лизу, которая цѣлый годъ жила у Раевской, и чтобъ проститься съ сыномъ, который вѣроятно увѣдомилъ её, что уѣзжаетъ надолго. Она остановилась также у Погодина. 1-го Мая вотъ что̀ случилось. Гоголь у насъ обѣдалъ, послѣ обѣда часа два сидѣлъ у меня въ кабинетѣ и занимался поправкою корректуръ, въ которыхъ онъ не столько исправлялъ типографическія ошибки, сколько занимался перемѣною словъ, а иногда и цѣлыхъ фразъ. Корректуръ былъ огромный свертокъ. Гоголь не успѣлъ ихъ кончить, потому что условился ѣхать вмѣстѣ съ Шевыревымъ на гулянье; а Константинъ уѣхалъ ранѣе съ Боборыкинымъ. Въ 6 часовъ мы дали Гоголю лошадь, и онъ отправился къ Шевыреву, поручивъ мнѣ спрятать и запереть корректуры, такъ чтобъ ихъ никто не видалъ. Зная, что Гоголь долженъ воротиться очень поздно и что въ этотъ вечеръ никто намъ не помѣшаетъ, мы расположились въ моемъ кабинетѣ, и я началъ читать вслухъ именно тѣ главы „Мерт. Д.", которыхъ мое семейство еще не знало. Только что мы разчитались, какъ вдругъ Гоголь въѣхалъ на дворъ..... Сдѣлалась страшная суматоха, и мы едва успѣли скрыть наше преступленіе. Мы переконфузились не на шутку, потому что очень боялись разсердить или, лучше сказать, огорчить Гоголя; по счастью, онъ ничего не замѣтилъ. Онъ пріѣхалъ въ большой досадѣ на Шевырева, который не подождалъ его пяти минутъ и уѣхалъ одинъ, ровно въ 6 часовъ. Поболтавъ кой о чемъ съ нами и продолжая жаловаться на Нѣмецкую аккуратность Шевырева, Гоголь хотѣлъ было уже опять засѣсть за свои корректуры, какъ вдругъ пріѣхала карета четверкой въ рядъ, которую изъ Сокольниковъ прислала Екат. Алекс. Свербеева и приказала убѣдительно просить Гоголя къ нимъ въ палатку. Она узнала отъ Шевырева, что онъ не подождалъ Гоголя и что Гоголь у насъ. Гоголю не очень хотѣлось ѣхать, ему казалось уже поздно; но мы его уговорили, и онъ уѣхалъ.

Передъ своими имянинами, по случаю прекрасной погоды, еще до пріѣзда матери, Гоголь пригласилъ къ себѣ въ садъ нѣкоторыхъ дамъ и особенно просилъ, чтобъ пріѣхала Ольга Семеновна съ Вѣрой. Въ 6 часовъ вечера Ольга Сем—а съ Вѣрой и Лизой отправились къ Гоголю. Онъ встрѣтилъ ихъ на террасѣ и изъявилъ сожалѣніе, „что онѣ не пріѣхали раньше, что такъ было хорошо, а теперь уже солнце садится". Онѣ сошли въ садъ и гуляли вмѣстѣ. Вскорѣ пріѣхали Екатер. Алекс. Свербеева и Авд.

никнутъ высокимъ настроеніемъ, что не имѣлъ силы идти на скучный вечеръ, гдѣ собирались нестерпимо-скучные люди. Дмитріевъ, не смотря на свой замѣчательный умъ, никогда вполнѣ не понималъ Гоголя.

Петр. Елагина. Гоголь былъ очень смѣшонъ въ роли хозяина, и даже жалко было на него смотрѣть, какъ онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ занимать пріѣхавшихъ дамъ. Ольга Семеновна, Авдотья Петровна и жена Погодина сѣли въ саду у чайнаго стола; а Гоголь съ Екат. Алекс. и за ними Лиза съ Вѣрой пошли гулять. Гоголь употреблялъ всѣ усилія, чтобъ занимать свою спутницу, которую можно было занимать только свѣтской болтовней, какъ онъ думалъ. Двѣ дѣвушки шли за ними и посмѣивались. Истощивъ, наконецъ, какъ видно, весь свой запасъ, Гоголь прибѣгалъ, напримѣръ, къ слѣдующимъ разговорамъ: „Хорошо, еслибъ вдругъ изъ этого дерева выскочилъ хоръ пѣсельниковъ и вдругъ бы запѣлъ", и тому подобнымъ въ этомъ родѣ. Всё было вяло, принужденно и не кстати; но спутница его считала долгомъ находить всё очень любезнымъ и забавнымъ, и очень привлекательно улыбалась. Я слышалъ потомъ, какъ дамы говорили, что Гоголь былъ чрезвычайно любезенъ и остроуменъ. Наконецъ пошли пить чай; сдѣлалось холоднѣе. Гоголь подавалъ всѣмъ дамамъ салопы и услуживалъ, какъ умѣлъ. Послѣ чаю воротились въ комнату; тутъ Гоголь, для той же цѣли, принялся разсказывать всякій вздоръ и пустяки объ водяномъ леченіи Присница, чему дамы очень смѣялись, хотя, правду сказать, тутъ ничего не было смѣшнаго, потому что слышалось тяжелое принужденіе, которое дѣлалъ себѣ Гоголь. Ол. Сем. и Вѣра не могли не замѣтить, что онъ былъ очень доволенъ, когда уѣхали прочія дамы. Проводя ихъ, онъ сѣлъ въ уголъ дивана, какъ человѣкъ исполнившій свой долгъ и довольный, что можетъ отдохнуть. Тутъ онъ былъ совершенно свободенъ, разспрашивалъ ихъ про недавно бывшій вечеръ у Хомякова, именно о томъ, что́ тамъ дѣлалось послѣ его ухода, про Одоевскаго, про Боборыкина, которые всегда его забавляли. Наконецъ, когда сдѣлалось уже совершенно темно, Ольга Семеновна и Вѣра уѣхали.

9-го Мая сдѣлалъ Гоголь такой же обѣдъ для своихъ друзей въ саду у Погодина, какъ и въ 1840-мъ году. Погода стояла прекрасная; я былъ здоровъ, а потому присутствовалъ вмѣстѣ со всѣми на этомъ обѣдѣ. На немъ были профессора: Григорьевъ (проѣздомъ случившійся въ Москвѣ), Армфельдъ, Рѣдкинъ и Грановскій. Былъ Ст. Вас. Перфильевъ (особенный почитатель Гоголя), Свербеевъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Елагины, Нащокинъ (извѣстный другъ Пушкина, любившій въ немъ не поэта, а человѣка, чѣмъ очень дорожилъ Пушкинъ), Загоскинъ, Н. Ф. Павловъ, Ю. Самаринъ, Константинъ, Гриша и многіе другіе изъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Обѣдъ былъ шумный и веселый, хотя Погодинъ съ Гоголемъ были въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ и даже не говорили, чего впрочемъ нельзя было замѣтить въ такой толпѣ. Гоголь шутилъ и смѣ-

шилъ своихъ сосѣдей. Послѣ обѣда Гоголь въ бесѣдкѣ самъ приготовлялъ жженку, и когда голубоватое пламя горящаго рома и шампанскаго обхватило и растопляло куски сахара, лежавшаго на рѣшеткѣ, Гоголь говорилъ, что „это Бенкендорфъ, который долженъ привесть въ порядокъ сытые желудки". Разумѣется, голубое пламя и голубой жандармскій мундиръ своей аналогіей подали поводъ къ такой шуткѣ, которая *послѣ обѣда* показалась всѣмъ очень забавною и возбудила общій громкій смѣхъ. Не помню, тутъ ли былъ Перфильевъ.

Печатанье „М. Д." приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплесть десятка два экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить и взять съ собой. Первые совсѣмъ готовые экземпляры были получены 21-го Мая, въ день имянинъ Константина, прямо къ намъ въ домъ, и тутъ же Гоголь подарилъ и подписалъ одинъ экземпляръ имяниннику, а другой намъ съ надписью: „друзьямъ моимъ, цѣлой семьѣ Аксаковыхъ". У насъ было довольно гостей, и всѣ обѣдали въ саду. Были Погодинъ и Шевыревъ. Это былъ въ тоже время прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ „М. Д.", но пріѣхать для его напечатанья уже не обѣщалъ.

Семейство Гоголя бывало у насъ очень часто, почти всякій день. Мать его также собиралась ѣхать и брала съ собой вторую свою дочь Лизу, которая во время пребыванія своего у Раевской много перемѣнилась къ лучшему, чѣмъ Гоголь былъ очень доволенъ. Во время еще пребыванія своей сестры у Раевской, мѣсяца за два до отъѣзда, у нея въ домѣ Гоголь познакомился короче съ одной почтенной старушкой Над. Ник. Шереметевой, которая за годъ передъ симъ, еще не зная Гоголя лично, упросила Раевскую взять его сестру. Шереметева была глуха и потому, видѣвъ Гоголя нѣсколько разъ прежде, не говорила съ нимъ и почти совсѣмъ его не знала. Но по случаю болѣзни Раевской, просидѣвъ съ Гоголемъ наединѣ часа два, она была поражена изумленіемъ, найдя въ немъ горячо вѣрующаго и набожнаго человѣка. Она, уже давно преданная исключительно молитвѣ и добру, чрезвычайно его полюбила, нѣсколько разъ сама пріѣзжала къ нему, чтобъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ и, наконецъ, непремѣнно захотѣла его проводить. Гоголь, взявши мѣсто въ дилижансѣ на 23 Мая, сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ нашего дома и пригласилъ ее безъ всякихъ церемоній прямо пріѣхать къ намъ. Шереметева, побывавъ поутру у Гоголя, подаривъ ему шнурокъ своей работы и отдавъ прощальное письмо, пріѣхала къ намъ 23-го Мая въ субботу, чтобъ еще проститься съ Гоголемъ. Черезъ четверть часа, нельзя было узнать, что мы не были цѣлый вѣкъ дружески

знакомы съ этой почтенной и достойной женщиной. Когда началось прощанье, она простилась съ Гоголемъ прежде всѣхъ и уѣхала, чтобъ не мѣшать Гоголю проститься съ матерью и сестрами. Простившись со всѣми, Гоголь, выходя изъ залы, обернулся и перекрестилъ всѣхъ насъ. Я, Гоголь, Константинъ и Гриша сѣли въ четвероместную коляску и поѣхали до первой станціи, до Химокъ, куда еще прежде поѣхалъ Щепкинъ съ сыномъ, и гдѣ мы расположились отобѣдать и дождаться дилижанса, въ которомъ Гоголь отправлялся въ Петербургъ. Подъѣхавъ къ Тверской заставѣ, я какъ то выглянулъ изъ коляски и увидѣлъ, что Над. Ник. Шереметева ѣдетъ за нами въ своихъ дрожкахъ. Мы остановились, Гоголь вышелъ и простился съ ней очень нѣжно; а она благословила и перекрестила его какъ сына. У самаго шлагбаума подбѣжалъ къ намъ солдатъ и спросилъ: кто мы и куда ѣдемъ? Константинъ, неспособный ни къ какому роду лжи, началъ было разсказывать: что мы такіе-то и ѣдемъ провожать Гоголя, отправляющагося за границу; но Гоголь поспѣшно вскочилъ и сказалъ, что мы ѣдемъ на дачу и сегодня же воротимся въ Москву. Я засмѣялся, Константинъ нѣсколько сконфузился; а Гоголь пустился объяснять, что въ жизни необходима *змѣиная мудрость,* т. е., что не надобно сказывать иногда никому ненужную правду и приводить тѣмъ людей въ хлопоты и затрудненія; что еслибъ онъ успѣлъ объявить о путешественникѣ, отъѣзжающемъ въ чужіе края, то у него потребовали бы паспорта, который находился въ то время у кондуктора, въ конторѣ дилижансовъ, и путешественника бы не пропустили. Потомъ Гоголь обратился ко мнѣ съ просьбами старательно вслушиваться во всѣ сужденія и отзывы о „Мертвыхъ Душахъ“, предпочтительно дурные, записывать ихъ изъ слова въ слово и всѣ безъ исключенія сообщать ему въ Италію. Онъ увѣрялъ меня, что это для него необходимо; просилъ, чтобъ я не пренебрегалъ мнѣніями и замѣчаніями людей самыхъ глупыхъ и ничтожныхъ, особенно людей, расположенныхъ къ нему враждебно. Онъ думалъ, что злость, напрягая и изощряя умъ самаго пошлаго человѣка, можетъ открыть въ сочиненіи такіе недостатки, которые ускользали не только отъ пристрастныхъ друзей, но и отъ людей равнодушныхъ къ личности автора, хотя бы они были очень умны и образованы. Въ такого рода разговорахъ, но безъ всякихъ искреннихъ, дружескихъ изліяній, которымъ, казалось бы, невозможно было не быть при разставаньи на долгое время, между друзьями, изъ которыхъ одинъ отправлялся съ намѣреніемъ предпринять трудное и опасное путешествіе ко Святымъ Мѣстамъ—доѣхали мы до первой станціи (Химки, въ 13 верстахъ отъ Москвы). Мих. Сем. Щепкинъ, пріѣхавши туда прежде насъ съ сыномъ, пошелъ къ намъ на встрѣчу и точно встрѣтилъ насъ версты за двѣ до Химокъ. Прі-

ѣхавши на станцію, мы заказали себѣ обѣдъ и пошли всѣ шестеро гулять. Мы ходили вверхъ по маленькой рѣчкѣ, бродили по березовой рощѣ, сидѣли и лежали подъ тѣнью деревъ; говорили какъ-то мало, не живо, не связно и вообще находились въ какомъ-то принужденномъ состояніи. Гоголь внутренно былъ чрезвычайно радъ, что уѣзжаетъ изъ Москвы; но глубоко скрывалъ свою радость. Онъ чувствовалъ въ тоже время, что обманулъ наши ожиданія и уѣзжаетъ слишкомъ рано и поспѣшно, тогда какъ обѣщалъ навсегда оставаться въ Москвѣ. Онъ чувствовалъ, что мы, для которыхъ было закрыто внутреннее состояніе его души, его мучительное положеніе въ домѣ Погодина, котораго оставить онъ не могъ безъ огласки—имѣли полное право обвинять его въ причудливости, непостоянствѣ, капризности, пристрастіи къ Италіи и въ холодности къ Москвѣ и Россіи. Онъ читалъ въ моей душѣ, а также и въ душѣ Константина, что, послѣ тѣхъ писемъ, какія онъ писалъ ко мнѣ, его настоящій поступокъ, дѣлаемый безъ искреннихъ объясненій, могъ показаться мнѣ весьма двусмысленнымъ, а самъ Гоголь человѣкомъ фальшивымъ. Послѣдняго мы не думали, но конечно съ непріятнымъ изумленіемъ и нѣкоторою холодностью, въ сравненіи съ прежнимъ, смотрѣли на отъѣзжающаго Гоголя. Мы воротились съ прогулки довольно скучной, сѣли обѣдать, выпили здоровье Гоголя привезеннымъ съ собой шампанскимъ и, сидя за столомъ, продолжали разговаривать о разныхъ пустякахъ до пріѣзда дилижанса, который явился очень скоро. Увидавъ дилижансъ, Гоголь торопливо всталъ, началъ собираться и простился съ нами, равно какъ и мы съ нимъ, не съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какого можно было ожидать. Товарищемъ Гоголя въ купе опять случился военный, съ иностранной фамиліей, кажется Нѣмецкой, но человѣкъ необыкновенной толщины. Гоголь и тутъ, для предупрежденія разныхъ объясненій и любопытства, назвалъ себя *Гоноленъ* и даже записался такъ, предполагая, что не будутъ справляться съ его паспортомъ. Хотя я давно начиналъ быть иногда не доволенъ поступками Гоголя; но въ эту минуту я все забылъ и чувствовалъ только горесть, что великій художникъ покидаетъ отечество и насъ. Горькое чувство овладѣло мною, когда захлопнулись дверцы дилижанса; образъ Гоголя исчезъ въ немъ, и дилижансъ покатился по Петербургскому шоссе. Въ тоже время, какъ мы отправились провожать Гоголя, его мать съ дочерьми и Ольга Семеновна, также съ дочерьми, отправились въ двухъ экипажахъ къ Троицѣ, помолиться Богу. Марья Ивановна была очень огорчена: сердце матери предчувствовало долгую разлуку.

Изъ всего разсказаннаго мною очевидно, что въ этотъ пріѣздъ Гоголя, я не былъ доволенъ имъ такъ, какъ въ первый пріѣздъ, хотя по его

письмамъ должно было ожидать, что взаимная дружба наша сдѣлается гораздо сильнѣе. Повторяю, что, не смотря на нѣкоторые необъяснимые поступки Гоголя, я обвиняю въ этомъ себя. Мнѣ должно было вмѣшаться въ его неудовольствія съ Погодинымъ, стать между ними посредникомъ и судьей. Не надобно было смотрѣть на то, что Гоголь скрывалъ ихъ; по разсказамъ Погодина я долженъ былъ понять, какъ страдалъ Гоголь. Еслибъ нельзя было уладить ихъ непріятности, то надобно было такъ устроить, чтобъ Гоголь не жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Здѣсь кстати сказать, что, возвращаясь въ Россію, если не на всегда, то надолго, Гоголь не имѣлъ намѣренія жить у Погодина: онъ хотѣлъ жить вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ, который по болѣзни не могъ тогда еще воротиться въ Россію. Впрочемъ и то надо сказать, что впослѣдствіи Гоголь жилъ вмѣстѣ съ Языковымъ въ чужихъ краяхъ, но не ужился, и конечно въ этомъ должно обвинять не Языкова, у котораго былъ характеръ очень уживчивый. Причиною неудовольствія былъ крѣпостной лакей Николая Михайловича, который ходилъ за нимъ во все время болѣзни усердно, пользовался полной довѣренностью своего господина и, по его болѣзни, полновластно распоряжался домашнимъ хозяйствомъ; Гоголь же захотѣлъ самъ распоряжаться и вздумалъ нарушать разныя привычки и образъ жизни больнаго. Такъ покрайней мѣрѣ говорили братья Языкова, къ которымъ будто онъ писалъ самъ, а также и его довѣренный лакей. Когда пріѣхалъ Языковъ на житье въ Москву, я спрашивалъ его объ этомъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ рѣшительно, что это совершенный вздоръ и что никакихъ неудовольствій между нимъ и Гоголемъ не бывало. Нельзя предположить, чтобы братья Языкова выдумали эту исторію; но вѣроятно преувеличили, основываясь не на письмахъ брата, а на письмахъ его камердинера. Ник. Мих. Языковъ до кончины своей показывалъ искреннюю и горячую привязанность къ Гоголю. Какъ бы то ни было, успѣлъ ли бы я или нѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ—вина состоитъ въ томъ, что я ихъ не начиналъ и что все это пришло мнѣ въ голову гораздо позже.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Гоголя, „Мертвыя Души“ быстро разлетѣлись по Москвѣ и потомъ по всей Россіи. Книга была раскуплена нарасхватъ. Впечатлѣнія были различны, но равносильны. Публику можно было раздѣлить на „три части. Первая, въ которой заключалась вся образованная молодежь и всѣ люди, способные понять высокое достоинство Гоголя, приняла его съ восторгомъ. Вторая часть состояла, такъ сказать, изъ людей озадаченныхъ, которые, привыкнувъ тѣшиться сочиненіями Гоголя, не могли вдругъ понять глубокаго и серьезнаго значенія его поэмы; они находили въ ней много кари-

катуры и, основываясь на мелочныхъ промахахъ, считали многое невѣрнымъ и неправдоподобнымъ. Должно сказать, что нѣкоторые изъ этихъ людей, прочитавъ „Мертвыя Души“ во второй и даже въ третій разъ, совершенно отказались отъ перваго своего непріятнаго впечатлѣнія и вполнѣ почувствовали правду и художественную красоту творенія. Третья часть читателей обозлилась на Гоголя: она узнала себя въ разныхъ лицахъ поэмы и съ остервененіемъ вступилась за оскорбленіе цѣлой Россіи. Къ сожалѣнію должно сказать, что нѣкоторые добрые и хорошіе люди принадлежали къ этой категоріи и остались въ ней навсегда.

Распродажей „Мертвыхъ Душъ“ завѣдывалъ Шевыревъ и по мѣрѣ выручки денегъ расплачивался съ долгами.

Мы довольно скоро переѣхали на дачу. Тамъ перечелъ я „Мертвыя Души“ вслухъ своему семейству, прочитывалъ каждый день по одной главѣ, и тутъ только я понялъ всю великость этого творенія. Я открылъ въ немъ много красотъ, которыя ускользнули отъ меня во время чтенія Гоголя и даже моего собственнаго, всегда отрывочнаго и не вполнѣ внимательнаго въ суетѣ городской жизни. Мать Гоголя съ дочерьми уѣхала въ свою Васильевку или Яновщину, уже послѣ нашего переѣзда на дачу. Марья Ивановна съ дочерьми провожала насъ, когда мы уѣзжали изъ Москвы, и простилась съ нами очень грустно; особенно плакала Лиза, которую сестра Анюта напугала разсказами о жизни въ глуши Малороссіи. Марья Ивановна женщина необыкновенная. Она такъ моложава и хороша собой, что дочери кажутся при ней дурными. Она вся исполнена самоотверженія и тихой любви къ своимъ дѣтямъ; она отдала имъ свое сердце и сама не только не имѣетъ воли, но даже своихъ желаній; по крайней мѣрѣ не показываетъ ихъ. Сына любитъ она болѣе всего на свѣтѣ и между тѣмъ должна отъ него почти отказаться, видѣть изрѣдка, и то на короткое время. Лицо ея постоянно грустно, особенно послѣ отъѣзда Николая Васильича; она плачетъ мало, но видно, какъ глубоко огорчена, и между тѣмъ говоритъ, что не надобно грустить: ибо у нихъ есть повѣрье, что тотъ человѣкъ, о которомъ грустятъ, будетъ отъ того грустить больше. Вѣра очень справедливо пишетъ въ письмѣ къ М. Карташевской, что какъ-то странно видѣть мать Гоголя и слышать, какъ она говоритъ о немъ. Напримѣръ: „*когда Николинька писалъ „Мертвыя Души“, онъ желалъ только добра людямъ*“ и т. п. выраженія въ этомъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, соединеніе подчеркнутыхъ мною словъ очень странно отзывается въ ушахъ и въ умѣ слушателя. Она конечно не можетъ смотрѣть на него иначе, какъ на

сына, и во всѣхъ словахъ о немъ слышится материнское чувство, даже тогда, когда она говоритъ о немъ, какъ о великомъ писателѣ. Какъ она боится того впечатлѣнія, которое произведетъ на цѣлую Россію его новая книга! Она боится непріязненнаго впечатлѣнія только потому, что это можетъ его разстроить и повредить его здоровью. Какъ интересны всѣ тѣ мелочныя подробности, которыя она разсказываетъ про дѣтство своего Николиньки. Напримѣръ, какъ онъ написалъ одинъ разъ какое-то сочиненіе и поднесъ ей, а потомъ самъ же тихонько утащилъ его и вѣроятно истребилъ, какъ она подозрѣваетъ, и пр. и пр. Какъ она смотритъ на портретъ сына, который онъ оставилъ ей и который въ самомъ дѣлѣ похожъ чрезвычайно! Какъ она объясняетъ то, что̀ выражается на лицѣ его. „Онъ улыбается, говоритъ она, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ грустное; какъ будто хочетъ сказать людямъ: вы ошибаетесь во мнѣ, моя душа чиста и ясна, и много любви въ ней“.— Вѣра прибавляетъ, что я совѣтовалъ Марьѣ Ивановнѣ записывать всѣ воспоминанія о дѣтствѣ сына (кажется, всего было бы благонадежнѣе записывать ихъ самимъ намъ), и продолжаетъ такъ: какъ любитъ Марья Ивановна всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ участіе въ ея сынѣ! Она все старается увѣрить себя, что онъ воротится скоро, хотя онъ самъ сказалъ ей, что это можетъ быть не прежде пяти лѣтъ (чего онъ мнѣ собственно никогда не говорилъ). Она увидала одинъ разъ только что вышедшій томъ „Мертвыхъ Душъ“, лежавшій на столѣ у насъ въ гостинной; она развернула и прочла: „О моя юность, о моя свѣжесть“... и залилась слезами. Поразительно было видѣть, какъ по наружности молодая, прекрасная и свѣжая женщина оплакивала увядшую юность и свѣжесть своего сына.

10 Іюня, живя на дачѣ въ деревнѣ Гаврилковѣ, я только что кончилъ вслухъ чтеніе „Мертвыхъ Душъ“, какъ получилъ первое письмо отъ Гоголя изъ Петербурга.

«С.-п.-б. Іюня 4».

„Я получилъ ваше письмо еще въ началѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, милый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Теперь пишу къ вамъ нѣсколько строкъ передъ выѣздомъ. Хлопотъ было у меня довольно. Никакъ нельзя было на здѣшнемъ безтолковьѣ сдѣлать всего вдругъ. Кое-что я оканчивать оставилъ Прокоповичу. Онъ уже занялся печатаньемъ. Дѣло, кажется, пойдетъ живо. Типографіи здѣшнія набираютъ въ день до шести листовъ; всѣ четыре тома къ Октябрю выйдутъ непременно. Экземпляръ „Мертвыхъ Душъ“ еще не поднесенъ Царю. Все это уже будетъ сдѣлано по моемъ отъѣздѣ. Обнимаю васъ нѣсколько разъ. Крѣпки и сильны будьте душой; ибо крѣпость и сила почіютъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и

сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу. Вѣрующіе въ свѣтлое увидятъ свѣтлое, темное существуетъ только для невѣрующихъ.—Прощайте. Обнимаю Константина Сергѣевича, и передайте мое сердечное рукопожатье Ольгѣ Семеновнѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и всему вашему семейству. Обнимите также всѣхъ моихъ знакомыхъ, всѣхъ кого я видалъ и съ кѣмъ былъ въ Москвѣ. Прощайте. Пишите въ Гастейнъ".

Первое мое письмо въ Петербургъ, о которомъ говоритъ Гоголь, не нашлось въ его бумагахъ. Печатанье всѣхъ его сочиненій въ четырехъ частяхъ, въ числѣ 5000 тысячъ экземпляровъ, было поручено школьному товарищу и другу Гоголя, г-ну Прокоповичу. Я его совсѣмъ не знаю и никогда не видывалъ; но дѣло это онъ исполнилъ не совсѣмъ хорошо. Во-первыхъ, изданіе стоило неимовѣрно дорого; а во-вторыхъ, типографія сдѣлала значительную контрфакцію. Когда Шевыревъ впослѣдствіи, съ разрѣшенія Гоголя, вытребовалъ всѣ остальные экземпляры къ себѣ въ Москву, оказалось, что у книгопродавцевъ въ Петербургѣ и частью въ Москвѣ находился большой запасъ „*Мертвыхъ Душъ*", не соотвѣтствующій числу распроданныхъ экземпляровъ, такъ что въ теченіи полутора года ни одинъ книгопродавецъ не взялъ у Шевырева ни одного экземпляра, а всѣ получали ихъ изъ Петербурга съ выгодною уступкою. По прошествіи же полутора года, экземпляры начали быстро расходиться и пересылаться въ Петербургъ.

Теперь слѣдуетъ мое письмо съ дачи.

«1842. Іюля 3-го Гаврилково».

„Вотъ уже другой мѣсяцъ живемъ мы въ прелестной деревушкѣ, милый другъ Николай Васильевичъ. Другой мѣсяцъ или читаемъ васъ или говоримъ о васъ. Никому не повѣрю, чтобъ нашелся человѣкъ, который могъ бы съ перваго раза вполнѣ понять ваши безсмертныя „Мертвыя Души"! Я восхищался ими вмѣстѣ съ другими, а можетъ быть и больше другихъ, или по крайней мѣрѣ многихъ; но восхищеніе мое было одностороннее. Нѣкоторыя, болѣе выдающіяся (по натурѣ своей) части, закрывали отъ меня остальное. Это міръ Божій... Можно ли однимъ взглядомъ его разсмотрѣть? Какое надобно вниманіе и разумѣніе, чтобъ открыть въ немъ совершенство творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ, повидимому и не стоющихъ большого вниманія? Признаю торжественно превосходство эстетическаго чувства въ моемъ Константинѣ: онъ понялъ васъ болѣе меня и болѣе всѣхъ, сколько мнѣ извѣстно, изъ прежнихъ вашихъ твореній. Что̀ казалось восторженностью доходившею до смѣшнаго излишества то теперь стало истиною, поня-

тою еще немногими, но тѣмъ не менѣе непреложной истиной! Конечно, молодое поколѣніе образованныхъ юношей, все безъ исключенія почти, кромѣ несчастныхъ, лишенныхъ всякаго чувства изящнаго, болѣе и полнѣе васъ пойметъ, чѣмъ сорокалѣтніе и пятидесятилѣтніе люди. Всѣ мы съ нѣкоторыми измѣненіями успѣли засорить свой умъ, притупить чувство и не можемъ вдругъ стряхнуть съ себя сего ложнаго воззрѣнія и направленія. Константинъ написалъ статью, которая печатается въ „Москвитянинѣ"; въ ней вѣрно и ясно указаны причины, отчего порядочные люди, понимавшіе и чувствовавшіе другихъ поэтовъ, не могутъ вдругъ и вполнѣ понять и почувствовать „Мертвыя Души". Я прочелъ ихъ два раза про себя и третій разъ вслухъ для всего моего семейства; надобно нѣкоторымъ образомъ остыть, чтобъ не пропустить красотъ творенія, естественно ускользающихъ отъ пылающей головы и сильно бьющагося сердца. Теперь мы съ жадностью бросились перечитывать все, написанное вами прежде, по порядку, какъ оно выходило. Растояніе велико; но элементы уже тѣ. Главное: свѣжесть, ароматность, такъ сказать, жизни, непостижимыя!... Прочту ли я остальныя части „Чичикова"? Доживу ли я до этого счастія? Кромѣ моего семейства, у меня нѣтъ другаго, столь высокаго интереса, въ остальномъ теченіи моей жизни, какъ желанье и надежда прочесть два тома „Мертвыхъ Душъ". А трагедія? Помните ли, что̀ вы говорили мнѣ о ней въ Петербургѣ?... Вы сами тогда считали ее совершеннѣйшимъ своимъ произведеніемъ, хотя она не была написана. Неужели толпа новыхъ лицъ, живущая въ похожденіяхъ Чичикова, вѣроятно послѣ вами созданная, сгладитъ образы и характеры лицъ драмы, которые тогда (какъ вы сами выразились) предстояли предъ вами живые и одѣтые въ полные костюмы *до послѣдней нитки?* Но да будетъ, что̀ угодно Богу. Да сохранитъ Онъ только васъ здрава и невредима".

„Я получилъ ваше письмецо изъ Петербурга отъ 4-го Іюня. Вы намѣревались выѣхать изъ него ранѣе, чѣмъ предполагали; по крайней мѣрѣ я помню, что поднесеніе экземпляровъ назначаемо было при васъ. Мы еще не имѣемъ никакого извѣстія, когда именно выѣхали вы изъ этого сѣвернаго Вавилона. Сердечно васъ благодарю, милый другъ, за то, что вы побывали у Карташевскихъ; особенно благодаритъ васъ Вѣра: вы доставили ей истинное удовольствіе, давши взглянуть на себя ея другу, Машенькѣ Карташевской. Эта необыкновенная дѣвушка превзошла всѣ мои ожиданія. Какъ ни высоко я цѣнилъ ея эстетическое чувство, но не могъ предполагать, чтобъ она могла такъ понять и почувствовать „Мертвыя Души". Она удивила и восхитила меня своимъ письмомъ. Немного такихъ прекрасныхъ существъ можно встрѣ-

тить, не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, и въ цѣлой православной Руси.—Я обѣщалъ вамъ записывать разные толки о Чичиковѣ; я сдѣлалъ это, сколько могъ успѣть; ибо черезъ недѣлю мы уѣхали изъ Москвы. Вотъ они; выписываю ихъ съ дипломатическою точностью. С. В. Перфильевъ сказалъ мнѣ: „Не смѣю говорить утвердительно, но признаюсь: „*Мертвыя Души*" мнѣ не такъ нравятся, какъ я ожидалъ. Даже какъ-то скучно читать; все одно и тоже, натянуто; видно желаніе перейти въ Русскіе писатели; употребленіе руссицизмовъ вставочное не выливается изъ характера лица, которое ихъ говоритъ". Онъ прочелъ залпомъ въ одинъ день. Я просилъ его черезъ нѣсколько времени прочесть въ другой разъ и не искать анекдота. Онъ хотѣлъ прочесть три раза. Уходя, онъ прибавилъ, что сальности въ прежнихъ сочиненіяхъ, даже въ „Ревизорѣ", его не оскорбляли; но что здѣсь онѣ оскорбительны, потому что какъ будто нарочно вставляются авторомъ. Н. И. Васьковъ говорилъ, „что составъ губернскаго общества не вѣренъ (какъ и въ „Ревизорѣ", гдѣ пропущены: стряпчій, казначей и исправникъ); что предсѣдателей двое, что полицеймейстеръ лицо ничтожное въ губернскомъ городѣ; что, представивъ сначала все въ дрянномъ и смѣшномъ видѣ, странно сдѣлать такое горячее обращеніе къ Россіи; что часто шутки автора плоски, неблагопристойны и что порядочной женщинѣ нельзя читать всю книгу". Наконецъ нашелся одинъ, который обидѣлся слѣдующими словами: „*посмотримъ, что̀ дѣлаетъ нашъ пріятель*"? И кто же этотъ пріятель?... Селифанъ или половой!.. Что же они мнѣ за пріятели?.. Не сочтите за выдумку послѣдняго выраженія: все правда до послѣдней буквы. Есть впрочемъ обвиненія и справедливыя. Я очень браню себя, что одно просмотрѣлъ, а на другое мало настаивалъ: крестьяне на выводъ продаются съ семействами, а Чичиковъ отказался отъ женскаго пола; безъ довѣренности, выданной въ присутственномъ мѣстѣ, нельзя продать чужихъ крестьянъ, да и предсѣдатель не можетъ быть въ одно и тоже время и довѣреннымъ лицомъ, и присутствующимъ по этому дѣлу.—Не смотря на лѣто, „Мертвыя Души" расходятся очень живо и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Погодину отдано уже 4500 р.; въ непродолжительномъ времени и другіе получатъ свои деньги (забавно, что никто не хочетъ получить первый, а всякій желаетъ быть послѣднимъ)".

«5-го Іюля».

„Вчера получилъ Константинъ письмо отъ Погодина, который отказывается напечатать его статью о „Мертвыхъ Душахъ", хотя она уже была набрана; будучи самъ слѣпъ, боится, что осмѣютъ человѣка зрячаго... Охъ, уже эти мнѣ друзья, которые, не понимая хорошенько,

вступаютъ не въ свое дѣло и присвоиваютъ себѣ не принадлежащія имъ права. Константинъ напечатаетъ свою статью особой брошюркой. Вы знаете, милый другъ, что я не допустилъ бы Константина печатать восторженный вздоръ; напротивъ, эта статья указываетъ истинную точку, съ которой надобно смотрѣть на ваше твореніе и открываетъ причины, почему красоты его не вдругъ могутъ быть доступны испорченному эстетическому чувству большей части людей.—Погодинъ, наконецъ, третьяго дни получилъ отпускъ и скоро уѣзжаетъ.—Банкиръ вашъ, Валентини, умеръ, и такъ пришлите мнѣ немедленно вашъ адресъ въ Римѣ. Жена моя не дождалась моего письма и писала къ вамъ на прошедшей недѣлѣ".

„Я теперь совершенно предался наслажденіямъ деревенской жизни. Мѣстоположеніе у насъ чудесное; дожди и грозы всякій день, но мимолетные, послѣ которыхъ еще свѣжѣе зелень, еще чище воздухъ, еще ароматнѣе цвѣты и травы. Всякій день встаю въ 4 часа утра и спѣшу удить: и рѣка, и пруды у самаго дома. Пекусь на солнцѣ часу до 11-го и бросаюсь въ рѣку, чтобъ прохладиться и освѣжиться. До обѣда немного вздремну, до вечера сижу и гуляю съ своими, а вечеромъ опять удить. Я точно уѣхалъ за тысячу верстъ: ни съ кѣмъ не вижусь, ни во что не вхожу и ни съ кѣмъ не переписываюсь... Письмо къ вамъ, милый другъ, исключеніе: съ вами я не разстаюсь ни на одинъ часъ, также и все мое семейство. Желаніе поговорить съ вами не оставляло меня ни на минуту; но я слишкомъ полонъ былъ сильныхъ чувствъ, и потому нарочно мѣшкалъ нѣсколько времени. Грустно мнѣ, когда вздумаю, что время вашего возвращенія такъ далеко... Когда мы васъ дождемся?.. Много воды утечетъ въ продолженіи почти трехъ лѣтъ!.. А кто знаетъ, великъ ли запасъ ея! Притомъ какое длинное, трудное, со многими опасностями сопряженное путешествіе! Часто я думаю, думаю и никакъ не могу объяснить себѣ причины этого послѣдняго вашего путешествія. Не правда ли, милый другъ, у васъ не было и помышленія о немъ, когда вы воротились въ Москву? Оно родилось мгновенно. По крайней мѣрѣ я не подозрѣвалъ его. По моему свойству и правиламъ, я никогда не навязываюсь на довѣренность друзей своихъ; потому не спрашивалъ и васъ о причинахъ такой быстрой перемѣны, хотя былъ пораженъ ею... Теперь же меня это безпокоитъ. Можетъ быть, вы желали мнѣ сказать о нихъ и ожидали только моего вопроса; можетъ быть мое молчаніе вы растолковали въ другую сторону и—жестоко ошиблись!... Какъ бы я желалъ, чтобъ срокъ вашего отсутствія сократился и чтобъ мы увидѣли васъ скорѣе, опять посреди нашего семейства, которое все безъ исключенія

привязано къ вамъ, какъ къ ближайшему родному.—Сейчасъ получили письмо отъ Лизы. Маменька ваша и сестрицы доѣхали, хотя не скоро, съ хлопотами и убытками, но благополучно; онѣ вѣрно къ вамъ пишутъ. Всѣмъ намъ очень жаль Лизу: она будетъ скучать, и ей не сладиться съ тамошней, деревенской жизнью.—Константинъ будетъ къ вамъ писать особо и скоро; но я не сталъ его дожидаться, потому что крѣпко захотѣлось перемолвить съ вами словечко. Къ намъ пріѣхалъ третій и послѣдній нашъ сынъ; часто бываетъ горько на душѣ, что уже не дождемся возвращенія четвертаго... Прощайте, милый, сердечный другъ нашъ! Поминайте насъ такъ же часто, какъ мы васъ: чаще этого нельзя. Я предлагалъ Погодину, сейчасъ послѣ вашего отъѣзда, заплатить весь вашъ долгъ, но онъ отказался. Если вамъ понадобятся деньги, то, чуръ, ни къ кому, кромѣ меня, не писать. Обнимаю васъ крѣпко и долго. Да сохранитъ васъ милосердый Богъ для всѣхъ вообще и для насъ особенно! Всѣ васъ обнимаютъ. Я былъ два раза у Шереметевой; она васъ помнитъ и любитъ сильно. Вашъ душою С. Аксаковъ. Погодинъ ѣдетъ завтра».

Статья Константина, о которой говорится въ этомъ письмѣ, была принята Погодинымъ въ журналъ безъ всякаго сопротивленія; но его сбилъ Шевыревъ. Погодинъ очень боялся, что мы съ Константиномъ осердимся за его отказъ напечатать статью и написалъ объ этомъ большое письмо ко мнѣ; но оно затеряно. Я отвѣчалъ очень ласково, что можетъ быть онъ, какъ журналистъ, обязанный заботиться о выгодахъ журнала, поступаетъ очень благоразумно, не помѣщая статьи, которая, разумѣется, озлобитъ всѣхъ недоброжелателей Гоголя. Я умолчалъ о томъ, что мы намѣрены напечатать статью особой брошюркой и увѣрялъ его, что Константинъ не питаетъ никакого неудовольствія, что̀ и было совершенно справедливо. Погодинъ очень обрадовался и написалъ къ намъ пренѣжную записку, въ которой расхвалилъ Константина за его скромность и кротость. Погодинъ немедленно уѣхалъ за границу и, уже будучи въ Парижѣ, получилъ извѣстіе, что статья Константина напечатана. Ниже я приложу выписки изъ письма Погодина. С. В. Перфильевъ исполнилъ свое обѣщаніе, прочелъ „Мертвыя Души“ три раза и оцѣнилъ ихъ по достоинству. Въ словахъ моихъ, что отсутствіе Гоголя можетъ продолжиться *почти три года*, заключается ясное доказательство, что онъ никогда не говорилъ мнѣ о своемъ отъѣздѣ на пять лѣтъ.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о брошюрѣ Константина. Погодинъ не ошибся въ томъ, что она будетъ принята всѣми враждебно. Статья называлась: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чи-

чикова или Мертвыя Души". Какъ только она вышла изъ печати, всѣ журналисты, всѣ непріятели и даже почти всѣ пріятели Гоголя, говоря буквально, взбѣсились. Градъ ругательствъ, злобныхъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій посыпался печатно и письменно на Константина. Раздраженіе было такъ велико, что сначала не было возможности ни съ кѣмъ спорить. Я ожидалъ возстанія, но не всеобщаго и не въ такой степени неистоваго. Я былъ такъ удивленъ имъ, что даже на нѣкоторое время усумнился въ справедливости моего собственнаго взгляда и суда. Двѣнадцать уже лѣтъ прошло этому событію; не одинъ разъ перечиталъ я эту брошюру съ искреннимъ желаніемъ найти въ ней справедливыя причины общаго раздраженія. Собираясь писать эти строки, я еще разъ прочелъ ее и не нахожу ничего, что̀ могло бы оправдать волненіе, ею произведенное. Раздавался общій крикъ, что Константинъ назвалъ Гоголя Гомеромъ, что̀ совершенная неправда. Константинъ сказалъ только, что *у Гоголя есть эпическое созерцаніе, древнее, истинное, какое было и у Гомера*. Я спрашиваю по совѣсти каждаго: значитъ ли это, что Гоголь равенъ Гомеру, что онъ Гомеръ? Бѣсновавшійся тогда Шевыревъ самъ черезъ нѣсколько лѣтъ переврaлъ въ одной изъ своихъ статей именно эту самую мысль Константина, а потомъ и еще кто-то въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ повторилъ эту же мысль—и никто не обратилъ даже вниманія на нихъ. Этотъ общій неистовый гнѣвъ есть психологическое явленіе, остающееся неразгаданнымъ: оно, безъ сомнѣнія, явилось законно, и было бы любопытно объяснить его законность. Гоголь также остался недоволенъ появленіемъ брошюры Константина, осуждая не столько ея смыслъ, какъ то, что она появилась не во̀ время, въ минуту общаго недоумѣнья, пораженія, такъ сказать, произведеннаго „Мертвыми Душами", когда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонниковъ Гоголя, не знало, что̀ дѣлать: хвалить или бранить? Перваго не хотѣлось дѣлать, на второе не смѣли вдругъ рѣшиться. Брошюра Константина, какъ будто, развязала имъ языкъ, и скрываемая многими злоба на Гоголя излилась сначала на сочинителя брошюры, а потомъ и на творца поэмы. Въ этомъ отношеніи Гоголь былъ совершенно правъ. Брошюра надѣлала ему много зла. Нашелся однако одинъ добросовѣстный человѣкъ, П. А. Плетневъ, который, въ издаваемомъ имъ журналѣ „Современникъ", отозвался съ большою похвалою и уваженіемъ о статьѣ Константина.

Къ письму моему къ Гоголю, приведенному выше отъ 3-го и 5-го Іюля, были приложены выписки изъ писемъ Машеньки Карташевской о „Мертвыхъ Душахъ", которыя я считаю за нужное приложить здѣсь, какъ фактъ, вполнѣ выражающій то впечатлѣніе, какое произвела по-

эма Гоголя на человѣческую душу, одаренную поэтическимъ чувствомъ. Выписка изъ писемъ К—ой: „Сегодня мы дочитали „М. Д.“ Боже мой, что̀ это за совершенство! Я не могу передать тебѣ, какъ много я была поражена чтеніемъ этой поэмы! Какъ можно было создать съ такимъ совершенствомъ всѣ характеры этого романа и среди этой пошлой, безцвѣтной ничтожности, отдѣлить всякаго такими рѣзкими, отличительными чертами. Что это за разговоры, и что за восхитительныя мѣста вездѣ, гдѣ авторъ говоритъ самъ отъ себя!... Я перечитывала ихъ по нѣскольку разъ и даже не могла удержаться, чтобъ иныхъ мѣстъ не прочесть Ваничкѣ; я просила его передать тебѣ, въ какомъ я полномъ восхищеніи. Я даже просила его позволенія означить карандашемъ тѣ мѣста, которыя особенно превосходны. Дѣлая это, я воображала, что передамъ тебѣ хотя отчасти свои впечатлѣнія и что, когда ты взглянешь на эти отмѣченные листочки и перечтешь ихъ, мы какъ будто перечтемъ ихъ вмѣстѣ. Воображаю, въ какомъ вы были восхищеніи! Мнѣ кажется, что только послѣ этого сочиненія вполнѣ начинаю я понимать, что̀ такое Гоголь и что̀ это за талантъ. *Изъ конца того же письма* .Вотъ и здѣсь (въ деревнѣ) скоро и жадно прочиталась поэма Гоголя. Это было чтеніе всеобщее. Любопытно слушала его и Надя. Я какъ-то предчувствовала, что Гоголь не просто ѣдетъ за границу въ Италію, что не эта страна отнимаетъ его у насъ; но я не знала ничего, потому что ты не писала мнѣ, что онъ ѣдетъ въ Палестину. Можно вообразить, какъ онъ опишетъ эту страну! Еще скажи мнѣ, написаны ли уже другія двѣ части „М. Д.“ и скоро-ли мы можемъ надѣяться прочитать ихъ? Что̀ будетъ въ нихъ! Какъ выше всякаго выраженія будетъ то удовольствіе, которое обѣщаетъ онъ намъ! Какъ велики должны быть наши надежды, когда онъ самъ объявляетъ, что „*явятся чудные образы, и все повергнется въ прахъ*“. 16-го Іюня: Какъ вѣрно угадала я, еще изъ предыдущаго твоего письма, что ты, не сознавая, можетъ быть, сама, боишься, что я не почувствую всего удивительнаго совершенства „М. Д.“. Ты думала, что онѣ ускользнутъ отъ моего вниманія и между тѣмъ стараешься сама найдти мнѣ оправданіе, говоря, что все достоинство этого сочиненія не можетъ быть постигнуто сразу. Вотъ что̀ говорятъ твои строки и чего можетъ быть ты не знаешь сама... И мысль, что „М. Д.“ не произведутъ во мнѣ должнаго удивленія, должна была тебѣ придти, потому что совсѣмъ не такъ слушала я *Ревизора* и не таково было впечатлѣніе на меня этой піесы, и ты это знала! Этому причиною были совсѣмъ другія обстоятельства. Не знаю, передало-ли мое предыдущее письмо то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на меня это сочиненіе; я чувствую, что полный отчетъ отдать въ немъ было бы трудно. Только повѣрь

мнѣ, что я цѣню его такъ высоко какъ должно, и что ни одна мелочная подробность изъ разговоровъ всѣхъ этихъ ничтожныхъ людей, а еще менѣе, ни одно изъ тѣхъ восторженныхъ, какъ ты говоришь, мѣстъ, гдѣ говоритъ Гоголь самъ отъ себя, не прошло не замѣченнымъ, не почувствованнымъ мною. Ахъ, какъ пріятно и въ разлукѣ знать, что чувства наши были одинаковы, и проч. „Вотъ вамъ, Николай Васильевичъ, точныя выписки: выкинуты только нѣжныя названія. Хотѣлъ было выбрать изъ другихъ писемъ, но усталъ писать. Обнимаю васъ, милый другъ, крѣпко и горячо. Я лучше себя чувствую и привыкаю понемногу. С. А.“.

Погодинъ писалъ ко мнѣ изъ Парижа отъ 1-го Октября (1842):

„Какъ горько было мнѣ услышать, что Константинъ напечаталъ свою статью о Гоголѣ! Какъ досадно мнѣ было на вашу слабость! Неужели и въ васъ недостало столько литературной довѣренности ко мнѣ, чтобъ согласиться со мною, что статья не годится для печати въ первомъ видѣ? Неужели я не напечаталъ ея безъ основанія? Неужели легко мнѣ было прислать ее назадъ? Неужели не радъ бы я былъ всякому успѣху Константина“? и проч. и проч.

Теперь слѣдуетъ письмо Гоголя, полученное мною 11-го Августа.

«Гастейнъ, Іюля $^{27}/_{15}$ (1842)».

„Здоровы ли вы, Сергѣй Тимоѳеевичъ, и что̀ дѣлается со всѣми вашими? Напишите мнѣ объ этомъ двѣ-три строчки; это мнѣ нужно. Вы вѣрно знаете и чувствуете, что я объ васъ думаю часто. Изъ Москвы никто не догадался написать въ Гастейнъ, и я слышу чрезъ то какую-то пустоту, которая мнѣ нѣсколько мѣшаетъ вдыхать въ себя полную жизнь. — Я пробуду въ Гастейнѣ вмѣстѣ съ Языковымъ еще недѣли три, и въ концѣ Августа хотимъ ѣхать въ Венецію, гдѣ пробудемъ недѣли двѣ, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желаніе писать, прямо въ Венецію poste restante. Напишите мнѣ все: какъ вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля, веселы ли какъ слѣдуетъ ваши дѣти? Ольгѣ Семеновнѣ скажу, что буду писать къ ней, что предметъ письма очень свѣтелъ, и потому прошу ее быть какъ можно свѣтлѣе до самаго полученія письма. Да кстати о письмахъ. Пошлите кого-нибудь на квартиру Нащокина (у Стараго Пимена, въ домѣ Ивановой) узнать, получено ли имъ письмо мое? Письмо это очень нужно и касается прямо его дѣла, а потому мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно было получено во всей исправности.—А моему милому Константину Сергѣевичу напишу тоже письмо, нѣсколько нужное для насъ обоихъ. — Сдѣлайте ми-

лость обнимите всѣхъ, кого увидите изъ моихъ знакомыхъ. Если Никол. Филип. и Карол. Карл. Павловы точно ѣдутъ, то вы мнѣ сдѣлаете большую услугу присланьемъ чрезъ нихъ нѣкоторыхъ книгъ, а именно: „Памятникъ вѣры", такой совершенно какъ у Ольги Семеновны, и „Статистику Россіи" Андросова, и еще если есть какое нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ, то хорошо бы очень присовокупить его къ нимъ. Кажется, вышелъ какой-то толстый томъ отъ Мин. Внут. Дѣлъ. — А Григорія Сергѣевича попрошу присылать мнѣ реестръ всѣхъ Сенатскихъ дѣлъ за прошлый годъ съ одной простой отмѣткой: между какими лицами завязалось дѣло и о чемъ дѣло. Этотъ реестръ можно присылать частями при письмахъ вашихъ. Это мнѣ очень нужно. Да чуть было не позабылъ еще попросить о книгѣ Кошихина, при ц. Ал. Михайловичѣ. Я прошу васъ записать цѣну ихъ, чтобы я зналъ, сколько вамъ долженъ. Я увѣренъ, что Павловы не откажутся привезть мнѣ ихъ. Обнимите ихъ отъ меня обоихъ. Они вѣрно не сомнѣваются въ томъ, что я очень хотѣлъ бы ихъ увидѣть. Около Октября 1-го я надѣсь быть въ Римѣ".

Прощайте. Не забывайте меня и пишите. Посылаю вамъ мой душевный поцѣлуй. Вашъ Гоголь. Изъ Петербурга я писалъ письма—къ вамъ, Ел. В. Погодиной и къ Над. Н. Шереметьевой. Если вамъ случится увидѣть послѣднюю, скажите, что я буду къ ней еще писать скоро и дайте ей мой адресъ".

Надобно признаться, что почти всѣ порученія Гоголя на счетъ присылки статистическихъ и другихъ книгъ, а также выписокъ изъ дѣлъ и дѣловыхъ регистровъ, исполнялись очень плохо; а между тѣмъ очевидно, что все это было ему очень нужно для втораго тома „Мертвыхъ Душъ". Павловы не поѣхали за границу, да и не думали ѣхать; а Гоголь счелъ ихъ пустыя слова за настоящее намѣреніе. Конечно, отъѣзжающихъ за границу и кромѣ ихъ было довольно; но мы плохо вѣрили ихъ аккуратности. Не помню съ кѣмъ-то были посланы одинъ разъ бумаги и книги, но онѣ совсѣмъ не дошли до Гоголя и пропали. Несмотря на такія уважительныя причины, должно сознаться, что всѣ мы безъ исключенія были не довольно внимательны къ просьбамъ Гоголя. Я долженъ къ этому присовокупить, что нѣкоторыя свѣдѣнія, какихъ требовалъ Гоголь, мнѣ казались все равно недостаточными для узнанія настоящаго дѣла, и даже вредными, потому что сообщали невѣрныя понятія.

Теперь слѣдуетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и самое огромное письмо Гоголя.

Надобно разсказать, какъ я получилъ его. Это случилось въ началѣ Сентября, именно 2-го. Въ этотъ день, поутру, прочелъ я вслухъ передѣланную и дополненную повѣсть Гоголя „Портретъ", напечатанную въ 3 № „Современника". Не защищаю ея фантастическаго содержанія; но всѣ дополненія, относящіяся къ погибающему дарованію художника, привели меня въ такой восторгъ, что слезы нѣсколько разъ прерывали мое чтеніе; тѣмъ не менѣе оно было такъ выразительно, что всѣ слушавшіе меня вполнѣ раздѣляли мое восхищеніе. Цѣлый день мы всѣ были полны того благодатнаго чувства, которое оставляетъ по себѣ художественное созданіе. Вечеромъ поѣхалъ я въ Англійскій клубъ и сѣлъ, по обыкновенію, играть въ карты. Вдругъ приходитъ Томашевскій и подаетъ мнѣ очень толстое письмо отъ Гоголя. Продолжая играть, я распечаталъ его, чтобъ пробѣжать нѣкоторыя строки; но я попалъ на такія слова, которыя сдѣлали для меня продолженіе игры невозможнымъ. Я нашелъ на свое мѣсто другаго игрока и на извощикѣ прискакалъ домой; дома не только удивились, но даже встревожились моимъ необыкновенно скорымъ возвращеніемъ; но я развернулъ письмо и прочелъ моей семьѣ слѣдующее:

«Гастейнъ 18 (6) Августа (1842)».

«Я получилъ ваше милое письмо и уже нѣсколько разъ перечиталъ его. Вы уже знаете, что я уже было соскучился, не имѣя отъ васъ никакой вѣсти, и написалъ вамъ формальный запросъ. Но теперь, слава Богу, письмо ваше въ моихъ рукахъ. Что же сдѣлалось съ тѣмъ, что̀ писала, какъ видно изъ словъ вашихъ, Ольга Семеновна—я никакъ не могу понять: оно не дошло ко мнѣ. Всѣ ваши извѣстія, все, что̀ ни заключалось въ письмѣ вашемъ, все до послѣдняго слова и строчки было для меня любопытно и равно пріятно, начиная съ вашего препровожденія времени, уженья въ прудахъ и рѣкахъ, и до извѣстій вашихъ о „Мертвыхъ Душахъ". Первое впечатлѣніе ихъ на публику совершенно то, какое подозрѣвалъ я заранѣ. Неопредѣленные толки, поспѣшность быстрая прочесть и не насыщенная пустота послѣ прочтенья, досада на видимую безпрерывную мелочь событій жизни, которая становится невольно насмѣшкой и упрекомъ—все это я зналъ заранѣ. Бѣдный читатель съ жадностью схватилъ въ руки книгу, чтобы прочесть ее какъ занимательный, увлекательный романъ и, утомленный, опустилъ руки и голову, встрѣтивши никакъ не предвидѣнную скуку. Все это я зналъ. Но при всемъ этомъ подробныя извѣстія обо всемъ этомъ мнѣ всегда слишкомъ интересно слышать. Многія замѣчанія, вами приведенныя, были сдѣланы не безъ основанія тѣми, которые ихъ сдѣлали. Продолжайте сообщать и впредь какъ бы они

ни казались ничтожны. Мнѣ все это очень нужно. Само по себѣ разумѣется, что пріятнѣе всего было мнѣ читать отчетъ вашихъ собственныхъ впечатлѣній, хотя они были мнѣ отчасти извѣстны. Богъ одарилъ меня проницательностью, и я прочелъ въ лицѣ вашемъ во время чтенія все, что̀ мнѣ было нужно. Я не разсердился на васъ за неоткровенность. Я зналъ, что у всякаго человѣка есть внутренняя нѣжная застѣнчивость, воспрещающая ему сдѣлать замѣчанія на счетъ того, что̀ по мнѣнію его касается слишкомъ тонкихъ чувствительныхъ струнъ, прикосновеніе къ которымъ, какъ бы то ни было, но все же сколько нибудь раздражаетъ самое простительное самолюбіе. Самая искренняя дружба не можетъ совершенно изгладить этой застѣнчивости. Я знаю, что много еще протечетъ времени, пока узнаютъ меня совершенно, пока узнаютъ, что мнѣ можно все говорить и болѣе всего то, что̀ болѣе всего трогаетъ чувствительныя струны. Также какъ я знаю и то, что придетъ наконецъ такое время, когда всѣ почуютъ, что нужно мнѣ сказать и то, что̀ (заключается) въ собственныхъ душахъ, не скрывая ни одного изъ движеній, хотя эти движенія не ко мнѣ относятся. Но отнесемъ будущее къ будущему и будемъ говорить о настоящемъ. Вы говорите, что молодое поколѣніе лучше и скорѣе пойметъ. Но горе, еслибы не было стариковъ. У молодаго слишкомъ много любви къ тому, что̀ восхитило его; а гдѣ жаркая и сильная любовь, тамъ уже невольное пристрастіе. Старикъ прежде глядитъ очами разсудка чѣмъ чувства, и чѣмъ меньше подвигнуто его чувство, тѣмъ яснѣй его разсудокъ и можетъ сказать всегда частную, повидимому, маловажную и простую, но тѣмъ не менѣе истинную правду. Если бы сочиненье мое произвело равный успѣхъ и эфектъ на всѣхъ—въ этомъ была бы бѣда. Толковъ бы не было: всякій, увлеченный важнѣйшимъ и главнымъ, считалъ бы неприличнымъ говорить о мелочахъ, считалъ бы мелочами замѣчанія о незначительныхъ уклоненіяхъ, о всѣхъ проступкахъ, повидимому ничтожныхъ. Но теперь, когда еще не раскусили въ чемъ дѣло, когда не узнали важнаго и главнѣйшаго, когда сочиненіе не получило опредѣленнаго недвижнаго опредѣленія—теперь нужно ловить толки и замѣчанія: послѣ ихъ не будетъ. Я знаю, что самые близкіе люди, которые болѣе другихъ чувствуютъ мои сочиненія, я зналъ, что и они всѣ почти ощутятъ разныя впечатлѣнія. Вотъ почему прежде всего я положилъ прочесть вамъ, Погодину и Константину, какъ тремъ различнымъ характерамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія. То, что̀ я увидѣлъ въ замѣчаніи ихъ, въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеніи недоумѣнья, не нарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мнѣ несравненно бо̀льшую пользу, если бы застѣнчивость не помѣшала каждому разска

зать вполнѣ характеръ своего впечатлѣнія. Человѣкъ, который отвѣчаетъ на вопросъ ограждающими словами: не смѣю сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлѣнію, дѣлаетъ хорошо; такъ предписываетъ правдивая скромность. Но человѣкъ, который высказываетъ въ первую минуту свое первое впечатлѣніе, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нѣжной разборчивости и чувствительныхъ струнъ друга, тотъ человѣкъ великодушенъ. Такой подвигъ есть верхъ довѣрія къ тому, которому онъ ввѣряетъ свои сужденія и которому вмѣстѣ съ тѣмъ ввѣряетъ, такъ сказать, самого себя. Иными людьми овладѣваетъ просто боязнь показаться глупѣе; но мы позабыли, что человѣкъ уже такъ созданъ, чтобы требовать вѣчной помощи другихъ. У всякаго есть что-то, чего нѣтъ у другаго; у всякаго чувствительнѣе не та нерва, чѣмъ у другаго, и только дружный размѣнъ и взаимная помощь могутъ дать возможность всѣмъ увидѣть съ равной ясностью и со всѣхъ сторонъ предметъ".

„Я былъ увѣренъ, что Конст. Сер. глубже и прежде пойметъ и увѣренъ, что критика его точно опредѣлитъ значеніе поэмы. Но, съ другой стороны, чувствую заочно, что Погодинъ былъ отчасти правъ, не помѣстивъ ея, не смотря на несправедливость этого дѣла. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человѣкъ можетъ встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ старыхъ. Уже вопросъ, почему многіе не могутъ понять „Мертвыхъ Душъ", съ перваго раза оскорбитъ многихъ. Мой совѣтъ напечатать ее зимою, послѣ двухъ или трехъ другихъ критикъ. Не дурно также разсмотрѣть, не слышится ли явно: *я первый понялъ*. Этого слова не любятъ, и вообще лучше, чтобы не слышалось большаго преимущества на сторонѣ прежде понявшихъ. Люди не понимаютъ, что въ этомъ нѣтъ никакого грѣха, что это можетъ случиться съ самымъ глубоко образованнымъ человѣкомъ, какъ случается всякому, въ минуты хлопотъ и мыслей о другомъ, прослушать замѣчательное слово. Лучше всего, еслибы Кон. Сер. прислалъ эту критику мнѣ въ Римъ, переписавши ее на тоненькой бумажкѣ для удобнаго вложенія въ письмѣ. Я слишкомъ любопытенъ читать ее.—Ваше мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго раза „Мертвыя Души", совершенно справедливо и должно распространиться на всѣхъ; потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ. Не пугайтесь даже вашего перваго впечатлѣнія, что восторженность во многихъ мѣстахъ казалась вамъ доходившею до смѣшнаго излишества. Это правда; потому что полное значеніе лирическихъ намековъ можетъ изъясниться только тогда, когда выйдетъ послѣдняя часть.—Вѣрѣ Сергѣевнѣ скажите, что я былъ тоже доволенъ, увидѣвши въ Петербургѣ ея друга К. и не

жалѣю даже о кратковременности нашего свиданія. Есть души, что̀ самоцвѣтные камни; они не покрыты корой и, кажется, какъ будто и родились уже готовыми и обдѣланными. Ихъ видитъ издали зоркій глазъ ювелира, только замѣчаетъ ихъ мѣсто, сказавши: слава Богу! и спѣшитъ къ тѣмъ, гдѣ нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько нибудь огранить, дабы видѣлъ всякій, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вѣковыми накопленьями всего. Слова и мнѣнія ея вы также выпишите и пришлите мнѣ, хотя, натурально, нужно, чтобы она никакъ не знала этого. Все то, что̀ идетъ прямо отъ души и сердца, мнѣ также нужно знать, какъ и все то, что̀ идетъ отъ разсудка».

«Васъ устрашаетъ мое длинное и трудное путешествіе; вы говорите, что не можете понять ему причины; вы говорите, что нѣсколько разъ хотѣли спросить меня и все останавливались, не рѣшаясь навязываться самому на довѣренность. Зачѣмъ же вы не спросили; никогда душевная жажда вопросить не должна оставаться въ груди; никогда сердечный вопросъ не можетъ быть докученъ или не у мѣста. Самое бо̀льшее было бы то, что̀ я отвѣтилъ бы вамъ на это молчаніемъ; но если молчаніе это свѣтло и выражаетъ спокойствіе душевное, то стало быть оно уже отвѣтъ, и ничѣмъ другимъ не могъ выразиться этотъ отвѣтъ. А вопросъ вашъ все-таки былъ бы мнѣ пріятенъ, потому что онъ вопросъ друга. И что̀ бы могъ я вамъ отвѣчать? Развѣ произнесъ бы слова только: Такъ должно быть! — Разсмотрите меня и мою жизнь среди васъ. Что̀ вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу, или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею. Развѣ нашли вы во мнѣ слѣпую вѣру во всё безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи или на правдѣ они основаны, или увлеченіе новизною, соблазнительной для многихъ современностью и модою? Развѣ вы замѣтили во мнѣ юношескую незрѣлость или живость въ мысляхъ? Развѣ открыли во мнѣ что нибудь похожее на фанатизмъ и жаркое, вдругъ рождающееся увлеченіе чѣмъ нибудь? И если въ душѣ такого человѣка, уже по самой природѣ своей болѣе медлительнаго и обдумывающаго, чѣмъ быстраго и торопящагося, который при томъ хоть сколько нибудь умудренъ и опытомъ, и жизнью, и познаніемъ людей и свыше; если въ душѣ такого человѣка родилась подобная мысль, мысль предпринять это отдаленное путешествіе: то вѣрно она уже не есть слѣдствіе мгновеннаго порыва; вѣрно уже слишкомъ благодѣтельна она; вѣрно далеко оглянута она; вѣрно и умъ, и душа, и сердце соединились въ одно, чтобы послужить такой мысли. Но еслибъ даже и не могло заключаться въ

ней никакой обширной цѣли, никакого подвига во имя любви къ братьямъ, никакого дѣла во имя Христа: то развѣ вся жизнь моя не стòитъ благодарности? Развѣ небесныя минуты тѣхъ радостей, которыя я слышу, не вызываютъ благодарности? Развѣ прекрасная жизнь тѣхъ прекрасныхъ душъ, съ которыми встрѣтилась душа моя, не вызываетъ благодарности? Развѣ любовь, обнявшая мою душу и возрастающая въ ней болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, не стòитъ благодарности? Развѣ въ сихъ небесныхъ торжественныхъ минутахъ не присутствуетъ Христосъ? Развѣ въ семъ высокомъ союзѣ душъ не присутствуетъ Христосъ? Развѣ эта любовь не есть уже самъ Христосъ? Развѣ все, чтò отрывается отъ земли и земнаго, не есть уже Христосъ? Развѣ въ любви, сколько нибудь отдѣлившейся отъ чувственной любви, уже не слышится мелькнувшій край божественной одежды Христа? И сіе высокое стремленіе, которымъ стремятся прекрасныя души одна къ другой, влюбленныя въ одни свои божественныя качества, а не земныя, не есть ли уже стремленіе ко Христу? „Гдѣ васъ двое, тамъ есть церковь Моя." Или никто не слышитъ сихъ Божественныхъ словъ? Только любовь, рожденная землей и привязанная къ землѣ, только чувственная любовь, привязанная къ образамъ человѣка, къ лицу, къ видимому, къ стоящему передъ нами человѣку, та любовь только не зритъ Христа. Зато она временна, подвержена страшнымъ несчастьямъ и утратамъ. И да молится вѣчно человѣкъ, чтобы спасли его небесныя силы отъ сей ложной, превратной любви! Но любовь душъ—это вѣчная любовь. Тутъ нѣтъ утраты, нѣтъ разлуки, нѣтъ несчастій, нѣтъ смерти. Прекрасный образъ, встрѣченный на землѣ, тутъ утверждается вѣчно; все, чтò на землѣ умираетъ, то живетъ здѣсь вѣчно, то воскрешается ею, сей любовью въ ней же, въ любви,—и она безконечна какъ безконечно небесное блаженство.

Какъ же вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слово любви сей человѣкамъ, откуда истекла она на міръ. Мы движемся благодарностью къ поэту, подарившему намъ наслажденія души своими произведеніями; мы спѣшимъ принесть ему дань уваженія; спѣшимъ посѣтить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стòитъ уваженія и самый великій прахъ его. Сынъ спѣшитъ на могилу отца, и никто не спрашиваетъ его о причинѣ, чувствуя, что дарованіе жизни и воспитаніе стòятъ благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвелъ на землю, Кто виной всѣхъ высокихъ движеній, Тому только считается какъ-то страннымъ поклониться въ самомъ мѣстѣ Его зем-

наго странствія. По крайней мѣрѣ если кто изъ среды насъ предприметъ такое путешествіе, мы уже какъ-то съ изумленіемъ таращимъ на него глаза; мѣряемъ его съ ногъ до головы, какъ будто бы спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ? Признайтесь, вамъ странно показалось, когда я въ первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи. Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и рѣчей и жизни, однимъ словомъ, всему тому, что̀ составляетъ мою природу, кажется неприличнымъ такое дѣло. Человѣку, не носящему ни клобука, ни митры, смѣшившему и смѣшащему людей, считающему и донынѣ важнымъ дѣломъ выставлять неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку, не правда ли, странно предпринять такое путешествіе? Но развѣ не бываетъ въ природѣ странностей? Развѣ вамъ не странно было встрѣтить въ сочиненіи, подобномъ „Мертвымъ Душамъ", лирическую восторженность? Не смѣшною ли она вамъ показалась въ началѣ, и потомъ не примирились ли вы съ нею, хотя не вполнѣ еще узнали значеніе? Такъ, можетъ быть, вы примиритесь потомъ и съ симъ лирическимъ движеніемъ самого автора. И какъ мы можемъ сказать, чтобы то, которое кажется намъ минутнымъ вдохновеніемъ, нежданно налетѣвшимъ съ небесъ откровеніемъ, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже въ самую природу нашу и не зрѣло бы въ насъ невидимо для другихъ? Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ, которое съ такими погремушками вышло на свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ въ сопровожденіи трубнаго грома и торжественныхъ звуковъ, и между симъ отдаленнымъ путешествіемъ? И почему знать, что нѣтъ глубокой и чудной связи между всѣмъ этимъ и всей моей жизнью, и будущимъ, которое незримо грядетъ къ намъ и котораго никто не слышитъ. Благоговѣніе же къ Промыслу! Это говоритъ вамъ вся глубина души моей. Помните, что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все, и никто не вѣритъ чудесамъ,—въ то время именно можетъ совершиться чудо чудеснѣе всѣхъ чудесъ... подобно какъ буря самая сильная настаетъ только тогда, когда тише обыкновеннаго станетъ морская поверхность. Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленія нашего къ нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось въ наши души. И такъ свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой ваши мысли и свѣтлѣй всего да будетъ неотразимая вѣра ваша въ Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничѣмъ, что̀ безумно называетъ человѣкъ несчастіемъ. Вотъ, что̀ вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей. Прощайте, это письмо пусть будетъ и для Ольги Семе-

новны вмѣстѣ. Но не показывайте его другимъ. Лирическія движенія души нашей!... неразумно ихъ сообщать кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питаетъ къ нимъ тихую вѣру и умѣетъ беречь, какъ святыню, въ глубинѣ души душевное слово любящаго человѣка. Впрочемъ помните, что путешествіе мое еще далеко. Раньше окончанія моего труда оно не можетъ быть предпринято ни въ какомъ случаѣ, и душа моя для него не въ силахъ быть готова. А до того времени нѣтъ никакой причины думать, чтобы (мы) не увидѣлись опять, если только это будетъ нужно. — Пишите мнѣ все, что̀ ни дѣлается съ вами и что̀ ни дѣлается вокругъ васъ; все, что̀ ни касается жизни, уже жизнь моя. Толковъ объ Мертвыхъ Душахъ, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если на случай кто нибудь будетъ вамъ писать о нихъ, вы выпишите эти строки въ письмѣ ко мнѣ. Прощайте. Цѣлую васъ всей силою душевнаго лобзанія; распространите его на всѣхъ близкихъ вашему сердцу. Деньги мнѣ не нужны раньше Октября. Адресуйте на имя банкира Duc de Torlonia для передачи Гоголю. Шевыреву я написалъ порядокъ, какъ уплачивать по случаю возникшаго несогласія на счетъ первенства. Нужно, чтобы эти деньги были уплачены какъ можно скорѣе. Они должны были быть отданы въ первые два мѣсяца".

Къ этому письму почти не нужно никакихъ объясненій, кромѣ того, что въ немъ Гоголь между прочимъ отвѣчаетъ на мое письмо, которое, какъ и многія другія, пропало. Хотя я не помню содержанія этого письма, но рѣшительно протестую противъ того, будто лирическія мѣста „М. Д." показались мнѣ смѣшными. Я никогда такъ не думалъ, а потому и не могъ написать. Я подозрѣваю, не принялъ ли Гоголь мнѣній другихъ, сообщенныхъ мною въ письмѣ, за мои собственныя, единственно потому, что я вообще назвалъ ихъ сдѣланными *не безъ основанія*. Одно только лирическое мѣсто (стран. 58) показалось мнѣ, да и теперь кажется, неумѣстнымъ, сказаннымъ рановременно. Можно ли говорить о томъ, что̀ человѣкъ еще намѣренъ произвесть. Развѣ будущее намъ извѣстно? Къ несчастію, смерть Гоголя и сожженіе „М. Д." служатъ ужаснымъ доказательствомъ справедливости моего замѣчанія. Должно также сказать, что это чудное письмо произвело тогда на насъ необыкновенно-сильное впечатлѣніе, вѣроятно подготовленное утреннимъ чтеніемъ передѣланной или почти вновь написанной Гоголемъ повѣсти „Портретъ". Я самъ, не совсѣмъ довольный религіознымъ направленіемъ Гоголя, которое мнѣ казалось мистическимъ, былъ не то, чтобы убѣжденъ, но разстроганъ, умиленъ, очарованъ этимъ письмомъ. Надобно признаться, что не совсѣмъ строго было выполено желаніе Гоголя, требовавшаго, чтобы мы только двое съ Ольгою Семеновной прочли это письмо. Можно ли было не показать его Константину и стар-

шимъ дочерямъ? Гоголь узналъ объ этомъ и былъ очень недоволенъ. Подъ большимъ секретомъ было оно прочтено нѣкоторымъ нашимъ друзьямъ. Въ 1847 году, когда вышла извѣстная книга: „Избранныя мѣста изъ Переписки съ Друзьями", сильно меня взволновавшая, я имѣлъ непростительную слабость и глупость, въ пылу спорнаго разговора, въ доказательство постояннаго направленія Гоголя, показать это письмо Николаю Филиповичу Павлову... Мнѣ и теперь совѣстно, что я это сдѣлалъ. Я былъ за это жестоко наказанъ: Николай Филиповичъ выпросилъ у меня это письмо на нѣсколько часовъ, чтобы прочесть одному больному человѣку, почтенному и достойному, любившему Гоголя, но сомнѣвавшемуся въ искренности его религіозныхъ убѣжденій. Онъ увѣрилъ меня, что прочтеніе этого письма будетъ душевнымъ и цѣлебнымъ наслажденіемъ для больнаго, что это будетъ истиннымъ добрымъ дѣломъ. Николай Филиповичъ не возвратилъ мнѣ этого письма до сихъ поръ: сначала говорилъ, что забываетъ привезть; потомъ, что куда-то далеко его запряталъ и наконецъ сказалъ, что онъ мнѣ возвратилъ его, увѣряя меня, что я забылъ объ этомъ. Я сердился и огорчался постоянно такимъ поступкомъ и былъ убѣжденъ, что онъ потерялъ письмо; но съ годъ тому назадъ, я узналъ положительно, что это письмо было найдено въ его бумагахъ, когда ихъ разбирали полицмейстеръ Бакунинъ и жандармскій капитанъ Воейковъ. Теперь я вижу въ этомъ письмѣ лирическій порывъ, дифирамбъ, чѣмъ назвалъ самъ Гоголь свое путешествіе ко святымъ мѣстамъ.

На это письмо Константинъ писалъ къ Гоголю слѣдующее:

„Наконецъ пишу къ вамъ, дорогой Николай Васильевичъ. . . . . до сихъ поръ не могъ собраться. Мы получили ваше послѣднее большое письмо изъ Гастейна. Мнѣ нечего сказать вамъ, какъ только, что ни одно слово письма вашего не пропало для меня даромъ: всѣ они отозвались глубоко и остались во мнѣ съ своею благодатною силою.— Богъ знаетъ, когда мы васъ увидимъ; но оставайтесь далеко, живите гдѣ хотите, идите, куда васъ влечетъ: Богъ благословитъ всякій путь вашъ и ваше дальнее путешествіе. Если же только можете, не уклоняясь отъ желаннаго пути, то пріѣзжайте къ намъ въ Москву, которую, вѣрно, вы постоянно видите и чувствуете, гдѣ бы вы ни были: она живое сердце нашей великой Россіи; на ней лежитъ судьба ея, изъ нея все великое благо.—Какъ будемъ мы рады, мы собственно, когда васъ опять увидимъ! Вы уѣхали, дорогой Николай Васильевичъ, и оставили намъ книгу, которая произвела необыкновенный шумъ. Давно не бывало у насъ такого движенія, какое теперь по случаю Мерт. Душъ.

Ни одинъ, рѣшительно, человѣкъ не остался равнодушенъ; книга всѣхъ тронула, всѣхъ подняла, и всякій говоритъ свое мнѣніе. Хвала и брань раздаются со всѣхъ сторонъ, и того и другаго много; но за то полное отсутствіе равнодушія. Отвсюду слышны мнѣнія: ихъ говоритъ всякій; всякій открылъ свое сужденіе и потому,—при этомъ всеобщемъ объявленіи своихъ мыслей, взглядовъ на вещи, при этомъ всеобщемъ признаніи, выпужденномъ книгою,—произошла такая разность мнѣній, такія поразительныя несходства, что едва вѣришь ушамъ своимъ. Безъ этой книги и предполагать нельзя бы было такого различія мнѣній, которое вышло теперь на свѣтъ. Одни говорятъ, что только тутъ видятъ они Гоголя, который до сихъ поръ далеко не такъ поражалъ ихъ; что только тутъ почувствовали они его колоссальность; другіе провозгласили было въ самомъ началѣ, что эта книга — паденіе Гоголя, смерть его таланта; но скоро должны были замолчать, оглушенные всеобщимъ шумомъ, поднявшимся надъ ихъ главами; они ограничиваются тѣмъ теперь, что указываютъ на прежнія ваши сочиненія, на Малороссію. Для иныхъ здѣсь колоссально предстаетъ Россія, сквозящая сквозь первую часть и выступившая на концѣ книги; слезы навертываются у нихъ на глазахъ при чтеніи послѣднихъ строкъ. Другіе съ горестью читаютъ, говорятъ, что надо терзаться и плакать. *Посмотрите*, говорилъ мнѣ одинъ, *какая тяжелая, страшная насмѣшка въ окончаніи этой книги*. Какая? спросилъ я выпучивъ глаза. — *Въ словахъ, которыми оканчивается книга.*—Какъ въ этихъ словахъ? —*Да, развѣ вы не замѣтили! Русь, куда несешься ты, сама не знаешь, не даешь отвѣта.* И это говорятъ серьезно, съ искреннею, глубокою грустью. Мнѣ удалось однако поколебать это печальное мнѣніе. — Одни говорятъ, что *М. Д.* поэма, что они понимаютъ смыслъ этого названія; другіе видятъ въ этомъ насмѣшку совершенно въ духѣ Гоголя: *на-те вотъ, грызитесь за это слово.* Многіе помѣщики не на шутку выходятъ изъ себя и считаютъ васъ своимъ смертельнымъ, личнымъ врагомъ. Само собою разумѣется, что ко всему этому присоединяются нападенія на васъ, на неприличіе: съ другой стороны дается этимъ нападеніямъ живой отпоръ. — Я говорю вамъ, дорогой Николай Васильевичъ, пока вообще; но потомъ постараюсь написать мнѣнія въ отдѣльности; нѣкоторыя выражены печатно. Журналы не могутъ перестать говорить о „Мерт. Душахъ"; не показывается номера, въ которомъ бы не было объ нихъ толковъ. Шевыревъ написалъ двѣ, пишетъ еще третью статью. Отечественныя Записки, безпрестанно говоря и браня всѣ мнѣнія о „Мерт. Душахъ", обѣщаются написать большую статью. Словомъ сказать, литераторы, журналисты, книгопродавцы, частные люди — всѣ говорятъ, что давно не бывало такого страшнаго шума въ лите-

ратурномъ мірѣ, одни браня, другіе хваля. Изъ послѣднихъ, одни со слезами на глазахъ отъ того живаго свѣта Русской жизни, проникающаго наружу теплымъ лучемъ, передъ которымъ падаетъ всякое сомнѣніе, и растетъ надежда, вмѣстѣ съ силами и бодростью духа.—Другіе—со слезами на глазахъ отъ совершеннаго отчаянія; они говорятъ, что тотъ не Русскій, у кого сердце не обольется кровью, глядя на безотрадное состояніе; говорятъ: *Гоголь не любитъ Россіи; посмотрите, какъ хороша Малороссія и какова Россія;* прибавляютъ: *замѣтьте, что самая природа Россіи не пощажена и погода даже все мокрая и грязная.*

Но мнѣ хочется также сказать вамъ собственно про себя, дорогой Николай Васильевичъ. Когда я слышалъ „М. Д.", еще никакого впечатлѣнія цѣлаго не было возбуждено во мнѣ. Я прочелъ ихъ; я чувствовалъ, что прекрасно; видѣлъ красоту созданія, жизнь всякой отдѣльной черты; но что̀ такое самое созданіе, какой общій смыслъ его, въ которомъ соединяются въ одно цѣлое всѣ эти чудныя, живыя черты,—этого я не могъ себѣ постигнуть. Мысль была въ недоумѣніи. Но потомъ открылась для меня внутренняя гармонія всего созданія: стали (слагаться) въ одно цѣлое всѣ малѣйшія черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внѣшней анекдотической завязкѣ (отсутствіе которой смущаетъ съ перваго разу), но на внутреннемъ единствѣ жизни, и тогда могъ я наслаждаться самимъ созданіемъ, цѣлымъ его образомъ, который, кажется, сталъ доступенъ мнѣ. Очень понятно, что тогда весь былъ я наполненъ моимъ чувствомъ наслажденія, впечатлѣніемъ „Мертвыхъ Душъ". Мнѣ кажется, главная трудность лежитъ въ настоящемъ уразумѣніи слова: *Поэма*; такъ по крайней мѣрѣ, какъ я его понимаю. Когда сталъ я говорить о „М. Д.", то нашелъ согласнымъ съ собой Хомякова и Самарина. *Это древній эпосъ съ его великимъ созерцаніемъ*; *разумѣется современный и свободный, въ наше время — но это онъ*".

„Я сказалъ Хомякову, что хотѣлъ бы написать о М. Д.; онъ совѣтовалъ мнѣ тоже, и я написалъ статью: *Нѣсколько Словъ* для Москвитянина. Туда не была она принята; тогда я напечаталъ ее брошюркой, которую не пустилъ въ продажу, раздавъ только знакомымъ. Не смотря на то, она сдѣлалась извѣстна многимъ; брошюрка была написана скоро, можетъ быть не ясно, и на нее многіе, почти всѣ напали, искажая сказанныя въ ней мысли. Многаго не досказалъ я еще тамъ собственно о М. Д.; что̀ думаю и что̀ случалось говорить мнѣ здѣсь. Бѣлинскій умышленно или неумышленно изуродовалъ слова мои, напечаталъ на меня ругательную рецензію, на которую надо было мнѣ отвѣчать для того, чтобы уничтожить ложь на меня взводимую. Нѣтъ, Николай Васильевичъ, у меня не было чувства: *я первый понялъ*, и ка-

жется не видать его въ статьѣ моей. Посылаю вамъ и брошюрку, и мое возраженіе. Далеко и то и другое не даетъ еще чувствовать, что́ такое Мертвыя Души.... Прочтите и скажите мнѣ, что́ вы думаете. Въ этихъ статейкахъ сказано мое глубокое убѣжденіе... Прощайте, дорогой мой Николай Васильевичъ, отъ всего сердца обнимаю васъ. Бѣлинскій въ восторгѣ отъ М. Д.; но, кажется, онъ ихъ далеко не понимаетъ".

Въ 1842 году писемъ Гоголя болѣе не нашлось; но видно изъ письма Вѣры къ Машенькѣ, что было письмо въ Декабрѣ. Вотъ письмо безъ числа, но вѣроятно писанное въ Генварѣ:

„Благодарю васъ, добрый другъ мой Ольга Семеновна, за прекрасное письмо ваше. Въ немъ слышны всѣ движенія души вашей. Всегда въ минуты вашихъ душевныхъ движеній пишите ко мнѣ. Все, что́ изольется изъ души вашей, останется святыней и тайной въ душѣ моей. Слышите ли, что въ послѣднихъ словахъ заключается упрекъ вамъ. Да я люблю дѣлать упреки тѣмъ, которыхъ люблю. Я просилъ васъ, чтобы вы только вдвоемъ прочитали письмо мое, а письмо это читала вся ваша семья, и кромѣ того вы даже дали списать съ него для себя копію. Я знаю, вы любите отвѣчать обыкновенно, что въ семьѣ вашей нѣтъ тайны, и отчасти думаете, что такой просьбой моей водитъ отчасти маленькій капризъ. Но Богъ вѣсть, можетъ быть иногда не вовсе ничтожная причина двигаетъ капризомъ. Но дѣло уже сдѣлано. Исполните же по крайнѣй мѣрѣ теперь мою просьбу. Просьба отсутствующаго должна быть священна. Позабудьте вовсе письмо мое оное! Не читайте его, спрячьте на цѣлые четыре года. Никто изъ васъ пусть не говоритъ и не упоминаетъ о немъ во все это время. Я такъ хочу, и больше ничего. Еще просьба: не хвалите меня передъ другими, по крайнѣй мѣрѣ, менѣе сколько можно. Изъ письма вашего со страхомъ я увидѣлъ, что вы меня считаете чѣмъ-то въ родѣ святости и совершенства. Ради Бога не думайте такъ: это грѣхъ. Въ моей душѣ есть точно стремленіе къ этому; но вы слышите ли, какое страшное пространство между этимъ стремленіемъ и достиженіемъ? Вотъ все, что́ вы можете говорить другимъ: у него добрая душа и есть истинное желаніе быть лучше, чѣмъ онъ есть. Эти слова вы можете только сказать обо мнѣ. И если услышите нападенія на меня, никакъ не отвергайте ихъ. Нападенія не могутъ быть безъ причины. Лучше прилежно выслушайте ихъ и передайте потомъ мнѣ. Прощайте! Въ минуты сильныхъ вашихъ движеній душевныхъ всегда пишите ко мнѣ. Если у васъ родятся ка-

кіе-нибудь упреки, мнѣ смѣло ихъ говорите. Упрековъ любящаго человѣка всегда жаждало, какъ святыни, мое сердце".

Письмо это должно принадлежать къ 1842 году и вѣроятно было приложено въ письмѣ ко мнѣ, которое пропало. Оно, очевидно, есть отвѣтъ на письмо Ольги Семеновны, которое было писано къ Гоголю передъ отъѣздомъ на богомолье въ Воронежъ, что̀ происходило въ Октябрѣ.

Теперь по хронологическому порядку слѣдуетъ мое письмо къ Гоголю отъ 6-го Февраля 1843, которое прилагается здѣсь въ оригиналѣ:

„У, какой хаосъ въ головѣ! Какъ давно не писалъ къ вамъ, милый другъ Николай Васильевичъ, и очень много накопилось всякой всячины, о которой надобно бы написать къ вамъ и подробно, и порядочно.... Право, не знаю съ чего начать? Прежде всего надобно сказать вамъ причину немного-долгаго моего молчанія; а потомъ, по возможности, разсказать исторически всѣ происшествія (очень жалѣю, что не велъ записки въ родѣ журнала; но обстоятельства были такъ важны, и мы принимали ихъ такъ близко къ сердцу, что до благополучнаго ихъ окончанія я не въ состояніи былъ ничего писать). Я и всѣ мои здоровы; но не писалъ къ вамъ во первыхъ потому, что сначала мы были встревожены слухами, будто Государь былъ недоволенъ „*Мертвыми Душами*" и запретилъ второе ихъ изданіе; будто также недоволенъ былъ „*Женитьбой*", и что 4-й томъ вашихъ сочиненій задержанъ, перемаранъ и вновь долженъ быть напечатанъ (все это, какъ оказалось послѣ, или совершенная неправда, или было да не такъ). *Во вторыхъ*, не писалъ я къ вамъ потому, что въ бенефисъ Щепкина ставились на здѣшнемъ театрѣ „*Женитьба*" и „*Игроки*"; разумѣется, я не пропускалъ репетицій и сколько могъ хлопоталъ, чтобы пьесы были поняты и сколько нибудь сносно сыграны. Вчера сошелъ бенефисъ Щепкина, и сегодня принимаюсь я писать къ вамъ; но вѣроятно ранѣе Понедѣльника это письмо не отправится въ Римъ. Еще къ 1-му Ноября ожидали мы вашихъ сочиненій; даже книгопродавцы Московскіе, не получа еще ихъ, объявили въ газетахъ, что такого-то числа поступятъ въ продажу сочиненія Гоголя. Я непремѣнно хотѣлъ дождаться ихъ появленія, чтобъ написать о всемъ и о моихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ и о томъ, что̀ произведутъ они на всю массу читающей Московской публики. Но сочиненія ваши запоздали своимъ выходомъ сами по себѣ, и потомъ дѣйствительно 4-й томъ былъ задержанъ (такъ что у насъ были получены два первыхъ задолго до полученія 4-го; почему не было получено третьяго, не знаю). Впрочемъ эти задержки произошли въ слѣдствіе особенныхъ

обстоятельствъ. Два цензора были посажены подъ арестъ за пропускъ какой-то статьи; это заставило ихъ сдѣлаться еще осторожнѣе и остановить выпускъ нѣкоторыхъ, уже отпечатанныхъ книгъ, въ томъ числѣ и 4-й томъ вашихъ сочиненій. Наконецъ, все было получено безъ всякихъ исключеній.... Всѣ (я разумѣю людей, способныхъ понимать и чувствовать) были въ восхищеніи, что истина восторжествовала. Всѣ приписываютъ это самому Государю (я тоже думаю), и всѣ восхищаются его высокимъ правительственнымъ разумомъ. Вообще, появленіе на сценѣ и въ печати вашихъ твореній будетъ памятникомъ его царствованія; мы благословляемъ его отъ души! — Піесы, цензурованныя для представленія на театрѣ, „Женитьба“ и „Игроки“, были получены гораздо прежде вашихъ сочиненій; я имѣлъ случай читать нѣсколько разъ въ обществѣ мущинъ и дамъ послѣднюю и производилъ восторгъ и шумъ необыкновенный, какого не произвела она даже на сценѣ. На это есть множество причинъ: 1) на Большомъ театрѣ, гдѣ обыкновенно даются бенефисы, многаго нельзя было разслушать; и такъ публика только вслушивалась въ піесы. 2) главныя лица: Подколесинъ и Утѣшительный дурно были исполнены Щепкинымъ.... Остальныхъ, мелочныхъ причинъ не нужно исчислять. Но когда подняли занавѣсь, продолжительный громъ рукоплесканій привѣтствовалъ появленіе на сценѣ новаго вашего сочиненія. Я не понимаю, милый другъ, вашего назначенія ролей. Еслибъ *Кочкарева* игралъ Щепкинъ, а *Подколесина* Живокини, піеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкинъ не можетъ играть вялаго и нерѣшительнаго творенія; а Живокини, играя живой характеръ, не можетъ удерживаться отъ привычныхъ своихъ фарсовъ и движеній, которыя безпрестанно выводятъ его изъ характера играемаго имъ лица. Впрочемъ, надо было отдать ему справедливость: онъ работалъ изъ всѣхъ силъ, съ любовью истиннаго артиста, и во многихъ мѣстахъ былъ прекрасенъ. Они желаютъ перемѣниться ролями. Позволите ли вы? Въ продолженіи великаго поста они переучатъ роли, если вы напишете ко мнѣ, что согласны на то. Верстовскій (который васъ обнимаетъ; недавно я прочелъ ему „*Разъѣздъ*“, и онъ былъ въ упоеніи) и другіе говорятъ, что въ Петербургѣ Мартыновъ въ роли *Подколесина* безподобенъ; но всѣ прочія лица несравненно ниже Московскихъ. Послѣ завтра бенефисъ долженъ повториться на Большомъ театрѣ, а потомъ піесы ваши навсегда сойдутъ на Малый театръ. Актеры и любители театра нетерпѣливо этого ожидаютъ: тамъ пьесы получатъ настоящую цѣну и оцѣнку“.

„Самъ вижу, какъ безпорядочно мое письмо; но полученіе вашихъ сочиненій, постановка пьесъ и все вообще, такъ высоко настроили мои нервы, что они дрожатъ, и предметы путаются и пляшутъ въ головѣ

мосй. Лучше начать отчетъ о спектаклѣ. *Женитьба* была разъиграна лучше *Игроковъ*. Въ первой женихи, особенно Садовскій (*Анучинъ* или *Ходилкинъ*, какъ перекрестилъ его г. цензоръ *Гедеоновъ*, который по глупости своей много кое-чего повымаралъ въ обоихъ піесахъ о купцахъ, дворянахъ и гусарахъ; слово „*гусаръ*" замѣнилъ „*молодцемъ*", вмѣсто *Чеботаревъ* поставилъ *Чемодановъ* и пр.) были недурны. Женщины, кромѣ Агаѳьи Тихоновны (Орлова, которая мѣстами была хороша) сваха *Кавалерова* (*) и купчиха *Сабурова* 1-я, вообще были хороши. Щепкинъ, ничуть меня не удовлетворяя въ строгомъ смыслѣ, особенно былъ дуренъ въ сценѣ съ невѣстой одинъ на одинъ. Его робость безпрестанно напоминала Городничаго, и всего хуже въ послѣдней сценѣ. Переходы отъ восторга, что онъ женится, вспыхнувшаго на минуту, появленіе сомнѣнія и потомъ непреодолимаго страха отъ женитьбы даже въ то еще время, когда слова повидимому выражаютъ радость – все это совершенно пропало и было выражено пошлыми театральными пріемами.... Публика грозно молчала всю сцену, и я едва не свалился со стула. Мнѣ тяжело смотрѣть на Щепкина.... Онъ такъ мнѣ жалокъ: онъ переслуживаетъ свою прежнюю славу.—Хомяковъ, который былъ подлѣ насъ въ ложѣ, весьма справедливо замѣтилъ, что тѣже самые актеры, появившіеся въ средней піесѣ (какой-то водевиль) между двумя нашими, показались не людьми, а картонными фигурами, куклами выпускными.—Оставляю писать до завтра: ибо очень усталъ".

„7-го Февраля".

„Послѣ спектакля я отправился въ Дворянскій Клубъ, гдѣ я обыкновенно играю въ карты и гдѣ есть огромная компата Кругелей, Швохневыхъ и другихъ. Они всѣ дожидались нетерпѣливо *Игроковъ* и часто меня спрашивали: что̀ это за піеса? Тамъ всѣ безъ исключенія говорили слѣдующее. „*Женитьба* не то́, что мы ожидали; гораздо ниже Ревизора; даже скучно, да и ненатурально; а *Игроки* хороша, только это старинный анекдотъ; да и всѣ разсказы Игроковъ извѣстныя происшествія". Одинъ сказалъ, что нынче ужъ такихъ штукъ не употребляютъ, и никто не занимается изученіемъ рисунка обратной стороны. Нашлись такіе, которые были въ театрѣ, но уѣхали поранѣе, и я нашелъ ихъ уже за картами, увѣряющими, что они не могли попасть въ театръ, но что послѣ непремѣнно посмотрятъ обѣ піесы.—Странное дѣло: Женитьбу слушали съ бо́льшимъ участіемъ; удерживаемый смѣхъ, одобрительный гулъ, какъ въ ульѣ пчелъ, ходилъ по театру; а теперь эту піесу почти всѣ осуждаютъ. Игроковъ слушали гораздо холоднѣе, а піесу

*) Сваха лучше всѣхъ.

всѣ почти хвалятъ; все это я говорю о публикѣ рядовой. Вчера былъ у меня П. *), который, не смотря на больные глаза пріѣзжалъ въ театръ, который былъ пораженъ *Игроками* и, сидя подлѣ меня, говорилъ, что это—трагедія и ужасно бранилъ игру Ленскаго (занимавшаго роль *Ихарева.* Я хотѣлъ дать ее Мочалову, но онъ пьетъ на пропалую; да и Щепкинъ, по какимъ-то соображеніямъ или отношеніямъ, не хотѣлъ этого); но вчера, то есть на другой день представленія, изволилъ говорить совсѣмъ другое, что *Женитьба* шалость большаго таланта, а *Игроковъ* не слѣдовало писать, играть и еще менѣе печатать; что тутъ нѣтъ игроковъ, а просто воры, или дѣйствіе слишкомъ одностороннее и пр., то есть говорилъ совершенный вздоръ. Когда же я ему напомнилъ вчерашнее его мнѣніе, то онъ сказалъ, что былъ *ошеломленъ* вчера и сегодня поутру все хорошенько обдумалъ... то есть признался откровенно во всемъ. (Хомяковъ говоритъ, что это торжество воли!..)"

„8-го Февраля. Понедѣльникъ".

„Загоскинъ въ театрѣ не былъ, но неистовствуетъ противъ *Женитьбы*, и особенно взбѣсился за эпиграфъ къ „Ревизору". Съ пѣной у рта кричитъ: „*да гдѣ же у меня рожа крива?*" Это не выдумка. Верстовскій просилъ меня написать къ вамъ, что онъ берется поставить „*Разъѣздъ*", а то дирекція возметъ его по разамъ. Исполняю его желаніе, хотя знаю напередъ вашъ отвѣтъ. - Обращаюсь къ изданію вашихъ сочиненій. Вообще оно произвело выгодное для васъ впечатлѣніе на цѣлую Москву, ибо главное ожесточеніе противъ васъ произвели „Мертвыя Души". „*Шинель*" и „*Разъѣздъ*" всѣмъ безъ исключенія нравятся; полнѣйшее развитіе *Тараса Бульбы* также. Судя по нетерпѣнію, съ которымъ ихъ ожидали, и по словамъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, которые были осаждаемы спрашивающими, должно предполагать, что изданіе будетъ имѣть сильный расходъ.—Что касается до меня и до всѣхъ моихъ, то трудно сказать что нибудь новое о нашихъ чувствахъ: мы наслаждаемся *вполнѣ*. Конечно, новыя ваши творенія, напримѣръ *Шинель* и особенно *Разъѣздъ*, сначала такъ насъ поразили, что мы невольно восклицали: „*это выше всего*"; но впослѣдствіи, повторивъ въ несчетный разъ старое, увидѣли, что и тамъ таже вѣчная жизнь, тѣже живые образы. Но я, лично я, остаюсь однако при мнѣніи, что *Разъѣздъ*, по обширному своему объему, по сжатости и множеству глубокихъ мыслей, по разумности цѣли піесы, *по языку*, по благородству и высокости цѣли, по важности своего дѣйствія на общество — точно выше другихъ піесъ. Не говорю о другихъ красотахъ его, которыя онъ раздѣляетъ

*) Такъ въ подлинникѣ: лишь одна начальная буква. *Изд.*

со всѣми вашими сочиненіями такого рода или содержанія. — Мы слышали, что куда-то присланъ экземпляръ вашихъ сочиненій для насъ. Благодаримъ васъ. Дай Богъ, чтобъ наступило скорѣе время или, лучше сказать, чтобъ оно пришло благополучно, когда вы, сидя посреди всѣхъ нашихъ, напишете на первомъ листочкѣ: „*милымъ друзьямъ*" и пр.— Хотя я очень знаю, что дѣйствія ваши, относительно появленія вашихъ созданій, заранѣе обдуманы; что поэтъ лучше насъ, рядовыхъ людей, прозрѣваетъ въ будущее: но (слѣдую, впрочемъ, болѣе убѣжденіямъ других, любящихъ также васъ людей) теперь много обстоятельствъ требуютъ, чтобъ вы, если это возможно, ускорили выходъ втораго тома „*Мертвыхъ Душъ*". Подумайте объ этомъ, милый другъ, хорошенько.... много людей, истинно васъ любящихъ, просили меня написать вамъ этотъ совѣтъ. Впрочемъ, вѣдь мы не знаемъ, такое ли содержаніе втораго тома, чтобъ зажать ротъ врагамъ вашимъ? Можетъ быть полная казнь ихъ заключается въ третьемъ томѣ»....

„Вы такъ давно не писали къ намъ, что это наводитъ на меня сомнѣніе; я боюсь, что вы недовольны или досадуете за брошюрку Константина и что чувство досады мѣшаетъ вамъ писать. Вы дожидаетесь, можетъ быть, пока она пройдетъ совершенно. Если такъ, то пожалуйста пишите, не дожидаясь полнаго исчезновенія непріятнаго чувства. Я самъ знаю, что это ошибка и не маловажная: съ его стороны написать, а съ моей—позволить печатать. Но что же дѣлать? Намъ казалось, что смѣлое указаніе истиннаго взгляда можетъ навести многихъ на настоящую точку зрѣнія, и если это такъ, то чего смотрѣть на толпу, которая заревѣтъ, не понимая цѣли! Впрочемъ это не извиняетъ меня: я, сѣдой дуракъ, долженъ былъ понять, что этотъ ревъ будетъ непріятенъ вамъ. Есть люди, которые говорятъ, что онъ вамъ даже повредилъ; но я рѣшительно не соглашаюсь съ ними: вамъ вредить ничто не можетъ. Одно могло бы быть вредно, и то какъ отсрочка— полное равнодушіе, невниманіе; но дѣло ужъ давно не такъ идетъ».

«Теперь о насъ самихъ. Мы здоровы по возможности. Я сижу на діетѣ; только не умѣю ладить съ временемъ и часто ложусь спать слишкомъ поздно. Жена и все мое семейство васъ обнимаютъ. Намѣреніе мое уѣхать въ Оренбургскую губернію сильно поколебалось, и мы ищемъ купить деревню около Москвы, но до сихъ поръ не находимъ. Я хочу только пріятнаго мѣстоположенія и устроеннаго дома. Мысль, что вы, милый другъ, со временемъ переселясь на житье въ Москву, будете иногда гостить у насъ—много украшаетъ въ глазахъ нашихъ наше будущее уединеніе. Прощайте. Обнимаю васъ крѣпко, да сохранитъ васъ Богъ. До гроба другъ вашъ С. Аксаковъ".

Письмо Гоголя, отвѣтъ на мое, было слѣдующее:

„Римъ, Марта 18-го“ (1843).

„Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой, и отдохнулъ душою; потому что, признаюсь, мнѣ было слишкомъ тягостно такое долгое молчаніе со всѣхъ сторонъ. Благодарю васъ за ваши извѣстія, мнѣ они всѣ интересны. Успѣхъ на театрѣ и въ чтеніи піэсъ совершенно таковъ, какъ я думалъ. Толки о „Женитьбѣ“ и „Игрокахъ“ совершенно вѣрны, и публика показала здѣсь чутье. Относительно перемѣны ролей, актеры и дирекція имѣютъ полное право, и удивляюсь, зачѣмъ они не сдѣлали этого сами. Кто же, кромѣ самого актера, можетъ знать свои силы и средства? Верстовскаго поблагодарите отъ души за его участіе и расположеніе; а „Разъѣзда“ натурально не слѣдуетъ давать: и неприлично, и для сцены вовсе неудобно. У Щепкина спросите, получилъ ли онъ два письма мои, писанныя одно за другимъ; также какъ, получили ли вы сами мое письмо, въ которомъ я просилъ васъ о постановкѣ „Ревизора“, дѣло, которымъ пожалуйста позаймитесь. Тамъ же я просилъ дать какой нибудь отрывокъ Живокини, по усмотрѣнію Мих. Сем. за его усердные труды. Константину Сергѣевичу скажите, что я не думалъ сердиться на него за брошюрку; напротивъ, въ основаніи своемъ она замѣчательная вещь. Но разница страшная между діалектикою и письменнымъ созданіемъ, и горе тому, кто объявляетъ какую нибудь замѣчательную мысль, если эта мысль еще ребенокъ, не вызрѣла и не получила образа, виднаго всѣмъ, гдѣ бы всякое слово можно почти щупать пальцемъ; и вообще чѣмъ глубже мысль, тѣмъ она можетъ быть дѣйственнѣе самой мелкой мысли“.

„Относительно втораго тома „Мертв. Душъ“ я уже далъ отвѣтъ Шевыреву, который вамъ его перескажетъ. Что̀ же до того, что бранятъ меня, то слава Богу: гораздо лучше, чѣмъ бы хвалили. Браня, всетаки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тѣхъ, которые восхищаются, невольно поселяется пристрастіе и невольно заслоняетъ недостатки. И вы также не должны меня хвалить неумѣренно никому и ни передъ кѣмъ. Повѣрьте, что̀ хвалится горячо, не равнодушно, то уже неумѣренно. Меньше всего я бы желалъ, чтобы вы измѣнили къ кому нибудь ваши отношенія по поводу толковъ обо мнѣ. Я совершенно долженъ быть въ сторонѣ. Напротивъ, полюбите отъ души всѣхъ несогласныхъ съ вами во мнѣніяхъ; увидите: вы будете вездѣ въ выигрышѣ. Если только человѣкъ имѣетъ одну хорошую сторону, то уже онъ сто̀итъ того, чтобы не расходиться съ нимъ. А тѣ, съ которыми вы въ сношеніяхъ, всѣ бо-

лѣе или менѣе имѣютъ многія хорошія стороны. Я бы попросилъ васъ передать мой искренній поклонъ Загоскину и П. *), но чувствую, что они не повѣрятъ, подумаютъ, что я поднялся на штуки или, пожалуй, примутъ за насмѣшку въ родѣ *кривой рожи*, и потому пусть этотъ поклонъ останется между нами".

„Но поговоримъ теперь о самомъ важномъ дѣлѣ. Положеніе мое требуетъ сильнаго вашего участія и содѣйствія. Я думаю, вы уже знаете изъ письма моего къ Шевыреву, въ чемъ дѣло. Вы должны принесть для меня жертву, соединившись втроемъ вмѣстѣ: вы, Шевыревъ и Погодинъ, взять на себя дѣла мои на три года. Отъ этого все мое зависитъ, даже самая жизнь. Тысячи важныхъ, слишкомъ важныхъ для меня причинъ и самая важнѣйшая, что я не въ силахъ думать теперь о моихъ житейскихъ дѣлахъ. Но обо всемъ этомъ, я думаю, вы узнали уже отъ Шевырева. Со вторымъ изданіемъ распорядитесь, какъ найдете лучше; но такъ устройте, чтобы я могъ получать по шести тысячъ въ годъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, раздѣливъ это на два или на три срока и чтобъ эти сроки были слишкомъ точны: отъ этого много зависитъ. Впрочемъ распоряженіе относительно этого предоставьте Шевыреву. Онъ точнѣе насъ всѣхъ. Слова эти слишкомъ важны, и во имя Бога я молю васъ не пренебречь ими. Сроки должны быть слишкомъ аккуратны. Что теперь я полгода живу въ Римѣ безъ денегъ, не получая ни откуда, это конечно ничего. Случился Языковъ, и я могъ у него занять. Но въ другой разъ это можетъ случиться не въ Римѣ; мнѣ предстоятъ глухія уединенія, дальнія отлученія. Не теряйте этого изъ виду; если не достанетъ и не случится къ сроку денегъ, соберите ихъ хотя въ видѣ милостыни. Я нищій и не стыжусь своего званія".

„А васъ вмѣстѣ съ Погодинымъ я попрошу войти въ положеніе моей маменьки, тѣмъ болѣе, что вы уже знакомы съ нею и нѣсколько знаете ея обстоятельства. Я получилъ отъ нея письмо, сильно меня разстроившее. Она проситъ меня прямо помочь ей, въ то время помочь, когда я вотъ уже полгода сижу въ Римѣ безъ денегъ, занимая и перебиваясь кое-какъ. Просьба о помощи меня поразила. Маменька всегда была деликатна въ этомъ отношеніи: она знала, что мнѣ не нужно напоминать объ этомъ, что я могу чувствовать самъ ея положеніе. Она знала это уже потому, что я отказался отъ своей части имѣнія и отдалъ ей сто душъ крестьянъ съ землями, тогда какъ самъ не былъ

*) Такъ въ подлинникѣ: лишь одна начальная буква. *Изд.*

даже на полгода обезпеченъ. (Послѣдняго обстоятельства натурально она не знала, иначе бы отказалась и отъ имѣнія, и отъ всякой со стороны моей помощи, и потому я долженъ былъ почти всегда увѣрять ее, что я не нуждаюсь и что состояніе мое обезпечено). Но и въ сей мысли она была однакожъ очень деликатна и не просила меня о помощи. Теперь это все произошло вслѣдствіе невиннаго обстоятельства. Ольга Семеновна, по добротѣ души своей, желая вѣроятно обрадовать маменьку, написала, что „Мертвыя Души" расходятся чрезвычайно, деньги плывутъ, и предложила ей даже взять деньги, лежащія у Шевырева, которыя вѣроятно слѣдовали одному изъ ссудившихъ меня на самое короткое время. Маменька подумала, что я богачъ и могу безъ всякаго отягощенія себѣ сдѣлать ей помощь. Я никогда не вводилъ маменьку ни въ какія литературныя мои отношенія и не говорилъ съ нею никогда о подобныхъ дѣлахъ; ибо зналъ, что она способна обо мнѣ задумать слишкомъ много. Дѣтей своихъ она любитъ до ослѣпленія, и вообще границъ у ней нѣтъ. Вотъ почему я старался, чтобы къ ней никогда не доходили такія критики, гдѣ меня черезчуръ хвалятъ. И, признаюсь, для меня даже противно видѣть, когда мать хвастается своимъ сыномъ: это все равно какъ-бы хвастаться собою и своими добродѣтелями. Маменька должна меня знать просто, какъ добраго сына, а судить о талантахъ моихъ не принадлежитъ ей. Письмо маменьки и просьба повергли меня въ такое странное состояніе, что вотъ уже скоро третій мѣсяцъ, какъ я всякій день принимаюсь за перо писать ей и всякій разъ не имѣю силъ, бросаю перо и разстроиваюсь во всемъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе затруднительно: чтобы объяснить все дѣло, нужно сказать правду и сдѣлать ей яснымъ мое положеніе, а въ объясненіи моего положенія будетъ уже заключаться ей упрекъ и безпокойство о моей участи; между тѣмъ письмо мое должно быть утѣшительно и заключать даже въ себѣ умную инструкцію впредь. Но для того чтобы разумно поступить въ этомъ, для другого можетъ бы незатруднительномъ дѣлѣ, мнѣ нужно взглянуть какъ на совершенно постороннее для меня дѣло, взглянуть такъ, какъ я гляжу на характеръ и положеніе лица, которое принимаюсь внесть въ мое твореніе: тогда только предметъ можетъ предо мною стать всѣми своими сторонами, и слово мое можетъ быть проникнуто свѣтомъ разума; а безъ этого слово мое будетъ глупѣе слова всякаго обыкновеннѣйшаго человѣка. Вотъ какъ еще мнѣ трудно отрѣшиться отъ многихъ, многихъ страстныхъ отношеній, чтобъ стать на ту высоту безстрастія, безъ котораго все, что ни производится мною, есть пошло, презрѣнно и несетъ мнѣ упреки даже отъ тѣхъ, которые, думая доставить мнѣ добро, заставили произвесть его. И такъ войдите вмѣстѣ съ Погодинымъ въ положеніе этого дѣла, объясните его ма-

менькѣ, какъ признаете лучше. Во всякомъ случаѣ, какъ вы ни поступите, вы поступите въ двадцать разъ умнѣе меня. Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывутъ ко мнѣ рѣками и что расходъ книги вовсе не таковъ, чтобы сдѣлать меня богачемъ. Если окажутся въ остаткѣ деньги, то пошлите; но не упускайте также изъ виду того, что маменька, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, довольно плохая хозяйка и что подобныя обстоятельства могутъ случаться всякій годъ, и потому умный совѣтъ съ вашей стороны, какъ людей все-таки больше понимающихъ хозяйственную часть, можетъ быть ей полезнѣе самихъ денегъ. Я не знаю, могутъ ли принести мои сочиненія, давно напечатанныя въ четырехъ томахъ, какой-нибудь значительный доходъ. Одно напечатаніе ихъ (листовъ, какъ я вижу по газетамъ, оказалось болѣе, чѣмъ предполагалось) должно достигнуть до 17-ти т. Притомъ, какъ бы то ни было книга въ 25 рублей не такъ легко расходится какъ въ десять, особенно если она даже не новость вполнѣ. Я думаю, что въ первый годъ она развѣ только окупитъ изданіе, а потомъ пойдетъ тише. Первыя деньги послѣ окупленія изданія я назначилъ на уплату долговъ моихъ Петербургскихъ, которые хоть и не такъ велики, какъ Московскіе, но все же требуютъ давно уплаты. Я знаю, что нѣкоторымъ, даже близкимъ душѣ моей и обстоятельствамъ, казалось странно, отъ чего у меня завелось такъ много долговъ, и они всегда пропускали изъ виду слѣдующее невинное обстоятельство: шесть лѣтъ я живу, и большею частью за границей, не получая ни откуда жалованья и никакихъ совершенно доходовъ. (Шесть лѣтъ я не издавалъ ничего). Года эти были года странствія, года путешествія. Откуда же и какими средствами я могъ производить все это? Если положить по пяти тысячъ въ годъ, такъ вотъ уже до тридцати тысячъ въ шесть лѣтъ. Одинъ разъ только я получилъ вспомоществованіе, которое было отъ Государя и дало мнѣ возможность прожить годъ. Кромѣ того я въ это время долженъ былъ взять моихъ сестеръ изъ Института, одѣть ихъ съ ногъ до головы и всякой доставить безбѣдный запасъ, хотя по крайней мѣрѣ на два года. Два раза я долженъ былъ въ это время помочь маменькѣ, не говоря уже о томъ, что долженъ былъ дать ей средства два раза пріѣхать въ Москву и обратно; долженъ же я былъ все это произвести какими нибудь деньгами и средствами. И такъ немудрено, что у меня набрались такіе долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человѣкъ, чтобы издерживать деньги на пустяки. И желанья мои довольно ограничены, и при мнѣ нѣтъ даже такихъ вещей, которыя бы показались другому совершенно необходимы. Но довольно объ этомъ. Не забудьте моей глубокой, сильной просьбы, которую я съ мольбой изъ нѣдръ души моей вамъ тремъ повѣряю: возьмите на три года попеченье о

дѣлахъ моихъ. Соединитесь ради меня тѣснѣй и больше и сильнѣй другъ съ другомъ и подвигнитесь ко мнѣ святой христіанской любовью, которая не требуетъ никакихъ вознагражденій. Всякаго изъ васъ Богъ наградилъ особой стороной ума. Соединивъ ихъ вмѣстѣ, вы можете поступить мудро, какъ никто. Клянусь, благодѣяніе ваше слишкомъ будетъ глубоко и прекрасно. Прощайте. Больше я ничего вамъ не могу теперь писать, да и безъ того письмо длинно. Напишите мнѣ вашъ адресъ и ради Бога не забывайте меня письмами. Онѣ очень мнѣ важны, какъ вы не можете даже себѣ представить, хотя бы даже были писаны не въ минуту расположенія и заключались въ двухъ строкахъ, не больше. Не забывайте же меня".

„Вашъ Н. Гоголь".

„Посылаю душевный поклонъ всему дому вашему. А Ольгѣ Семеновнѣ грѣхъ, что она совершенно позабыла меня и не прибавила отъ себя ни строчки ко мнѣ; Конст. Серг—чу тоже грѣхъ. Тѣмъ болѣе, что ко мнѣ можно писать не дожидаясь никакого расположенія или удобнаго времени, а въ суматохѣ, между картами, передъ чаемъ, на запачканномъ лоскуточкѣ, въ трехъ строчкахъ, съ ошибками и со всѣмъ, что Богъ послалъ на ту минуту".

„Если кто нибудь поѣдетъ за Языковымъ изъ Москвы, не забудьте прислать мнѣ книгъ, если вышло что нибудь относительно статистики Россіи. Извѣстный *Памятникъ Вѣры*, который обѣщала Ольга Семеновна, и молитвенникъ самый пространный, гдѣ бы находились почти всѣ молитвы, писанныя Отцами церкви, пустынниками и мучениками".

„О моихъ сочиненіяхъ я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Прокоповичъ до сихъ поръ не отвѣчалъ на мое послѣднее письмо. Къ Плетневу я уже писалъ два письма, и ни на одно изъ нихъ нѣтъ отвѣта".

„Вотъ вамъ мой маршрутъ: до перваго Мая въ Римъ, потомъ въ Гастейнъ, въ Тироль до 1-го Іюня. Въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ адресуйте въ *Дюссельдорфъ* на имя *Жуковскаго*, вездѣ poste restante".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, Шевыревъ привезъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ Гоголя, которое, хотя писано къ Шевыреву, но равно относится, какъ къ нему, такъ ко мнѣ и Погодину. Я считаю, что имѣю полное право помѣстить его въ моей книгѣ. Вотъ оно:

„Наконецъ, послѣ долгихъ молчаній со всѣхъ сторонъ, я получилъ письмо отъ тебя, безцѣнный другъ мой! Поблагодаривши тебя за него

отъ всей души, я принимаюсь отвѣчать на всѣ его пункты. 1) Ты говоришь, что я плохо распорядился относительно дѣлъ моихъ и между прочимъ не сказалъ: какъ и въ чемъ плохо и относительно какихъ именно дѣлъ? Что я плохо распорядился, это для меня не новость: я не долженъ и не могу заниматься моими житейскими дѣлами вслѣдствіе многихъ глубокихъ, душевныхъ и сердечныхъ причинъ; но объ нихъ послѣ. Но тебѣ ни въ какомъ случаѣ не должно со мною церемониться; ты долженъ говорить все напрямикъ, не опасаясь никакими образами задѣть какихъ бы то ни было струнъ самолюбія ли авторскаго, или просто человѣческаго, или чего бы то ни было, что называется обыкновенно чувствительною и щекотливою стороною. Все будетъ принято благодарно и съ любовью. Это я тебѣ говорю разъ на всегда и прошу ради дружбы нашей не заставить меня повторить этого въ другой разъ. Сколько я могу догадываться, вѣроятно *плохое распоряженіе* относится къ изданію моихъ мелкихъ сочиненій и вѣроятно Прокоповичъ сдѣлалъ по неопытности какую нибудь глупость. Впрочемъ, вотъ причины, почему я печатаніе ихъ предпринялъ въ Петербургѣ и распорядился не такъ, какъ бы слѣдовало относительно разныхъ выгодъ житейскихъ. Изданіе всѣхъ сочиненій моихъ непремѣнно нужно было произвести не откладывая, не затягивая этого дѣла, къ новому году или сейчасъ послѣ новаго года. Взглянувши на все и сообразя все, ты самъ, можетъ быть, проникнешь въ необходимость этого. Признаюсь, я помышлялъ было обратиться къ тебѣ, не смотря на то, что совѣсть кричала противъ этого; но когда я увидѣлъ, что и Погодинъ ѣдетъ за границу и что „Москвитянинъ" взваленъ на тебя, у меня не достало духу. Я думалъ обратиться къ Сергѣю Тимофеевичу, но Сер. Тим. сказалъ, что онъ будетъ лѣтомъ въ деревнѣ; впрочемъ молодые люди (К. С. и братья) могутъ, оставаясь въ городѣ, завѣдывать печатаньемъ,—я уже думалъ поручить дѣло въ Москвѣ; но меня вдругъ смутила мысль, что дѣло пойдетъ на страшную проволочку. Не говоря о медленности Московскихъ типографій, меня сильно остановило цензурное дѣло. Изъ всѣхъ цензоровъ одинъ только Никитенко былъ подвигнутъ ко мнѣ участіемъ искреннимъ; но безпрестанная пересылка мелкихъ піэсъ изъ Москвы въ Петербургъ (онѣ же поступали къ цензору не въ одно время), письменныя объясненія и недоразумѣнія, все это мнѣ предвѣщало такую возню, что у меня просто не подымались руки и, какъ я вспомню, чего мнѣ стоило вытребовать и получить изъ Петербурга рукопись Мертвыхъ Душъ, послѣ того какъ она уже цѣлый мѣсяцъ была пропущена комитетомъ!... И притомъ Никитенко, при всемъ доброжелательствѣ, малороссіянинъ и лѣнивъ; его нужно было подталкивать безпрестанно личными посѣщеніями. Все это заставило меня печатанье производить въ Петербургѣ. Прокоповичу я поручилъ, потому что знаю

его совершенно съ дѣтства какъ лучшаго школьнаго товарища: это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ честный и благородный и дѣятельный, когда того потребуютъ. Плетнева я просилъ напутствовать его во всякихъ затрудненіяхъ. У Прокоповича было все лѣто совершенно свободно, и онъ могъ неутомимо и безостановочно заняться печатаньемъ. Этой работой я имѣлъ отчасти намѣреніе возбудить его къ дѣятельности, усыпленнаго нѣсколько его черствой и непитательной работой".

„Доходовъ отъ этого изданія я не могъ ожидать. Хотя, конечно, нѣсколько неизвѣстныхъ піэсъ (которыхъ я имѣлъ благоразуміе не печатать въ журналахъ) могли придать нѣкоторый интересъ книгѣ, но все же она не новость. Она изъ 4-хъ томовъ, стало быть высокой цѣны никакъ нельзя было назначить: большаго куша вынуть изъ кармана при теперешнемъ безденежьи не такъ легко, какъ вынуть пять или десять рублей. И притомъ я не имѣю духа и безсовѣстности возвысить цѣну, зная, что мои покупатели большею частію люди бѣдные, а не богатые, и что иной можетъ быть платитъ чуть не послѣднюю копейку. Тутъ это мерзкое сребролюбіе подлѣе и гаже, чѣмъ въ какомъ либо другомъ случаѣ. Итакъ, не смотря на то, что напечатанье стало свыше 16 тысячъ и что въ книгѣ 128 листовъ, я велѣлъ ее продавать никакъ не дороже 25 рублей. Первые экземпляры пойдутъ конечно шибче и окупятъ, можетъ быть, изданіе; потомъ медленнѣе. Половину экземпляровъ или треть я хотѣлъ было назначить къ отправкѣ въ Москву къ тебѣ; не знаю, удобно ли тебѣ и какъ это сдѣлать—объ этомъ меня увѣдоми. И такъ вотъ тебѣ всѣ причины того распоряженія, которое сдѣлалъ я относительно этого дѣла. Конечно, можно было распорядиться и умнѣе; но у меня не было силъ на то. Не было силъ потому, что я не могу и не долженъ заниматься многимъ, что относится къ житейскому. Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. Весьма можетъ быть, что Прокоповичъ, какъ еще неопытный, многое сдѣлалъ не такъ какъ слѣдуетъ, и потому ты, пожалуйста, извѣсти меня обо всемъ. Я натурально не скажу Прокоповичу, что слышалъ отъ тебя; а издалека дамъ ему знать быть осмотрительнѣе и благоразумнѣе. Но довольно объ этомъ!"

„Поговоримъ о второмъ пунктѣ твоего письма. Ты говоришь,что пора печатать второе изданіе „Мертвыхъ Душъ", но что оно должно выйдти необходимо вмѣстѣ со 2-мъ томомъ. Но если такъ, тогда нужно слишкомъ долго ждать. Еще разъ я долженъ повторить, что сочиненіе мое гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ можно предполагать по его началу. И если надъ первою частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидѣлъ я почти пять лѣтъ, чего на-

турально никто не замѣтилъ, одинъ ты замѣтилъ долговременную и тщательную обработку многихъ частей.... Итакъ если надъ первой частью просидѣлъ я столько времени (не думай, чтобъ я былъ когда либо преданъ праздному бездѣйствію въ продолженіи этого времени: я работалъ головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не дѣлаю и живу только для удовольствія своего).... Итакъ, если надъ первой частью просидѣлъ я такъ долго, разсуди самъ, сколько долженъ просидѣть я надъ второй! Это правда, что я могу теперь работать увѣреннѣй, тверже, осмотрительнѣй, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринималъ къ воспитанію моему и которыхъ тоже никто не замѣтилъ. Напримѣръ, никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ піэсъ, тогда какъ я производилъ ихъ основываясь на разумѣньи самого себя, на устройствѣ головы своей. Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть производить плотное созданье.... твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и совершенное въ высокой трезвости духа. Послѣ сихъ и другихъ подвиговъ, предпринятыхъ въ глубинѣ души, я, разумѣется, могу теперь двигать работу далеко успѣшнѣе и быстрѣе чѣмъ прежде; но нужно знать и то, что горизонтъ мой сталъ чрезъ то необходимо шире и пространнѣе, что мнѣ теперь нужно обхватить болѣе того, что вѣрно бы не вошло прежде. Итакъ если предположить самую безпрерывную и ничѣмъ неостанавливаемую работу, то два года,—это самый короткій срокъ. Но я не смѣю объ этомъ и думать, зная мою не обезпеченную нынѣшнюю жизнь и многія житейскія дѣла, которыя иногда въ силѣ будутъ разстроить меня, хотя употребляю всѣ силы держать себя отъ нихъ подалѣ и меньше, сколько можно, объ нихъ думать и заботиться. Понужденіе къ скорѣйшему появленію втораго тома, можетъ быть, ты сдѣлалъ вслѣдствіе когда-то помѣщеннаго въ „Москвитянинѣ" объявленія, и потому вотъ тебѣ настоящая истина: никогда и никому я не говорилъ, сколько и что̀ именно у меня готово, и когда, къ величайшему изумленію моему, напечатано было въ „Москвитянинѣ" извѣщеніе, что два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выдетъ въ продолженіи года, тогда не была даже кончена первая часть. Вотъ какъ трудно созидаются тѣ вещи, которыя на видъ инымъ кажутся вовсе не трудны. Если ты подъ словомъ *необходимость* появленія втораго тома разумѣешь необходимость истребить непріятное впечатлѣніе, ропотъ и негодованіе противъ меня, то вѣрь мнѣ: мнѣ бы слишкомъ хотѣлось самому, чтобы меня поняли въ настоящемъ значеніи, а не въ превратномъ. Но нельзя упреждать время; нужно, чтобы все излилось прежде само собою, и ненависть противъ меня слишкомъ тяжелая для того, кто бы хотѣлъ заплатить за нее, можетъ быть, всею силою люб-

ви, ненависть противъ меня должна существовать и быть въ продолженіи нѣкотораго времени, можетъ быть даже долгаго. И хотя я чувствую, что появленіе втораго тома было бы свѣтло и слишкомъ выгодно для меня; но въ тоже время, проникнувши глубже въ ходъ всего текущаго передъ глазами, вижу, что все, и самая ненависть, есть благо. И никогда нельзя придумать человѣку умнѣй того, что совершается свыше и чего иногда въ слѣпотѣ своей мы не можемъ видѣть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Вѣрь мнѣ, что я не такъ безпеченъ и неразуменъ въ моихъ главныхъ дѣлахъ, какъ неразуменъ и безпеченъ въ житейскихъ. Иногда силой внутренняго глаза и уха я вижу и слышу время и мѣсто, когда должна выйти въ свѣтъ моя книга; иногда, по тѣмъ же самымъ причинамъ почему бываетъ ясно мнѣ движенье души человѣка, становится мнѣ ясно и движенье массы. Развѣ ты не видишь, что еще до сихъ поръ всѣ принимаютъ мою книгу за сатиру и личность, тогда какъ въ ней и тѣни сатиры и личности нѣтъ; это можно замѣтить вполнѣ только послѣ нѣсколькихъ чтеній, а книгу мою большею частью прочли по одному разу всѣ тѣ, которые возстаютъ противъ меня. Еще смотри, какъ гордо и съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ всѣ на героевъ моихъ. Книга писана долго; нужно, чтобы дали трудъ всмотрѣться въ нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнѣніе. Противъ перваго впечатлѣнія я не могу дѣйствовать. Противъ перваго впечатлѣнія должна дѣйствовать критика и только тогда, когда, съ помощью ея, впечатлѣнія получатъ образъ, выйдутъ сколько нибудь изъ перваго хаоса и станутъ опредѣлительны и ясны, тогда только я могу дѣйствовать противъ нихъ. Вѣрь, что я употребляю всѣ силы производить успѣшно свою работу, что внѣ ея я не живу, и что давно умеръ для другихъ наслажденій. Но, вслѣдствіе устройства головы моей, я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумыванiй и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать, вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдамъ безразсуднаго, необдуманнаго творенья. Не осуждай меня! Есть вещи, которыя нельзя изъяснить; есть голосъ, повелѣвающій намъ, предъ которымъ ничтоженъ нашъ жалкій разсудокъ; есть много того, что можетъ только почувствоваться глубиною души, въ минуты слезъ и молитвъ, а не въ минуты житейскихъ расчетовъ. Но довольно".

„Теперь я приступаю къ тому, о чемъ давно хотѣлъ поговорить и для чего какъ-то не имѣлъ достаточныхъ силъ. Но, помолясь, приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вмѣстѣ: ты, Погодинъ и Сергѣй Тимоѳеевичъ. Съ вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мнѣ тѣ вы-

сокіе знаки святой дружбы, которые основаны не на земныхъ отношеніяхъ и узахъ и отъ которыхъ не разъ струились слезы въ глубинѣ души моей. Отъ васъ я теперь потребую жертвы, но эту жертву вы должны принесть для меня. Возьмите отъ меня на три, или на четыре даже, года всѣ житейскія дѣла мои. Тысячи есть причинъ, внутреннихъ, глубокихъ причинъ, почему я не могу, и не долженъ, и не властенъ думать о нихъ. Не въ силахъ я изъяснить вамъ ихъ; они всѣ находятся въ такихъ соприкосновеніяхъ со внутренней моей жизнью, что я не въ силахъ стать въ холодное и вполнѣ спокойное состояніе души моей, дабы изъяснить все сколько нибудь понятнымъ языкомъ. Ничего не могу я вамъ сказать, какъ только то, что это слишкомъ, слишкомъ важное дѣло. Вѣрьте словамъ моимъ, и больше ничего. Если человѣкъ въ полномъ разумѣ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, а не въ порѣ опрометчивой юности, человѣкъ,— сколько нибудь чуждый неумѣренности и излишества, омрачающихъ очи,—говоритъ, не будучи въ силахъ объяснить безсильнымъ словомъ, говоритъ только изъ глубины растроганной глубоко души: вѣрьте мнѣ, тогда нужно повѣрить словамъ такого человѣка. Не стану вамъ говорить, что благодарность моя будетъ за это вамъ безконечна, какъ безконечна къ намъ любовь Христа Спасителя нашего. Прежде всего, я долженъ быть обезпеченъ на три года. Распорядитесь, какъ найдете лучше, со вторымъ изданіемъ и съ другими, если послѣдуютъ; но распорядитесь такъ, чтобъ я получалъ по шести тысячъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, всякій годъ. Это самая строгая смѣта. Я бы могъ издерживать и меньше, еслибъ оставался на мѣстѣ. Но путешествія и перемѣны мѣстъ мнѣ также необходимы, какъ насущный хлѣбъ. Голова моя такъ странно устроена, что иногда мнѣ вдругъ нужно пронестись нѣсколько сотъ верстъ и пролетѣть разстояніе для того, чтобъ смѣнить одно впечатлѣніе другимъ, уяснить духовный взоръ и быть въ силахъ обхватить и обратить въ одно то̀, что мнѣ нужно. Я ужъ не говорю, что изъ каждаго угла Европы взоръ мой видитъ новыя стороны Россіи, и что въ полный обхватъ ее обнять я могу, можетъ быть, тогда, когда огляну всю Европу. Поѣздка въ Англію будетъ слишкомъ необходима мнѣ, хотя внутренно я не лежу къ тому, и хотя не знаю еще, будутъ ли на то какія средства. Изданіе и пересылку денегъ ты, какъ человѣкъ точный болѣе другихъ, долженъ принять на себя. Высылку денегъ раздѣлить на два срока: 1-й къ 1-му Октября и другой къ 1-му Апрѣля въ мѣста, куда я напишу, по три тысячи; если же почему либо неудобно, то на три срока, по двѣ тысячи. Но ради Бога, чтобы сроки были аккуратны: въ чужой землѣ иногда слишкомъ приходится трудно. Теперь, напримѣръ, я пріѣхалъ въ Римъ въ увѣренности, что уже найду здѣсь деньги, назначенныя мною къ 1 Октября,

и вмѣсто того вотъ уже шестой мѣсяцъ я живу безъ копѣйки, не получая ни откуда. Въ первый мѣсяцъ мы даже побѣдствовали вмѣстѣ съ Языковымъ. Но, слава Богу, ему прислали сверхъ ожиданья больше, и я могъ у него занять двѣ тысячи слишкомъ. Теперь мнѣ слѣдуетъ ему уже и заплатить. Ни откуда не шлютъ мнѣ; изъ Петербурга я не получилъ ни одного изъ тѣхъ подарковъ, которые я получалъ прежде, когда былъ тамъ Жуковскій. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ, какъ я не получаю даже ни письма, ни извѣстія, и не знаю, что̀ дѣлается съ печатаньемъ. Подобныя обстоятельства бываютъ иногда для меня роковыми: не житейскимъ бѣдствіемъ и не нищетой стѣсненной нужды, но состояніемъ душевнымъ. Это бываетъ роковымъ, когда случается въ то время, когда мнѣ нужно вдругъ сняться и сдвинуться съ мѣста: когда я услышалъ къ тому душевную потребность, состояніе мое бываетъ тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болѣзнью. Два раза уже въ моей жизни мнѣ приходилось слишкомъ трудно... Не знаю, дадите ли вы вѣру словамъ моимъ; но слова мои душевная правда. И много у меня пропало чрезъ то времени, за которое я не знаю, чего бы ни заплатилъ; я также расчетливъ на него, какъ расчетливъ на ту копѣйку, которую прошу себѣ (у меня уже давно все мое состояніе—самый крохотный чемоданъ и четыре пары бѣлья). И такъ, обдумайте и посудите объ этомъ. Если не станетъ для этого денегъ за выручку моихъ сочиненій, придумайте другія средства. Разсудите сами: я думаю, я уже сдѣлалъ настолько, чтобы дали мнѣ возможность окончить трудъ мой, не заставляя меня бѣгать по сторонамъ, подыматься на аферы, чтобы такимъ образомъ приводить себя въ возможность заниматься дѣломъ тогда, какъ мнѣ всякая минута дорога, и тогда, какъ я вижу надобность, необходимость скорѣйшаго окончанія труда моего. Еслижъ средствъ не отыщется другихъ, тогда прямо просите для меня; въ какомъ бы ни было видѣ были мнѣ даны деньги, я ихъ благодарно приму и, можетъ быть, всякая копѣйка, брошенная мнѣ, помолится о спасеніи души тѣхъ, которые бросили мнѣ эту копѣйку. Но если эта копѣйка будетъ брошена вслѣдствіе отказа въ чемъ либо нужномъ себѣ, тогда не берите этой копѣйки: я не долженъ никому стóить лишенія и теперь еще не имѣю права. Относительно другой части дѣлъ моихъ, насчетъ матери моей и сестеръ, я буду писать къ Сергѣю Тимоѳеевичу и Погодину и изложу имъ, какимъ образомъ поступить на случай, если потребуется надобность помочь. Я сдѣлалъ все, что̀ могъ, отдалъ имъ свою половину имѣнья, сто душъ, и отдалъ будучи самъ нищимъ и не получая достаточнаго для своего собственнаго пропитанья. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишествъ, а занимая и

надѣлавъ долговъ, которые долженъ уплачивать. Погодинъ меня часто упрекалъ, что я сдѣлалъ мало для семьи и матери; но откуда же и чѣмъ я могъ сдѣлать больше? Мнѣ не указалъ никто на это средствъ. Я даже полагаю, что въ дѣлахъ моей матери гораздо важнѣе и полезнѣе будетъ умный совѣтъ, чѣмъ другая помощь. Имѣніе хорошо: двѣсти душъ; но конечно маменька, не будучи хозяйкой, не въ силахъ хорошо управиться; но въ помощахъ такого рода должно прибѣгать къ радикальнымъ средствамъ, и объ этомъ я буду писать къ Сергѣю Тимоѳеевичу и Погодину, надѣясь на прекрасныя души ихъ и на нѣжное участіе ихъ. И дай Богъ, чтобъ я въ силахъ былъ написать только; но мнѣ кажется, что они лучше могутъ почувствовать мое положеніе, если только вникнутъ глубоко въ мое положеніе. Боже, какъ часто не достаетъ ни словъ, ни выраженій мнѣ тогда, какъ таится въ душѣ много того, что бъ хотѣла выразить и сказать моя душа, и какъ ужасно тяжело бываетъ мнѣ написать письмо, и есть милліонъ причинъ, почему я не могу войти въ дѣла житейскія и относящіяся ко мнѣ. Еще разъ я долженъ сказать это: отнимите отъ меня на три, на четыре года все это".

„Если Погодинъ и Сергѣй Тимоѳеевичъ найдутъ необходимость точно помочь иногда денежнымъ образомъ моей матери, тогда разумѣется взять изъ моихъ денегъ вырученныхъ за продажу, если только онѣ окажутся; но нужно помнить тоже слишкомъ хорошо мое положеніе, взвѣсить то и другое, какъ повелитъ благоразуміе. Они на своей землѣ, въ своемъ имѣніи и, слава Богу, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть безъ куска хлѣба.... Я въ чужой землѣ и прошу только насущнаго пропитанія, чтобъ не умереть мнѣ въ продолженіе какихъ нибудь трехъ, четырехъ лѣтъ. Но да внушитъ вамъ Богъ и вразумитъ васъ. Вы всячески сдѣлаете умнѣе и лучше меня. Напиши мнѣ, могу ли я надѣяться получить въ самомъ короткомъ времени, то-есть, накопилось ли въ кассѣ для меня денегъ? Мнѣ нужны по крайней мѣрѣ 3500, а двѣ тысячи слишкомъ я долженъ отдать Языкову, да тысячу слишкомъ мнѣ нужно впередъ для прожитья и поднятья изъ Рима".

„Что касается до моего пріѣзда въ Москву, то ты видишь, что мнѣ для этого необходимости не настоитъ и, взглянувши глубокимъ окомъ на все, ты увидишь даже, что я не долженъ этого дѣлать прежде окончанія труда моего. Это можетъ быть даже слишкомъ тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво все, что̀ окружаетъ меня здѣсь, и глаза мои всего чаще смотрятъ только въ Россію, и нѣтъ мѣры любви моей къ ней, какъ нѣтъ мѣры любви моей къ вамъ, которой я не въ силахъ и не могу разсказать. Прощайте,

пишите мнѣ, хоть по одной строчкѣ, хоть по самой незначительной строчкѣ. Письма ваши очень важны для меня, и они будутъ послѣ еще важнѣе и значительнѣе, когда я останусь одинъ и потребую пустыней и удаленій отъ всего для глубокаго воспитанія душевнаго, воспитанія, которое совершается внутри меня святой чудесной волею Небеснаго Отца нашего. Прощай, я буду къ тебѣ писать, можетъ быть, скоро, вслѣдствіе другой уже моей потребности душевной. Цѣлую и обнимаю много разъ. На это письмо дай немедленный отвѣтъ, чтобы я зналъ, что ты получилъ его. И если набрались деньги, то высылай ихъ немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli, palazzo Valentini, потому что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ мы думаемъ подняться изъ Рима."

Прочитавъ теперь внимательно, конечно не въ первый разъ, эти оба замѣчательныя, задушевныя письма, я долженъ признаться, что тогда они не были поняты и почувствованы нами, какъ того заслуживаютъ. Я принялъ ихъ къ сердцу болѣе моихъ товарищей. Погодинъ мутилъ насъ обоихъ своимъ ропотомъ, осужденіемъ и негодованіемъ. Онъ былъ ужасно раздраженъ противъ Гоголя. (Впослѣдствіи докажетъ это его письмо къ нему и отвѣтъ Гоголя). Шевыревъ, хотя соглашался со многими обвиненіями Погодина, но, по искренней и полной преданности своей къ Гоголю, отъ всего сердца былъ готовъ исполнять его желанія. Дѣло въ самомъ дѣлѣ было затруднительно: всѣ трое мы были люди весьма небогатые и своихъ денегъ давать не могли. Сумма, вырученная за продажу перваго изданія „Мертвыхъ Душъ", должна была уйдти на заплату долговъ Гоголя въ Петербургѣ. Выручка денегъ за полное собраніе сочиненій Гоголя, печатаемыхъ въ Петербургѣ Прокоповичемъ (за что̀ мы всѣ на Гоголя сердились), казалась весьма отдаленною и даже сомнительною: ибо надобно было предварительно выплатить типографскіе расходы, простиравшіеся до 17,000 и болѣе рубл. ассигн. Цѣна непомѣрная, не смотря на то, что печаталось около 5,000 экземпляровъ. Мы расчитывали, что въ Москвѣ понадобилось бы на все изданіе не болѣе 11,000.

Если мои записки войдутъ когда нибудь, какъ матеріалъ, въ полную біографію Гоголя, то конечно читатели будутъ изумлены, что приведенныя мною сейчасъ два письма, написанныя словами, вырванными изъ глубины души, написанныя Гоголемъ къ лучшимъ друзьямъ его, цѣнившимъ такъ высоко его талантъ — были приняты ими съ ропотомъ и осужденіемъ, тогда какъ мы должны были за счастіе считать, что судьба избрала насъ къ завидной участи: успокоить духъ великаго писателя, нашего друга, помочь ему кончить

свое высокое твореніе, въ несомнѣнное, первоклассное достоинство котораго и пользу общественную мы вѣровали благоговѣйно. Я самъ теперь удивляюсь этому. Все, что можно сказать въ объясненіе такой странности, заключается въ одномъ словѣ: не было полной довѣренности къ Гоголю. Скрытность его характера, неожиданный отъѣздъ изъ Москвы, безъ предварительнаго совѣта съ нами, печатанье своихъ сочиненій въ Петербургѣ, порученіе такого важнаго дѣла человѣку совершенно неопытному, тогда какъ Шевыревъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, нужныя для издателя, не говоря уже о горячей и преданной дружбѣ; наконецъ, свиданіе Гоголя въ Петербургѣ съ людьми намъ противными, о которыхъ онъ думалъ одинаково съ нами (какъ то съ Бѣлинскимъ, Полевымъ и Краевскимъ), все это вмѣстѣ поселило нѣкоторое недовѣріе даже въ Шевыревѣ и во мнѣ; Погодинъ же видѣлъ во всемъ этомъ только доказательство своему убѣжденію, что Гоголь человѣкъ не искренній, что ему вѣрить нельзя. Мы съ Шевыревымъ не принимали такого убѣжденія, особенно я. Я объяснялъ поступки Гоголя странностью, капризностью его художнической натуры; а чего не могъ объяснить, о томъ старался забыть, не толкуя въ дурную сторону.

Первымъ моимъ дѣломъ было послать деньги Гоголю; на ту пору у меня случились наличныя деньги, и я могъ отдѣлить изъ нихъ 1500 р. Такую же сумму думалъ я занять у Д...—ва. Я отправился къ нему немедленно, разсказалъ все дѣло и — получилъ отказъ. Благосостояніе его и значительный капиталъ, лежавшій въ ломбардѣ, были мнѣ хорошо извѣстны. Я сдѣлалъ ему горькій упрекъ; но онъ, не обижаясь имъ, твердилъ одно: „Я принялъ за правило не давать денегъ въ займы, а дарить такія суммы я не могу". Я отвѣчалъ ему довольно жестко и хотѣлъ уйдти; но жена его прислала просить меня, чтобъ я къ ней зашелъ. Я исполнилъ ея желаніе, и хотя не былъ съ ней очень близокъ, но въ досадѣ на ея супруга я разсказалъ ей, для чего я просилъ у него въ займы денегъ и по какой причинѣ получилъ отказъ. Она вспыхнула отъ негодованія и вся покраснѣла. Она быстро встала съ своего дивана, на которомъ полулежала въ граціозной позѣ, и, сказавъ: „я вамъ даю охотно эти деньги", вышла въ другую комнату и черезъ минуту принесла мнѣ 1500 рублей. Я признаюсь въ моей винѣ: не ожидалъ отъ нея такого поступка; поблагодарилъ ее съ волненіемъ и горячностью. Между тѣмъ явился мужъ, и я безпощадно подразнилъ и пристыдилъ его поступкомъ жены. Онъ былъ очень смѣшонъ: пыхтѣлъ, отдувался и могъ только сказать: „Это ея деньги, она можетъ ими распологать, но другихъ отъ меня не получитъ". Очень довольный, что скоро нашелъ деньги, я сейчасъ отправилъ ихъ въ Римъ черезъ Шевырева и напи-

салъ письмо къ Гоголю. Черезъ полгода онъ хотѣлъ выслать остальныя три тысячи рублей. Не знаю хорошенько, были ли эти деньги высланы къ Гоголю, ибо денежныя его обстоятельства вскорѣ перемѣнились, во-первыхъ, потому, что вслѣдствіе представленія графа Уварова, Государь приказалъ производить Гоголю по три тысячи рублей въ продолженіи трехъ лѣтъ и, во-вторыхъ, потому, что продажа полныхъ сочиненій Гоголя, не смотря на чрезвычайные расходы и контрфакцію, доставила значительную сумму денегъ: ихъ доставало и на добавокъ къ содержанію Гоголя, и на уплату его долговъ, и даже на добрыя, тайныя дѣла (*). Впрочемъ, я хорошо не знаю денежныхъ дѣлъ Гоголя: всѣмъ этимъ завѣдывалъ съ неусыпнымъ стараніемъ Шевыревъ.

Слѣдующее письмо Гоголя къ Ольгѣ Семеновнѣ вѣроятно писано въ Апрѣлѣ 1843 года, потому что писано въ отвѣтъ на поздравленіе Гоголя со днемъ его рожденія, 19 Марта.

„Благодарю васъ, Ольга Семеновна, за поздравленіе со днемъ рожденія моего. Посылаю вамъ душевный поклонъ мой. Вы говорите, что для васъ необходимо письмо мое, которое бы въ минуту грусти и тревожнаго состоянія души вознесло духъ вашъ превыше всего окружающаго. Но какое письмо въ силахъ это сдѣлать? Глядите просто на міръ: онъ весь полонъ Божіихъ благодатей, въ каждомъ событіи сокрыты для насъ благодати; неистощимыми благодатями кипятъ всѣ несчастія намъ ниспосылаемыя: и день, и часъ, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями безконечной любви. Чегожъ вамъ болѣе для возвышенія духа? Будьте просто свѣтлы душой, не мудрствуя. И если это вамъ покажется трудно и невозможно подчасъ — все равно старайтесь только стремиться къ свѣтлости душевной, и она придетъ къ вамъ. Стремясь къ свѣтлости, вы стремитесь къ Богу; а Богъ помогаетъ къ Себѣ стремиться. Старайтесь просто безъ всякаго напряженія душевнаго быть свѣтлой, какъ свѣтло дитя въ день Свѣтлаго Воскресенія, и вы много, много выиграете и незамѣтно вознесетесь выше всего окружающаго. Если же вы все также убѣждены въ той мысли, что вамъ нужно письмо мое, то напишите Лизѣ, чтобъ она прислала вамъ копію съ того длиннаго письма, которое я посылаю къ нимъ въ одно время съ вашимъ“.

„Ей нечего секретничать съ вами, и она должна прислать добросовѣстную копію, не выпуская ни одного слова. Хотя въ письмѣ этомъ

(*) Вслѣдъ за моими деньгами Гоголь получилъ тысячу рублей серебромъ отъ Прокоповича въ счетъ будущихъ доходовъ за продажу сочиненій.

заключаются обстоятельства, собственно къ нимъ относящіяся; но я молился въ то время, когда писалъ его и просилъ Бога, чтобы для всякаго, кому бы ни случилось читать его, было оно благодѣтельно; а потому, можетъ быть, вы отыщете въ немъ что нибудь собственно для себя. Вы пишете, что не смущаютъ васъ никакіе толки и рѣчи обо мнѣ и что вы вѣрите душѣ моей. Конечно послѣднее благоразумно. Благоразумнѣе вѣрить тому, что происходитъ отъ души, чѣмъ тому, что происходитъ нивѣсть изъ какого угла и баламутицы. Вѣря въ душу человѣка, вы вѣрите въ главное; а вѣря въ пустяки, вы всетаки вѣрите въ пустяки и никогда не узнаете человѣка. Прощайте! Помните все это и будьте свѣтлы душой. Душевно обнимаю васъ и все ваше семейство. Передайте два, при семъ слѣдующія, письма по принадлежности".

При хладнокровномъ взглядѣ на письма Гоголя, можно теперь видѣть, что большое письмо его о путешествіи въ Іерусалимъ, а равно вышеприведенное письмецо къ Ольгѣ Семеновнѣ, содержатъ въ себѣ сѣмена и даже всходы того направленія, которое въ послѣдствіи выросло до неправильныхъ и огромныхъ размѣровъ. Письмо къ сестрѣ, о которомъ упоминаетъ Гоголь, осталось намъ неизвѣстнымъ. Но письма къ другой сестрѣ его Аннѣ Васильевнѣ, написанныя безъ сомнѣнія въ томъ же духѣ, находятся теперь у Кулиша, и мы ихъ читали.

Вотъ письмецо безъ числа, но помѣченное, что получено мною отъ Гоголя 22-го Апрѣля 1843-го года.

„Я получилъ письмо отъ маменьки. Дѣла ея устроились; на этотъ годъ по крайней мѣрѣ она обезпечена. Въ письмѣ (которое вы безъ сомнѣнія уже получили отъ меня чрезъ Хомякова) я забылъ спросить васъ, получили ли вы письмо, въ которомъ я просилъ васъ о постановкѣ Ревизора. Въ немъ было вложено письмецо къ Ольгѣ Семеновнѣ и Конст. Сергѣевичу; получили ли они эти письма и отъ чего никто изъ нихъ не отвѣчалъ ниже двумя строчками? Что касается до Щепкина, то его просто слѣдуетъ выбранить. Я писалъ два письма къ нему. Я не сержусь на него, если уже у него такой обычай, чтобы не отвѣчать на письма; но онъ долженъ покрайней мѣрѣ сказать вамъ, чтобы вы увѣдомили меня, что письма точно получены, чтобы я не думалъ покрайней мѣрѣ, что пропадаютъ они. Подумайте сами, чего не могло придти въ мою голову, когда во время самое трудное для меня и такое время, когда ожидалъ болѣе всего писемъ отовсюду, рѣшительно отовсюду, и въ это время всѣ будто сговорились и бросили меня на три мѣсяца самаго тягостнаго состоянія. Не забывайте меня, безцѣнный другъ. Вы

уже знаете изъ письма, которое получили отъ Хомякова, какъ нужно писать ко мнѣ. Да хранитъ васъ Богъ всѣхъ въ ненарушимой святости души и здоровьи. Адресуйте въ Гастейнъ (въ Тиролѣ), poste restante".

Я не помню, чтобъ когда нибудь получилъ письмо отъ Гоголя черезъ Хомякова, и вообще я удивляюсь и не знаю, какая могла быть причина, что мы такъ долго не писали къ Гоголю? Надобно предположить, что письма какъ нибудь задерживались на почтѣ или вовсе не доходили.

Слѣдующее небольшое письмецо Гоголя я рѣшительно не знаю, къ какому времени отнести.

„Мая 5."

„На выѣздѣ изъ Рима пишу къ вамъ нѣсколько словъ, почтеннѣйшій другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Ѣду я для того, чтобы ѣхать. Ѣзда, какъ вы знаете, мое всегдашнее средство; а потому и теперь, какъ я ни хилъ и болѣзненъ, но надѣюсь на дорогу и на Бога, и прошу у Него быть въ дорогѣ, какъ дома, то-есть, какъ у него Самого въ покойныя минуты души, дабы быть въ силахъ и возможности чтобы что-нибудь произвесть. О томъ прошу молиться васъ и прошу васъ также попросить обо мнѣ всѣхъ, которые обо мнѣ молились прежде, потому что ихъ молитвами я былъ доселѣ чудно сохраняемъ и среди тяжкихъ и болѣзненныхъ состояній зрѣлъ и укрѣплялся душой".

„Напишите домой къ маменькѣ моей запросъ, получила ли она два моихъ письма, писанныя послѣ того, которое было приложено при вашемъ. Послѣднее отъ 1-го Мая здѣшняго стиля, весьма нужное; объ этомъ пусть немедленно васъ увѣдомитъ она или сестра, а вы сообщите мнѣ. Обнимаю васъ всѣхъ". „Вашъ Г."

Это сомнительное письмецо написано такъ сбивчиво и такимъ дурнымъ почеркомъ, что должно предполагать, что Гоголь былъ боленъ или сильно разстроенъ нервами. Вѣроятно его надо отнести къ другому періоду.

Вотъ, наконецъ, письмо съ увѣдомленіемъ о полученіи денегъ, писанное, безъ сомнѣнія, въ Маѣ мѣсяцѣ 1843-го года.

„Ваше письмо и деньги, безцѣнный другъ мой, я получилъ исправно и скоро, и медлилъ отвѣтомъ, выжидая писемъ отъ Шевырева и Погодина. Наконецъ, спустя двѣ недѣли послѣ вашего письма получилъ я письмо отъ Шевырева отъ имени васъ всѣхъ. Въ немъ видна прекрасная душа писавшаго, хотя заключается впрочемъ и журьба и что-

то въ родѣ не совсѣмъ отчетливаго нагоняя, который, можетъ быть, и справедливъ со стороны вашей или, лучше, со стороны Погодина, отъ котораго я думаю проистекъ онъ; но все же таки слѣдуетъ подумать и то: однакожъ мнѣ неизвѣстна еще (та или другая) его сторона, и странно бы мнѣ по моей натурѣ судить о натурѣ другаго, когда эта натура такъ не сходна съ моею. Но оставимъ все это. Смерть не люблю изъясненій. Все это неразумная трата словъ, и больше ничего. Лице я гласное, стало быть и все, что бы я ни дѣлалъ, будетъ гласно всѣмъ; дурное, если есть у меня, то ужъ его никакъ не спрячешь. Шила въ мѣшкѣ не утаишь; оно гдѣ нибудь да выткнется непремѣнно. Оправдываться значитъ не довѣрять времени, которое уяснитъ все. Вслѣдъ за вашими деньгами я получилъ еще отъ Прокоповича 1000, стало быть за первый годъ мнѣ слѣдуетъ получить одну тысячу. Обо всемъ этомъ я увѣдомилъ уже Шевырева. Прокоповичу я написалъ выслать немедленно тысячу экземпляровъ и въ продажѣ находящихся у него давать отчетъ въ Москву всякій разъ за два мѣсяца до срочной высылки мнѣ денегъ, дабы видѣть по накопившейся суммѣ, откуда произвести мнѣ высылку: изъ Петербурга или изъ Москвы? Прокоповичъ находится вмѣстѣ съ экземплярами въ полномъ распоряженіи вашемъ, такъ что еслибы потребовались и всѣ экземпляры выслать, то онъ ихъ вышлетъ; но въ этомъ я не вижу надобности: послѣ вновь ихъ нужно присылать въ Петербургъ для тамошнихъ книгопродавцевъ. Къ тому же экземпляры безопасны, если они только всѣ находятся въ рукахъ Прокоповича, а не типографіи, о продѣлкахъ которой я узналъ только теперь изъ письма Прокоповича. Онъ скрывалъ отъ меня, не желая меня ничѣмъ возмутить и думая расплатиться банковыми билетами покойнаго своего брата, выдачею которыхъ водили его нѣсколько мѣсяцевъ въ присутственныхъ мѣстахъ; но довольно толковать. Дѣла мои, какъ видите, всѣ теперь въ вашихъ рукахъ. Обратимся собственно къ намъ самимъ. Я заѣхалъ на нѣсколько дней въ Гастейнъ, отдохнуть отъ дороги, и отправлюсь въ Дюссельдорфъ, гдѣ проведу часть зимы, а остальную въ Голландіи, и потому письма адресуйте все въ Дюссельдорфъ. Хорошо бы было, если бы вы прислали что нибудь изъ тѣхъ книгъ, которыхъ я просилъ. Изъ Москвы вѣроятно отправляются немало этотъ годъ за границу; а такъ какъ всякій положилъ себѣ за правило побывать на Рейнѣ, то ему немного труда будетъ стоить завезти посылку въ Дюссельдорфъ и отдать ее Жуковскому. На Константина Сергѣевича я рѣшительно теперь сердитъ. Онъ мнѣ не пишетъ ни строчки, но вотъ лучше къ нему самому записка. А васъ обнимаю всею душою вмѣстѣ съ милымъ семействомъ вашимъ и жду отъ васъ лѣтнихъ извѣстій о покупкѣ дачи и о прочемъ".

Записка Константину Сергѣевичу. „Чтожъ вы, Константинъ Сергѣевичъ, мнѣ ни слова? Я нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи теперь обо всѣхъ дѣлахъ, которыя дѣлаются на свѣтѣ. Не знаю что дѣлаетъ Москва, ни о чемъ говоритъ она, ни что думаетъ, ни о чемъ споритъ словомъ не знаю вовсе о чемъ идетъ теперь дѣло. Если вы нѣсколько, смутились письмомъ моимъ, которое когда-то было писано вамъ, то это письмо писано не въ строку текущихъ дѣлъ; это письмо писано такъ, мимо; на него отвѣтъ вы мнѣ дадите года черезъ четыре. А извѣстія текущія должны идти своимъ чередомъ; а потому вы увѣдомите меня обо всемъ, что дѣлали и что слышали съ самаго того дни, какъ перестали ко мнѣ писать. И что Николай Филиповичъ, и что Каролина Карловна [1]), и что Ховрина и что Самаринъ и какіе эфекты производите вы въ чтеніяхъ, и что говорятъ вообще о чтеніяхъ Мих. Семеновича [2]). Все это, вы знаете, мнѣ интересно. Простите, что я васъ не благодарилъ до сихъ поръ за присылку вашихъ статей о „Мертвыхъ Душахъ.“ И та и другая имѣютъ свои достоинства. Писанная, какъ мнѣ кажется, должна принадлежать Самарину; но въ печатной, не погнѣвайтесь, видно много непростительной юности, и писанная кажется передъ нею написанною старикомъ, хотя въ ней и нѣтъ тѣхъ двухъ-трехъ истинно поэтическихъ мыслей, какъ въ вашей“.

„Прощайте. Обнимаю васъ.“

Въ припискѣ къ Константину, вѣроятно Гоголь говоритъ о прежнемъ своемъ письмѣ. Впрочемъ, можетъ быть, было и другое, какъ нибудь затерянное, содержаніе котораго я забылъ. Вмѣстѣ съ печатной брошюркой Константина была послана рукописная статья Ю. Самарина, вполнѣ заслуживающая отзывъ Гоголя.

Вотъ отвѣтъ Гоголя на письмо Ольги Семеновны отъ 22 Апрѣля.

„20 Іюня, Дюссельдорфъ“ (1843).

„Я получилъ отъ васъ, Ольга Семеновна, письмо, присланное мнѣ изъ Рима (отъ 22-го Апрѣля стараго стиля), на которое нахожу приличнымъ сей же часъ отвѣчать. Вы неправы въ томъ, что упрекаете себя за то, что предложили маменькѣ взять деньги, вырученныя за продажу „Мертвыхъ Душъ“ и разрушили, какъ вы говорите, деликатныя семейственныя отношенія. Во-первыхъ, вы не могли знать этихъ отношеній; во-вторыхъ, въ самомъ поступкѣ вашемъ ничего нѣтъ неблагоразумнаго и никакого худаго намѣренія. А все то, въ чемъ нѣтъ дурнаго намѣренія

---

1) Павловы.

2) Щепкинъ и, кажется, Садовской давали публичныя чтенія сочиненій Гоголя. Разумѣется, успѣхъ былъ; но не такой, какого можно было ожидать.

и что вмѣстѣ съ тѣмъ не противно здравому разсудку, данному намъ Богомъ, не есть уже грѣхъ. Если же оно предпринято еще къ тому съ добрымъ намѣреніемъ и желаніемъ истиннаго добра, то уже оно никогда не можетъ послужить худому. Богъ направитъ его всегда къ хорошему, хотя вовсе другимъ путемъ, чѣмъ мы думаемъ. Въ-третьихъ: въ отношеніи меня вамъ вовсе не слѣдуетъ руководствоваться ни въ какомъ случаѣ осторожностью оскорбить какія либо тонкія отношенія. Со мной нужно все спроста; и къ тому же, всѣ случаи въ жизни обращаются мнѣ въ пользу. Такъ, по крайней мѣрѣ, было доселѣ, и такъ, я вѣрю, будетъ впередъ. Письмо ваше заставило маменьку написать ко мнѣ два такія письма, которыя заставили меня строго подумать о другой важнѣйшей помощи, которой онѣ всѣ въ правѣ ожидать отъ меня, и я написалъ, наконецъ, то письмо, которое бы мнѣ давно слѣдовало написать, но которое бы я не съумѣлъ никогда написать, не получивши прежде этихъ двухъ писемъ.... Правда, обдумыванье его у меня отняло много времени и я ничѣмъ не въ силахъ былъ заняться до тѣхъ поръ, пока не написалъ его; но я исполнилъ свой долгъ и покоенъ въ душѣ. И теперь васъ благодарю за то, за что вы себя упрекаете. А лучше всѣ поблагодаримъ Бога за все, что ни посылается намъ. Ибо все, что ни посылается намъ, посылается на вразумленіе и уясненіе очей нашихъ. Прощайте!“

Письмо это объясняется само собою; но сначала Гоголь самъ былъ недоволенъ, и потому Ольга Семеновна писала къ нему письмо, въ которомъ обвиняла себя за то, что вмѣшалась не въ свое дѣло. Что же касается до письма, писаннаго Гоголемъ къ матери или вообще къ своему семейству, то я его не знаю. Безъ сомнѣнія, оно было нравственно-поучительнаго содержанія. Очевидно, что мысль наставлять, поучать другихъ уже существовала въ головѣ Гоголя.

Далѣе онъ писалъ ко мнѣ изъ Бадена, отъ 24 Іюля 1843 года.

„Благодарю васъ за книги, которыя получилъ отъ князя Мещерскаго въ исправности. Вообще всѣ посылки доходятъ до меня исправно: Русскіе встрѣчаются между собой поминутно и имѣютъ всегда возможности препроводить и передать туда, гдѣ я. Мнѣ жаль, что вы не дали знать Шевыреву: онъ бы тоже прислалъ мнѣ свою рѣчь объ воспитаніи и взглядъ на Русскую словесность за прошлый годъ. Можетъ быть даже накопились и кое-какія критики и разборы моихъ сочиненій. Всего этого мнѣ бы очень хотѣлось. Какая, между прочимъ, я скотина: я написалъ къ вамъ, не размысливши объ одномъ пунктѣ письма, писаннаго Шевыревымъ отъ васъ всѣхъ. Еще недавно я прочелъ его вновь. Письмо это такъ прекрасно и такой исполнено дружбы, что я удивлялся не одинъ разъ, какъ гадокъ человѣкъ: ему достаточно увидѣть одно пят-

нышко, все прочее ему ни почемъ. Мнѣ просто показалось, будто до сихъ поръ еще не вѣрятъ душевному моему слову. Я вспомнилъ одно обстоятельство Погодина относительно меня, которое просто произошло отъ простоты его, а не отъ чего другого, и въ это время скользнула мнѣ въ письмѣ одна фраза, показавшаяся намекомъ на тоже. Но въ сторону объ этомъ. Оно послужитъ пусть урокомъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ предаваться первому впечатлѣнію, особенно если оно сколько нибудь не спокойно и если примѣшалась какая нибудь оскорбленная мелкая страстишка. Слухи, которые дошли до васъ о „Мертвыхъ Душъ" все ложь и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ, и вѣрно нѣтъ такого человѣка, который бы сказалъ, что я читалъ что-либо вамъ неизвѣстное. Прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, если бы что-нибудь было готово. Но увы, ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову. Дѣла, о которыхъ я писалъ вамъ и которыя просилъ васъ взять на себя, слишкомъ у меня отняли времени; ибо я все-таки не могъ вполнѣ отвязаться и долженъ былъ многое обработать оставшееся на мнѣ, отъ котораго иначе я не могъ никакъ избавиться. Вы уже сами могли чувствовать по той просьбѣ, по отчаянному выраженію той просьбы, какою было наполнено письмо мое къ вамъ, какъ много значило для меня въ тѣ минуты попеченіе о многомъ житейскомъ. Но такъ было вѣрно нужно, чтобъ время было употреблено на другое. Можетъ быть и болѣзненное мое расположеніе во всю зиму и мерзѣйшее время, которое стояло въ Римѣ во все время моего пребыванія тамъ, нарочно отдалили отъ меня трудъ для того, чтобъ я взглянулъ на дѣло свое съ дальшего разстоянія и почти чужими глазами. Но прощайте. Будьте здоровы. Пишите попрежнему въ Дюссельдорфъ poste restante. Я только на одну недѣлю въ Баденѣ. Жуковскій тоже не въ Дюссельдорфѣ, а въ Емсѣ на водахъ. Увѣдомьте, купили ли дачу? Мнѣ кажется, что вамъ поѣздка въ Оренбургскую губернію пригодилась бы лучше всего. Вашъ Гоголь".

Какъ много говоритъ это письмо въ пользу Гоголя! Изъ предыдущаго письма ко мнѣ точно можно было замѣтить, что Гоголь былъ не совсѣмъ доволенъ письмомъ Шевырева, писавшаго отъ себя и отъ Погодина вмѣстѣ. Но онъ выразился такъ скромно, такъ кротко, какъ нельзя болѣе; и совсѣмъ тѣмъ онъ раскаялся и въ этихъ немногихъ словахъ, и въ чувствѣ негодованія противъ Погодина. Вѣроятно въ письмѣ къ Шевыреву Гоголь обвинялъ себя еще болѣе и выражалъ еще нѣжнѣе чувство своей благодарной дружбы.—Рѣшительно не знаю, какія житейскія дѣла могли отнимать у Гоголя время и могли мѣшать ему

писать *)? Мнѣ кажется эта помѣха была въ его воображеніи. Я думаю, что Гоголю начинало мѣшать его религіозное направленіе. Впрочемъ это слово не выражаетъ дѣло; это собственно не религіозное, а нравственно наставительное, такъ сказать, направленіе. Гоголь, погруженный безпрестанно въ нравственныя размышленія, начиналъ думать, что онъ можетъ и долженъ поучать другихъ и что поученія его будутъ полезнѣе его юмористическихъ сочиненій. Во всѣхъ его письмахъ тогдашняго времени, къ кому бы онѣ ни были писаны, уже начиналъ звучать этотъ противный мнѣ тонъ наставника. Въ это время сошелся онъ съ гр. А. П. Толстымъ, и я считаю это знакомство рѣшительно гибельнымъ для Гоголя. Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами, большею частью высшаго круга. Онѣ сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты, или поддерживаютъ или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю и назову только Віельгорскую, Сологубъ и Смирнову. Первыхъ двухъ конечно не должно смѣшивать съ послѣдней; но высокость нравственнаго ихъ достоинства можетъ быть была для Гоголя еще вреднѣе: ибо онъ долженъ былъ скорѣе имъ повѣрить, чѣмъ другимъ. Я не знаю, какъ сильна была его привязанность къ Сологубъ и Віельгорской; но Смирнову онъ любилъ съ увлеченіемъ, можетъ быть потому, что видѣлъ въ ней кающуюся Магдалину и считалъ себя спасителемъ ея души. По моему же простому человѣческому смыслу, Гоголь, не смотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашескій образъ жизни, самъ того не вѣдая, былъ нѣсколько неравнодушенъ къ Смирновой, блестящій умъ которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему одинъ разъ: „Послушайте, вы влюблены въ меня.....“ Гоголь осердился, убѣжалъ и три дня не ходилъ къ ней. Все это надѣлала продолжительная заграничная жизнь внѣ отечества, внѣ круга пріятелей и литераторовъ, людей свободнаго образа мыслей, чуждыхъ ханжества, богомольства и всякихъ мистическихъ суевѣрій. Впрочемъ я считаю, что ему также была очень вредна дружба съ Жуковскимъ, котораго безъ сомнѣнія погубила таже заграничная жизнь. Такъ по крайней мѣрѣ я думаю.

Вотъ еще коротенькое письмецо Гоголя:

«1843. Дюсельдорфъ. 30 Августа».

„Письмо ваше, и вмѣстѣ съ нимъ другія пріобщенныя къ нему, я получилъ. Книги получены также въ исправности, какъ черезъ князя Ме-

*) Книжными дѣлами завѣдывали Прокоповичъ и Шевыревъ; въ деньгахъ онъ былъ обезпеченъ, изъ дома его ничто не безпокоило.

щерскаго, такъ и черезъ Васнецова. Перешлите мнѣ, если найдете оказію Москвитянинъ за этотъ годъ: тамъ есть статьи меня интересующія очень. О благодарности за всѣ ваши ласки нечего и заикаться. Константина Сергѣевича благодарю также за письмо, хотя не мѣшало бы ему быть и подлиннѣе. Если увидите Шевырева, то напомните ему о присылкѣ мнѣ остальной тысячи за прошлый годъ. Да если можно вмѣстѣ съ тѣмъ и впередъ, что есть; ибо 1-го Октября, какъ вы знаете, срокъ и время высылки *). Душевно скорбѣлъ я о недугахъ Ольги Сергѣевны и мысленно помолился о ниспосланіи ей облегченія».

Прощайте, душевно васъ обнимаю всѣхъ. Адресъ по прежнему въ Дюссельдорфъ. Вашъ Гоголь».

Болѣе писемъ Гоголя къ намъ въ этомъ году не нашлось. Въ это время Погодинъ, бывшій жестоко раздраженъ противъ Гоголя и не писавшій къ нему ни строчки, вдругъ прислалъ мнѣ для пересылки маленькое письмецо, которое я вмѣстѣ съ своимъ и отослалъ къ Гоголю. Я считаю себя въ правѣ помѣстить его въ моихъ запискахъ, потому что оно было возвращено мнѣ Гоголемъ вмѣстѣ съ его отвѣтомъ Погодину.

«Москва 1843 г. Сент. 12».

„Наконецъ, нашелъ я въ себѣ силу увидѣть тебя, заговорить съ тобою, написать къ тебѣ письмо. Раны сердца моего зажили, или по крайней мѣрѣ затянулись.... Ну что каковъ ты? гдѣ ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пилъ опять Марьенбадскую воду, а теперь на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь изъ горла, и голова безпрестанно тяжела“.

«Не случилось ли чего особеннаго въ душѣ у тебя около $^3/_{15}$ Сентября? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части и вѣрю міру невидимому съ его силами. Около 3 числа, я какъ будто примирился съ тобою; а до тѣхъ поръ я не могъ подумать о тебѣ безъ треволненія! Когда ты затворилъ дверь, я перекрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня тогда съ плечъ; все, что узнавалъ я послѣ— прибавило мнѣ еще больше муки, и ты являлся, кромѣ святыхъ и высокихъ минутъ своихъ, отвратительнымъ существомъ“....

„Посѣтивъ мать твою въ прошломъ году, я почувствовалъ, что въ глубинѣ сердца моего таилась еще искра любви къ тебѣ, но она лежала

---

*) Въ этомъ мѣстѣ диктованной рукописи собственноручная приписка Сергѣя Тимоѳеевича: „сказать тамъ, гдѣ говорится о деньгахъ, что Гоголь требовалъ ихъ и на слѣдующій годъ“. *Изд.*

слишкомъ глубоко. Наконецъ я сталъ позабывать тебя, успокоивался.... и теперь все, какъ рукой снято. Ну слава Богу! Я готовъ опять и ругать и любить тебя".

„Твой Погодинъ".

На этомъ обрывается рукопись *Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ*. Но всѣ бумаги Сергѣя Тимоѳеевича, собранныя имъ для этого труда, сохранены въ цѣлости. Сюда относятся: 1) подлинныя письма его къ Гоголю и Гоголя къ нему по самый 1852 годъ; 2) выписки изъ дневника старшей дочери автора, Вѣры Сергѣевны, и выдержки изъ ея переписки съ М. Г. Карташевской; частью это уже было внесено авторомъ въ первоначальный разсказъ, а частью подготовлено для дальнѣйшаго; 3) выписки изъ постороннихъ писемъ, относящіеся до Гоголя и очевидно-же подготовленныя для внесенія въ текстъ *Исторіи моего знакомства*; 4) замѣтки и черновые наброски, частью продиктованные и лишь переправленные, а частью писанные отъ начала до конца собственноручно Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ—очевидно назначавшіеся сюда-же; 5) переписка Сергѣя Тимоѳеевича и родственниковъ по поводу кончины Гоголя, и печатныя некрологическія статьи. Наконецъ 6), наброски изъ задуманнаго сочиненія (изъ *Исторіи моего знакомства*), предварительно сдѣланные самимъ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ для г. Кулиша, когда онъ приступалъ еще въ 50-хъ годахъ къ «Опыту біографіи Гоголя». Эти напечатанные г. Кулишемъ отрывки, не представляющіе важности, по скольку относятся къ промежутку времени до 1843 года (такъ какъ это самое время въ полной и цѣльной картинѣ изображено авторомъ въ сохранившейся посмертной рукописи), весьма важны относительно остальныхъ годовъ до самой кончины Гоголя.—Пользуясь исчисленнымъ матерьяломъ, издатель въ томъ и полагалъ свою главную задачу, чтобы, ничего не добавляя отъ себя, вести дальнѣйшій разсказъ собственными словами Сергѣя Тимоѳеевича или, по крайней мѣрѣ, подлиннымъ текстомъ подготовленнаго имъ самимъ матерьяла. Печатаемъ, необходимыя для связности рѣчи, краткія добавленія, особымъ разгонистымъ шрифтомъ; а остальный текстъ тѣмъ-же самымъ, какъ и первую половину *Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ. изд.*

В ъ доказательство раздраженія между Гоголемъ и Погодинымъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ прибавилъ:

Прилагаю письмо Погодина *ко мнѣ*, изъ котораго видно, что я противился помѣщенію въ „Москвитянинѣ" добавочныхъ сценъ къ „Ревизору". Это письмо вполнѣ объясняетъ образъ дѣйствій Погодина съ Гоголемъ:

„Вы не совѣтуете! Т. е. Гоголь разсердится!! Да помилуйте, Сергѣй Тимоѳеичъ, что я въ самомъ дѣлѣ за козелъ искупленія? Неужели можно предполагать, что онъ скажетъ: пришли и присылай, бѣгай и дѣлай, и не смѣй подумать объ одномъ шагѣ для себя. Да еслибъ я изрѣзалъ въ куски „Ревизора" и разсовалъ его по угламъ своего журнала, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня; тѣмъ болѣе, что „Ревизоръ" есть уже произведеніе акредитованное, а не новое, которому ни вредить, ни помогать нельзя. А я, наоборотъ, думаю сдѣлать подспорье своему же (т. е. „Ревизора") изданію: вотъ-де какія большія исправленія

и вставки. Впрочемъ, повторяю, я думаю такъ. Сыщите средство лучше. Я оставлю свое, вамъ прекословить не буду и буду содѣйствовать. Дѣло въ томъ, что надо посылать ему деньги.—Если средства вы не находите, то согласитесь на мое; но прямо, ясно, или скажите мнѣ, что находите въ немъ несогласнаго съ пользою автора? Я готовъ оставить его; но тогда вопросъ: что̀ же намъ дѣлать? Посылать деньги? Откуда? Печатать? На какія деньги? И дожидаться годъ, а онъ безъ гроша. Теперь я расчитываю войдти въ сдѣлку черезъ мѣсяцъ, какъ хозяинъ, съ книгопродавцами, или и прежде, и выручить деньги, слѣдовательно могу перехватить на мѣсяцъ. Напечатать я готовъ пожалуй для него и продавать отъ него; но въ такомъ случаѣ посылать теперь нечего, а ему нужно.—Избѣгая всего этого, я предлагаю самое вѣрное средство и жду вашего разрѣшенія".

Это письмо требуетъ объясненія. Дѣло состояло въ томъ, что Гоголь прислалъ „Ревизора" для напечатанья вторымъ изданіемъ, или для продажи его книгопродавцу. Мнѣ тогда было не до того, и я передалъ все Погодину. Онъ рѣшился самъ купить второе изданіе за 1,500 р. ассигн. и увѣдомилъ объ этомъ Гоголя; но особыя, добавочныя сцены „Ревизора" вздумалъ напечатать особо въ своемъ журналѣ. Я узналъ объ его намѣреніи и писалъ, что не совѣтую этого дѣлать. Прилагаемое письмо Погодина—отвѣтъ на мою записку. Я согласился на предложеніе Погодина, потому что, точно, денегъ негдѣ было взять для печатанія, и что выручка отъ распродажи должна была затянуться. Тогда-то и послали мы (о чемъ уже было сказано) 6,000 рубл. на первый годъ, какъ просилъ Гоголь. Слова же Погодина, что *еслибъ онъ изрѣзалъ въ куски „Ревизора" и разсовалъ его по угламъ своего журнала, то Гоголь не имѣлъ бы права сердиться*, ясно показываютъ натуру Погодина, который, ссудивъ деньгами Гоголя, считалъ себя въ правѣ поступать съ его великимъ твореніемъ по собственному произволу.

Гоголь, возвративъ Сергѣю Тимоѳеевичу письмо Погодина, приложилъ и отъ себя слѣдующій отвѣтъ последнему:

„Между нами произошло непостижимое событіе: туже тяжесть, какую ты чувствовалъ отъ моего присутствія, я чувствовалъ отъ твоего. Какъ изъ многолѣтняго мрачнаго заключенія, вырвался я изъ домика на Дѣвичьемъ Полѣ. Ты былъ мнѣ страшенъ. Мнѣ казалось, что въ тебя поселился духъ тьмы, отрицанія, смущенія, сомнѣнія, боязни. Самый видъ твой, озабоченный и мрачный, наводилъ уныніе на мою душу; я избѣгалъ по цѣлымъ недѣлямъ встрѣчи съ тобой. Когда я видѣлъ какъ съ помощію какой-то непостижимой силы закрутился между нами вдругъ какой-то посторонній вихрь, въ какомъ грубомъ буквальномъ смыслѣ принимался всякій мой поступокъ, какое топорное значеніе давалось

всякому моему слову—почти ужасъ овладѣвалъ моею душою. Я увѣренъ, что я тебѣ казался тоже одержимымъ нечистою силою: ибо то̀, что ты приписывалъ мнѣ въ уединенныя минуты размышленій (чего можетъ быть не сказывалъ никому), то̀ можно приписать только одному подлѣйшему лицемѣру, если не самому дьяволу. Надобно тебѣ сказать, что все это слышала душа моя. Нѣсколько разъ хотѣлъ я говорить съ тобой, чувствуя, что все дѣло можно объяснить такими простыми словами, что будетъ понятно ребенку. Но едва я начиналъ говорить, какъ эти объясненія вдругъ удерживались цѣлою кучею приходившихъ другихъ объясненій, объясненій душевныхъ; но и имъ мѣшало излиться находившее вдругъ негодованіе при одной мысли, противъ какихъ подлыхъ подозрѣній я долженъ оправдываться и предъ кѣмъ я долженъ оправдываться? Предъ тѣмъ человѣкомъ, который долженъ былъ повѣрить одному моему слову. Но и негодованіе смѣнялось въ туже минуту презрѣньемъ къ твоему характеру, который называлъ я внутренно бабьимъ, куринымъ и, сказавши нѣсколько безсвязныхъ словъ, которыя ты всѣ относилъ къ моей необыкновенной гордости—я бѣжалъ отъ тебя. А убѣжавши, утѣшалъ себя злобнымъ выраженіемъ: Пусть его путается! Душевному слову не повѣрилъ, пусть же повѣряетъ умомъ своимъ! Все это быстро смѣнялось одно за другимъ въ душѣ моей, и когда я подходилъ къ дверямъ своей комнаты, все это исчезало, и на мѣсто него оставался одинъ вопросъ: что это такое, что значитъ все это? Наконецъ, мало по малу я начиналъ прозрѣвать въ этомъ событіи справедливо̀е себѣ наказаніе. Надобно сказать тебѣ, что, воспитываясь внутренно въ душѣ моей, я уже начиналъ пріобрѣтать о себѣ гордыя мысли. Мнѣ уже казалось, что я ничѣмъ не могу быть разсерженъ и выведенъ изъ себя. Я старался мысленно сжиться со всѣми возможными оскорбленіями, несчастіями, старался ихъ всѣхъ такъ сказать перечувствовать на своемъ тѣлѣ и уже чувствовалъ, что душа моя пріобрѣтаетъ крѣпость, что я могу снести то̀, чего не снесетъ иной человѣкъ. Словомъ, я ужъ чуть не почиталъ себя преуспѣвшимъ въ мудрости человѣкомъ. И вдругъ событіе это дало почувствовать мнѣ, что я еще ребенокъ и стою до сихъ поръ на низшихъ ступеняхъ пути своего. Противу дальнѣйшихъ случаевъ я приготовилъ въ душѣ отпоръ, а противъ близкихъ не приготовилъ. Всѣ несчастія я бы, можетъ быть, перенесъ, а не перенесъ *сомнѣнія обо мнѣ одного изъ близкихъ*. И въ душѣ моей проснулись тѣ враги, которыхъ я давно считалъ отступившими отъ меня. Мерзкій, подлый и гадкій гнѣвъ, котораго ничего нѣтъ подлѣе, который подлъ даже и тогда, когда вспыхнетъ отъ справедливыхъ причинъ! А у меня онъ былъ и несправедливъ: я разсердился на то, что ты схватилъ сгоряча топоромъ тамъ, гдѣ слѣдовало употребить инструменты помельче. Наконецъ, я сердился на себя

и за то, что не въ силахъ былъ перенести этого хладнокровно. Все это, натурально, я долженъ былъ таить въ душѣ, и могу сказать только то̀, что отъ меня никто не узналъ о томъ, что между нами происходили какія нибудь неудовольствія. Но когда вырвался я отъ тебя, у меня была одна и таже мысль: написать тебѣ подробно всю мою исповѣдь. Но тутъ увидѣлъ, что наши жизни такъ разны, такъ много слѣдовало выводить тебѣ объясненій для того, чтобъ познакомить тебя и ввести въ этотъ міръ. Всякое слово требовало объясненій на цѣлыхъ страницахъ, чтобъ не быть приняту въ другомъ смыслѣ.... Почти отчаяніе овладѣвало мною; я видѣлъ, что и конца не будетъ моей исповѣди, а между тѣмъ оставить ее я не могъ, потому что мысль о ней мѣшала всякому занятію.... Наконецъ, я попробовалъ написать тебѣ маленькое письмо, въ которомъ просилъ просто прощенія за всѣ оскорбленія, которыя я нанесъ тебѣ, складывая все на мой неровный характеръ, припомня, что ты иногда многое, чего не могъ понять во мнѣ, объяснялъ имъ. На это письмецо не было отвѣта,—и по дѣломъ. Оно не было удовлетворительно. Если бы оно было удовлетворительно, то, по отправленіи его, въ душѣ моей настало бы спокойствіе; но мысль объ этомъ мучила меня еще цѣлый годъ. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ переѣздовъ изъ земли въ другую, я сталъ покойнѣе и почувствовалъ, что могу объяснить хладнокровно все дѣло на нѣсколькихъ страницахъ. Но получа твое нынѣшнее письмо, я отложилъ и эту мысль. Изъясненіе будетъ уже походить на оправданіе, а оправданіе есть уже что-то подлое. Оправдывая себя, уже обвиняешь другаго. Теперь же ты, какъ видно изъ письма твоего, хладнокровенъ и готовъ простить все. И такъ разбери самъ все это дѣло. Не безпокойся: раны твои не оживутъ при этой работѣ, если ты точно рѣшился простить. Тутъ-то и нужно представить живѣй всѣ нанесенныя намъ оскорбленія; а безъ того прощеніе ничего не значитъ, оно будетъ просто одно слабосильное забвеніе. Чтобы сдѣлать это благороднѣе, начни обвиненіемъ самого себя, хотя бы ты и былъ правъ. Я тебѣ помогу и скажу двѣ твои первоначальныя вины, отъ которыхъ произошли всѣ тѣ поступки, на которые ты глядѣлъ, какъ на самобытныя начала и выводилъ изъ нихъ отдѣльныя исторіи, тогда какъ они всѣ были звена одной и той же цѣпи. Вотъ эти вины: 1-я, Ты сказалъ *вѣрю*—и усумнился на другой же день, 2-я: Ты далъ клятву ничего не просить отъ меня и не требовать, но клятвы не сдержалъ: не только попросилъ и потребовалъ, но даже отрекся и отъ того, что давалъ мнѣ клятву. Отсюда произошло почти все. Но не пугайся: я больше твоего виноватъ, и ты увидишь, что я себя не пощажу, если начну обвинять. Но если ты начнешь обвиненіемъ себя, а не меня, тогда ты увидишь и свои и мои проступки. Припомни все. Я знаю, ты

способенъ забывать; но, къ счастью, я памятливъ и увѣренъ сильно въ томъ, что и добро и зло слѣдуетъ помнить вѣчно. Добро нужно помнить для того, что уже и одно воспоминаніе о немъ дѣлаетъ насъ лучшими. Зло нужно помнить для того, что съ самаго того дня, какъ оно намъ причинено, на насъ наложенъ неотразимый долгъ заплатить за него добромъ. Большихъ моихъ проступковъ ты не позабудешь; но всѣ малыя мои мерзости и оскорбленія, которыя я нанесъ тебѣ, совѣтую записать, чтобы я не напалъ на тебя врасплохъ и чтобъ тебѣ не отречься отъ многихъ твоихъ же словъ. Я вновь тебѣ повторяю, что помню все, даже уголъ и мѣсто комнаты, гдѣ было произнесено какое слово твое или мое. Когда я въ силахъ буду глядѣть на тебя, какъ на совершенно посторонняго, чужаго человѣка, у котораго не было со мной никакихъ связей и сношеній, и когда такимъ же самимъ образомъ взгляну и на себя, какъ на совершенно чужаго мнѣ человѣка, тогда я дамъ тебѣ на все изъясненіе. А между тѣмъ позволяю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Ты никогда не всматриваешься во внутренній смыслъ и значеніе происходящихъ событій. Всѣ событія, особенно неожиданныя и чрезвычайныя, суть Божьи слова къ намъ. Ихъ нужно вопрошать до тѣхъ поръ, пока не допросишься: что̀ они значатъ, чего ими требуется отъ насъ? Безъ этого никогда не сдѣлаемся мы лучшими и совершеннѣе. Самое это затмѣніе, которое произошло между нами, такъ странно, что его нужно помнить во всю жизнь нашу. Я уже извлекъ изъ него много для себя, совѣтую и тебѣ сдѣлать тоже. Я знаю, что у тебя, за тысячью разныхъ хлопотъ и заботъ, дергающихъ тебя со всѣхъ сторонъ, нѣтъ времени переворачивать на всѣ стороны всякое событіе и оглядывать его со всѣхъ угловъ. Но нужно это дѣлать непремѣнно, хотя въ тѣ немногія минуты, когда душа слышитъ досугъ и способна хотя нѣсколько часовъ прожить жизнью, углубленною въ себя. Иначе умъ нашъ невольно привыкаетъ къ односторонности, схватываетъ только то, что̀ поворотилось къ нему, и потому безпрестанно ошибается. Не дурно также, хотя по поводу этого событія, руководствоваться какими нибудь данными положеніями относительно познанія людей.—Для этого есть, по моему мнѣнію, два способа. Тѣ, которые не получили отъ природы внутренняго чутья слышать людей, должны руководствоваться собственнымъ разумомъ, который данъ намъ именно на то, чтобы отличать добро отъ зла. Разумъ велитъ намъ судить о человѣкѣ прежде по его главнымъ качествамъ, а не по частнымъ: начинать съ головы, а не съ ногъ. Прежде слѣдуетъ взять все лучшее въ человѣкѣ, потомъ сообразить съ тѣмъ все замѣченное нами въ немъ дурное и сдѣлать такую посылку: возможны ли, при такихъ-то хорошихъ качествахъ, такія-то и такія мерзости? Которыя возможны, тѣ допустить; которыя же сколько-

нибудь противорѣчатъ возможности и спутываютъ насъ, тѣ нужно гнать, какъ вносящія одно смущеніе въ душу,—а смущеніе извѣстно откуда исходитъ къ намъ: оно исходитъ къ намъ прямо снизу. Отъ Бога свѣтъ, а не смущеніе. Да притомъ можно иногда и то̀ себѣ сказать: точно ли я увидѣлъ такъ, какъ слѣдуетъ, вещь? Зачѣмъ такая гордая увѣренность въ непреложности и безошибочности взгляда? Все же я человѣкъ, а не Богъ. Выгода этого способа та, что будешь, по крайней мѣрѣ, покойнѣе, если даже и не узнаешь совершенно человѣка, а сдѣлавшись покойнѣе, уже проложишь шагъ къ совершенному его узнанію. Если же къ неспокойству нашему да подоспѣетъ на помощь гнѣвъ, тогда и всякіе зрящіе глаза ослѣпнутъ.—Есть другой способъ узнавать людей, гораздо дѣйствительнѣйшій перваго; но для тебя, по множеству твоихъ заботъ и безпрестанному разсѣянію твоихъ мыслей, среди тысячи предметовъ, невозможный. Нужно прожить долгою, погруженною глубоко въ себя жизнію. Тамъ обрѣтешь всему разрѣшеніе. Свѣта никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свѣтъ нужно всмотрѣться только въ началѣ, чтобы пріобрѣсти заглавіе той матеріи, которую слѣдуетъ узнавать внутри души своей. Это подтвердятъ тебѣ многіе святые молчальники, которые говорятъ согласно, что, поживши такою жизнью, читаешь на лицѣ всякаго человѣка сокровенныя его мысли, хотя бы онъ и скрывалъ ихъ всячески. Нѣсколько я испыталъ даже это на себѣ, хотя жизнь мою можно назвать развѣ каррикатурой на такую жизнь. Но, вкусивши одну крупицу такой жизни, я уже вижу яснѣй; и глазъ и умъ мой прояснился болѣе (доказательствомъ тому то, что вижу въ себѣ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, мои недостатки и нахожу ихъ скорѣе, чѣмъ прежде), и нѣсколько разъ мнѣ случалось читать на твоемъ лицѣ то, что̀ ты обо мнѣ думалъ. Еще есть одинъ способъ, которымъ я руководствуюсь, если-бы оба предыдущіе не все объяснили мнѣ. Если человѣкъ, хотя бы онъ былъ послѣдній разбойникъ, но если этотъ человѣкъ, не плакавшій ни предъ кѣмъ, никому не показавшій никогда слезъ своихъ, заплакалъ предо мною и во имя этихъ душевныхъ слезъ потребовалъ вѣры къ себѣ,—тогда все кончено: я ни глазамъ своимъ, ни уму своему, ни чувствамъ своимъ не повѣрю; а повѣрю всѣмъ словамъ его, произнесеннымъ во имя этихъ слезъ! Но почему я такъ поступлю, этого я не обязанъ говорить, да и никого не склоняю слѣдовать этому примѣру, зная, что трудно отличить душевныя слезы отъ иныхъ слезъ. Но оставимъ всѣ способы. А пока, если ты захочешь получше повѣрить и себя и меня, я тебѣ совѣтую сдѣлать вотъ что̀. У тебя будетъ одно такое время, въ которое ты будешь имѣть возможность прожить созерцательною и погруженною въ самого себя жизнью, именно во время говѣнія. Продли это время, если можно, подолѣе обыкновеннаго, и займись въ это время

чтеніемъ обѣихъ тѣхъ книгъ, которыя относятся къ душѣ нашей и обнаруживаютъ ея глубокія тайны. Къ счастію человѣчества такія книги существуютъ, и было много передовыхъ людей, проживишхъ такою жизнью, которая донынѣ еще загадка. Книги эти настроютъ тебя къ углубленію въ себя, да и что̀ говорить объ этомъ! Въ такое время самъ Богъ помогаетъ человѣку много и просвѣщаетъ его мысленные взоры.— Скажу еще о послѣднихъ словахъ твоего письма. Ты говоришь, что готовъ *снова ругать и любить меня.* За первое благодарю тебя душевно, потому что въ этомъ теперь болѣе, нежели когда либо, слышу надобность; а на второе скажу вотъ что̀: любить мы должны всегда. И чѣмъ болѣе въ человѣкѣ дурныхъ сторонъ и всякихъ мерзостей, тѣмъ, можетъ, быть, еще болѣе мы должны любить. Потому что, если среди множества дурныхъ его качествъ, находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, какъ за доску и спасти всего человѣка отъ потопленія. Но это можно сдѣлать только одною любовью, любовью очищенною отъ всего пристрастнаго: ибо если подлое чувство гнѣва хотя на время взнесется надъ этою любовью, то такая любовь уже безсильна и ничего не сдѣлаетъ. Итакъ не будемъ ничего обѣщать другъ другу, а постараемся безмолвно исполнить все, что̀ слѣдуетъ намъ исполнить относительно другъ друга, руководствуясь одною любовью по Богѣ, принимая ее, какъ наложенный на насъ законъ. Отвѣта и наградъ будемъ ожидать отъ Бога, а не отъ себя, такъ что, еслибы кто-нибудь изъ насъ былъ неблагодаренъ, мы не должны даже и замѣчать этого. Богъ не бываетъ неблагодаренъ! На такихъ положеніяхъ заключенная любовь или дружба неизмѣнна, вѣчна и не подвержена колебаніямъ. А если мы заключимъ нашу дружбу вслѣдствіе какихъ либо побужденій нашихъ собственныхъ, хотя бы очень чистыхъ, да вздумаемъ начертывать другъ для друга законъ ея дѣйствій относительно насъ, или же требовать какого либо возмездія за нашу дружбу—то узы такія будутъ гнилыя нитки: чортъ завтра же посмѣется надъ такою дружбою и напуститъ такого туману въ глаза, что не только другаго, но даже и самого себя не разберешь.... Все это разсуди и взвѣсь хорошенько. Письмо мое писано въ минуту непричастную волненію; стало быть и прочесть ты его долженъ въ минуту разсудительную и покойную. Въ чемъ я ошибаюсь, то укажи. Затѣмъ обнимаю тебя душевно. Твой Гоголь".

С. Т. Аксаковъ этого письма не отдалъ Погодину, о чемъ и слѣдуетъ отрывокъ его письма къ Гоголю:

«1843 г. $\frac{\text{Ноябрь.}}{\text{Декабрь.}}$»

„Я получилъ письмецо ваше, милый другъ Николай Васильевичъ, изъ Дюссельдорфа отъ 2 Ноября съ приложеніемъ письма Погодину.

По порученію вашему, мы съ Шевыревымъ прочли его одинъ разъ вмѣстѣ, да предварительно каждый изъ насъ прочелъ его по нѣскольку разъ. На общемъ совѣтѣ мы положили: „не отдавать письма Погодину до полученія отъ васъ отвѣта". Причины тому слѣдующія: 1) Погодинъ нездоровъ и особенно разстроенъ о чемъ-то духовно. 2) Намъ кажется, что это письмо не успокоитъ его, а раздражитъ, слѣдственно не достигнетъ цѣли, которую вы безъ сомнѣнія имѣете: внесть тишину и спокойствіе въ его душу. 3) Письмо] ваше, какъ намъ кажется, слишкомъ жестоко его поразитъ въ настоящее больное мѣсто; а сами вы обвиняете себя въ общихъ выраженіяхъ, идущихъ къ каждому человѣку: такія обвиненія нисколько не облегчаютъ вины Погодина ни въ его собственныхъ глазахъ, ни въ нашихъ. Это тяжело. Разумѣется, послѣ письма Погодина вы имѣете полное право отвѣчать ему такимъ же письмомъ; но здѣсь дѣло идетъ не о томъ, кто правъ. Вотъ наше мнѣніе; мы рѣшились откровенно высказать его вамъ. Вѣроятно Шевыревъ напишетъ большое письмо и полнѣе изложитъ вамъ все, что мы съ нимъ говорили. Я хотѣлъ сдѣлать тоже; но вѣроятно не сдѣлаю, потому что весьма разстроенъ: больной нашъ сильно насъ безпокоитъ. Вы отгадали и должны были отгадать мои отношенія съ Погодинымъ. По моей, еще не остывшей горячности и живости, я много разъ на него сердился. Къ несчастію, будучи слабымъ христіаниномъ, я не могъ путемъ кротости и смиренія и любви немедленно обезоруживать свой гнѣвъ, который вы справедливо браните; но время, разсудокъ и доброе сердце успокоивали меня и заставляли одуматься. Извѣстная истина, всегда мною исповѣдуемая, что „надобно понимать человѣка каковъ онъ есть и не требовать отъ натуры его (разумѣется, если въ ней много добраго), чего въ ней нѣтъ", вступала въ свои права и усмиряла волненіе души моей; но скажу по совѣсти: между нами не можетъ быть истинной дружбы. Можно найдти причину его дѣйствій, извинить, оправдать ихъ; можно уважать, даже любить этого человѣка; но дружба требуетъ непремѣнно одинаковости вѣрованій въ нѣкоторые предметы, одинаковости мнѣній о человѣческомъ достоинствѣ. Не желая ничего скрыть въ глубинѣ сердца, я скажу вамъ, что не признаю истинной дружбы и между вами. Этимъ объясняется все. Нѣтъ и не можетъ быть между вами полной вѣры, безъ которой нѣтъ истинной дружбы. Притомъ-же у васъ есть въ характерѣ— не то что неискренность, не то что неоткровенность (все это неточныя выраженія), а какое-то недоговариваніе такихъ вещей, которыя необходимо должны быть извѣстны друзьямъ и о которыхъ они нерѣдко узнаютъ стороною. Это ваша особенность, но ею оскорбляются, и сомнѣніе сейчасъ возникаетъ!... Скажите, ради Бога, можетъ ли вполнѣ понять васъ человѣкъ, который, по собственнымъ словамъ вашимъ, „живетъ съ

вами въ разныхъ мірахъ?" Этою послѣднею мыслью я всегда объяснялъ Погодину то, чего онъ безпрестанно въ васъ не понималъ; наконецъ, онъ пересталъ и говорить со мною. Вѣроятно и я не понимаю васъ вполнѣ; но я, по крайней мѣрѣ, понимаю, что нельзя высокую, творческую натуру художника мѣрить аршиномъ нашихъ полицейскихъ общественныхъ уставовъ, житейскихъ разсчетовъ и мелочныхъ требованій самолюбія. Мы оба съ Погодинымъ недурные люди: но я считаю тò святотатствомъ, что Погодинъ считаетъ дѣломъ не только дозволеннымъ, но даже должнымъ. Онъ всегда готовъ на доброе дѣло»..... На этомъ оканчивается сохранившійся отрывокъ этого письма.

1844 года, въ Февралѣ полученъ на это отвѣтъ Гоголя:

«Ницца $\frac{\text{Февраль 10.}}{\text{Январь 30.}}$

„Я очень поздно отвѣчаю на письмо ваше, милый другъ мой. Причиной этого было отчасти физическое болѣзненное расположеніе, содержавшее духъ мой въ какомъ-то безчувственно-сонномъ положеніи, съ которымъ я боролся безпрестанно, желая побѣдить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокоивала съ этой стороны увѣренность, что друзья мои, т. е. тѣ, которые вѣрятъ душѣ моей, не припишутъ моего молчанія забвенію о нихъ. Ваше милое письмо читалъ я нѣсколько разъ: оно мнѣ было также пріятно, какъ пріятны всѣ ваши письма. Все, что ни разсудили вы на счетъ письма моего къ Погодину, я нахожу совершенно благоразумнымъ и справедливымъ, также какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ къ оному относящемуся. Одно мнѣ только было грустно читать: это то, что ваше собственное душевное расположеніе неспокойно и тревожно. Я придумывалъ всѣ средства, какія могли только внушить мнѣ небольшое познаніе и нѣкоторые внутренніе, душевные опыты..... И, благословясь, рѣшился послать вамъ одно средство противъ душевныхъ тревогъ, которое мнѣ помогаетъ сильно. Шевыревъ вручитъ вамъ его въ видѣ подарка на новый годъ; хотя онъ уже давно наступилъ. но я желалъ бы, чтобы для всѣхъ друзей моихъ наступилъ, новый душевный годъ, прекраснѣйшій и лучшій всѣхъ прежнихъ годовъ, и чтобы это обстоятельство способствовало именно къ тому. Прощайте, безцѣнный другъ мой. Обнимаю васъ и все ваше милое семейство. Всегда вашъ Гоголь».

«Письмо адресуйте во Франкфуртъ на имя Жуковскаго. Изъ Ниццы я выѣзжаю черезъ недѣлю отъ сего числа".

Сергѣя Тимоѳеевича это письмо ввело въ странное заблужденіе: выраженія относительно *средства отъ душевныхъ тревогъ*, *посылаемаго въ видѣ подарка*, навели на мысль, что

посылается *второй томъ Мертвыхъ Душъ*. Впослѣдствіи онъ на собственноручной копіи съ этого письма надписалъ: „Конечно мнѣ теперь самому смѣшно: какъ я могъ убѣдить себя, что дѣло идетъ о Мертвыхъ Душахъ! Но мое ослѣпленіе раздѣляли всѣ наши“.

Заблужденіе разсѣялъ С. П. Шевыревъ. Гоголь ему писалъ тогда же:

«Мнѣ кажется, судя по письмамъ, какъ твоимъ, такъ и прочимъ, что вы всѣ, то есть, и ты, и Погодинъ, и Аксаковъ, терпите часто душевныя безпокойства и тревоги. Онѣ могутъ быть отъ разныхъ причинъ, но могутъ быть приведены всѣ къ одному знаменателю. Я посылаю вамъ одно средство, уже мною испытанное, которое, вѣрно, вамъ поможетъ уходить чаще въ себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ противиться всѣмъ душевнымъ безпокойствамъ. При письмѣ этомъ я прилагаю письмо ко всѣмъ вамъ. Ты прочитай его теперь же (прежде одинъ) и купи немедленно во Французской лавкѣ четыре миніатюрные экземплярика «Подражанія Христу», для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова. Ни книжекъ не отдавай безъ письма, ни письма безъ книжекъ; ибо въ письмѣ заключается рецептъ употребленія самого средства, и притомъ мнѣ хочется, чтобъ это было какъ-бы въ видѣ подарка вамъ на новый годъ, исшедшаго изъ собственныхъ рукъ моихъ. Прислать вамъ сюда книги нѣтъ средствъ. Въ концѣ письма ты увидишь лаконическія надписочки, которыя разрѣжь ножницами и наклей на всякомъ экземплярикѣ. Подарокъ этотъ сопровожденъ сильнымъ душевнымъ желаньемъ оказать вамъ братскую помощь, и потому Богъ, вѣрно, направитъ его вамъ въ пользу“.

Шевыревъ передалъ Сергѣю Тимоѳеевичу и письмо Гоголя:

«Генварь. 1844. Ницца».

„Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, друзья мои, и отъ всего сердца желаю вамъ спокойствія душевнаго, то есть лучшаго, чего мы должны желать другъ другу. Мнѣ чувствуется, что вы часто бываете не спокойны духомъ. Есть какая-то повсюдная нервически-душевная тьма: она долженствуетъ быть потомъ еще сильнѣе. Въ такихъ случаяхъ нужна братская взаимная помощь. Я посылаю вамъ совѣтъ: не пренебрегите имъ. Онъ исшелъ прямо изъ душевнаго опыта, испытанъ и сопровожденъ сильнымъ къ вамъ участіемъ. Отдайте одинъ часъ вашего дня на заботу о себѣ; проживите этотъ часъ внутреннею, сосредоточенною жизнію. На такое состояніе можетъ навести васъ душевная книга. Я посылаю вамъ «Подражаніе Христу», не потому, чтобъ не было ничего выше и лучше ея, но потому что на то употребленіе, на которое я вамъ назначу ее, не знаю другой книги, которая была бы лучше ея. Читайте всякій день по одной главѣ, не больше. Если даже глава велика—раздѣлите ее на двое. По прочтеніи предайтесь размышленію о прочитанномъ. Переворотите на всѣ стороны прочитанное съ тѣмъ, чтобы наконецъ добраться и увидѣть, какъ именно оно можетъ быть примѣнено къ вамъ, именно въ томъ кругу, среди котораго вы обращаетесь, въ

тѣхъ именно обстоятельствахъ, среди которыхъ вы находитесь. Отдалите отъ себя мысль, что многое тутъ находящееся относится къ монашеской или иной жизни. Если вамъ такъ покажется, то значитъ, вы еще далеки отъ настоящаго смысла и видите только буквы. Старайтесь проникнуть, какъ можетъ все это быть примѣнено именно къ жизни среди свѣтскаго шума и всѣхъ тревогъ. Изберите для этого душевнаго занятія часъ свободный и неутружденный, который бы служилъ началомъ вашего дня. Всего лучше немедленно послѣ чаю или кофію, чтобы и самый апетитъ не отвлекалъ васъ. Не перемѣняйте и не отдавайте этого часа ни на что другое. Если даже вы и не увидите скоро отъ этого пользы, если чрезъ это остальная часть дня вашего и не сдѣлается покойнѣе и лучше, не останавливайтесь и идите. Всего можно добиться и достигнуть, если мы неотлучно и съ возрастающей силою будемъ посылать изъ груди нашей постоянное къ тому стремленіе. Богъ вамъ въ помощь. Прощайте. Вашъ Гоголь".

Сергѣй Тимоѳеевичъ почти два мѣсяца не отвѣчалъ Гоголю и писалъ о томъ сыну (Ивану Сергѣевичу): „На сихъ дняхъ получено еще письмо отъ Гоголя къ намъ троимъ: къ Шевыреву, Погодину и мнѣ. Вѣрочка списываетъ его для тебя. Я видѣлся еще съ Языковымъ и получилъ отъ него два письма Гоголя къ нему, которыя глубоко проникли въ мою душу. Я совершенно растерялся; рѣшительно не знаю, что̀ писать къ нему?.... Письма, прежде написанныя, я не имѣю духа послать къ нему». (Письмо въ Астрахань отъ 31 Марта 1844 года).

Наконецъ, послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Сергѣя Тимоѳеевича:

«1844. Апрѣля 17. Москва».

„Другой мѣсяцъ или почти два, какъ я нахожусь въ безпрестанномъ волненіи; всякій день сбирался писать къ вамъ, милый другъ Николай Васильевичъ; нѣсколько разъ начиналъ и не могъ кончить.... въ такомъ безпрестанномъ противорѣчіи находился и теперь нахожусь я самъ съ собою. Говорятъ, что въ каждомъ человѣкѣ находится два человѣка; не знаю, правда ли это, но во мнѣ — рѣшительно два; одинъ изъ нихъ сидитъ на другомъ верхомъ, совсѣмъ задавилъ его, но тотъ еще не умеръ».

«Письмо ваше отъ 10-го Февраля (30-го Января стараго стиля) изъ Ниццы ввело меня въ странное заблужденіе, изъ котораго выдти было мнѣ не только досадно, но и прискорбно. Представьте себѣ, что нѣкоторыя выраженія въ вашемъ письмѣ относительно *„средства отъ душевныхъ тревогъ, посылаемаго въ видѣ подарка"*... и пр. навели глупую мою голову на мысль, что вы посылаете намъ *второй томъ „Мертвыхъ Душъ"*, обѣщанный черезъ два года».

Все то, что̀ въ письмѣ вашемъ, при чтеніи его теперь, разрушаетъ очарованіе, истолковано мною было тогда въ пользу моего страстнаго

желанія. Ошибку мою раздѣляли со мной и мои домашніе. На другой день скачу къ Шевыреву и не застаю его; наконецъ въ другой разъ нахожу его дома.... Съ первыхъ словъ разбилъ онъ съ громкимъ смѣхомъ мой кумиръ. Я былъ огорченъ до глубины души, даже разсерженъ. Я думалъ помолиться, наслаждаясь созданіемъ искусства и вдругъ....... Другъ мой, ни на одну минуту я не усумнился въ искренности вашего убѣжденія и желанія добра друзьямъ своимъ; но, признаюсь, недоволенъ я этимъ убѣжденіемъ, особенно формами, въ которомъ оно проявляется. Я даже боюсь его. Мнѣ 53 года. Я тогда читалъ Ѳому Кемпійскаго, когда вы еще не родились. Я хорошо понимаю, что это не мѣшаетъ вамъ видѣть то, чего я не видѣлъ; но я тогда также былъ молодымъ человѣкомъ, съ живымъ чувствомъ, съ свѣжею, ясно понимающею головою и сильнымъ стремленіемъ въ міръ духовный. Я много перемыслилъ, перечувствовалъ, принималъ, отвергалъ, сомнѣвался и, по прошествіи немалаго времени, переболѣвъ душею и духомъ, наконецъ далъ себѣ отвѣты на многіе вопросы; отвѣты, можетъ быть не полные, неудовлетворительные, но такіе, по крайней мѣрѣ, которые возстановили тишину и спокойствіе въ возмущенной душѣ моей и я—сдалъ это дѣло въ архивъ. Я не порицаю никакихъ, ничьихъ убѣжденій, лишь были бы они искренни; но уже конечно ничьихъ и не приму... И вдругъ вы меня сажаете, какъ мальчика, за чтеніе Ѳомы Кемпійскаго, нисколько не знавъ моихъ убѣжденій, да какъ еще? въ узаконенное время, послѣ кофею, и раздѣляя чтеніе на главы, какъ на уроки. . . . И смѣшно, и досадно. . . . И въ прежнихъ вашихъ письмахъ нѣкоторыя слова наводили на меня сомнѣнія. Я боюсь, какъ огня, мистицизма; а мнѣ кажется онъ какъ-то проглядываетъ у васъ... Терпѣть не могу нравственныхъ рецептовъ, ничего похожаго на вѣру въ талисманы. . . . Вы ходите по лезвію ножа! Дрожу, чтобъ не пострадалъ художникъ!. . . . Чтобы творческая сила чувства не охладѣла отъ умственнаго напряженія отшельника.—Это вполнѣ искреннія слова сидящаго верхомъ человѣка. Таковъ я всегда; но вотъ вамъ я, какимъ бываю уже рѣдко. Въ одну изъ такихъ минутъ я записалъ для васъ свои собственныя мысли и чувства“.

„Вижу, какъ жалки и ничтожны всѣ мои выраженія, не имѣющія даже достоинства искренности. Нѣтъ, я не рожденъ ни слѣпымъ, ни глухимъ. Я лгу, говоря, что не понимаю высокой стороны такого направленія. Я понималъ его всегда, особенно въ молодости; но оно только скользило по моей душѣ. Лѣнь, слабость воли, легкомысліе, живость и непостоянство характера, разнообразныя страстишки заставляли меня зажмуривать глаза и бѣжать прочь отъ ослѣпительнаго блеска, всегда лежащаго въ глубинѣ духа мыслящаго человѣка. Вы соединяете это стремленіе съ теплою вѣрою; но и другимъ путемъ можно стремиться

къ той же цѣли. Разумѣется, такъ гораздо легче: *„Не вѣрю тому, чего не знаю, и не размышляю о томъ, чего не понимаю“*. Это даже и хорошо, если искренно. Но у меня это была ложь. Я надувалъ самъ себя, чтобъ жить, спустя рукава. Я добровольно кидался въ толпу непризванныхъ, я наклепывалъ на себя ихъ пошлость и такимъ образомъ отдѣлывался отъ трудныхъ подвиговъ разумной жизни. Я уже думалъ прожить такъ цѣлый вѣкъ; но нашелся человѣкъ, близкій моему сердцу самъ по себѣ и драгоцѣнный мнѣ, какъ великій художникъ. Онъ сталъ передо мною, лицемъ къ лицу, поднялъ со дна души заброшенныя мысли и говоритъ: *„Пойдемъ вмѣстѣ! Я вотъ что̀ дѣлаю съ собой. Помоги мнѣ, а я потомъ помогу тебѣ“*. Хотѣлъ было поступить по-русски: *„знать не знаю и вѣдать не вѣдаю“*... Но стало стыдно; не долго звенятъ во мнѣ слишкомъ долго небранныя струны. Я радъ тому: ихъ сотрясеніе болѣзненно. Около нихъ нѣтъ простора. Онѣ заплыли всякой дрянью, которая вошла въ составъ моего организма... Мнѣ больно когда ее трогаютъ“.

„Вотъ вамъ, милый другъ, истинное состояніе моей души. О томъ уже поздно. Оставимъ это дѣло навсегда. Прилагаю вамъ два письма. Одно изъ нихъ огорчитъ васъ сильно, но съ горячею вѣрою близко утѣшеніе. Наша больная все въ томъ же страдательномъ положеніи. Обнимаю васъ очень крѣпко. Мы сошлись съ Языковымъ. Всѣ мои васъ обнимаютъ. Вашъ другъ С. Аксаковъ“.

На это горячее письмо, вылившееся изъ глубины души, Гоголь далъ слѣдующій отвѣтъ Сергѣю Тимоѳеевичу:

„Франкфуртъ. 16 Мая 1844 г.“

«Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно васъ обнялъ и поцѣловалъ, а потомъ засмѣялся. Въ письмѣ вашемъ слышно, что вы боитесь, чтобъ я не сѣлъ на васъ верхомъ и упираетесь, какъ Ѳедоръ Никол. Глинка, когда къ нему подходятъ, чтобы обнять его. Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Изъ чего вы вообразили, что вамъ нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, такъ безукоризненна, прекрасна и благородна, какъ дай Богъ всѣмъ подобную. Вы сдѣлали много такого добра и такихъ услугъ (что̀ и мнѣ отчасти извѣстно), которыя сто̀ятъ многихъ копѣекъ, разбросанныхъ нищимъ, и будутъ оцѣнены справедливо; ваша жизнь ни въ чемъ не противуположна христіанской. Одинъ упрекъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать—въ излишествѣ страстнаго увлеченія во всемъ: какъ въ самой дружеской привязанности и сношеніяхъ вашихъ, такъ и во всемъ благородномъ и прекрасномъ, что̀

ни исходитъ отъ васъ. Итакъ, глядите твердо впередъ и не смущайтесь тѣмъ, если въ жизни вашей есть пустые и бездѣйственные годы. Отдохновеніе вамъ нужно. Такіе годы бываютъ въ жизни всѣхъ людей, хоть бы они были самые святые. А если вы отыскиваете въ себѣ какія-нибудь гадости, то этимъ слѣдуетъ не то, чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что онѣ у насъ есть. Не будь въ насъ этихъ гадостей, мы бы занеслись Богъ знаетъ какъ, и гордость наша заставила бы насъ надѣлать множество гадостей, несравненно важнѣйшихъ. Безъ нихъ не было бы у васъ и этого прекраснаго смиренія, которое составляетъ первую красоту души".

„Итакъ, ваше волненіе есть просто дѣло чорта. Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ—точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ и раскричится. Стòитъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ чтò. Пословицъ не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *Хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти.* Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя-ли какъ-нибудь привести въ уныніе; шепчетъ: „Смотри, какъ у тебя много мерзости,—пробуждайся!" когда не зачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а просто не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе—это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся словомъ, не вѣрующій въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало просто, не глядя на него, выполнить буквально предписаніе, руководствуясь только тѣмъ, что дареному коню въ зубы не глядятъ. Вы бы, можетъ быть, нашли тамъ только подтвержденіе тому, чему вы вѣруете и чтò въ васъ есть, и тогда установилось бы все яснѣе и утвердительнѣе на своихъ мѣстахъ, воцаривъ чрезъ то строгій порядокъ въ самую душу".

„О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнія произошли отъ того, что я слишкомъ рано вздумалъ было говорить о томъ, чтò слишкомъ ясно было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами, въ чемъ сильно раскаяваюсь даже и за печатныя мѣста. Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое, и

если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: „объяснится потомъ", шелъ далѣе своею дорогою; и точно Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ объяснялось само собою. И теперь я могу сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же, хотя, можетъ быть, избавился только отъ многаго, мѣшавшаго мнѣ на моемъ пути, и стало быть, чрезъ то сдѣлался нѣсколько умнѣй, вижу яснѣй многія вещи и называю ихъ прямо по имени, то-есть, чорта называю прямо чертомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма à la Байронъ, а знаю, что онъ ходитъ во фракѣ изъ гнилья и что на его гордость стоитъ наплевать, вотъ и все".

„Спросите у Языкова, послалъ ли онъ книги мнѣ и съ кѣмъ именно? Я еще не получилъ; а между тѣмъ, онъ мнѣ обѣщалъ слѣдующія: 1) Добротолюбіе, 2) Лѣтописи, 3) Иннокентія и 4) Сочиненія Св. Отцевъ. Теперь, безъ сомнѣнія, удобно послать, потому что изъ Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу васъ, если нельзя прислать „Москвитянина", всего за прошлый 1843, то хотя критики Шевырева; а Михаилу Семеновичу скажите, что онъ *надуватель*, а дѣткамъ его скажите, что *яблоко отъ яблони недалеко падаетъ*. Онъ самъ вызвался доставить мнѣ критики Сенковскаго и невинныя замѣчанія, напечатанныя въ «Сынѣ Отечества». Времени было довольно, а случая и оказіи для пересылки не нужно; потому что, писавши на тонкой бумагѣ, можно было легко послать во всякое время, раздѣливъ на два или на три письма, какъ я сдѣлалъ съ моими статьями, гораздо побольшими, которыя ему же пригодились въ бенефисъ. Онъ меня привелъ въ непріятное и затруднительное положеніе: писать къ Сенковскому и просить его о присылкѣ статей; потому что во многихъ вещахъ на близкихъ людей никакъ нельзя полагаться и лучше писать къ первому незнакомому лицу. Незнакомому человѣку бываетъ иногда совѣстно показать себя въ первый разъ ненадежнымъ человѣкомъ, а пріятелямъ никогда не бываетъ совѣстно пустить дѣло въ затяжку".

„Прилагаемое письмо прошу васъ доставить Над. Ник. (Шереметьевой), Въ немъ содержится объясненіе на счетъ одного слуха, распущеннаго обо мнѣ въ Москвѣ".

„Объясненія объ этомъ предметѣ я-бъ не сдѣлалъ никому, потому что лѣнивъ на подобныя вещи; но такъ какъ она прямо и безхитростно сдѣлала мнѣ запросъ, то мнѣ показалось совѣстно не дать ей отвѣта. А съ вами о семъ тратить словъ не слѣдуетъ. Вы *человѣкъ—не баба. Человѣкъ—не баба* вѣритъ болѣе самому *человѣку*, чѣмъ *слуху о человѣкѣ;* а *человѣкъ—баба* вѣритъ болѣе слуху о человѣкѣ, чѣмъ самому человѣку. Впрочемъ вы не загордитесь тѣмъ, что вы *человѣкъ—не баба.* Тутъ вашей заслуги никакой нѣтъ, ниже пріобрѣтенія: такъ Богъ ве-

лѣлъ, чтобы вы были *человѣкъ—не баба*. Не унижайте также *человѣка-бабу*, потому что *человѣкъ-баба* можетъ быть кромѣ этого свойства даже совершеннѣйшимъ человѣкомъ и имѣть много такихъ свойствъ, которыхъ не удастся пріобрѣсти *человѣку—не бабѣ*. Другъ нашъ, Погодинъ, есть *человѣкъ-баба;* не потому, чтобы онъ велъ не такую жизнь, какъ слѣдуетъ, или не имѣлъ твердости или характера, но потому, что иногда вдругъ понесетъ отъ него бабьей юбкой. Это можно даже довесть до свѣдѣнія его, потому что между нами должно быть отнынѣ все просто и откровенно. Михаилъ Семеновичъ, напримѣръ: онъ не *баба*, но онъ оказался человѣкъ гнильце по поводу упомянутаго ниже дѣла. Константинъ Сергѣевичъ, напримѣръ..., но объ этихъ господахъ не слѣдуетъ говорить: они совершенно въ *рукѣ будущаго*. Въ Русской природѣ то, по крайней мѣрѣ, хорошо, что если Нѣмецъ, напримѣръ, *человѣкъ-баба*, то онъ останется *человѣкъ-баба* навѣки вѣковъ. Но Русскій человѣкъ можетъ иногда вдругъ превратиться въ *человѣка—не бабу*. Выходитъ онъ изъ бабства тогда, когда торжественно, въ виду всѣхъ, скажетъ, что онъ ничего больше, какъ *баба*, и симъ только поступаетъ въ рыцарство, скидаетъ съ себя при всѣхъ бабью юбку и одѣвается въ панталоны... Вашъ Гоголь. Обнимаю отъ всей души весь вашъ домъ".

Въ Октябрѣ того же года Гоголь спрашивалъ Н. М. Языкова въ письмѣ къ нему изъ Франкфурта: „Спроси Аксаковыхъ, зачѣмъ ни одинъ изъ нихъ ни пишетъ ко мнѣ?" а къ самому Сергѣю Тимоѳеевичу писалъ:

„12 Ноября (1844)".

„Письмо за вами, безцѣнный другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Вы не дали мнѣ отвѣта на то, которое я писалъ къ вамъ назадъ тому четыре мѣсяца, гдѣ посылалъ весьма справедливый выговоръ Щепкину за то, что онъ надулъ меня, то есть, вызвался самъ впередъ и отважно вмѣстѣ съ сыновьями доставить мнѣ просимыя мною критики, и потомъ вмѣстѣ съ ними попятился на попятный дворъ. Я даже не знаю, какъ писать къ вамъ, и дожидался отъ васъ адреса, и до сихъ поръ не знаю, гдѣ вы живете и куда слѣдуетъ адресовать вамъ? Итакъ, увѣдомьте меня, какъ о вашемъ здоровьи, такъ и о здоровьи Ольги Семеновны, Константина Сергѣевича и всего вашего милаго семейства. И почему именно послѣдовало такое долгое забвеніе? Я, видите, терпѣливъ и долго иногда не спрашиваю, почему иные совсѣмъ не пишутъ и не шлютъ даже поклона. Потомъ увѣдомьте, какъ вы провели все время лѣта и каково состояніе вашей больной. И словомъ, увѣдомьте обо всемъ. А пока, васъ обнимаю отъ всей души и жду вашего отвѣта... Вашъ Гоголь".

Ранѣе полученія этого письма, а вѣроятно по запросу Языкова отъ имени Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ ему:

„Ноября 16-го 1844 года".

„Очень, очень давно не писалъ я вамъ, любезный другъ Николай Васильевичъ... Да еслибъ я десять лѣтъ не писалъ къ вамъ, то все никто бы не заподозрилъ меня въ забвеніи васъ. На бумагѣ не то, что̀ на словахъ: многаго не скажешь, да и сказать нельзя. Давно поизносились фразы, за недостаткомъ истины въ смыслѣ: «страждущее сердце облегчить свою горесть, переливая ее въ сердце друга». Во первыхъ: всѣ горести, что̀ переливать то̀ хуже: только что мутить начинавшій отстаиваться зловредный напитокъ. Во вторыхъ: что̀ за облегченіе возмущать спокойствіе друга, разумѣется, отсутствующаго? Конечно, когда друзья живутъ вмѣстѣ, и одинъ видитъ и знаетъ, что другой страдаетъ, тогда изліяніе—необходимость".

„Даже не помню, когда я писалъ.... Знаю только, что не отвѣчалъ на письмо ваше, которымъ не совсѣмъ былъ доволенъ: это былъ вашъ отвѣтъ на мое горячее письмо, вылившееся изъ глубины души. Вы, конечно, не подумаете, что ваше письмо было причиной моего долговременнаго молчанія. Совсѣмъ нѣтъ. Конечно я не отвѣчалъ на него немедленно по неудобству переписки такого рода; но въ послѣдствіи это не помѣшало бы мнѣ писать. Ничего не можетъ быть суетливѣе, скучнѣе и огорчительнѣе того образа жизни, который велъ я съ 9-го Мая по 6-е Октября. Больная моя жила въ Петровскомъ паркѣ, а остальное семейство въ подмосковной; мы съ Ольгой Семеновной скакали то туда, то сюда, ничуть не обрѣтая спокойствія; въ разлукѣ съ больной— всего менѣе. Наконецъ, 5-го Октября переѣхали въ Москву (въ Газетный переулокъ, въ домъ княгини Шаховской). Болѣзнь часто мѣняла свою физіономію, а потому часто смѣнялись страхъ и надежда. Даже и теперь не знаю что̀ сказать вамъ. Если взглянуть на все простыми глазами, то дѣло находится въ отчаянномъ положеніи: больная уже два мѣсяца не встаетъ съ постели, худоба неимовѣрная, и ноги въ сильной болѣзненной опухоли. Но доктора называютъ эту опухоль критическою и видятъ много добрыхъ признаковъ. Конечно, эта опухоль не прежняя, водянистая опухоль; больная получила апетитъ, и пищевареніе хорошо; очевидно, что натура силится открыть давно закрытые пути; борьба несомнѣнна, но выдержитъ ли изнуренный, ослабленный организмъ эту борьбу? Вотъ важный вопросъ.... Мой разсудокъ не допускаетъ меня предаваться надеждамъ"....

„Я думаю, вы уже знаете о несчастіи бѣднаго Погодина.... Словъ недостаетъ, чтобъ выразить мое сожалѣніе о немъ, и нѣтъ ихъ, чтобъ

сказать ему что нибудь утѣшительное; но онъ, по счастію, истинный христіанинъ и покуда переноситъ великодушно тяжкое испытаніе. Жена вчера была у него, а я уже нѣсколько дней не видалъ его; два раза не засталъ дома".

„Въ продолженіи нашего взаимнаго молчанія я кое-что слышалъ по временамъ объ васъ: то отъ Языкова, то отъ Шереметевой, то отъ Шевырева; но все грѣшно вамъ, что вы ко мнѣ не писали. Никакія обстоятельства не лишаютъ меня потребности знать объ васъ. Итакъ напишите мнѣ все: что̀ ваше здоровье, что̀ вашъ трудъ? Мы остальные всѣ здоровы. Костя переписываетъ набѣло свою диссертацію; Иванъ возвращается съ ревизіи изъ Астрахани, гдѣ онъ дѣйствовалъ съ неожиданнымъ, изумительнымъ даже для меня, достоинствомъ мужа, а не юноши; Гриша служитъ товарищемъ предсѣдателя Гражданской Палаты во Владимирѣ, и хотя не изумляетъ меня, но утѣшаетъ болѣе Ивана... Вотъ вамъ все въ краткихъ словахъ, милый другъ мой... Кругомъ меня валятся, какъ снопы, мои сверстники, товарищи, пріятели: (вы знаете о Княжевичѣ). Не хотѣлось бы мнѣ свалиться, не обнявши крѣпко васъ. Дѣлаю это заочно. Прощайте, мой другъ. Вашъ С. Аксаковъ. Всѣ мои васъ обнимаютъ".

Прежде чѣмъ получить отвѣтъ на свое письмо, Сергѣй Тимоѳеевичъ получилъ отъ Гоголя порученіе вмѣстѣ съ Шевыревымъ на счетъ благотворенія бѣднымъ студентамъ. Гоголь писалъ Шевыреву отъ 14 Декабря 1844 года:

«Дѣло это должно остаться только между тобою и Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ Аксаковымъ, и я требую въ этомъ клятвеннаго и честнаго слова отъ васъ обоихъ. Никогда получившій деньги не долженъ узнать отъ кого онъ ихъ получилъ ни при жизни моей, ни по смерти моей. Это должно остаться тайной навсегда. Ты можешь сказать имъ, что деньги отъ одного богатаго человѣка, или правительственнаго сановника, который хочетъ остаться въ неизвѣстности. Никто изъ васъ никому даже въ своемъ домѣ, какъ бы онъ близокъ къ нему ни былъ, не долженъ этого открывать никогда и ни въ какомъ случаѣ. На всѣ разспросы другихъ давайте одинъ отвѣтъ, что деньги идутъ мнѣ, и я получаю ихъ въ исправности. Я также не долженъ знать, кому, какъ и когда идутъ эти деньги. Отчетъ въ нихъ и отвѣтъ принадлежитъ Богу, и потому смотрѣть на это дѣло какъ на святое, и употребить съ своей стороны всѣ силы къ тому, чтобы всякая копейка обратилась во благо. Настоящія благодѣянія будутъ принадлежать вамъ, болѣе всего тебѣ, потому что все здѣсь зависитъ отъ умныхъ распоряженій. Пословица говоритъ: *не штука дѣло, штука разумъ*".

«Это вы прочитайте вмѣстѣ съ Аксаковымъ и никакихъ противъ этого возраженій или представленій! Желаніе мое непреложно. Только такимъ образомъ, а не другимъ должно быть рѣшено это дѣло. Какъ бы ни показалось вамъ многое здѣсь страннымъ, вы должны помнить только, что *воля друга должна быть священна;* и на это мое требованіе, которое съ тѣмъ вмѣстѣ есть и моленіе, и желаніе, вы должны отвѣтить только однимъ словомъ, *да*».

Около того времени пришелъ и отвѣтъ Гоголя Сергѣю Тимоѳеевичу на его Ноябрьское письмо, слѣдующій:

«Франкфуртъ. Декабря 21 (1844)».

«Наконецъ, я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой. Между многими причинами вашего молчанія, съ которыми почти со всѣми я согласенъ (зная самъ, какъ трудно вдругъ заговорить, когда не знаешь даже, съ котораго конца прежде начать), одна мнѣ показалась такою, которую я бы никакъ не допустилъ въ дѣло и никакъ бы не уважилъ, именно—что состояніе грустное души уже потому не должно быть передаваемо, что можетъ возмутить спокойствіе отсутствующаго друга. Но для чего же тогда и другъ? Онъ именно и дается намъ для трудныхъ минутъ, а въ минуты веселыя и всякій человѣкъ можетъ быть для насъ хорошъ. Богъ вѣсть, можетъ быть, именно въ такія минуты я бы и пригодился. Что я написалъ глуповатое письмо, это ничего не значитъ: письмо было писано въ сырую погоду, когда я и самъ былъ въ состояніи полухандры, въ сѣромъ расположеніи духа, что, какъ извѣстно, еще глупѣе чернаго, и когда мнѣ показалось, что и вы тоже находитесь въ состояніи полухандры. Желая ободрить и васъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ и себя, я попалъ въ фальшивую ноту, взялъ невѣрно и замѣтилъ это уже по отправленіи письма. Впрочемъ, вы не смущайтесь: еслибъ даже и 10 получили глуповатыхъ писемъ (на такія письма человѣкъ, какъ извѣстно, всегда гораздъ), иногда между ними попадется и умное. Да и глупыя письма, даромъ, что они глупы, а ихъ иногда бываетъ полезно прочесть и другой и третій разъ, чтобы видѣть, какимъ образомъ человѣкъ, хотѣвши сдѣлать умную вещь, сдѣлалъ глупость. А потому о вашихъ грустныхъ минутахъ вы прежде всего мнѣ говорите, ставьте ихъ всегда впередъ всякихъ другихъ новостей и помните только, что никакъ нельзя сказать впередъ, чтобы такой-то человѣкъ не могъ сказать утѣшительнаго слова, хотя бы онъ былъ и вовсе не умный. Много уже значитъ хотѣть сказать утѣшительное слово, и если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стоитъ только разинуть ротъ, а помогаетъ уже Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное».

«Вы меня извѣстили вдругъ о разныхъ утратахъ. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава Богу, меньше. Во-первыхъ, потому что я вижу со дня на день яснѣе, что смерть не можетъ отъ насъ оторвать человѣка, котораго мы любили; а во-вторыхъ, потому что некогда и грустить: жизнь такъ коротка, работы вокругъ такъ много, что дай Богъ поскорѣй запастись сколько-нибудь тѣмъ въ этой жизни, безъ чего нельзя явиться въ будущую. А потому поблагодаримъ покойниковъ за жизнь и за добрый примѣръ, намъ данный, помолимся о нихъ и скажемъ Богу за все спасибо, а сами за дѣло. Извѣстіемъ о смерти Е. В. Погодиной я опечалился только въ началѣ, но потомъ возсвѣтлѣлъ духомъ, когда узналъ что Погодинъ перенесъ великодушно и твердо, какъ христіанинъ, такую утрату. Такой подвигъ есть краса человѣческихъ подвиговъ, и Богъ, вѣрно, наградилъ его за это такими высокими благами, какія рѣдко удается вкушать на землѣ человѣку».

«Обратимся же отъ Погодина, который подалъ намъ всѣмъ такой прекрасный примѣръ, и къ прочимъ живущимъ. Вы меня очень порадовали благопріятными извѣстіями о вашихъ сыновьяхъ. Они всѣ люди, созданные на дѣло, и принесутъ очень много добра, если при умѣ и при всѣхъ данныхъ имъ большихъ способностяхъ будутъ *смѣтливы*, то-есть, если заблаговременно и пораньше будутъ умѣть смекнуть то, что̀ слѣдуетъ смекнуть; если Константинъ Сергѣевичъ смекнетъ, что диссертацію, вмѣсто того, чтобы переписывать на-бѣло, слѣдуетъ просто положить подъ спудъ на нѣсколько лѣтъ, а вмѣсто ея заняться другимъ; если онъ смекнетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что тотъ совѣтъ, въ которомъ сходятся люди даже различныхъ свойствъ и мнѣній, есть уже совѣтъ Божій, а не людской и, стало быть, его нужно послушаться. Ему всѣ до единаго, начиная отъ Погодина до меня, говорили, чтобы занялся дѣломъ филологическимъ, для котораго Богъ его наградилъ великими и очевидными для всѣхъ способностями. Онъ одинъ можетъ совершить у насъ словарь Русскаго языка такой, какого не совершитъ ни одна академія со всѣми своими членами; но этого онъ пока не смекаетъ. Еще также не смекаетъ онъ до сихъ поръ, что у него слишкомъ велика замашка и слишкомъ горячій пріемъ къ дѣлу. Черезъ это дѣло у него само собой выходитъ не въ *ясномъ*, а въ *пристрастномъ* видѣ, хотя онъ хотѣлъ быть яснымъ, а не пристрастнымъ. Черезъ это у него одежда, въ которую онъ одѣваетъ мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней. Это ощутительнѣй оказывается у него въ письмѣ и на бумагѣ; тутъ иногда мысли тѣ же, что̀ короткія ноги въ большихъ сапогахъ, такъ что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смѣшно, что на ней большой сапогъ».

„Еще Константинъ Сергѣевичъ не смекаетъ, что въ эту пору лѣтъ,

въ какой онъ (теперь), не слѣдуетъ вовсе заботиться о логической послѣдовательности всякаго рода развитій. Для этого нужно быть или вовсе старику, или вовсе Нѣмцу, у котораго бы въ жилахъ текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, какая у Русскаго человѣка".

„— Поэтому-то у него оказывается въ статьяхъ одна претензія на логическую послѣдовательность, а самой ея нѣтъ. Живая душа, Русское сердце и нерасчетливая молодость пробиваются на всякомъ шагу, и черезъ это еще сильнѣй становится противуположность двухъ несоединенныхъ вещей. Черезъ это самый тонъ слога невѣренъ, фальшивъ, не имѣетъ никакой собственной личности и не служитъ орудіемъ въ выраженіи того, что̀ хотѣлъ писатель имъ выразить. Черты ребячества и черты собачьей старости будутъ въ немъ попадаться безпрестанно однѣ подлѣ другихъ и будутъ служить вѣчнымъ предметомъ насмѣшекъ журналистовъ, насмѣшекъ глупыхъ, но въ основаніи справедливыхъ".

„Если Константинъ Сергѣевичъ сколько нибудь вѣритъ тому, что я могу иногда слышать природу человѣка и знаю сколько нибудь законъ состояній, переходовъ, перемѣнъ и движеній въ душѣ человѣческой, какъ наблюдавшій пристально даже за своей собственной душою, что̀ вообще рѣдко дѣлается другими, то да послѣдуетъ онъ хотя разъ моему совѣту и именно слѣдующему: не думать два-три года о полнотѣ, цѣлости и постепенномъ логическомъ развитіи идей въ статьяхъ своихъ большихъ, какія случится писать ему. Повѣрьте, это не дается въ такіе годы и въ такой порѣ душевнаго состоянія. У него отразится повсюду только одно неясное стремленіе къ нимъ, а ихъ самихъ не будетъ".

«Живой примѣръ ему я. Я старѣе годами, умѣю болѣе себя обуздывать, а при всемъ—сколько я натворилъ глупостей въ моихъ сочиненіяхъ, именно стремясь къ той полнотѣ, которой во мнѣ самомъ еще не было, хотя мнѣ и казалось, что я очень уже созрѣлъ; и надъ многими мѣстами въ моихъ сочиненіяхъ, которыя даже были похвалены одними, другіе очень справедливо посмѣялись. Тамъ есть очень много того, что̀ похоже на короткую ногу въ большомъ сапогѣ; а всего смѣшнѣе въ нихъ претензія на то, чего въ нихъ, покамѣстъ, нѣтъ».

„Итакъ да прислушается Константинъ Сергѣевичъ къ моему совѣту. Это не совѣтъ, а скорѣе братское увѣщаніе человѣка, уже искусившагося и который хотѣлъ бы сколько-нибудь помочь своею собственною бѣдою, обративъ ее не въ бѣду, а въ пользу другому. Теперь «Москвитянинъ», какъ я слышалъ, перешелъ къ Ив. Вас. Кирѣевскому. Вѣроятно, это возбудитъ во многихъ рвеніе къ трудамъ. Константинъ Сергѣевичъ можетъ множество приготовить прекрасныхъ филологическихъ статей. Онѣ будутъ интересны для всѣхъ. Это я могу сказать впередъ, потому что я самъ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, когда онъ изъяснялъ мнѣ произ-

водство многихъ словъ. Но нужно, чтобы онѣ писаны были слишкомъ просто и въ такомъ же порядкѣ, какъ у него выходили изустно въ разговорѣ, безъ всякой мысли о томъ, чтобы дать имъ цѣлость и полноту. То и другое выльется само собою гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ тогда, если бы онъ о нихъ думалъ. Онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы статья была какъ можно короче. Русскій умъ не любитъ, когда ему изъясняютъ что-нибудь слишкомъ долго. Статья его чѣмъ короче и сжатѣй, тѣмъ будетъ занимательнѣй. Не брать въ началѣ большихъ филологическихъ вопросовъ, то-есть, такихъ въ которыхъ было бы развѣтвленіе на многіе другіе, но раздробить ихъ на отдѣльные вопросы, которые-бы имѣли въ себѣ нераздѣляемую цѣлость, и заняться каждымъ отдѣльно, взявъ его въ предметъ статьи; словомъ, какъ дѣлалъ Пушкинъ, который, нарѣзавши изъ бумаги ярлыковъ, писалъ на каждомъ по заглавію, о чемъ когда-либо потомъ ему хотѣлось припомнить. На одномъ писалъ: Русская язба, на другомъ: Державинъ, на третьемъ—имя тоже какого-нибудь замѣчательнаго предмета, и такъ далѣе. Всѣ эти ярлыки накладывалъ онъ цѣлою кучею въ вазу, которая стояла на его рабочемъ столѣ, и потомъ, когда случалось ему свободное время, онъ вынималъ на удачу первый билетъ; при имени, на немъ написанномъ, онъ вспоминалъ вдругъ все, что̀ у него соединялось въ памяти съ этимъ именемъ, и записывалъ о немъ тутъ же, на томъ же билетѣ, все, что̀ зналъ. Изъ этого составились тѣ статьи, которыя напечатались потомъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій и которыя такъ интересны именно тѣмъ, что всякая мысль его тамъ осталась живьемъ, какъ вышла изъ головы. Изъ этихъ записокъ многія, еще интереснѣйшія, не напечатаны, потому что относились къ современнымъ лицамъ. Такимъ образомъ и Константинъ Сергѣевичъ да напишетъ себѣ на бумажкѣ всякое Русское замѣчательное слово и потомъ тутъ же кратко и ясно его производство, и отдастъ ее Ив. Вас. Кирѣевскому. Журналистъ будетъ доволенъ, публика возбудится любопытствомъ къ предмету, для нея новому и незнакомому; а Константинъ Сергѣевичъ покажетъ, наконецъ себя и скажетъ мнѣ за это спасибо; ибо, какъ ни посмотрю, приходилось мнѣ, а не кому-либо другому, натолкнуть его на дѣло".

„Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись", говорится; а такъ какъ онъ опозорился въ глазахъ свѣта на мнѣ (написавши статью о „Мертвыхъ Душахъ"), то мною-же долженъ быть подтолкнутъ на прославленіе въ глазахъ того же свѣта».

«Но вотъ бѣда: у Константина Сергѣевича нѣтъ вовсе слога. Все, о чемъ ни выражается онъ ясно на словахъ, выходитъ у него темно, когда они пишутся на бумагѣ. Если бы онъ былъ въ силахъ схватить тотъ складъ рѣчи, который выражается у него въ разговорѣ,

онъ былъ бы живъ и силенъ въ письмѣ, стало быть имѣлъ бы непремѣнно читателей и почитателей. Но это ему менѣе возможно, чѣмъ кому-либо другому. Искусство слѣдить за собой, ловить и поймать самому себя рѣдко кому удается. А слогъ все-таки ему нужно пріобрѣсть; ему нужно непремѣнно спуститься, хотя двумя ступенями, ниже съ той педантской книжности, которая у насъ образовалась и безпрестанно мѣшается съ живыми и не педантскими словами. Есть одинъ только для него способъ, и если Константинъ Сергѣевичъ точно такъ уменъ, какъ я думаю, то онъ его не броситъ. Что̀ бы онъ ни написалъ, ему слѣдуетъ передъ тѣмъ, какъ онъ принимается за перо, вообразить живо личность тѣхъ, кому и для кого онъ пишетъ. Онъ пишетъ къ публикѣ, личность публики себѣ трудно представить. Пусть же онъ на мѣсто публики посадитъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, живо представитъ себѣ его умъ, способности, степень понятливости и развитія и говоритъ, соображаясь со всѣмъ этимъ и снисходя къ нему,—слово его будетъ непремѣнно яснѣе. Чѣмъ онъ возьметъ менѣе понятливаго человѣка, чѣмъ этотъ человѣкъ будетъ менѣе свѣдущъ, тѣмъ онъ болѣе выиграетъ. Лучше всего, если онъ посадитъ вмѣсто публики маленькую свою сестрицу и станетъ ей разсказывать (это особенно будетъ полезно въ филологическихъ статьяхъ и производствахъ словъ, которыя требуютъ необыкновенной ясности слога), и если онъ съумѣетъ такъ разсказать или написать, что, во время чтенія, маленькой его сестрицѣ не будетъ скучно и все понятно, тогда смѣло можно печатать статью; она понравится всѣмъ: старикамъ, гегелистамъ, щелкоперамъ, дамамъ, профессорамъ, учителямъ, и всякій подумаетъ, что писано для него. Притомъ, зная, что пишетъ маленькой сестрицѣ, Константинъ Сергѣевичъ никакъ не зарапортуется, и если бы случилось ему написать производство словъ: мужъ и жена (что̀ онъ производитъ очень умно, я бы прямо списалъ съ его словъ), онъ бы удержался въ однѣхъ филологическихъ границахъ, тогда какъ, если бы сѣла на мѣсто маленькой сестрицы, хоть положимъ, Ховрина или кто другой, брошенъ былъ бы вдругъ религіозный взглядъ на бракъ и на высшее значеніе его,—дѣло конечно тоже въ своемъ родѣ умное, но годное для другой статьи. Словомъ, этотъ способъ Константину Сергѣевичу самый дѣйствительный, какъ бы онъ ни показался ему съ виду ничтожнымъ и незначущимъ. Я бранилъ себя за свою недогадливость и глупость, что не хватился за него пораньше; я бы гораздо больше сказалъ дѣла и даже больше бы написалъ. Этотъ пустякъ слишкомъ важная вещь: только отъ нея пріобрѣтается слогъ и получается физіономія слога. Это уже давно было сказано на свѣтѣ, что слогъ у писателя образуется тогда, когда онъ знаетъ хорошо того, кому пишетъ. Но если Констан-

тинъ Сергѣевичъ будетъ сметливъ, то принесетъ много добра, въ чемъ помоги ему Богъ.—Прочіе ваши сыновья, если будутъ сметливы, то принесутъ тоже много добра. Жаль, что вы мнѣ не описали, какимъ образомъ подвизался на ревизіи Иванъ Сергѣевичъ, хотя я увѣренъ, что весьма умно и внутренно обрадовался вашему прибавленію: „съ достоинствомъ мужа". Но всетаки скажите и Ивану Сергѣевичу, что если онъ будетъ сметливъ и поступитъ такимъ образомъ (на какое бы ни послали слѣдствіе), что всѣ до единаго — и невинные и даже виноватые, и честные, и взяточники—будутъ имъ довольны, то этотъ подвигъ еще будетъ выше того, если бы только одни оправданные были довольны. Въ теперешнее время нужно слишкомъ много разбирать и разсматривать взяточниковъ: иногда они бываютъ не совсѣмъ дурные люди, даже такіе, которыхъ можетъ подвигнуть доброе увѣщаніе, особенно, если сколько-нибудь его узнàемъ во всѣхъ его обстоятельствахъ, какъ семейныхъ, такъ и всякихъ другихъ; если къ тому, въ прибавленіе, узнàемъ природу человѣка вообще и потомъ въ особенности природу Русскаго человѣка и если вслѣдствіе всего этого узнàемъ, какъ его попрекнуть, пожурить или даже ругнуть такимъ образомъ, что онъ еще самъ скажетъ спасибо, и онъ сдѣлаетъ много добра. Если Иванъ Сергѣевичъ смекнетъ (а можетъ быть, отчасти уже и смекнулъ), что дѣйствовать *умирительно* еще дѣйствительнѣе, чѣмъ *распекательно*, и что внушить отвагу на добрыя дѣла впредъ еще лучше, чѣмъ картинное дѣло свое собственное, и что заставить человѣка даже плутоватаго сдѣлать доброе дѣло...,—словомъ, если онъ все это смекнетъ, то *надѣлаетъ много добра*. Если узнаетъ не только самую Палату, но и весь Владиміръ *), и не только весь Владиміръ, но даже источники всѣхъ рѣкъ, текущихъ со всѣхъ сторонъ губерніи въ Палату; если не пропуститъ никого изъ умныхъ и старыхъ чиновниковъ и разспроситъ ихъ обо всемъ и будетъ умѣть разспросить ихъ обо всемъ, да не пренебрегаетъ тоже и глупыхъ чиновниковъ, узнаетъ и объ нихъ, чтò слѣдуетъ, даже и купцовъ и мѣщàнъ; узнаетъ такимъ образомъ и то, кто кого водитъ за носъ, или имѣетъ, или можетъ имѣть вліяніе,—то онъ надѣлаетъ много добра не только во Владимірѣ, но даже и потомъ, гдѣ ему ни случится, на какомъ мѣстѣ ему ни случится быть. Да, и Ивану Сергѣевичу тоже не мѣшаетъ вамъ съ своей стороны обратить вниманіе на эти самые пункты».

«За симъ да будетъ это письмо вамъ поздравленіемъ на новый годъ, который стоитъ уже передъ нами,—вамъ, вмѣстѣ съ любезною вашею супругой, въ сопровожденіи желанія искренняго имѣть полное утѣшеніе отъ вашихъ дѣтокъ, а сыновьямъ вашимъ (ибо женскій полъ не наше дѣло)

---

*) Гоголь позабылъ, что во Владимірѣ служилъ тогда не Иванъ, а Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ. *Изд.*

тоже поздравленье, съ желаньемъ искреннимъ доставить вамъ это полное утѣшеніе; ибо письмо собственно для нихъ было писано. А всѣмъ вмѣстѣ желаю искренно приносить на всякомъ мѣстѣ бытія пользу, побольше узнавать, распрашивать и входить всѣмъ въ положеніе всякаго страждущаго и помогать ему утѣшительнымъ словомъ и совѣтомъ (деньги же есть мертвая помощь, и помочь ими еще немного значитъ: онѣ почти всегда играютъ туже роль, что жидкость, ліемая въ бездонную бочку)».

„Затѣмъ скажу аминь и попрошу васъ узнать: во-первыхъ, отъ Кирѣевскаго Ив. Вас., получилъ онъ отъ Жуковскаго стихотворную повѣсть, которую тотъ послалъ два дня тому назадъ, на имя Булгакова, вмѣстѣ съ большимъ письмомъ Авдотьѣ Петровнѣ объ Одиссеѣ? Во вторыхъ, получилъ-ли Шевыревъ мое письмо отъ 14 Декабря, въ которомъ, между прочимъ, небольшое улучшеніе относительно дѣлъ по книгѣ и ея продажѣ, о чемъ онъ долженъ вамъ сообщить? Въ третьихъ, получилъ-ли письмо Языковъ, въ отвѣтъ на присланную мнѣ отъ кн. Вяземскаго книжечку его стихотвореній? Въ четвертыхъ, получилъ ли Погодинъ письмо, отправленное въ одно время съ вашимъ, хотя и написанное прежде (вамъ слѣдуетъ съ нимъ видѣться почаще; вы можете быть ему полезны во многомъ вашею бесѣдою)? Въ пятыхъ, что̀ дѣлаетъ мною постыднѣйшимъ образомъ обруганный и неисправнѣйшій изъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ смертныхъ, Михаилъ Семеновичъ, которыхъ всѣхъ, при этой вѣрной оказіи, поздравьте отъ всей моей души съ новымъ годомъ. Напишите мнѣ все о Погодинѣ: какъ идетъ теперь его жизнь, каково его состояніе души и вообще каковы его перемѣны во всемъ? Вашъ Гоголь".

Этимъ заканчивается 1844-й годъ. Въ выпискѣ изъ письма Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской за это время сказано: „Не такъ давно получено отъ Гоголя большое письмо, состоящее большею частью изъ совѣтовъ братьямъ, чѣмъ имъ и какъ заниматься. Многое очень справедливо". — Первые мѣсяцы слѣдующаго 1845-го года не было переписки: Сергѣй Тимоѳеевичъ заболѣлъ. Вотъ его письмо къ Гоголю уже отъ 10-го Марта 1845-го года:

„Давно я не писалъ къ вамъ, милый мой другъ Николай Васильевичъ, и самъ давно не получалъ отъ васъ писемъ. Въ продолженіи этого времени „*много утекло воды*", какъ говоритъ Русская пословица. Кажется, я и прежде писалъ къ вамъ, что начинаю худо видѣть лѣвымъ глазомъ; это худо все идетъ хуже. Одинъ глазъ — такъ и быть! Я дожилъ бы вѣкъ съ правымъ глазомъ, но вотъ бѣда: въ немъ уже начи-

наются тѣ же явленія, какія предшествовали помраченію лѣваго!... Дѣлать нечего, обратился я къ г.г. докторамъ и — тутъ увидѣлъ все ихъ невѣжество, по крайней мѣрѣ, здѣсь теперь, по части глазныхъ болѣзней.... Назадъ тому двѣ недѣли, многіе говорили не то что теперь; Альфонскій находитъ, что катарактъ начался на обоихъ глазахъ. Ради Бога проситъ не лѣчиться и не мучить себя по пустому, ибо ничто не можетъ остановить хода болѣзни".

„Бросее ничего не находитъ покуда; а Иноземцевъ грозитъ такой слѣпотой, которая хуже темной воды, и пр. и пр.; по всѣ согласны (кромѣ Альфонскаго), что нужно кровопусканіе, піявки, мушки, фонтанели, слабительныя, діэта... Всю эту мерзость я уже испытываю на себѣ другой мѣсяцъ..... Не видя пользы, я рѣшился отдохнуть, и теперь пятый день лѣчусь—гомеопатіей у Хомякова... Разумѣется я не вѣрилъ ей, но первые пріемы сначала оказали сильное дѣйствіе на припадокъ мой, происходящій отъ неправильнаго кровообращенія. Какъ знать, чудесъ на свѣтѣ много. Можетъ быть и глазамъ моимъ будетъ лучше!... Какъ истинному другу, долженъ я вамъ признаться, что я нехорошо встрѣчаю мою страшную бѣду. Если нѣтъ христіанскаго смиренія и покорности волѣ Божіей, то есть человѣческое достоинство, твердость, спокойствіе духа—я не могу ими похвалиться. Покуда я—гнѣвъ, ропотъ и волненье".

„Вѣроятно вы, милый другъ, не станете болѣе получать отъ меня собственноручныхъ писемъ. Я инымъ уже не пишу ихъ. Пусть эти строки напоминаютъ вамъ послѣднія усилія моего зрѣнія. Обнимаю васъ крѣпко. Вашъ С. Аксаковъ».

Не получивъ еще скорбной вѣсти о потери зрѣнія Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, Гоголь спрашивалъ у Языкова въ письмѣ отъ 5 Апрѣля 1845 нов. ст.:

„Узнай также отъ Константина Сергѣевича, получилъ-ли Сергѣй Тимоѳеевичъ отъ меня письмо съ нѣкоторымъ поученьемъ сыновьямъ его, въ числѣ которыхъ и ему, то есть Константину Сергѣевичу, — и что онъ думаетъ о семъ"? Вообще черезъ Н. М. Языкова Гоголь въ это время часто справлялся о С. Т-чѣ; нѣкоторыя записки ему прилагалъ прямо въ своихъ письмахъ къ Языкову, почему и адресъ на нихъ не имѣетъ почтовыхъ знаковъ, а значится просто: С. Т. Аксакову. Такова именно слѣдующая записка, въ отвѣтъ на извѣщеніе о потерѣ зрѣнія:

„Франкфуртъ, 2 Мая“ (1845 г.)

«И вы больны, и я боленъ. Покоримся же Тому, Кто лучше знаетъ, что̀ намъ нужно и что̀ для насъ лучше, и помолимся Ему о томъ, чтобы помогъ намъ умѣть Ему покориться. Вспомнимъ только одно то, что въ Его власти *все* и *все* Ему *возможно*. Возможно все отнять у насъ, что̀ считаемъ мы лучшимъ, и въ награду за то дать лучшее намъ всего того, чѣмъ мы дотолѣ владѣли. Отнимая мудрость *земную*, даетъ Онъ мудрость *небесную*; отнимая зрѣніе *чувственное*, даетъ зрѣніе *духовное*, съ которымъ видишь тѣ вещи, передъ которыми пыль всѣ вещи земныя; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, даетъ намъ жизнь *вѣчную*, которая передъ временной тоже, что̀ *все* передъ *ничто*. Вотъ что мы должны ежеминутно говорить другъ другу. Мы еще доселѣ не привыкнувшіе къ вѣчному закону дѣйствій, который совершается для всѣхъ непреложно въ мірѣ и желающіе для себя непрерывныхъ исключеній, мы, малодушные, способны позабывать на всякомъ шагу то, что̀ должны вѣчно помнить, наконецъ мы, не имѣющіе даже благородства духа ввѣриться Тому, Кто сто̀итъ того, чтобы на Него положиться. Простому человѣку мы даже ввѣряемся, который даже намъ не показалъ и знаковъ достаточныхъ для довѣрія, а Тому, Кто окружилъ насъ вѣчными свидѣтельствами любви Своей, Тому только не вѣримъ, взвѣшивая подозрительно всякое Его слово. Вотъ что̀ мы должны говорить ежеминутно другъ другу, о чемъ я вамъ теперь напоминаю и о чемъ вы мнѣ напоминайте.... Затѣмъ обнимаю васъ отъ всей души и прошу васъ вмѣсто меня обнять ваше семейство; напишите мнѣ, куда ѣдете или остаетесь въ Москвѣ. И что̀ дѣлаютъ ваши дѣти; если можно—порознь о каждомъ; если вамъ писать трудно, прошу Ольгу Семеновну. Прощайте. Богъ да хранитъ васъ. Вашъ Г“.

Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчалъ письмомъ, писаннымъ собственноручно, но почеркъ уже не прежній:

«Москва, Мая 24» (1845 г.)

«Я получилъ послѣднее письмецо ваше черезъ Языкова, милый другъ Николай Васильевичъ. Всѣ ваши слова справедливы, но..... надобно имѣть сердце, исполненное теплой вѣры и преданности волѣ Божіей безусловно, чтобъ находить отраду, напримѣръ, въ самой мысли: что̀ значитъ потеря зрѣнія тѣлеснаго, когда человѣку откроется зрѣніе духовное! Я не спорю, что это истина и что въ ней можно найдти отраду; но когда? Тогда, безъ сомнѣнія, когда человѣкъ внѣшній, тѣлесный преобразится въ человѣка внутренняго, духовнаго. Я еще далекъ отъ этого преображенія, да и не знаю буду ли когда-нибудь его достоинъ, и потому откровенно скажу вамъ, что мнѣ даже досадно

было читать ваше письмо.. Я хотѣлъ отъ васъ живаго участія, боялся даже, что слишкомъ васъ огорчилъ,... Я человѣкъ и потому хотѣлъ человѣческаго огорченія, ропота.... Я слѣпну, рвусь отъ тоски и гнѣва, прихожу въ отчаяніе иногда, и вы думали меня утѣшить, сказавъ, что слѣпота ничего не значитъ?"...

„Мы всѣ еще живемъ въ Москвѣ и даже не знаемъ, когда и куда уѣдемъ. Переѣздъ въ деревню, куда намѣревались перенесть нашу больную на рукахъ въ портшезѣ, кажется мнѣ самому несбыточнымъ. Въ тоже время родилось у насъ убѣжденіе (происшедшее отъ словъ одной ясновидящей, даже двухъ), что гомеопатія можетъ помочь нашей больной и что надобно ее испытать. Для этого нужно жить въ Москвѣ или на дачѣ, въ самомъ близкомъ отъ Москвы разстояніи. Дачь теперь уже нѣтъ свободныхъ, да и средствъ нѣтъ это исполнить; не говорю уже о томъ, что я не могу безъ горести подумать о раздѣленіи семейства, подобно прошлогоднему. Оставаться же на нѣкоторое время въ Москвѣ на теперешней квартирѣ невозможно по многимъ причинамъ: здѣсь лѣтомъ слишкомъ шумно и душно".

„Кирѣевскій отказался отъ „Москвитянина," такъ же по многимъ уважительнымъ причинамъ. Вопервыхъ, Кирѣевскій не созданъ отъ Бога, чтобъ быть издателемъ журнала. Это такой чудакъ въ дѣйствительной жизни, что, при всемъ своемъ умѣ, хуже всякаго дурака. Во вторыхъ, никакой порядочный человѣкъ не можетъ имѣть денежныхъ сношеній съ Погодинымъ. Въ третьихъ, отъ нелѣпаго образа занятій Кирѣевскій сдѣлался боленъ. Довольно этихъ трехъ причинъ. До сихъ поръ идутъ толки о выборѣ новаго редактора, но все это вздоръ. Дѣло кончится тѣмъ, что Погодинъ опять примется за изданіе журнала и начнетъ сколачивать его топоромъ, кое-какъ, или прекратитъ на 6-й книжкѣ. Какое торжество для всѣхъ враговъ нашихъ! Не останется уже мѣста, гдѣ бы могъ раздаться человѣческій голосъ. Это нанесетъ ударъ возникающему чувству національности. Но теперь наступаетъ лѣто, всѣ наши краснобаи разъѣдутся по деревнямъ, и здѣсь хоть трава не рости!

Ваше нездоровье, и душевное и тѣлесное, насъ сердечно огорчаетъ. Не знаю гдѣ найдетъ васъ это письмо, посылаемое съ однимъ изъ товарищей моего сына, Погуляевымъ. Мой Иванъ посылаетъ вамъ двѣ свои стихотворныя піесы. Напишите о нихъ правду. Не бойтесь оскорбить самолюбіе молодаго человѣка. Обнимаю васъ крѣпко. Семейство мое дѣлаетъ тоже. Разумѣется 9-го Мая мы выпили за ваше здоровье. Адресъ мой на имя Томашевскаго, въ почтамтѣ. Весь вашъ С. Аксаковъ."

Около этого времени извѣстная А. О. Смирнова (рожд. Россети), бывъ другомъ Гоголя, хотѣла познакомиться съ его Московскими друзьями. Гоголь писалъ

ей изъ Гомбурга отъ 5 Іюня: „Вы спрашиваете, какъ познакомиться съ старикомъ Аксаковымъ? Пріѣхавши въ Москву, пошлите прямо за нимъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ вамъ. Скажите, что это мое желаніе. Отыщите также старушку Шереметеву; скажите также, что я велѣлъ вамъ съ нею познакомиться. Навѣстите тоже Языкова. Онъ безъ ногъ, а потому къ вамъ не въ состояніи пріѣхать. Прочихъ всѣхъ можете увидѣть у Хомякова, который дастъ для всѣхъ вечеръ и на немъ покажетъ вамъ всѣхъ".—Тогда же Гоголь писалъ и Языкову: „Въ Москвѣ будетъ, вѣроятно, на дняхъ Александра Осиповна Смирнова. Ты долженъ съ ней познакомиться непремѣнно. Это же посовѣтуй Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову и даже Надеждѣ Николаевнѣ Шереметевой. Это перлъ всѣхъ Русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать, прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ-ли кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее". Въ томъ же письмѣ (Гомбургъ, отъ 5-го Іюня) Гоголь проситъ Языкова: „Аксакову и Шевыреву скажи, что напрасно они собираются писать отвѣтъ на письмо, на которое просилось одного только дружескаго *да*. Съ тѣхъ поръ прошло уже полгода, и молчанье принято, какъ слѣдуетъ, за совершенное согласіе; напоминаніе же о чемъ нибудь забытомъ будетъ мнѣ непріятно".

Вѣроятно черезъ Языкова, то есть, вложивъ въ его письмо свое, Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ Гоголю:

„Москва, Іюня 11" (1845 г.)

„Завтра, если Богъ допуститъ, мы съ Ольгой Семеновной и нашей несчастной страдалицей Оленькой отправимся въ деревню. Доктора возлагаютъ большую надежду на воздухъ и движеніе; но больная такъ слаба, такъ разстроена нервами, что я не смѣю вѣрить въ возможность переѣзда. Изъ Москвы по камнямъ перенесемъ ее на рукахъ, а за заставой положимъ въ карету.... Мрачно и страшно наше будущее; особенно потому, что не за себя одного боишься, а за многихъ"....

„Несмотря на то, что собственное горе, и еще болѣе, безпрестанное опасеніе за каждую минуту будущаго, ожесточаетъ сердце вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ или, лучше сказать, лишаетъ способности принимать живое и глубокое участіе въ положеніи друга и брата,—послѣднее письмо ваше къ Языкову, милый другъ Николай Васильевичъ, сильно меня поразило.... Дай Богъ, чтобъ оно было написано въ припадкѣ мрачной ипохондріи! Что можемъ мы дѣлать? Только молиться Богу, кто сколько можетъ и умѣетъ, о вашемъ выздоровленіи.... Меня сильно тревожитъ мое послѣднее къ вамъ письмо. Постоянно находясь въ огорчительномъ и раздражительномъ состояніи, я, вѣроятно, написалъ къ

вамъ что нибудь рѣзкое и, можетъ быть, огорчительное для васъ.... Я знаю, что вы меня туже минуту простили; но мнѣ очень прискорбно, если я и на минуту огорчилъ васъ. Въ нашемъ душевномъ союзѣ, съ первой минуты столь чистомъ и прекрасномъ, не долженствовало быть ни одной темной минуты".

„Уже давно сильно занимаетъ меня Смирнова. Все, что̀ свѣтъ говоритъ о ней съ злобнымъ наслажденіемъ, мнѣ хорошо извѣстно. Живя давно на свѣтѣ, я мало вѣрю его слѣпымъ приговорамъ. Ваши слова возбудили во мнѣ живѣйшее участіе. Я дорого бы далъ, чтобъ узнать лично эту женщину. Къ сожалѣнію, она въ Москву, какъ говорятъ, не будетъ, ибо наняла дачу подъ Петербургомъ; я пріѣхалъ бы изъ деревни, чтобъ съ ней познакомиться. Прощайте, милый другъ! Напишите мнѣ нѣсколько словъ черезъ Языкова. Обнимаю васъ крѣпко и надѣюсь на милость Божію. Всѣ мы васъ обнимаемъ. Вашъ С. Аксаковъ."

Гоголь не отвѣчалъ по болѣзни. Въ письмѣ его къ Языкову (отъ 25 Іюля) упоминается: „Поблагодари Аксаковыхъ. Отвѣчать же теперь совершенно не въ силахъ, а буду, какъ только сколько нибудь приду въ состояніе". Объ этомъ времени сохранилась выписка изъ письма Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской: „Получено письмо... по поводу Гоголя, который теперь въ такой хандрѣ и такъ боленъ, что не знаютъ что̀ съ нимъ дѣлать. Онъ въ перепискѣ съ Смирновой и пишетъ къ ней о своемъ положеніи; и здѣсь также получены отъ него письма такого же содержанія". Наконецъ, въ письмѣ къ Языкову-же, былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ Гоголя:

„Благодарю васъ, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, за ваши два письма. Они мнѣ были очень пріятны. Здоровье мое, кажется, какъ будто лучше отъ купанья въ холодной водѣ, но не могу и не смѣю еще предаться вполнѣ надеждѣ. Пишите въ Римъ, куда я отправляюсь. Отъ Языкова узнайте подробнѣе. Не имѣю ни минуты свободной. Обнимаю васъ всей душою, а съ вами вмѣстѣ и все ваше милое семейство. Весь вашъ Гоголь".

Эти строки всѣхъ обрадовали. Ольга Семеновна сама отвѣчала Гоголю; сдѣлалъ приписку и Сергѣй Тимоѳеевичъ. Вотъ это письмо:

„1845 г. Октября 9-го".

„Слава Богу! Мы получили извѣстіе отъ васъ, что вамъ хотя немного лучше, что вы ѣдете въ Римъ, а въ Римѣ вы всегда бывали здоровѣе и бодрѣе, нежели въ этой Германіи. Когда вы были въ Карлсбадѣ, я надѣялась, что вы рѣшитесь проѣхать въ Россію, что мы увидимъ

васъ.... уже тяжело становится не видать васъ 4-й годъ. Да внушитъ вамъ Господь мысль возвратиться скорѣе на родину, въ Россію, гдѣ много людей, которые любятъ васъ всею душею горячо, такъ, какъ вы никого не найдете въ Европѣ, чтобъ васъ такъ любили; вы это знаете сами. Мы переѣхали жить въ деревню, въ 14-ти верстахъ отъ Троицы—мѣсто святое, и Филаретъ устроилъ скитъ, куда не пускаютъ женщинъ; кто расположенъ молиться въ уединеніи, тотъ вполнѣ можетъ. Оленька наша менѣе теперь страдаетъ; но совершеннаго выздоровленія она, кажется, не можетъ получить; лѣкарства всѣ оставлены; одно чудесное и видимое милосердіе Божіе ее спасаетъ. Константинъ съ нами ожидаетъ, когда прочтутъ его диссертацію профессора. Гриша во Владимирѣ. Иванъ переѣхалъ въ Калугу, гдѣ нетерпѣливо ожидаетъ пріѣзда Александры Осиповны. Вотъ вамъ коротенькій отчетъ о семьѣ нашей, милый другъ Николай Васильевичъ. Ольга Аксакова."

PS. „Здравствуйте, милый другъ Николай Васильевичъ! Я получилъ вашу записочку черезъ Языкова, прочелъ также ваше письмецо къ нему и знаю, что вы писали къ Александрѣ Осиповнѣ, съ которой я, къ душевному моему удовольствію, познакомился заочно и даже переписываюсь. Мой Ваня служитъ въ Калугѣ и живетъ въ совершенномъ пустынномъ сиротствѣ. Александра Осиповна заранѣе предлагаетъ ему свой домъ, какъ родной, какъ *его собственный* (такъ она выражается). Я увижу эту необыкновенную женщину въ проѣздъ ея черезъ Москву и нетерпѣливо ожидаю этого свиданія. Мнѣ очень хочется сохранить ея образъ въ моей памяти въ числѣ немногихъ утѣшительныхъ воспоминаній, и я не хочу пропустить этого случая: ибо слѣпота моя приближается. Молю Бога, да подкрѣпитъ Онъ ваше здоровье. Въ глубинѣ души моей живетъ отрадное убѣжденіе въ полномъ вашемъ возстановленіи. Еще дѣло не сдѣлано, не кончено, и дѣлатель не долженъ погибнуть... Долгое и трудное поприще васъ ожидаетъ!.... Константинъ мой меня сокрушаетъ: онъ бездѣйствуетъ въ лютой хандрѣ (это между нами). Обнимаю васъ крѣпко и горячо: сердце мое еще молодо! Вашъ другъ Сергѣй Аксаковъ."

Отвѣтное письмо Гоголя еще болѣе обрадовало всѣхъ его выздоровленіемъ. Онъ писалъ:

„Римъ. Октября 29-го (1845).

„Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ Римѣ. Переѣздъ и дорога значительно помогли; мнѣ лучше. Климатъ Римскій подѣйствуетъ, если угодно Богу, также благосклонно, какъ и прежде, а потому вы обо мнѣ не смущайтесь и молитесь. Увѣдомьте объ этомъ также и маменьку мою. Я, хотя и написалъ письмо сей же часъ по пріѣздѣ въ Римъ къ ней первой, но вообще за письма мои къ

ней я сильно безпокоюсь. Двухъ или трехъ писемъ моихъ *сряду* она не получила. Два изъ этихъ писемъ были очень *нужны*. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почтѣ, пожалуй, еще можетъ одно письмо; но *сряду* писанное одно за другимъ—это странно. У маменьки есть неблагопріятели, которые уже не разъ ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мнѣ, зная, что этимъ болѣе всего можно огорчить ее. Подозрѣвать кого-бы то ни-было грѣшно, но все не худо бы объ этомъ развѣдать какимъ нибудь образомъ, дабы узнать, какъ руководствоваться впередъ. Послѣднія письма я даже не смѣлъ адресовать прямо на имя маменьки, но адресовалъ на имя одной ея знакомой С. В. К**. Письмо однакоже изъ Рима было послано на ея собственное имя. Оно отдано мною здѣсь на почту 25 Октября здѣшняго штиля. Объ этомъ прошу васъ, другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ, увѣдомить маменьку немедленно или поручить кому нибудь изъ вашихъ, кто съ ней въ перепискѣ".

„О себѣ, относительно здоровья, скажу вамъ, что холодное лѣченіе мнѣ помогло и заставило меня, наконецъ, увѣриться лучше всѣхъ докторовъ въ томъ, что главное дѣло въ моей болѣзни были нервы, которые, будучи приведены въ совершенное разстройство, обманули самихъ докторовъ и привели было меня въ самое опасное положеніе, заставившее не въ шутку опасаться за самую жизнь мою. Но Богъ спасъ. Послѣ Грейфенберга, я съѣздилъ въ Берлинъ нарочно съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Шёнлейномъ, съ которымъ прежде не удалось посовѣтоваться и который особенно талантливъ въ опредѣленіи болѣзни. Шёнлейнъ утвердилъ меня еще болѣе въ семъ мнѣніи, но дивился докторамъ, пославшимъ меня въ Карлсбадъ и Гастейнъ. По его мнѣнію, сильнѣй всего у меня поражены были нервы въ желудочной области, такъ называемой системѣ nervoso fasciculoso, одобрилъ поѣздку въ Римъ, предписалъ вытираніе мокрой простыней всего тѣла по утрамъ, всякій вечеръ пилюли, двѣ какія-то гомеопатическія капли поутру, а съ началомъ лѣта и даже весною—ѣхать непремѣнно на море, преимущественно сѣверное, и пробыть тамъ, купаясь и двигаясь на морскомъ воздухѣ, сколько возможно болѣе времени, ни въ какомъ случаѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, обнимая какъ васъ, такъ и ваше милое семейство, остаюсь вашъ Гоголь. Адресуйте письма такъ: Via dee la Croce № 81, 3 piano".

По усилившейся болѣзни глазъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ уже не могъ писать, а продиктовалъ отвѣтъ Гоголю; длинное письмо лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ писано имъ собственноручно. Вотъ оно:

„1845 г. 22 Ноября. Радонежскъ".

„Какъ вы обрадовали меня, милый другъ Николай Васильевичъ, письмецомъ своимъ изъ Рима отъ 29 Октября (вѣроятно новаго стиля)!

Хотя я питалъ въ душѣ моей теплую вѣру и надежду, что милосердный Богъ подкрѣпитъ ваши силы и проявитъ на васъ вновь Свою великую милость: ибо еще не свершенъ вашъ подвигъ, не окончено дѣло; хотя я ободрялъ этими словами и свою семью, горевавшую о вашемъ болѣзненномъ состояніи, и даже написалъ ихъ въ письмѣ къ Александрѣ Осиповнѣ, которая, въ тревогѣ о вашемъ тяжеломъ положеніи, вошла со мною въ переписку: но не безъ страха и внутренняго волненія! Будемъ молиться Богу, чтобъ Онъ вполнѣ возстановилъ ваши тѣлесныя и душевныя силы. Мы уже знали черезъ Надежду Николаевну, что ваша маменька получила отъ васъ письмо черезъ постороннія руки, изъ котораго узнала, что прежнія ваши письма пропали. Сообразивъ прежнія обстоятельства, кажется, что пропажа ихъ исходитъ изъ того же источника, изъ котораго выходили разныя вѣсти о васъ, много причинившія вашей маменькѣ горя. По моему, это гнуснѣйшее злодѣйство; я глубоко возмущенъ имъ и, признаюсь, желаю, чтобъ эти добрые люди получили достойную награду. Третьяго дня моя Вѣра писала къ вашей сестрицѣ обо всемъ томъ, о чемъ вы желали извѣстить ихъ".

„Мы живемъ въ деревнѣ тихо, мирно и уединенно; даже не предвидимъ, чтобы могла зайти къ намъ скука. Болѣзненное состояніе нашей Оленьки продолжается, иногда нѣсколько легче, иногда тяжелѣе; не смѣемъ надѣяться исцѣленія, но и за настоящее ея положеніе благодаримъ Бога. Я ничего не вижу лѣвымъ своимъ глазомъ, да и правымъ вижу нехорошо; но счелъ бы за великое благополучіе, если-бы могъ сохранить этотъ остатокъ зрѣнія во всю остальную мою жизнь. По первому зимнему пути, уступая желанію моего семейства, хочу съѣздить въ Петербургъ для свиданія съ глазнымъ докторомъ Кабатомъ, хотя крѣпко не хочется ѣхать. Ольга Семеновна моя часто прихварываетъ: теперь и у ней болитъ глазъ; прочіе всѣ здоровы. Константинъ живетъ еще съ нами; на дняхъ будетъ возвращена изъ факультета его диссертація, которую профессора читали 8 мѣсяцевъ. На слѣдующей недѣлѣ онъ переѣдетъ жить въ Москву, чтобы печатать и потомъ защищать на диспутѣ свой пятилѣтній трудъ; если онъ не будетъ совершенно искаженъ цензурой факультета и попечителя, то Москва услышитъ на диспутѣ много новаго и . . мы испытаемъ много волненія и заочнаго безпокойства: ибо не поѣдемъ въ Москву на это время.— Съ однимъ изъ товарищей моихъ меньшихъ сыновей, Погуляевымъ, мы послали вамъ двѣ стихотворныя піесы («Чиновникъ» и «Зимняя Дорога») моего Ивана, свертокъ оставленъ у Жуковскаго; когда ваше здоровье возстановится совершенно, то вытребуйте его и напишите мнѣ голую правду".

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ началась у меня переписка съ Александрой Осиповной. Разумѣется, предметомъ содержанія нашихъ

писемъ были вы; съ первой строки она умѣла возстановить между собой и мной искреннюю короткость. Въ началѣ Ноября, она пріѣхала въ Москву, проѣзжая въ Калугу; меня извѣстили, и я ѣздилъ туда для свиданія съ ней; мы провели цѣлый вечеръ въ самыхъ дружескихъ и откровенныхъ разговорахъ большею частью о васъ. Она намѣревалась ѣхать къ Троицѣ и хотѣла непремѣнно заѣхать къ намъ, въ деревню; но совершенное бездорожіе помѣшало ей исполнить свое намѣреніе. Я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она пишетъ, что непремѣнно будетъ у насъ зимой или весной; я нетерпѣливо хочу увидѣться съ ней въ другой разъ: одного свиданія слишкомъ недостаточно. Первое мое впечатлѣніе не во всемъ согласно съ тѣми понятіями, которыя я составилъ себѣ объ этой необыкновенной женщинѣ: многія черты не похожи на тѣ, которыя я придалъ заочно ея образу. Все это мнѣ надобно согласить. Она захотѣла видѣть Константина, и онъ былъ у ней въ Русскомъ платьѣ и бородѣ (на дняхъ одно скидается, а другая сбривается); она съ перваго слова напала и на платье, и на образъ его мыслей. Константинъ твердо стоялъ и за то, и за другое. По пріѣздѣ въ Калугу, она также просто и коротко обошлась съ моимъ Иваномъ (нападая на его мысли, общія съ братомъ), который, будучи также неуступчивъ, сильно ей противорѣчилъ. Одно можно положительно замѣтить, что человѣческія убѣжденія, хотя бы совершенно ложныя, но тѣмъ не менѣе задушевныя и серьезныя, никогда не уступаютъ самому шутливому нападенію, а даже оскорбляются имъ. Она такъ умна, что безъ сомнѣнія не думала перевоспитать этихъ молодыхъ людей, въ первые полчаса перваго своего въ жизни съ ними свиданія. Я увѣренъ, что она въ иное время бываетъ иною и что даже не безъ намѣренія показалась тою, которою является по необходимости въ этомъ душегубномъ омутѣ, называемомъ высшимъ кругомъ. Тихое прикосновеніе стали, даже и къ острому кремню, не извлекаетъ искръ; а ничтожныя нападенія и пустая свѣтская рѣчь, тамъ гдѣ ея не ожидали, извлекла нѣсколько огненныхъ искръ, ярко освѣтившихъ всю внутреннюю сторону моихъ юношей... Не могу долго писать: все зарябитъ въ послѣднемъ глазу моемъ; а диктовать не умѣю. Я очень давно не видалъ ни Погодина ни Шевырева, даже съ Языковымъ не видался въ послѣдній пріѣздъ въ Москву и потому ничего не могу вамъ сообщить о нихъ; знаю только, что нѣтъ въ Москвѣ, между всѣми нашими съ вами общими знакомыми, и двухъ человѣкъ согласныхъ между собою; а потому никакое литературное дѣло не можетъ имѣть успѣха. Погодинъ печатаетъ чертъ знаетъ что̀ въ «Москвитянинѣ»... ну, да лучше не говорить о немъ. Лучше разскажу вамъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Отъ утренняго чая до завтрака и потомъ до поздняго обѣда всѣ мы заняты своими

дѣлами: играютъ, рисуютъ, читаютъ; Константинъ что нибудь пишетъ, а я диктую. Я затѣялъ написать книжку объ уженьѣ не только въ техническомъ отношеніи, но въ отношеніи къ природѣ вообще; страстный рыбакъ у меня также страстно любитъ и красоты природы; однимъ словомъ, я полюбилъ свою работу и надѣюсь, что эта книжка не только будетъ пріятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлѣніямъ ранняго утра, поздняго вечера, роскошнаго полдня и пр. Тутъ займетъ свою часть чудесная природа Оренбургскаго края, какою я зазналъ ее назадъ тому 45 лѣтъ. Это занятіе оживило и освѣжило меня. Послѣ обѣда мы уже не расходимся по своимъ угламъ вмѣстѣ; весь вечеръ продолжается уже общее чтеніе. Каждый вечеръ мы читаемъ что нибудь ваше по порядку выхода. Вчера кончили все; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ станемъ опять читать. Собирайте, укрѣпляйте ваши силы; да подѣйствуетъ на васъ благодатно и плодотворно воздухъ вѣчнаго Рима. Пишите къ намъ, когда вамъ захочется: мы будемъ дѣлать тоже. Крѣпко обнимаю васъ. Вашъ на всю жизнь С. Аксаковъ. Оставилъ было мѣстечко, чтобъ жена приписала къ вамъ, милый другъ; но глазъ у нея такъ разболѣлся, что она писать не можетъ. Прощайте; усердно молимъ Бога, чтобъ Онъ возстановилъ совершенно ваше здоровье. Еще разъ васъ обнимаю. Всѣ мои васъ обнимаютъ и вамъ кланяются.“

Въ поясненіе строкъ «пропажа писемъ происходитъ изъ того же источника, изъ котораго выходили разныя вѣсти о васъ, много причинившія вашей маменькѣ горя» и словъ самого Гоголя «у маменьки есть неблагопріятели, которые уже не разъ ее смущали какими нибудь глупыми слухами обо мнѣ, зная, что этимъ болѣе всего можно огорчить ее»,—нельзя не привести слѣдующаго мѣста изъ письма Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской. «Малороссы вообще, особенно въ Миргородѣ, терпѣть не могутъ Гоголя за то, что онъ ихъ вывелъ въ смѣшномъ видѣ, и говорятъ, что «Мертвыя Души» написаны на нихъ-же; всегда выдумываютъ на него всевозможныя сказки, такъ что бѣдную мать часто мучатъ. Она сама намъ разсказывала. Вообрази, что одинъ разъ одинъ изъ нихъ имѣлъ прежде дѣло съ отцемъ Гоголя и потомъ мстилъ матери, и какъ онъ мстилъ! Она какъ-то долго не получала писемъ отъ сына изъ чужихъ краевъ. Этотъ господинъ написалъ ей, что сынъ ея сошелъ съ ума, или что-то такое. Хорошо, что она прочла это письмо послѣ того, какъ получила письмо отъ сына».

Пропажа писемъ къ матери не переставала безпокоить Гоголя, что̀ видно еще и изъ слѣдующаго письма его къ Сергѣю Тимоѳеевичу, отъ 25 Ноября 1845 года:

„Письмо Шевырева меня огорчило. Онъ заговорилъ вновь о томъ, о чемъ я просилъ, какъ о дѣлѣ конченномъ, никогда не говорить мнѣ. Вы меня все таки больше знаете; вы утвердили обо мнѣ свое мнѣніе не изъ дѣлъ моихъ и поступковъ, а благородно вѣрили мнѣ въ душѣ своей, почувствовавши той же душой, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а дѣйствовать иначе; словомъ—вы меня все-таки больше знаете, а потому объясните Шевыреву, что все то, что̀ я уже положилъ и опредѣлилъ въ душѣ своей и произношу твердо, то уже не перемѣняется мною. Это не упрямство, но то рѣшеніе, которое дѣлается у меня вслѣдствіе многихъ обдумываній. Если жъ онъ найдетъ исполненіе моей просьбы несообразнымъ съ своимъ правиломъ, то пусть передастъ все въ однѣ ваши руки; а васъ прошу тогда выполнить, какъ святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительностью: Богъ вамъ поможетъ. Помните только то, что деньги не для бѣдныхъ студентовъ, но для бѣдныхъ слишкомъ хорошо учащихся студентовъ, для талантовъ. Имя дающаго должно быть навсегда скрыто, потому что у талантовъ чувствительнѣе и нѣжнѣе природа, чѣмъ у другихъ людей. Многое можетъ оскорбить „ихъ", хотя и некажущееся другимъ оскорбительнымъ. Когда же дающій скрылъ свое имя—даръ его примется твердо и смѣло, благословится въ глубинѣ благодарной души его неизвѣстное имя: ибо тотъ, кто скрылъ свое имя, вѣрно не попрекнетъ никогда своимъ благодѣяніемъ и не напомнитъ о немъ. Не заботьтесь о томъ, что книга идетъ тупо, не хлопочите о ея распространеніи и берегите только экземпляры. Она пойдетъ потомъ вдругъ. Деньги тоже пока ненужны: таланты рѣдки, и не скоро одинъ послѣ другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копѣйка не издерживалась на что-нибудь другое, а собиралась-бы и хранилась бы какъ святая. Обѣтъ этотъ данъ Богу. Объясните также Шевыреву, сколько я вамъ остался долженъ. Не бойтесь: я вамъ не заплачу этихъ денегъ, потому что я взялъ у васъ такимъ образомъ, какъ бы взялъ изъ моего собственнаго кармана. Но Шевыреву нужно объявить: онъ кажется подозрѣваетъ, что я вамъ долженъ гораздо больше.—Хотѣлъ было попенять на васъ за то, что пишете весьма мало о Константинѣ Сергѣевичѣ, но вижу въ тоже время, что это болѣе слѣдуетъ сдѣлать ему, нежели вамъ; до меня доходятъ только временами *слухи,* которые, какъ извѣстно, даже и тогда бываютъ нелѣпы, когда бываютъ основательны. Передайте ему это маленькое письмецо и пришлите мнѣ что-нибудь Ивана Сергѣевича. Мнѣ хвалили очень его „Зимнюю Дорогу". Пришлите ее и все то, что̀ ни было имъ написано въ послѣднее время. Прилагаю вновь письмо къ маменькѣ и вновь прошу васъ переслать къ ней. Я все-еще боюсь пропажи писемъ. Здоровье мое хотя и

стало лучше, но все-еще какъ-то не хочетъ совершенно установиться. Чувствую слабость и, что̀ всего непонятнѣе, до такой степени зябкость, что не имѣю времени сидѣть въ комнатѣ: долженъ ежеминутно бѣгать, согрѣваться. Едва же согрѣюсь и приду, какъ въ мигъ остываю, хотя комната и тепла, и долженъ вновь бѣгать, согрѣваться. Въ такой бѣготнѣ проходитъ почти весь день, такъ что не имѣется времени даже написать письма̀, не только чего другого. Но о недугахъ не стоитъ, да и грѣхъ говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и всѣ, кто ни молились обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтръ моему дѣлу и труду. Затѣмъ прощайте, обнимаю васъ. Адресъ мой: Via dee la Croce. № 81, 3 piano".

Наступившій 1846-й годъ не оправдалъ надеждъ на выздоровленіе Гоголя. За этотъ годъ сохранились только два его письма къ Сергѣю Тимоѳеевичу.

„Римъ. 23 Марта 1846".

„Письмо ваше отъ 23 Января я получилъ. Благодарю васъ много за присылку стиховъ Ивана Сергѣевича. Въ нихъ много таланта, особенно въ первомъ, т. е. въ стихахъ, начинающихся такъ:

„Среди удобныхъ и лѣнивыхъ,
Упорно медленныхъ работъ"...

„Я удивляюсь только, почему они лучше послѣднихъ, тогда какъ бы слѣдовало быть послѣднимъ лучше первыхъ: человѣкъ долженъ идти впередъ. Прежнихъ стиховъ, вами посланныхъ къ Жуковскому, я не получалъ. Жуковскій не упоминаетъ даже ни слова въ письмахъ своихъ, была ли какая-нибудь къ нему посылка на мое имя. Я послалъ, однакожъ, къ нему запросъ, на который доселѣ еще нѣтъ отвѣта. Благодарю также Ольгу Семеновну за сообщеніе прекрасной проповѣди Филарета, которую я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ.— На счетъ недуговъ нашихъ скажу вамъ только то, что, видно, они нужны и намъ всѣмъ необходимы. А потому, какъ ни тяжко переносить ихъ, но, скрѣпя сердце, возблагодаримъ за нихъ впередъ Бога. Никогда такъ трудно не приходилось мнѣ, какъ теперь; никогда такъ болѣзненно не было еще мое тѣло. Но Богъ милостивъ и даетъ мнѣ силу переносить, даетъ силу отгонять отъ души хандру, даетъ минуты, за которыя не знаю и не нахожу словъ, какъ благодарить. Итакъ все нужно терпѣть, все переносить и всякую минуту повторять: Да будетъ и да совершится Его святая воля надъ нами!"

„Покамѣстъ прощайте до слѣдующаго письма. Зябкость и усталость мѣшаютъ мнѣ продолжать, хотя и желалъ бы вамъ писать болѣе. Доселѣ изо всѣхъ средствъ, болѣе мнѣ помогавшихъ, была ѣзда и дорожная

тряска; а потому весь этотъ годъ обрекаю себя на скитаніе, считая это необходимымъ и, видно, законнымъ опредѣленіемъ свыше. Лѣтомъ полагаю объѣздить мѣста, въ которыхъ не былъ въ Европѣ сѣверной, на осень въ южную, на зиму въ Палестину, а весной, если будетъ на то воля Божія, въ Москву; а потому слѣдующія письма адрессуйте къ Жуковскому. А всѣхъ вообще просите молиться обо мнѣ, да путешествіе мое будетъ мнѣ во спасеніе душевное и тѣлесное и да успѣю, хотя во время его, хотя въ дорогѣ, совершить тотъ трудъ, который лежитъ на душѣ. Пусть Ольга Семеновна объ этомъ помолится и всѣ тѣ, которые любятъ молиться и находятъ усладу въ молитвахъ... Прощайте, другъ мой. Обнимаю всѣхъ васъ. Н. Гоголь".

Другое письмо Гоголя свидѣтельствуетъ о долгомъ молчаніи Сергѣя Тимоѳеевича и относится уже къ поздней осени (въ Неаполь, куда онъ проситъ адресовать отвѣтъ, онъ попалъ только около 19 Ноября 1846 г.).

„Чтò вы, добрый мой, замолчали, и никто изъ васъ не напишетъ о себѣ ни словечка? Я, однакожъ, знаю почти все, чтò съ вами ни дѣлается: чего не дослышалъ слухомъ, то дослышала душа. Принимайте покорно все, чтò ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, Который насъ создалъ и знаетъ лучше, чтò намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро. Не вслѣдствіе какой-либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ; и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы я, чтобы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣвалъ умъ помочь. Ради самого Христа, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ!... Адресуйте мнѣ въ Неаполь. Раньше Генваря послѣднихъ чиселъ я не думаю подняться. Вашъ Г."

Сергѣй Тимоѳеевичъ захворалъ этотъ годъ мучительнымъ недугомъ; не это, впрочемъ, было причиною продолжительнаго молчанія его. Вотъ выписки за это время изъ писемъ Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской." *Отъ 7 Апрѣля*: Недавно пересылала намъ А. О. Смирнова письмо отъ Гоголя; онъ пишетъ, что проведетъ все лѣто въ дорогѣ, путешествіе ему необходимо; что поѣдетъ въ Турцію, въ Іерусалимъ; что онъ теперь, не смотря на свои физическія страданія, испытываетъ чудныя минуты; что самыя страданія необходимы для его труда; по всему видно, что трудъ его почти оконченъ; онъ проситъ всѣхъ молиться за него. *Отъ 29 Іюня*: Въ 88-мъ нумерѣ Московской Газеты напечатана статья Гоголя по случаю перевода Жуковскимъ Одиссеи. Можетъ быть, Гоголь и ошибается на счетъ достоинства перевода, и даже на счетъ того впеча-

тлѣнія, которое произведетъ Одиссея, но статья не менѣе замѣчательна. *Отъ 26 Сентября*: Я тебѣ еще не писала, что на дняхъ должно выдти новое сочиненіе Гоголя, содержаніе котораго неизвѣстно. Оно печатается подъ величайшимъ секретомъ въ Петербургѣ по его порученію; ждемъ нетерпѣливо. Что̀ оно можетъ заключать? У насъ прошли слухи, что будто это отрывки изъ его переписки съ друзьями, что будто онъ сжегъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ" и такъ далѣе; слухи, по которымъ должно заключить, что онъ не совсѣмъ въ здравомъ умѣ, покрайней мѣрѣ, принялъ слишкомъ одностороннее направленіе. *Отъ 3 Декабря*: Гоголь или боленъ, или потерялъ здравый разсудокъ, живя такъ долго одинъ въ земляхъ чужихъ. Можетъ быть, даже и вліяніе, ему самому незамѣтное, католицизма!. Все это даетъ странный характеръ его религіозному направленію, которое овладѣло имъ до такой степени, что художникъ исчезаетъ. Не смотря на наши собственныя невеселыя обстоятельства, это насъ сильно огорчаетъ. Отецъ такъ волновался и огорчался, что мы не допускали даже разговоровъ о Гоголѣ. Не смотря на всѣ наши убѣжденія, отецъ, хотя не вдругъ, продиктовалъ письмо къ Гоголю, вполнѣ откровенное. Гоголь прислалъ къ 4 и 5-му изданію „Ревизора" *Предувѣдомленіе*, которое состоитъ въ слѣдующемъ. Гоголь назначаетъ деньги, вырученныя за „Ревизора", въ пользу бѣдныхъ, особенно мелкихъ чиновниковъ. Онъ проситъ всѣхъ читателей разузнавать о бѣдныхъ и сообщать объ нихъ свѣдѣнія лицамъ, избраннымъ имъ на это дѣло, и сообщать не только письменно, но и лично. Лица же эти обязаны разузнавать о причинахъ бѣдности и давать наставленія, и даже прибѣгать къ помощи священниковъ. Лица же эти почти всѣ наши знакомыя: именно Елагина, Свербеева и—я! Нѣсколько и мужчинъ. Въ своемъ предисловіи къ книгѣ, которая должна выдти въ Петербургѣ, онъ объясняетъ, что у него не остается манускриптовъ, что онъ сжегъ всѣ свои бумаги и т. д. *Отъ 27 Декабря*: Объ Гоголѣ слухи все не лучше. Говорятъ, онъ еще хочетъ издать книгу о Русскомъ духовенствѣ, не знаю, правда ли? Отецъ писалъ письмо къ Плетневу съ тѣмъ, чтобъ остановить печатаніе всѣхъ этихъ странностей, но Плетневъ не согласенъ: намъ порукой Жуковскій, который одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя. Отецъ письма своего къ Гоголю никому почти не показывалъ, для того, чтобы Гоголь не обидѣлся. Что-то онъ будетъ отвѣчать! Мы мало имѣемъ надежды на успѣхъ, то есть, чтобъ онъ взглянулъ здравыми глазами на всѣ свои дѣйствія. Говорятъ даже, будто онъ цѣлые дни проводитъ съ монахами."

Къ этимъ строкамъ можно прибавить еще выписки изъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича къ Ивану Сергѣевичу въ Калугу. *Отъ 26 Августа. 1847 г.*: Мы получили вѣрное и сек-

ретное извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ печатается цѣлая книга, присланная отъ Гоголя: *Отрывки изъ писемъ или переписка съ друзьями*, названія хорошенько не помню... Между прочимъ Гоголь признаетъ совершенную ничтожность всего имъ написаннаго и говоритъ, что изорвалъ продолженіе „*Мертвыхъ Душъ*"; объявляетъ, что ѣдетъ въ Іерусалимъ и дѣлаетъ какое-то завѣщаніе Россіи. Увы, исполняется мое давнишнее опасеніе: религіозная восторженность убила великаго художника и даже сдѣлала его сумасшедшимъ. Это истинное несчастіе, истинное горе. *Отъ послѣднихъ чиселъ Ноября*: Я написалъ и послалъ сильный протестъ къ Плетневу, чтобы не выпускалъ въ свѣтъ новой книги Гоголя, которая состоитъ изъ отрывковъ писемъ его къ друзьямъ и въ которой точно есть завѣщаніе къ цѣлой Россіи, гдѣ Гоголь проситъ, чтобъ она не ставила надъ нимъ никакого памятника и увѣдомляетъ, что онъ сжегъ всѣ свои бумаги. Я требую также, чтобы не печатать *Предувѣдомленія* къ пятому изданію „Ревизора": ибо все это съ начала до конца чушь, дичь и нелѣпость, и если будетъ обнародовано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи. Тоже самое объявилъ я Шевыреву. Не обязывая ихъ къ полному согласію со мною, я убѣждаю ихъ написать Гоголю съ совершенной откровенностью, что̀ они думаютъ. Самъ я началъ диктовать большое письмо къ Гоголю, гдѣ я высказываю ему безпощадную правду. Очень жаль, что диктовка этого письма, сильно меня волнуя, увеличиваетъ мои страда́нія, что̀ и заставляетъ диктовать понемногу: оно потеряетъ свою цѣльность и энергію. Если Гоголь не послушаетъ насъ, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву отказаться отъ исполненія его порученія. Пусть онъ находитъ себѣ другихъ палачей. *Отъ 3 Декабря*: Я увѣдомилъ тебя, что писалъ Плетневу; вчера получилъ отъ него неудовлетворительный отвѣтъ. Письмо къ Гоголю лежало тяжелымъ камнемъ на моемъ сердцѣ; наконецъ, въ нѣсколько пріемовъ я написалъ его. Я довольно пострадалъ за то, но согласился бы вытерпѣть вдесятеро болѣе мученія, только бы оно было полезно, въ чемъ я сомнѣваюсь. Болѣзнь укоренилась, и лѣкарство будетъ не дѣйствительно или даже вредно; нужды нѣтъ, я исполнилъ свой долгъ, какъ другъ, какъ Русскій и какъ человѣкъ."

Объ этомъ самомъ времени и по этому поводу есть еще особый разсказъ Сергѣя Тимоѳеевича, составляющій выдержку изъ его воспоминаній, отданныхъ имъ въ распоряженіе г. Кулиша. (См. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II. стр. 95. изд. 1856-го г.). Вотъ онъ:

„Въ концѣ 1846 года, во время жестокой моей болѣзни, дошли до меня слухи, что въ Петербургѣ печатается „Переписка съ Друзьями"; мнѣ даже сообщили по нѣскольку строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я

пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени. На это письмо я получилъ отъ Гоголя отвѣтъ уже въ 1847-мъ году. Изъ этого отвѣта видно, что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отмѣненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ изданіемъ „Ревизора съ Развязкой". На нихъ я нападалъ всего болѣе, но объ этомъ говорить еще рано. Между тѣмъ мнѣ прочли кое-какъ два раза его книгу (я былъ еще боленъ и ужасно страдалъ). Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія и продиктовалъ къ Гоголю другое небольшое, но жестокое письмо. Въ это время Д. Н. Свербеевъ, въ письмѣ ко мнѣ, сдѣлалъ нѣсколько очень справедливыхъ замѣчаній. Я послалъ и его письмо вмѣстѣ съ своимъ къ Гоголю".

После всего вышеизложеннаго остается привести самыя письма къ Гоголю. Вотъ первое, продиктованное Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ:

„9 Декабря 1846 г".

„Давно, очень давно надобно было писать къ вамъ. Давно душа моя рвалась излиться въ вашу душу; но съ Февраля прошедшаго года я жестоко страдаю и только лѣтомъ имѣю отдыхъ, какъ будто для того, чтобъ собраться съ силами; съ 1-го же Октября по настоящее число Декабря я страдаю постоянно. Но главное препятствіе состояло не въ этомъ: при всякомъ ослабленіи болѣзни, я думаю и думалъ объ васъ, и часто говорю мысленно съ вами; и такъ стоило только эти мысли положить на бумагу, и это-то меня до сихъ поръ останавливало. Я хочу говорить съ вами такъ глубоко-откровенно, что только мой голосъ или моя рука имѣетъ право произнести или написать такія рѣчи; а я съ трудомъ могу подписать мое имя! Необходимость заставила меня употребить Константина, такого человѣка, который любитъ васъ и преданъ вамъ безпредѣльно. Кажется, вы не должны оскорбиться этимъ".

„Уже давно начало не нравиться мнѣ ваше религіозное направленіе. Не потому, что я, будучи плохимъ христіаниномъ, плохо понималъ его и оттого боялся; но потому, что проявленіе христіанскаго смиренія казалось мнѣ проявленіемъ духовной гордости вашей. Многія мѣста въ вашихъ письмахъ ко мнѣ меня смущали; но они были окружены такимъ блескомъ поэзіи, такою искренностью чувства, что я не смѣлъ предаться, не смѣлъ повѣрить моему внутреннему голосу, ихъ охуждавшему, и старался перетолковать свое непріятное впечатлѣніе въ благопріятную для васъ сторону. Я бывалъ даже увлеченъ, ослѣпленъ вами и помню, что одинъ разъ написалъ къ вамъ горячее письмо, истинно скорбя о томъ, что я самъ, какъ христіанинъ, неизмѣримо далекъ отъ того, чѣмъ бы я могъ быть".

„Между тѣмъ ваше новое направленіе развивалось и росло. Опасенія мои возобновились съ бо̀льшей силой: каждое ваше письмо подтверждало ихъ. Вмѣсто прежнихъ, дружескихъ, теплыхъ изліяній, начали появляться наставленія проповѣдника, таинственныя, иногда пророческія, всегда холодныя и, что̀ всего хуже, полныя гордыни въ рубищѣ смиренія. Я могъ бы доказать слова мои многими выписками изъ вашихъ писемъ, но считаю это излишнимъ и слишкомъ тягостнымъ для себя трудомъ. Вскорѣ прислали вы намъ при самомъ загадочномъ письмѣ душеспасительное житіе Ѳомы Кемпійскаго съ подробнымъ рецептомъ: какъ, когда и по скольку употреблять его, обѣщая намъ несомнѣнный переворотъ въ духовной жизни нашей... Опасенія мои превратились въ страхъ, и я написалъ вамъ довольно рѣзкое и откровенное письмо. Въ это время меня начинала постигать ужасная бѣда: я терялъ безвозвратно зрѣніе въ одномъ глазу и начиналъ чувствовать ослабленіе его въ другомъ. Отчаяніе овладѣвало мною. Я излилъ скорбь мою въ вашу душу и получилъ въ отвѣтъ нѣсколько сухихъ и холодныхъ строкъ, способныхъ не умилить, не усладить страждущее сердце друга, а возмутить его. Послѣ того вы были долго больны сами, и вскорѣ послѣ вашего медленнаго выздоровленія начались мои мучительныя страданія, и теперь продолжающіяся. Немного было предметовъ, возбуждавшихъ мое душевное участіе; но вы были изъ первыхъ. Тѣлесное здоровье ваше, какъ видно, поправилось и дѣятельность возобновилась; но какая дѣятельность? Каждое ваше дѣйствіе было для меня новымъ ударомъ и одинъ другого сильнѣйшимъ. Статья ваша, напечатанная въ Моск. Вѣд. о переводѣ Одиссеи, заключая въ себѣ много прекраснаго, въ тоже время показывала вашъ непростительно-ошибочный взглядъ на то дѣйствіе, какое вы ему предсказываете съ самоувѣренностью, догматически. Похвалы ваши переводу превзошли не только мѣру, но и самую возможность достоинства такого труда. Одни видѣли въ этомъ поэтическое увлеченіе, другіе—пристрастіе дружбы; но я зналъ васъ хорошо: ясность и глубина взгляда и вѣрность суда, даже въ предметахъ, мало вамъ извѣстныхъ, были отличительными вашими качествами, и я, посреди похвалъ и восклицаній вашихъ друзей и почитателей, горестно молчалъ и тоскуя думалъ о будущемъ. Предисловіе ваше ко 2-му изданію „Мертвыхъ Душъ" поразило меня глубже, и когда Шевыревъ читалъ мнѣ его, то мои стенанія отъ физическихъ мученій замѣнились стенаніями душевными, и я тогда же предлагалъ не печатать вашего объясненія съ читателями. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ заключеніе, которое выведетъ изъ него здравый толкъ простаго Русскаго человѣка: *„Кой чортъ, скажетъ онъ, сочинитель самъ признается, что плохо знаетъ Русь и для того, чтобы избѣжать промаховъ во 2-мъ*

томъ своего сочиненія, почти пять лѣтъ живетъ за границей, да видно и еще хочетъ тамъ оставаться, потому что проситъ насъ замѣчать его промахи, описывать нравы наши, обычаи и вообще весь Русскій бытъ, и все это пересылать къ нему черезъ Петерб. и Московскихъ корреспондентовъ! Онъ видно хочетъ, живя на чужбинѣ и съ каждымъ днемъ забывая то, что зналъ о святой Руси, чужими руками жаръ загребать." Нужно ли говорить, что̀ скажутъ тѣ люди, которые понимаютъ, какъ ложна мысль, будто изъ мертвыхъ описаній житейскихъ фактовъ и анекдотовъ можетъ постигаться жизнь и духъ обширнѣйшей, разнообразнѣйшей страны и великаго народа, въ ней живущаго. Вслѣдъ за этимъ разнеслись темные слухи, что въ Петербургѣ печатается цѣлая книга вашихъ сочиненій, въ которой помѣщена ваша переписка съ друзьями, состоящая изъ проповѣдей и пророчествъ, ваше признанье, что все написанное вами до сихъ поръ ничтожно и недостойно вниманія, ваше извѣщеніе, что вы сожгли продолженіе „Мертвыхъ Душъ", и что вы отправляетесь въ Іерусалимъ и, наконецъ, ваше завѣщаніе, чтобъ не ставили никакого памятника на вашей могилѣ. Не зная до какой степени справедливы эти слухи, тѣмъ не менѣе, уже не я одинъ, но многіе изъ тѣхъ, для коихъ драгоцѣнны вы и вашъ великій талантъ, пришли въ неописанный ужасъ. Враги ваши торжествовали, и уже Брамбеусъ торжественно и печатно объявилъ, что новый Гомеръ впалъ въ мистицизмъ. Вскорѣ получили мы доказательства, послѣ которыхъ, по моему мнѣнію, должно было всему повѣрить: мы получили для напечатанія *Предувѣдомленіе* къ 4-му изданію „Ревизора" въ пользу бѣдныхъ и новую развязку. Другъ мой, гдѣ же то христіанское смиреніе, которое велитъ дѣлать добро такъ, чтобъ шуйца не вѣдала, что̀ творитъ десница? Вы всенародно, въ услышаніе всей Россіи, устраиваете свое благотворительное общество, назначаете поименно членовъ онаго и съ подробностью предписываете имъ образъ ихъ дѣйствій, невозможный въ исполненіи, несообразный ни съ чѣмъ до послѣдней крайности. Какъ вы могли подумать, что лица, назначаемыя вами, особенно женщины, могли быть такъ неразборчивы, такъ нескромны, что согласились бы принять публичныя обязанности благотворенія, вами на нихъ возлагаемыя?.... Разумѣется, никто не согласится, и ваше Предувѣдомленіе уничтожается само собою. Но гдѣ же вашъ прежній, ясный и здравый взглядъ на публичность, гласность въ дѣлѣ благотворенія? Давно ли вы сами поручали такія дѣла Шевыреву и мнѣ подъ условіемъ глубокой тайны? Этой тайны не знаютъ даже наши семейства. Наконецъ, обращаюсь къ послѣднему вашему дѣйствію—къ новой развязкѣ „Ревизора". Не говорю о томъ, что тутъ нѣтъ никакой развязки, да и нѣтъ въ ней никакой надобности; но подумали-ли вы о томъ, какимъ образомъ Щепкинъ, давая себѣ

въ бенефисъ „Ревизора“, увѣнчаетъ самъ себя какимъ-то вѣнцемъ, поднесеннымъ ему актерами? Вы позабыли всякую человѣческую скромность. Вы позабыли, вы уже не знаете, какъ приняла бы все это Русская образованная публика. Вы позабыли, что мы не Французы, которые готовы безсмысленно восторгаться отъ всякой эффектной церемоніи. Но мало этого. Скажите мнѣ, ради Бога, положа руку на сердце: неужели ваши объясненія „Ревизора“ искренни? Неужели вы, испугавшись нелѣпыхъ толкованій невѣждъ и дураковъ, сами святотатственно посягаете на искаженіе своихъ живыхъ творческихъ созданій, называя ихъ аллегорическими лицами? Неужели вы не видите, что аллегорія внутренняго города не льнетъ къ нимъ, какъ горохъ къ стѣнѣ; что названіе Хлестакова свѣтскою совѣстью не имѣетъ смысла, ибо принятіе Хлестакова за ревизора есть случайность? Вы нѣкогда обвиняли меня въ неполной искренности, вы требовали безпощадной правды—вотъ она. Если выраженія мои рѣзки, то вы, зная меня, не должны ими оскорбиться; но берегитесь подумать, что это вспышка моей горячей страстной, какъ вы называете, натуры—вы жестоко ошибетесь. Пятый годъ душа моя наполняется этими чувствами и убѣжденіями, и, наконецъ, переполнилась мѣра. Посердитесь на меня, лишите меня вашей дружбы, но внемлите правдѣ, высказанной мною.“

Отвѣтъ Гоголя на это былъ полученъ уже въ 1847-мъ году. Онъ писалъ:

„Неаполь. 1847, Январь 20 новаго стиля.“

„Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Благодарю васъ за него. Все, что нужно взять изъ него къ соображенію, взято. Симъ бы слѣдовало и ограничиться; но такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ—вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ и заключеній обо мнѣ (сдѣланныхъ, какъ вами, такъ и другими) было то, что я, понадѣявшись на свои силы, и на (будто бы) совершившуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторія моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, что слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на счетъ сочиненій моихъ. Отчасти небла-

горазумныя подталкиванья со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанія нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божіей. Появленіе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Россіи (съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, если бы жилъ самъ въ Россіи и оставался въ Москвѣ), нужно будетъ многимъ, не смотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно-существенныхъ отношеніяхъ; а еще болѣе будетъ нужно для меня самого. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ тоже время *васъ*, то есть, *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что̀ такое въ настоящую минуту я самъ и что̀ такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ, покуда, не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто не простыло, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего; я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе, тѣмъ въ бо̀льшихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почетче и побойчѣе пишетъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ. Одинъ только секретъ и былъ, о которомъ я просилъ васъ никогда даже и мнѣ не напоминать и о которомъ вы неблагоразумно упомянули въ вашемъ письмѣ. Сами сказали, что о немъ и семейство ваше не знаетъ и дали написать эти слова не вашей рукѣ. Это нехорошо. Если вы почувствовали надобность упомянуть объ этомъ дѣлѣ для того, чтобы сдѣлать сравненіе съ распоряженіемъ по части продажи „Ревизора“ (котораго изданіе и представленіе мною отложено), то лучше было обойтись просто, безъ этого сравненія, — тѣмъ болѣе, что оно совсѣмъ невѣрно и не въ попадъ. Есть дѣла, которыя дѣйствительно нужно производить открыто, въ виду всѣхъ, которыя суть, просто, нашъ непремѣнный долгъ, а не подвигъ благотворенія. Если почти всѣ наши писатели издавали книги для бѣдныхъ, если даже Булгаринъ, Гречъ и многіе другіе, укоряемые въ корыстолюбіи, производили въ пользу бѣдныхъ пожертвованья, публичныя чтенія и тому подобныя,—почему же я не могу также? И что же я за исключеніе? И отчего копейка отъ другого есть долгъ, а отъ меня подвигъ благотворенія? Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ

вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самого Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано».

«Но довольно съ васъ. Не позабудьте же: откровенность во всемъ, что́ ни относится въ мысляхъ вашихъ до меня... Обнимаю васъ! Передайте поклонъ всѣмъ вашимъ. Васъ очень любящій Г.".

Еще не получивъ этого отвѣта отъ Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ уже получилъ книгу „Переписка съ друзьями" и разразился негодованіемъ. Вотъ два письма, диктованныя имъ, почти одно за другимъ: одно въ Калугу, къ Ивану Сергѣевичу, который, было, сочувствовалъ „Перепискѣ"; другое — къ самому Гоголю.

«14 Января 1847 г.».

Сейчасъ получилъ письмо твое, милый другъ Иванъ, отъ 11 Янв. Не будучи въ состояніи заниматься теперь никакимъ другимъ дѣломъ, кромѣ разговора съ тобою, я принимаюсь диктовать письмо, хотя оно пойдетъ еще послѣ завтра. Письмо твое не изумило, не поразило меня, а просто уничтожило на нѣкоторое время. Я также прочелъ всю книгу Гоголя. Если-бы я не имѣлъ утѣшенія думать, что онъ на нѣкоторыхъ предметахъ помѣшался, то жесткимъ бы словомъ я назвалъ его. Я вижу въ Гоголѣ добычу сатанинской гордости, а не христіанское смиреніе. Я никогда не прощу ему выходокъ на Погодина: въ нихъ дышетъ дьявольская злоба, а онъ изволитъ утопать въ сладости любви христіанской. Меня оскорбило письмо его къ Веневитинову, которое и написать совѣстно, не только напечатать, которое нашпиговано *ангельскими устами* и *небеснымъ голосомъ*, гдѣ опредѣляется чисто-католическое воззрѣніе на красоту женщины и употребленіе оной, и между прочимъ говорится о *рукоплесканіяхъ на небесахъ*. Я не могъ читать безъ отвращенія печатное завѣщаніе человѣка живаго и здороваго, въ каждомъ словѣ котораго дышетъ неимовѣрная гордость и опять таки злоба на Погодина, гдѣ эстампъ Преображенія Господня такъ и ложится рядомъ съ его портретомъ. Боже мой, какое впечатлѣніе произведетъ это завѣщаніе на его бѣдную мать! Я не могъ безъ горькаго смѣха слушать его наставленіе помѣщикамъ, какъ надобно имъ пахать, жать и косить впереди своихъ крестьянъ; какъ заставлять ихъ прикладываться къ нѣкоторымъ словамъ Священнаго Писанія, *тыкая* въ нихъ пальцемъ, какъ чинить судъ и расправу и какъ увѣрить умный Русскій народъ, что помѣщикъ для того только справляетъ барщину, чтобъ они въ потѣ лица снѣдали хлѣбъ свой; какъ раскладывать свой годовой доходъ, котораго никогда при началѣ года въ рукахъ не бываетъ, на семь кучь и если въ кучѣ, назначенной для благотворенія, недостаетъ денегъ, то дать людямъ умирать возлѣ себя, а изъ другой кучи не брать! Я не могъ безъ жалости слышать этотъ языкъ пошлый, сухой, вялый и безжизненный, которымъ ты упиваешься, и только статья о Русской литературѣ и литераторахъ и письмо объ Ива-

новѣ напомнили мнѣ прежняго Гоголя. Неужели не поразило тебя выраженіе: *прекрасный небесный Отецъ нашъ* и рядомъ *прекрасный другъ мой* (говоря о Жуковскомъ)? Я теперь уже готовъ услышать отъ тебя, что статья, которой не называю, непосредственно вытекаетъ изъ духа христіанскаго. Этотъ духъ по крайней мѣрѣ не глупъ. Я прочелъ книгу и отдалъ читать другимъ; пишу теперь на память, которая у меня плоха. Я увѣренъ, что найду въ ней десятки подобныхъ доказательствъ. Я не буду знать, что̀ мнѣ возразить тому человѣку, который скажетъ: это хохлацкая штука; широко замахнулся, не совладѣлъ съ громадностью художественнаго исполненія втораго тома, да и прикинулся проповѣдникомъ христіанства.

Мы всѣ сбираемся писать къ Гоголю, болѣе или менѣе въ одинаковомъ смыслѣ. Разумѣется, все, что̀ я написалъ тебѣ, я не только никому не скажу, но и не позволю сказать при мнѣ, кромѣ истинныхъ друзей Гоголя.

16 Янв. Обстоятельства перемѣняются. Мы не можемъ молчать о Гоголѣ, мы должны публично порицать его. Шевыревъ даже хочетъ напечатать безпощадный разборъ его книги. Дѣло въ томъ, что хвалители и ругатели Гоголя перемѣнились мѣстами: всѣ мистики, всѣ ханжи, всѣ припримиряющіеся съ подлою жизнію своею возгласами о христіанскомъ смиреніи, весь скотный дворъ Глинки, а особенно женская свита К. В. Новосильцовой утопаютъ въ слезахъ и восхищеніи. Я думалъ, что вся Россія дастъ ему публичную оплеуху, и потому не для чего намъ присоединять рукъ своихъ къ этой пощечинѣ; но теперь вижу, что хвалителей будетъ очень много, и Гоголь можетъ утвердиться въ своемъ сумашествіи. Книга его можетъ быть вредна многимъ. Вчера былъ у меня Погодинъ. Онъ признается, что въ первыя минуты былъ оскорбленъ до глубины души (Шевыревъ сказывалъ, что онъ горько плакалъ), но скоро успокоился и теперь искренно смѣется. Онъ хочетъ написать къ Гоголю: „*Другъ мой, Іисусъ Христосъ учитъ насъ подставлять правую ланиту, получивъ пощечину въ лѣвую; но гдѣ же учитъ Онъ давать публичныя оплеухи?*" Вся его книга проникнута лестью и страшной гордостью подъ личиной смиренія. Онъ льститъ женщинѣ, ея красотѣ, ея прелестямъ; онъ льститъ Жуковскому, онъ льститъ власти. Онъ не устыдился напечатать, что нигдѣ нельзя говорить такъ свободно правду, какъ у насъ. Можетъ ли быть безумнѣе гордость, какъ требованіе, чтобъ, по смерти его, его завѣщаніе было немедленно напечатано во всѣхъ журналахъ, газетахъ и вѣдомостяхъ, дабы никто не могъ отговориться невѣдѣніемъ онаго? Чтобъ не ставили ему памятника, а чтобъ каждый вмѣсто того сдѣлался *лучшимъ?* Чтобъ всѣ исправлялись *о имени его?...* Все это надобно повершить фактомъ, который равносиленъ *41-му числу Мартобря* (въ Запискахъ Сумасшедшаго)... Сейчасъ получили письмо твое отъ 14 Января и вмѣстѣ съ нимъ письмо отъ матери Гоголя, которая еще не получила его книги, но получила его завѣщаніе.... Добрый и нѣжный сынъ! Книги Гоголя въ продажѣ нѣтъ: ибо всего было прислано 35 экзем., а 1200 выслано изъ Петербурга въ прошедшій Понедѣльникъ; и такъ, ты не скоро еще ее получишь. Я увѣренъ, что мысли твои о книгѣ Гоголя должны измѣниться. Ты обольстилъ самъ себя предположеніемъ чистаго христіанскаго направленія въ Гоголѣ. Что̀ Александра Осиповна? Если ты захочешь, то можешь показать ей или прочесть въ моемъ письмѣ все, касающееся до книги Гоголя. Я даже желалъ бы сообщить ей письмо мое

къ нему, читанное тобою. Неужели необыкновенный умъ этой женщины не пойметъ меня? Цѣлую, обнимаю и благословляю тебя. Отецъ и другъ С. Аксаковъ."

Письмо Сергѣя Тимоѳеевича о „Перепискѣ съ Друзьями" къ самому Гоголю помѣчено 27 Генваря 1847 г.

„Другъ мой! Если вы желали произвести шумъ, желали, чтобъ высказались и хвалители, и порицатели ваши, которые теперь, отчасти, перемѣнились мѣстами, то вы вполнѣ достигли своей цѣли. Если это была съ вашей стороны шутка, то успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: все одурачено! Противники и защитники представляютъ безконечно-разнообразный рядъ комическихъ явленій... Но увы! нельзя мнѣ обмануть себя: вы искренно подумали, что призваніе ваше состоитъ въ возвѣщеніи людямъ высокихъ нравственныхъ истинъ въ формѣ разсужденій и поученій, которыхъ обращикъ содержится въ вашей книгѣ.... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога, и человѣка".

«Еслибъ эту книгу написалъ обыкновенный писатель—Богъ бы съ нимъ! Но книга написана вами; въ ней блещетъ мѣстами прежній, могучій талантъ вашъ, и потому книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій. Издали предчувствовалъ я эту бѣду, долго горевалъ и думалъ встрѣтить грозу спокойно; но когда разразился ударъ, то разлетѣлось мое разумное спокойствіе. О, недобрый былъ тотъ день и часъ, когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель Русскихъ умовъ и дарованій? Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство—измѣна ему".

«Я не хотѣлъ писать къ вамъ до полученіи отвѣта на письмо мое отъ 9 Декабря, но сердце не вытерпѣло. Вѣроятно вы получите много писемъ. Вы просили печатно всѣхъ сказать свое мнѣніе откровенно, и многіе это сдѣлаютъ. Прилагаю письмо Д. Н. Свербеева, которое онъ пишетъ почему-то ко мнѣ, а не прямо къ вамъ. Прощайте. Обнимаю васъ и молю Бога, чтобъ Онъ укрѣпилъ ваше здоровье и успокоилъ вашъ духъ. Я не страдаю отъ своей болѣзни и понемногу оправляюсь. Другъ вашъ С. Аксаковъ».

«P. S. Я не хотѣлъ и не хочу касаться до частностей вашей книги, но не могу умолчать о томъ, что меня всего болѣе оскорбляетъ и раз-

дражаетъ: я говорю о вашихъ злобныхъ выходкахъ противъ Погодина. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, что вы, даже въ завѣщанiи (я вѣрю вамъ, что вы писали точно завѣщанiе, а не сочиненiе, хотя этому повѣрить довольно трудно), разставаясь съ мiромъ и со всѣми его презрѣнными страстями, позорите, безчестите человѣка, котораго называли другомъ и который точно былъ вамъ другъ, но *по своему*. Погодинъ сначала былъ глубоко оскорбленъ, мнѣ сказывали даже, что онъ плакалъ; но скоро успокоился. Онъ хотѣлъ написать къ вамъ слѣдующее: „Другъ мой! Iисусъ Христосъ учитъ насъ, получивъ оплеуху въ одну ланиту, подставлять со смиренiемъ другую; но гдѣ же Онъ учитъ давать оплеухи?" Желалъ бы я знать, какъ бы вы умудрились отвѣчать эму. Мой адресъ: Въ Леонтiевскомъ переулкѣ, въ домѣ Рюмина".

Уже только пославъ это „небольшое, но жестокое письмо", Сергѣй Тимоѳеевичъ получилъ вышенапечатанный отвѣтъ Гоголя отъ 20 Генваря новаго стиля 1847-го г. изъ Неаполя. Какъ былъ принятъ этотъ отвѣтъ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, видно изъ его письма въ Калугу къ сыну Ивану Сергѣевичу, *отъ 17 Февраля 1847-го года;* кромѣ того, объ этомъ сохранилась и выписка изъ переписки Вѣры Сергѣевны съ М. Г. Карташевской, *отъ 21-го Февраля 1847 г.* Вотъ она: «До выхода „Переписки съ Друзьями", отецъ никому не показывалъ письма своего къ Гоголю; но послѣ книги, видя, что для Гоголя не существуетъ болѣе никакихъ частныхъ дружескихъ отношенiй, показалъ свое письмо и потомъ отвѣтъ Гоголя. Не осталось человѣка, который бы болѣе или менѣе не былъ оскорбленъ имъ, и приговоръ былъ общiй, что письмо хуже книги. Еще не получая отвѣта отъ Гоголя, отецъ не выдержалъ и написалъ ему нѣсколько строкъ уже по прочтенiи его книги. Отецъ даже жалѣлъ, что послалъ его; но теперь доволенъ, потому что, по полученiи потомъ отвѣта на первое письмо, не былъ бы въ состоянiи написать ему о впечатлѣнiи, произведенномъ его книгою. Отецъ спокойно и кротко принялъ его отвѣтъ, но писать къ нему съ тою душевною горячей откровенностью, послѣ такого отвѣта, не въ состоянiи».

Самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ не переставалъ оспаривать нѣкотораго сочувствiя своего сына, Ивана Сергѣевича, къ „Перепискѣ съ Друзьями. Вотъ выдержи изъ нѣсколькихъ писемъ С—я Т—ча по этому поводу. *Отъ 23-го Генваря 1847 г.* „О книгѣ Гоголя надо говорить много и долго; я читаю ее во второй разъ и очень медленно. Благодаря Бога, я уже совершенно убѣжденъ въ полной искренности сочинителя, и его духовное состоянiе объясняется для меня: онъ находится въ состоянiи перехода, всегда исполненнаго излишествъ, заблужденiй, ослѣпленiй. Мнѣ блещетъ

лучъ надежды, что Гоголь выйдетъ побѣдоносно изъ этого положенія; но книга его чрезвычайно вредна: въ ней все ложно, слѣдственно и впечатлѣнія будучи ложны... Самымъ близкимъ и живымъ доказательствомъ тому служишь ты самъ. Говоря о примиреніи искусства съ религіей, онъ всѣми словами и дѣйствіями своими доказываетъ, что художникъ погибъ въ немъ; дай Богъ, чтобы это было только на время... Вчера вечеромъ мнѣ перечли письмо *о значеніи женщины въ свѣтѣ*. Большую статью надо написать на это письмо. Боже мой! До какой степени оно противно духу христіанскому; это письмо не только католическое, но языческое; нигдѣ такъ ярко не изобличается ложность направленія Гоголя. *Отъ 30 Генваря*: „Прочитавъ въ другой разъ статью *о лиризмѣ нашихъ поэтовъ*, я впалъ въ такое ожесточеніе, что, отправляя къ Гоголю письмо Д. Н. Свербеева, вмѣсто нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ хотѣлъ сказать, что не буду писать къ нему письма объ его книгѣ до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣта на мое письмо отъ 9-го Декабря,—написалъ цѣлое письмо горячее и рѣзкое, о чемъ очень жалѣю. Вчера прочли мы, едва ли не въ третій разъ, письмо объ Ивановѣ, которое понравилось мнѣ гораздо менѣе прежняго. Они оба погибаютъ отъ лукаваго мудрствованія, вѣрить же надобно въ простотѣ сердца. Это ужасная ошибка и даже дерзость, по моему, мѣшать имя Бога во всѣ наши дѣла. Разумѣется, всякій талантъ отъ Бога; но мысль, что прежде надо сдѣлаться святымъ, чтобъ изобразить святое—нелѣпость. Изъ этого выйдетъ, что Ивановъ не кончитъ картины „Богоявленія Господня" и Гоголь—„Мертвыхъ Душъ". Кто можетъ осмѣлиться сказать себѣ: я теперь готовъ, я добродѣтеленъ, я святъ? Много, много надобно говорить объ этомъ. Я хочу переплесть книгу Гоголя съ бѣлыми листами, вновь перечитать ее и записать всѣ мои замѣчанія; эту книгу я отошлю ему, разумѣется, съ оказіей. Я сдѣлаю все, что можетъ сдѣлать другъ для друга, братъ для брата и человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ—теряющій великаго поэта. До тѣхъ поръ я не успокоюсь совершенно. Какъ мнѣ больно слышать твои слова: *Все это можетъ быть полезно людямъ... Просвѣтленный художникъ уразумѣетъ всю жизнь*. Какая мечта! Мы сходимся въ одномъ съ Алекс. Осип. Смирновой, что Гоголь не въ состояніи кончить „Мертвыя Души". — *Отъ 6-го и 8-го Февраля 1847 года*: „Гоголь не перестаетъ занимать меня съ утра до вечера... Книгу Гоголя мы прочли окончательно, иныя статьи даже по три раза; беру назадъ прежнія мои похвалы нѣкоторымъ письмамъ или, правильнѣе сказать, нѣкоторымъ мѣстамъ: нѣтъ ни одного здороваго слова, вездѣ болѣзнь или въ развитіи или въ зернѣ".— *Отъ 17-го Февраля*: „Желалъ бы, чтобъ ты показалъ или прочиталъ Александрѣ Осиповнѣ все что я писалъ о Гоголѣ. Я желалъ бы, чтобъ все, мною написанное и сказанное о немъ, было также напечатано. Ибо теперь, послѣ его отвѣта на мое письмо, я уже не могу ни говорить, ни писать о немъ. Ты не знаешь этого письма. Я перенесъ его спокойно, равнодушно; но самые кроткіе люди, которые его прочли, пришли въ бѣшенство».

Иное, можно сказать, успокоительное дѣйствіе произвело на Сергѣя Тимоѳеевича второе письмо Гоголя, служившее отвѣтомъ на то, при которомъ было послано къ нему письмо Д. Н. Свербеева. Гоголь писалъ:

«1847 г. 6 Марта. Неаполь».

«Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки; отъ нихъ хоть и чихнулось, но чихнулось во здравіе. Поблагодарите также добраго Д. Н. Свербеева и скажите ему, что я всегда дорожу замѣчаньями умнаго человѣка, высказанными откровенно. Онъ правъ, что обратился къ вамъ, а не ко мнѣ. Въ письмѣ его есть точно нѣкоторая жестокость, которая была бы неприлична въ объясненіяхъ съ человѣкомъ, не очень коротко знакомымъ. Но этимъ самымъ письмомъ *къ вамъ* онъ открылъ себѣ теперь дорогу высказывать съ подобной откровенностью мнѣ самому все то, что̀ высказалъ вамъ. Поблагодарите также и милую супругу его за ея письмецо. Скажите имъ, что многое изъ ихъ словъ взято въ соображеніе и заставило меня лишній разъ построже взглянуть на самого себя. Мы уже такъ странно устроены, что до тѣхъ поръ не увидимъ ничего въ себѣ, покуда другіе не наведутъ насъ на это. Замѣчу только, что одно обстоятельство не принято ими въ соображеніе, которое, можетъ быть, иное показало бы имъ въ другомъ видѣ; а именно: что человѣкъ, который съ такой жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловитъ всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ *полномъ* и *совершенномъ* самоослѣпленіи. А вамъ, другъ мой, сдѣлаю я маленькій упрекъ. Не сердитесь: уговоръ былъ принимать не сердясь взаимно другъ отъ друга упреки. Не слишкомъ ли вы уже положились на вашъ умъ и непогрѣшительность его выводовъ? Дѣлать *замѣчанія*—это другое дѣло; это имѣетъ право дѣлать всякій умный человѣкъ и даже, просто, всякій человѣкъ; но выводить изъ своихъ замѣчаній *заключеніе* обо всемъ человѣкѣ—это есть уже нѣкотораго рода *самоувѣренность*. Это значитъ признать свой умъ вознесшимся на ту высоту, съ которой онъ можетъ обозрѣвать *со всѣхъ сторонъ* предметъ. Ну, что̀ если я вамъ разскажу слѣд. повѣсть?»

«Поваръ вызвался угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался, ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что̀ слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: „Подавай обѣдъ!" Поваръ говоритъ: это физически невозможно, потому что обѣдъ мой совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды; для этого нужно поднимать такую возню на кухнѣ, о какой вы и подумать не можете". Ему въ отвѣтъ: „Врешь, братъ!" Поваръ видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился, наконецъ, привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить ко-

стрюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобъ изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кострюль и, наконецъ, такихъ орудій, о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для пріуготовленія обѣда, что у нихъ закружилась голова».

«Ну, что, если въ этой повѣсти есть маленькая частица правды? Другъ мой, вы видите, что дѣло покуда еще темно. Хорошо дѣлаетъ тотъ, кто снабжаетъ меня своими замѣчаніями, все доводитъ до ушей моихъ, упрекаетъ и склоняетъ другихъ упрекать, но самъ въ тоже время не смущается обо мнѣ, а вмѣсто того тихо молится въ душѣ своей, да спасетъ меня Богъ отъ всѣхъ обольщеній и самоослѣпленій, погубляющихъ душу человѣка. Это лучше всего, что онъ можетъ для меня сдѣлать, и вѣрно, Богъ, за такія чистыя и жаркія молитвы, которыя суть лучшее благодѣяніе, какое можетъ сдѣлать на землѣ братъ брату, спасетъ мою душу даже и тогда, еслибъ невозвратно одолѣли ее всякія обольщенія. Но, покуда, прощайте. Передавайте мнѣ всѣ толки и сужденія, какія откуда ни услышите—и свои, и чужіе, первыя, вторыя, третьи и четвертыя впечатлѣнія. Душевный поклонъ доброй Ольгѣ Семеновнѣ и всѣмъ вашимъ. Весь вашъ Гоголь. Насчетъ Погодина есть тоже недоразумѣніе. Но вѣроятно онъ уже съ вами объ этомъ объяснился, потому что я ему писалъ подробно третьяго дня, то-есть 4 Марта. Къ Шевыреву было также послано письмо отъ 4 Марта".

По поводу этого письма сохранилась слѣдующая. выписка изъ переписки Вѣры Сергѣевны съ М. Г. Карташевской, *отъ 2-го Апрѣля.* „Недавно получено письмо отъ Гоголя къ отцу, вовсе не похожее на предыдущее. Гоголь опомнился и самъ видитъ свои ошибки и признаетъ ихъ. Это письмо было для насъ истинно-радостной неожиданностью. Мы уже отчаялись достигнуть до него какими бы то ни было словами и совѣтами, думали, что онъ оградилъ себя недосягаемой гордостью... Въ одно время и даже послѣ онъ написалъ нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ, и всѣ они полны искренняго, простаго признанія своихъ заблужденій.... Видно, что ему горько, глубоко-больно слышать такіе упреки и чувствовать, что не правъ, что самъ обольстилъ себя... Онъ также почувствовалъ, какъ оскорбилъ Погодина и писалъ къ нему самое нѣжное письмо. Къ Смирновой онъ пишетъ, что непремѣнно напечатаетъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ»; онъ только умоляетъ всѣхъ писать къ нему всѣ мнѣнія, и свои, и чужія, о немъ и его книгѣ; говоритъ, что это ему необходимо нужно."

О томъ же пишетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу *отъ 26-го Марта.* „Не знаю, писалъ-ли я тебѣ о самой радостной новости, о письмахъ Гоголя? Вотъ

уже теперь четыре письма, написанныя имъ съ 4-го Марта: два къ Шевыреву, а одно ко мнѣ и одно къ Погодину,—и всѣ эти письма писаны уже другимъ человѣкомъ! Уже нѣтъ ни высокомѣрнаго спокойствія, ни лицемѣрнаго смиренія; но положеніе его ужасно. Кипятокъ послѣдняго моего письма и ледяной холодъ письма Свербеева, обрушившіеся на него въ одно и тоже время, образумили и оскорбили его душу. Онъ благодаритъ меня и въ тоже время негодуетъ. Письмо его начинается такъ: „Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки! Хотя мнѣ и чихнулось отъ вашего письма, но чихнулось во здравіе!" За то вся его нѣжность обратилась на Щепкина и Погодина; къ послѣднему онъ пишетъ даже страстное письмо, что̀ показываетъ еще продолжающееся болѣзненное состояніе духа. Пусть онъ никогда ко мнѣ не обратится, для меня это все равно. Для спасенія Гоголя я готовъ сдѣлаться и презрѣннымъ орудіемъ казни, и отвратительнѣйшимъ палачемъ."

Вмѣсто обычной оживленной переписки между Гоголемъ и Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, въ самомъ дѣлѣ, установилось теперь долгое молчаніе. Первый его нарушилъ самъ Гоголь. Онъ писалъ:

«Франкфуртъ. Іюня 10, 1847 г.»

„Погодинъ мнѣ сдѣлалъ запросъ: отчего я такъ долго не писалъ къ вамъ и не сердитъ ли я на васъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ? Я къ вамъ не писалъ, потому что, во-первыхъ, вы сами не отвѣчали мнѣ на послѣднее письмо мое, а во-вторыхъ, потому, что вы, какъ я слышалъ, на меня за него разсердились. Ради самого Христа, войдите въ мое положеніе, почувствуйте трудность его и скажите мнѣ сами: какъ мнѣ быть, какъ, о чемъ и что̀ я могу теперь писать? Если бъ я и въ силахъ былъ сказать слово искреннее—у меня языкъ не поворотится. Искреннимъ языкомъ можно говорить только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности; но если знаешь, что передъ тобою стоитъ человѣкъ, уже составившій о тебѣ свое понятіе и въ немъ утвердившійся, тутъ у наиискреннѣйшаго человѣка онѣмѣетъ слово; не только у меня, человѣка, какъ вы знаете, скрытнаго, котораго и скрытность произошла отъ неумѣнья объясниться. Ради самого Христа, прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадущей душѣ, — изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе; потому что душа моя уныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины—этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито, и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами; но храни Богъ всякаго отъ этой страш-

ной битвы съ друзьями! Тутъ все изнеможетъ, что̀ ни есть въ тебѣ. Другъ мой, я изнемогъ,—вотъ все, что̀ могу вамъ сказать теперь. Что̀ же касается до неизмѣнности моихъ сердечныхъ отношеній, то скажу вамъ, что любовь, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, теперь доступнѣе душѣ. Если я люблю и хочу любить даже тѣхъ, которые меня не любятъ, то какъ я могу не любить тѣхъ, которые меня любятъ? Но я прошу васъ теперь не о любви. Не имѣйте ко мнѣ любви, но имѣйте хотя каплю милосердія, потому что положеніе мое, повторяю вамъ вновь, тяжело. Если бы вы вошли въ него хорошенько, вы бы увидѣли, что мнѣ труднѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, которыхъ я оскорбилъ. Другъ мой, я говорю вамъ правду. Обнимаю васъ отъ всей души, весь вашъ Г. Передайте поклонъ мой добрѣйшей Ольгѣ Семеновнѣ, а за нею Константину Сергѣевичу и всѣмъ вашимъ».

«Не знаю самъ, хорошо ли дѣлаю, что пишу. Можетъ быть, и это письмо приведетъ васъ въ неудовольствіе. Я теперь раскаиваюсь, что завелъ переписку съ Погодинымъ. Хотя я только и думалъ, принимаясь за перо, какъ бы не оскорбить его, но однакоже замѣчаю, что письма мои не приносятъ ему никакого успокоенія. При тѣхъ же понятіяхъ, какія у него обо мнѣ, нынѣ всякое слово съ моей стороны обо мнѣ самомъ можетъ только его еще больше спутать. Другъ мой, тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній! Вижу, что мнѣ нужно надолго отказаться отъ пера во всѣхъ отношеніяхъ и отъ всего удалиться.“

Сергѣй Тимоѳеевичъ далъ немедленный отвѣтъ:

«1847, Іюля 26, Подмосковная Радонежье (Абрамцево)».

„Я получилъ письмо ваше, милый другъ Николай Васильевичъ, изъ Франкфурта отъ 10-го Іюня. Оно меня очень огорчило, и я глубоко упрекаю себя, что такъ давно не писалъ къ вамъ. Не знаю почему Погодинъ сдѣлалъ вамъ допросъ: отчего вы такъ давно не пишете ко мнѣ и не сердитесь ли на меня? Я ничего подобнаго ему не говорилъ. Я даже не ожидалъ отъ васъ письма, потому что самъ не отвѣчалъ вамъ на два. Прежде всего спѣшу увѣрить васъ, что я никогда на васъ не сердился (принимая это слово въ настоящемъ его значеніи) и что я никогда не переставалъ вѣрить искренности вашей. Грѣхъ тому опрометчивому человѣку, который внушилъ вамъ такія мысли. Я подозрѣваю, что это сдѣлала Смирнова: она случайно услыхала нѣсколько строкъ изъ письма моего къ сыну объ васъ, не поняла ихъ и не могла понять хорошо, потому что они получали полный смыслъ въ связи съ другими, а въ отрывкѣ имѣли даже превратный смыслъ. Смирнова сдѣлала горячую схватку съ моимъ сыномъ, наговорила ему, мнѣ и всему моему семейству много грубостей, сама получила ихъ столько же, и грозилась открыть вамъ глаза. Я вижу, она это исполнила; но безразсудная жен-

щина, въ которой многія достоинства я цѣню высоко и которую, именно за эту вспышку, я полюбилъ больше, вмѣсто открытія глазъ вашихъ нѣсколько отуманила ихъ, разумѣется, на время. Она не подозрѣвала, что, прежде всего, я съ полною, жестокою искренностью излилъ въ письмахъ къ вамъ самимъ всю горечь огорченной дружбы къ человѣку и оскорбленнаго чувства уваженія къ великому таланту. Она не различила во мнѣ любящей души отъ озлобленія и гнѣва. По моему убѣжденію вы, книгой своей, нанесли себѣ жестокое пораженіе, и я кинулся на васъ самихъ, какъ кинулся бы на всякаго другаго, нанесшаго вамъ такой ударъ, безъ пощады осыпая васъ горькими упреками. Вы такъ мнѣ дороги, что всякій дѣйствительный вредъ, всякое пораженіе вашей славы, какъ писателя и человѣка,—мнѣ тяжкое оскорбленіе! Но оставимъ это: если вы сами не объяснили себѣ моихъ чувствъ и поступковъ и поняли ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то мое объясненіе не поможетъ. Я готовъ даже признать, что выраженіе не соотвѣтствовало чувству. Вы, мой другъ, имѣете право спросить: отчего я такъ давно не писалъ къ вамъ? Мое послѣднее письмо требовало продолженія, ваше—отвѣта. Я очень это чувствовалъ. Много разъ принимался писать, писалъ и жегъ написанное, ибо былъ имъ недоволенъ... Трудно сказать, что мѣшало мнѣ писать; но что-то мѣшало. Попытаюсь однако объяснить себѣ и вамъ эту странную помѣху. Для этого необходимо поднять дѣло, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, съ начала. Первое, большое письмо мое (кажется отъ 12 Января) было написано и послано къ вамъ до выхода вашей книги. Второе, небольшое письмо, съ приложеніемъ письма Свербеева, написано по прочтеніи книги, но *до полученія* вашего отвѣта на мое большое письмо. Отвѣтъ вашъ былъ ужасенъ... Вы не признали, не оцѣнили, не почувствовали истинной дружбы человѣка, писавшаго это письмо, и Боже мой! въ какомъ положеніи я писалъ его! Я даже не желаю, чтобъ вы вполнѣ поняли мое тогдашнее положеніе. Вашъ отвѣтъ дышалъ холодомъ, высотою величія, на которомъ вы тогда думали стоять въ непроницаемомъ вооруженіи вашего новаго мнимаго призванія. Еслибъ я получилъ это письмо до отправленія моего втораго, то не послалъ бы его—въ этомъ я долженъ признаться; я счелъ бы невозможностью достигнуть до вашего ума и сердца. Но милосердный Богъ устроилъ иначе... Отвѣтъ вашъ на мое второе письмо, начинающійся замѣчательными словами, что вамъ *чихнулось во здравіе*, обрадовалъ меня чрезвычайно, письмо же ваше къ кн. Львову обрадовало еще болѣе. Хотя въ обоихъ этихъ письмахъ есть выраженія и мысли, которыя были мнѣ не по сердцу, которыя показывали, что вы еще не совсѣмъ здоровы; но вдругъ выздоровѣть совершенно нельзя. Для этого нужно время. Я видѣлъ, что вы очнулись, что часть пелены спала съ глазъ вашихъ.

Этого для меня было довольно. Я былъ (и теперь остаюсь) убѣжденъ, что вы сами докончите дѣло. Вотъ тутъ-то я и не зналъ, что́ и какъ писать вамъ: продолжать въ прежнемъ тонѣ было уже неумѣстно, не нужно и для самого меня невозможно. Высказать свою радость я не смѣлъ: я боялся помѣшать процессу вашего возстановленія. Теперь вижу, что я сдѣлалъ большую глупость. Вы имѣли причину растолковать мое молчаніе въ другую сторону, и эта мысль васъ огорчала. Повѣрьте, другъ мой, что я не только хорошо понимаю трудность настоящаго вашего положенія, но я хорошо его предвидѣлъ! Оттого-то ваша книга свела было съ ума меня самого, оттого-то скорбь моя была такъ мучительна. Но Богъ милостивъ. Онъ подкрѣпитъ ваши разстроенныя душевныя и тѣлесныя силы, а время залѣчитъ раны вашего сердца. Вы исполните свой обѣтъ, помолитесь у гроба Господня, талантъ вашъ явится съ новымъ блескомъ, и всѣ забудутъ вашу несчастную книгу. Конечно, вамъ нельзя было воротиться въ Россію скоро, но будущей весной пріѣзжайте *непремѣнно къ намъ*. Полное выздоровленіе вы получите только на родной почвѣ, подышавъ роднымъ воздухомъ своей земли. Если вамъ почему нибудь будетъ тяжело жить въ Москвѣ постоянно, то у меня есть премилый уголокъ въ 50-ти верстахъ отъ Москвы, въ которомъ я надѣюсь жить даже по зимамъ (кромѣ нынѣшняго года; ибо я тогда только повѣрю своему выздоровленію, когда проведу благополучно осень и зиму). Домъ у насъ большой и хорошо расположенный. Вы будете имѣть спокойное и удобное помѣщеніе; при насъ или безъ насъ—это все равно. Не нужно говорить, рады ли будутъ вамъ ваши искренніе друзья. Къ тому же вамъ необходимо поѣздить по Россіи. Надобно заглянуть въ глубь ея, въ степную и приволжскую сторону. Константинъ можетъ быть вашимъ товарищемъ, если вы захотите. Я самъ имѣю намѣреніе, если Богъ подкрѣпитъ мое здоровье, уѣхать на цѣлый годъ въ Оренбургскую губернію; это еще впереди. Теперь же надобно только успокоиться, забыть, сколько возможно, обо всемъ случившемся съ вами и укрѣпить свое здоровье. Истребите всякую мысль, что моя дружба къ вамъ измѣнилась: это нелѣпость и оскорбленіе для меня. Хотѣлось мнѣ написать все письмо своей рукой, но глазъ утруждается. Мы теперь всѣ живемъ въ нашей Подмосковной, кромѣ больной нашей Олиньки, которая живетъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, который тамъ служитъ въ Сенатѣ оберъ-секретаремъ. Не знаю, дошла ли до васъ диссертація Константина? 7-го Марта былъ его диспутъ; не смотря на многія гоненія, все кончилось благополучно. Прощайте, милый другъ; не могу больше писать. Обнимаю васъ крѣпко. Вы можете адресовать одно письмо *въ Сергіевской посадъ, Московской*

губерніи, на мое имя; но всего вѣрнѣе черезъ Шевырева. Все мое семейство васъ обнимаетъ. Душою вашъ С. А».

Гоголь отвѣчалъ на это слѣдующимъ письмомъ.

«Остенде. Августа 28 (1847)».

«Въ любви вашей ко мнѣ я никогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея, тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ Конст. Сергѣевичъ. Въ противность составившейся въ Москвѣ обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, т. е., люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, какъ обольщаемъ себя мы всѣ, какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько-нибудь имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ чемъ-нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя, въ великодушныхъ мечтахъ своихъ, и любезный сынъ вашъ Конст. Сергѣевичъ, какъ обольщаемъ мы себя всѣ до единаго, грѣшные люди; и чѣмъ кто больше получилъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демонъ излишества, который теперь подталкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не поймется».

«Не сердитесь на Смирнову, не называйте ее безразсудною женщиною. Женщина эта почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковскаго, которые любили ее именно за здравый разсудокъ и за добрую душу. Она меня знала еще прежде, чѣмъ вы меня знали, — знала какъ человѣка, а не какъ писателя, видѣла меня въ тѣ душевныя состоянія мои, въ которыхъ вы меня не видѣли. Съ ней мы были издавна какъ братъ и сестра, и безъ нея Богъ вѣсть, былъ ли бы я въ силахъ перенести многое трудное въ моей жизни; а потому и немудрено, что, не смотря на пристрастіе ея ко мнѣ, многое въ моей книгѣ она почувствовала полнѣе и не перетолковала въ такую превратную сторону, какъ перетолковали вы».

«Да, книга моя нанесла мнѣ пораженіе; но на это была воля Божія. Да будетъ же благословенно имя Того, Кто поразилъ меня! Безъ этого пораженія я бы не очнулся и не увидалъ бы такъ ясно, чего мнѣ не достаетъ. Я получилъ много писемъ очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ. Не смотря на все различіе взгля-

довъ, въ каждомъ изъ нихъ, такъ же какъ и въ вашемъ, есть своя справедливая сторона. Но вывести вполнѣ вѣрнаго заключенія о всей книги вообще никто не могъ, и не мудрено. Осудить меня за нее справедливо можетъ одинъ Тотъ, Кто вѣдаетъ помышленія и мысли наши въ ихъ полнотѣ. Изъ насъ же, грѣшныхъ людей, можетъ справедливѣе другихъ произнесть ей окончательный судъ только тотъ, кто имѣетъ полный умъ, способный обнимать всѣ стороны дѣла и не влюбился еще самъ ни въ какую свою собственную мысль; потому что, какъ бы то ни было, не смотря на все ребячество и незрѣлость этой книги, въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго, чѣмъ у тѣхъ, которые дѣлаютъ на нее замѣчанія и критики, не смотря на то, что въ авторѣ ея и нѣтъ тѣхъ знаній, какія могутъ быть по частямъ у всякаго критика».

„Къ чему вы также повторяете нелѣпости, которыя вывели изъ моей книги недальнозоркіе, что я отказываюсь въ ней отъ званія писателя, перемѣняю призваніе свое, направленіе, и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго, нужнаго мнѣ для того, чтобы стать писателемъ, не мелкимъ и пустымъ, но почувствовавшимъ святость своего званія, какъ и всѣхъ другихъ званій, которыя всѣ должны быть святы. Выразилось все это заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть. А дьяволъ, который надмеваетъ всякаго изъ насъ самоувѣренностью, раздулъ до чудовищности кое-какія мѣста. Невоздержаніе заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю съ моими „Мертвыми Душами" и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился развить, или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ. Опрометчивая, а по вашему *несчастная*, книга вышла въ свѣтъ. Она меня покрыла позоромъ, по словамъ вашимъ. Она мнѣ точно позоръ; но благодарю Бога за этотъ позоръ, благодарю за то, что попустилъ Онъ явиться ей въ свѣтъ. Не увидѣлъ бы я безъ нея ни неряшества моего, ни самоослѣпленія, ни многаго того, чего не хочетъ видѣть въ себѣ человѣкъ; не изъяснилось бы безъ нея много того, что̀ мнѣ необходимо нужно знать для моихъ „Мертвыхъ Душъ", и не узналъ бы я ни въ какомъ состояніи находится наше общество, ни какіе образы, характеры, лица ему нужны, и что̀ именно слѣдуетъ поэту-художнику избрать нынѣ въ предметъ творенія своего».

«Другъ мой! Не будьте и вы также самоувѣренны въ непреложности своихъ заключеній. Повторяю вамъ вновь: по частямъ разбирая мою книгу, вы можете быть правы; но произнести такъ рѣшительно окон-

чательный судъ моей книгѣ, какъ вы произносите, это гордость въ умѣ своемъ. Мнѣ показалось даже, какъ-бы въ устахъ вашихъ раздались не ваши, а какія-то юношескія рѣчи, какъ-бы въ этомъ мѣстѣ вашего письма сказалъ, нѣсколько понадѣясь на себя, Конст. Сергѣевичъ, а не вы. Въ нихъ отзывается такой смыслъ: „твоя голова не здрава, а моя здрава; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебѣ". Другъ мой, теперъ такое время, что врядъ-ли у кого изъ насъ здрава, какъ слѣдуетъ, голова. Глядѣть на меня, какъ на блуднаго сына, и ожидать моего возвращенія на путь истинный можетъ только тотъ, кто самъ стоитъ уже на этомъ истинномъ пути. А это одинъ только Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ на какомъ именно мѣстѣ стоитъ. Лучше всѣмъ намъ имѣть больше смиренія и меньше увѣренности въ непреложной истинѣ и вѣрности своего взгляда. Чтò касается до меня, я буду отъ всѣхъ моихъ силъ, сколько ихъ есть во мнѣ, молиться Богу на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя зрѣли Его въ образѣ Христа, чтобы простилъ мнѣ за все, на что подтолкнула меня моя самоувѣренность, гордость и самоослѣпленіе».

«За ваше гостепріимно-дружеское приглашеніе остановиться у васъ во время пріѣзда моего въ Москву благодарю отъ души, но не воспользуюсь имъ только потому, что въ разсужденіи помѣщенія своего гляжу, просто, на матеріальныя удобства. Во всякомъ случаѣ, у кого бы то ни остановился, вы этого никакъ не считайте знàкомъ какого-нибудь предпочтенія, или чего другого, тому подобнаго. Притомъ, если Богъ благословитъ возвратъ мой въ Россію, я въ Москвѣ не думаю пробыть долго. Мнѣ хочется заглянуть въ губерніи: есть много вещей, которыя для меня совершенная покуда загадка, и никто не можетъ мнѣ дать такихъ свѣдѣній, какъ бы я желалъ. Я вижу только то, что и всѣ другіе такъ же, какъ и я, не знаютъ Россіи».

«Чтó касается до зимняго моего пребыванія, то я еще не увѣренъ, останусь ли на зиму въ Россіи. Послѣ моей послѣдней тяжкой болѣзни, во мнѣ осталась такая зябкость, что даже Римъ сталъ для меня холоденъ, и я долженъ былъ переѣхать въ Неаполь. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, мнѣ была очень тяжела и оставила грустное воспоминаніе. Натура моя сдѣлалась нѣсколько похожею на стариковскую, требующую Юга: крови мало, и та движется медленно; а нервы въ тоже время такъ чувствительны, что малѣйшая сѣверная мгла дѣйствуетъ сильно; отъ морознаго же дня у меня захватываетъ духъ въ груди. Вы говорите, что воздухъ родины подѣйствуетъ благотворно на мое здоровье, и сами надѣетесь тоже себѣ возобновленія силъ. Другъ мой, не позабудемъ того, что вы находитесь уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда не возможенъ совершенный возвратъ прежняго здоровья; а я, будучи

слабымъ и болѣзненнымъ отъ дня рожденія моего и перешедши за лучшую половину жизни моей, не могу тоже быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Будемъ лучше просить Бога о томъ, чтобы остальные дни наши помогъ намъ провести въ полномъ мирѣ съ совѣстью нашей, гдѣ бы ни случилось намъ провести ихъ, и чтобы хоть чѣмъ-нибудь далъ намъ возможность загладить часть прежняго, искупя хоть чѣмъ-нибудь безполезность и праздность нашей жизни».

«Мнѣ кажется, что если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминанія прежней жизни вашей и встрѣчи со всѣми людьми, съ которыми случилось вамъ встрѣтиться, съ вѣрными описаніями характеровъ ихъ, вы бы усладили много этимъ послѣдніе дни ваши, а между тѣмъ доставили бы дѣтямъ своимъ много полезныхъ въ жизни уроковъ, а всѣмъ соотечественникамъ лучшее познаніе Русскаго человѣка. Это не бездѣлица и не маловажный подвигъ въ нынѣшнее время, когда такъ нужно намъ узнать истинныя начала нашей природы, которыя, покуда, мы разсматриваемъ только въ мужикѣ, да и то плохо. Но прощайте. Богъ да хранитъ васъ! Благодарю Ольгу Семеновну: мнѣ кажется, что она обо мнѣ молится. Это лучшая услуга, какую только на землѣ мы можемъ оказать своему брату... Вашъ Н. Г.“

Письмо это было вложено Гоголемъ въ другое, адресованное Шевыреву, который вскорѣ и сообщилъ Гоголю, что его письмомъ Сергѣй Тимоѳеевичъ остался недоволенъ. По этому поводу Гоголь писалъ С. П. Шевыреву, отъ 9-го Декабря 1847 года:

„Весьма жалѣю, если моимъ письмомъ огорчилъ моего добраго Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Но что̀ дѣлать? Ты видишь, что я именно уже какъ бы рожденъ на то, чтобъ огорчать тѣхъ, которые меня наибольше любятъ. Уговоръ вѣдь у насъ былъ — писать все, что̀ ни есть на душѣ. Я писалъ, что̀ въ ней было. Въ письмахъ Сергѣя Тимоѳеевича было̀ тоже не мало того, отъ котораго бы другой огорчился. Но зачѣмъ же одинъ я только не въ правѣ огорчаться ничѣмъ, а прочіе въ правѣ огорчаться? Слово *размолвка* напрасно ты употребилъ. Храни Богъ отъ размолвки даже съ людьми менѣе близкими, чѣмъ Аксаковъ! Что я меньше любилъ Аксаковыхъ, чѣмъ они меня, это совершенная правда; и зачѣмъ мнѣ это скрывать? Но дѣло въ томъ, что я теперь больше люблю все то, что̀ достойно любви, чѣмъ когда либо прежде; стало быть неминуемо должно быть, что и любовь моя къ друзьямъ моимъ стала большею, чѣмъ когда либо прежде. Это также правда, и ее ты передай Сергѣю Тимоѳеевичу, если только онъ дѣйствительно на меня въ неудовольствіи“.

Кромѣ того, въ томъ же году Гоголь писалъ къ самому Сергѣю Тимоѳеевичу:

«1847, Декабря 12».

„Шевыревъ мнѣ пишетъ, что въ моемъ письмѣ къ вамъ было что-то для васъ огорчительное, такъ что онъ даже не хотѣлъ его вамъ по-

казывать, опасаясь имъ разстроить васъ. Правда ли это, любезный другъ мой? Вѣдь мы обѣщали писать другъ другу всѣ чувства и ощущенія, какъ они есть, не скрывая ничего, хоть бы въ нихъ было и непріятное для насъ. Если въ письмѣ моемъ нашлось кое-что занозистое и колкое, то это ничуть не дурно: это новыя горючія вещества, подкладываемыя въ костеръ дружбы, который безъ того пламенѣлъ бы лѣниво и вяло, что̀ всегда почти бываетъ, если друзья живутъ вдали другъ отъ друга. Разсудите сами, что̀ за соусъ, если не поддадутъ къ нему лучку, уксусу и даже самого перцу? Выйдетъ прѣсное молоко. Въ письмѣ моемъ къ вамъ я сказалъ сущую правду: я васъ любилъ, точно, гораздо меньше, чѣмъ вы меня любили. Я былъ въ состояніи всегда (сколько мнѣ кажется) любить всѣхъ вообще, потому что я не былъ способенъ ни къ кому питать ненависти; но любить кого-либо особенно, предпочтительно, я могъ только изъ интереса. Если кто-нибудь доставилъ мнѣ существенную пользу, и чрезъ него обогатилась моя голова, если онъ подтолкнулъ меня на новыя наблюденія или надъ нимъ самимъ, надъ его собственной душой, или надъ другими людьми, словомъ—если чрезъ него какъ-нибудь раздвинулись мои познанія, я уже того человѣка люблю, хоть будь онъ и меньше достоинъ любви, чѣмъ другой, хоть онъ и меньше меня любитъ. Что жъ дѣлать? Вы видите, какое твореніе человѣкъ: у него прежде всего свой собственный интересъ. Почему знать? Можетъ быть, я и васъ полюбилъ бы несравненно больше, если бы вы сдѣлали что-нибудь собственно для головы моей, положимъ хоть бы написаніемъ записокъ жизни вашей, которыя бы мнѣ напоминали, какихъ людей слѣдуетъ не пропустить въ моемъ твореніи и какимъ чертамъ Русскаго характера не дать умереть въ народной памяти. Но вы въ этомъ родѣ ничего не сдѣлали для меня. Что жъ дѣлать, если я не полюбилъ васъ такъ, какъ слѣдовало бы полюбить васъ? Кто же изъ насъ властенъ надъ собою? Кто умѣетъ принудить себя къ чему бы то ни было? Мнѣ кажется, что я теперь все-таки люблю васъ больше, нежели прежде; но это потому только, что любовь моя ко всѣмъ вообще увеличилась: она должна была увеличиться, потому что это любовь во Христѣ. Такъ я увѣренъ; а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и это ложь, и я ничуть не умѣю любить лучше, чѣмъ прежде. Поэты лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мысли, красоту чувствъ и высокія явленія въ душѣ человѣческой, они часто думаютъ, что уже вмѣщаютъ въ самихъ себѣ то, что̀ могутъ только нѣсколько оцѣнить и съ нѣкоторой живостью выставить на глаза другимъ, и величаются чужимъ, какъ своимъ собственнымъ добромъ. Напишите мнѣ что-нибудь. Письмо ваше еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Пожалуйста не глядите на то, если

какая колкость слетитъ съ пера. Что̀ толку въ прѣсномъ молокѣ?... Вашъ Гоголь“.

Это письмо также было вложено въ письмо къ Шевыреву, которому Гоголь и прибавилъ отъ себя: „При семъ слѣдуетъ также письмецо къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову. Хотя я увѣренъ, что неудовольствіе его прошло; но тѣмъ не менѣе пусть онъ изъ этихъ строкъ увидитъ, что совсѣмъ не нужно давать серьезнаго, строгаго толкованія многимъ нашимъ словамъ, которыя вырываются весьма часто безъ расчета и намѣренія“.

Тѣмъ не менѣе, отвѣтныхъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича не нашлось за это время. Уже въ слѣдующемъ 1848 году, 25 Генваря (вѣроятно новаго стиля) Гоголь вновь проситъ Шевырева напомнить о себѣ Аксаковымъ. „Проси всѣхъ и особенно добраго Сергѣя Тимоѳеевича, совокупно съ Константиномъ Сергѣевичемъ и всѣмъ семействомъ, писать ко мнѣ въ Константинополь“.

Весною 1848 года Гоголь возвратился въ Россію черезъ Одессу. Сергѣй Тимоѳеевичъ радостно привѣтствовалъ его возвращеніе. Вотъ его письмо къ Гоголю отъ 21-го Мая 1848 года.

„Здравствуйте, здравствуйте на Святой Руси, мой любезный другъ Николай Васильевичъ! Давно должны были написаться эти строки, но.... всѣ человѣческія предположенія прахъ и суета! Не написалъ 4-го Мая, отложилъ до 7-го, а 6-го я захворалъ.... Теперь оправляюсь понемногу. Но должно все разсказать подробно и по порядку, а для этого нужна чужая рука. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ Апрѣля пріѣхалъ ко мнѣ рано поутру Щепкинъ и сказалъ, что вы въ Одессѣ. Я такъ обрадовался, что туже минуту хотѣлъ писать къ вамъ, хотя рѣшился было бросить письменные разговоры и ожидать личнаго свиданія; но я уже былъ готовъ къ отъѣзду въ деревню (куда давно манила меня ранняя весна) и остался только до 2-го Мая, потому что 1-го былъ день рожденія Хомякова. 2-го я переѣхалъ въ деревню съ Константиномъ и Любенькой, остальная семья должна была переѣхать черезъ недѣлю. Хотѣлъ было писать 4-го или 5-го Мая, но отложилъ до 9-го, чтобъ тутъ же и поздравить васъ со днемъ ангела; но 6-го Мая сдѣлалась такая жаркая, лѣтняя погода, что я забылъ числа и подумалъ, что это Іюнь или Іюль, одѣлся полегче, посидѣлъ съ удочкой на пруду подольше и тотъ же вечеръ получилъ воспаленіе въ правой сторонѣ груди и нижней части печени. Болѣзнь, какъ водится, сопровождалась сильной лихорадкой и кровохарканіемъ. Можете себѣ представить положеніе бѣдныхъ моихъ дѣтей! На Константина до сихъ поръ еще страшно

смотрѣть. По счастію, у Троицы (въ 12 верстахъ отъ моей деревни) есть очень порядочный лекарь, котораго мы выписали и который мнѣ очень скоро помогъ. Нельзя было скрыть моей болѣзни отъ остальной моей семьи, и потому всѣ, перепуганные, прискакали ко мнѣ*). Какъ нарочно, на другой день ихъ пріѣзда, 12 Мая, получилъ рецедивъ воспаленія въ одной печени, но со всѣми прежними явленіями. Тотъ же лекарь помогъ мнѣ опять, и черезъ нѣсколько дней усадили меня въ карету и благополучно перевезли въ Москву, гдѣ я поправлялся очень быстро до вчерашняго дня; со вчерашняго же утра я постоянно чувствую шумъ въ головѣ и какую-то нервическую слабость, которая мѣшаетъ мнѣ даже диктовать письмо. Но все это, я надѣюсь, скоро пройдетъ, и съ наступленіемъ настоящей лѣтней погоды мы переѣдемъ уже всѣ въ нашу прекрасную деревеньку. Имянинникъ мой съ матерью у обѣдни. Успѣютъ-ли они сегодня написать къ вамъ, не знаю; но самъ уже откладывать не хочу. На дняхъ вы получите драму Константина. Прочтите ее на досугѣ, сбросивъ съ себя всѣ чужія понятія, усвоенныя всѣми нами съ младенчества. Рдумайтесь глубоко въ старую Русскую жизнь и произнесите судъ нелицепріятный. Погодинъ облаялъ ее, какъ взбѣсившаяся собака. Давно затаенная злоба на Константина (въ которой онъ и самъ много виноватъ), наконецъ, выбилась ключемъ бѣшеной слюны и помрачила даже его разсудокъ... Прощайте, другъ мой. Обнимаю васъ крѣпко. Будьте здоровы, освѣжитесь и укрѣпитесь роднымъ воздухомъ и пріѣзжайте къ намъ. Пишите въ Сергіевскій посадъ, Московской губерніи. Вашъ душою С. Аксаковъ".

Гоголь прислалъ на это слѣдующій отвѣтъ:

„Іюня 8. Васильевка".

„Какъ вы меня обрадовали вашими строчками, добрый другъ мой! Но меня печалитъ, что вы такъ часто хвораете. Ради Бога, берегите себя. Не позабывайте ни на часъ, что ваша натура, нервически-пылкая, склонна болѣе другихъ къ простудамъ. Теперь вечера очень опасны, именно оттого, что дни невыносимо жарки и въ воздухѣ засуха. Имѣйте всегда кого нибудь при себѣ съ плащомъ, который бы могъ набросить его на васъ въ туже миниту, какъ только станетъ холодѣть... Теперь тысячами вокругъ болѣютъ и мрутъ. Въ Полтавской губерніи свирѣпствуетъ холера почти повсемѣстно, и въ самой Полтавѣ. Богъ да хранитъ васъ!"

„Драмы Константина Сергѣевича я еще не имѣю; сегодня однако пришло объявленіе о посылкѣ. Вѣроятно, это она. Я ее прочту съ лю-

*) Они привезли мнѣ ваше милое письмецо, которое мнѣ было цѣлебно.

бопытствомъ уже потому, что въ ней долженъ заключаться вопросъ, рѣшеніемъ котораго я серьезно теперь занятъ не менѣе самого Константина Сергѣевича... Поблагодарите Ольгу Семеновну и милыхъ дочерей вашихъ за то, что онѣ не позабывали матушки и сестеръ".

Сергѣй Тимоѳеевичъ получилъ это письмо уже въ своей подмосковной, въ Абрамцевѣ, откуда и отвѣчалъ Гоголю 1848 года 21 Іюня:

«Я получилъ письмо ваше, милый другъ Николай Васильевичъ, отъ 8 Іюня и очень ему обрадовался. Благодарю васъ за добрые совѣты: они совершенны справедливы, и я, волею-неволею, слѣдую имъ постоянно. Вы знаете сколько за мной блюстителей. Боюсь только, чтобъ сохраненіе меня отъ простуды не было доведено до излишества. Съ 8-го Іюня мы живемъ въ нашей прелестной деревенькѣ, и я вполнѣ наслаждался бы природою, еслибъ мы не были встревожены нездоровьемъ Вѣры: у нея сильное раздраженіе желудка и всей нервной системы. Когда мы уѣзжали изъ Москвы, тамъ была сильная холера; но теперь, благодаря Бога, стала гораздо потише. У Троицы и кругомъ около насъ также есть эта болѣзнь, но въ слабомъ видѣ и, кажется, исчезаетъ".

„Вы не можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ стану ждать я каждую почту вашего письма *по прочтеніи драмы*. Еслибъ я не былъ отцемъ сочинителя, то непремѣнно напечаталъ бы объ ней критическую статью. Эту статью вмѣщу я въ письмо къ вамъ и непремѣнно пришлю ее. Завтра же начну писать, и каковъ бы ни былъ вашъ судъ, не перемѣню въ ней ни одного слова. Два года тому назадъ провелъ я зиму въ деревнѣ и между прочимъ написалъ книжку подъ названіемъ: „Записки объ уженьи", которую къ вамъ и посылаю. Она не велика, вы прочтете ее на досугѣ. Я писалъ ее съ большимъ наслажденіемъ. Воспоминаніе прошедшаго освѣжало и оживляло меня. Если Богъ исполнитъ мое желаніе, и я проведу эту зиму въ деревнѣ, то начну писать другую книжку „объ охотѣ съ ружьемъ": съ двѣнадцатилѣтняго возраста до тридцатилѣтняго я былъ преданъ этой охотѣ страстно, безумно. Я уже написалъ „Прилетъ птицы весною" и думаю, что даже неохотникъ можетъ прочесть съ удовольствіемъ этотъ отрывокъ. *Семейная Хроника* пишется какъ-то вяло. Кажется, надобно перемѣнить планъ: сократить подробности и не соблюдать строгой послѣдовательности. Вотъ какъ много наболталъ я вамъ о себѣ. Прощайте! Да сохранитъ васъ Богъ здрава и невредима. Обнимаю васъ. Мое почтеніе вашей доброй матушкѣ и сестрицамъ. Душою вашъ С. Аксаковъ. Всѣ мои васъ обнимаютъ. Костя вамъ кое-что посылаетъ„.

Гоголь отвѣчалъ на это изъ Васильевки отъ 12-го Іюля 1848 года:

«И за письмо, и за книги благодарю васъ, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Какъ ни слабъ я послѣ недуга, отъ котораго еще не оправился какъ слѣдуетъ, но не могу отказать себѣ написать къ вамъ нѣсколько строчекъ. Какое убійственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздухъ! Только три или четыре дня по пріѣздѣ моемъ на родину я чувствовалъ себя хорошо; потомъ безпрерывныя разстройства въ желудкѣ, въ нервахъ и въ головѣ отъ этой адской духоты, томительнѣй которой нѣтъ подъ тропиками. Все переболѣло и болѣетъ вокругъ насъ. Холера... не даетъ перевести духъ. Тоска, еще болѣе оттого, что никакое умственное занятіе не идетъ въ голову: даже читать самаго легкаго чтенія не въ силахъ. А потому не ждите отъ меня никакихъ отчетовъ относительно впечатлѣній, произведенныхъ присланными книгами. Я послѣ напишу Константину Сергѣевичу мое мнѣніе о его драмѣ. Статья его о современномъ спорѣ мнѣ понравилась, можетъ быть оттого, что во время чтенія голова моя была свѣжа, и вниманія достало на небольшую статью. Вашъ разборъ драмы я бы желалъ нетерпѣливо прочесть, хотя по кусочкамъ. Мнѣ кажется, вы сдѣлаете очень нелишнее дѣло, если займетесь (имъ); тѣмъ болѣе, что самый предметъ, о которомъ пойдетъ рѣчь, такъ важенъ для всѣхъ насъ, что и сама драма, и самъ сочинитель могутъ остаться почти въ сторонѣ".

„Въ драмѣ постигнуто высшее свойство нашего народа. Вотъ ея главное достоинство! Недостатокъ—что, кромѣ этого высшаго свойства, народъ не слышенъ своими другими сторонами, не имѣетъ грѣшнаго тѣла нашего, безтѣлесенъ. Зачѣмъ Константинъ Сергѣевичъ выбралъ форму драмы? Зачѣмъ не написалъ прямо исторію того времени? Странное дѣло: когда разворачиваю исторію нашу, мнѣ въ ней видится такая живая драма на каждой страницѣ, такъ просторно открывается весь кругозоръ тогдашнихъ дѣйствій, и видятся всѣ люди, и на первомъ, и на второмъ планѣ, и дѣйствующіе и молчащіе. Когда же я читаю извлеченную изъ нея нашу такъ называемую историческую драму, кругозоръ передо мною тѣсенъ: я вижу только тѣ лица, которыя выбралъ сочинитель для доказанія своей любимой мысли; полнота жизни отъ меня уходитъ; запаха свѣжести, первой весенней свѣжести, я не слышу; намѣсто дѣйствія я слышу словопренія, и мнѣ кажется все блѣдно. Не распространяю этихъ словъ на драму Константина Сергѣевича. Въ ней вялости нѣтъ, языкъ свѣжъ, рѣчь жива. Но зачѣмъ, не бывши драматургомъ, писать драму? Какъ будто свойства драматурга можно пріобрѣсть? Какъ будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко цѣнить, высоко судить и мыслить? Для этого нужно осязательное, пластическое творчество, и ничто другое. Его ни-

чѣмъ нельзя замѣнить. Безъ него исторія всегда останется выше всякаго извлеченнаго изъ нея сочиненія. Можетъ быть, все это, что̀ я вамъ теперь говорю, есть плодъ нынѣшняго мутнаго состоянія моей головы, неспособной разсуждать отчетливо и ясно; можетъ быть, въ другой разъ, когда прочту внимательно это сочиненіе и притомъ въ минуту свѣтлую, я выражусь иначе и лучше; но мнѣ кажется, я и тогда не соглашусь съ Константиномъ Сергѣевичемъ, будто драма есть художественное пониманіе исторіи въ извѣстную эпоху. Скорѣе развѣ можно сказать: художественное воспроизведеніе ея. Пониманія одного мало для драмы. Но обо всемъ этомъ потолкуемъ послѣ. Сочиненіе это, во всякомъ случаѣ, *немаловажно* и всегда останется замѣчательно тою высокою задачей, которую оно задало намъ и надъ которымъ сто̀итъ всякому истинно-Русскому поразмыслить и поразсудить серьезно".

„Не знаю, когда съ вами увижусь. Хотѣлъ было ѣхать теперь, не смотря на болѣзненную слабость; но узналъ, что дилижансы изъ Харькова въ Москву уничтожились. Заводить свой экипажъ нѣтъ средствъ, и скука. Попутчика покуда не отыскивается..... Напишите мнѣ слова два о Михаилѣ Семеновичѣ, не будетъ ли онъ въ Харьковѣ? Онъ, кажется, имѣетъ обыкновеніе заглядывать туда въ Августѣ около ярмарки; какъ бы мнѣ было пріятно прокатиться съ нимъ! Вашъ Н. Гоголь. Всѣмъ вашимъ дружескій поклонъ".

Константинъ Сергѣевичъ еще ранѣе, при первомъ извѣстіи о возвращеніи Гоголя въ Россію и въ ожиданіи свиданія съ нимъ, писалъ ему въ Васильевку письмо о «Перепискѣ съ Друзьями». «Полная откровенность необходима... Я долженъ сказать вамъ все, что̀ у меня на душѣ. Во всемъ, что̀ вы писали въ письмахъ, и въ книгѣ вашей особенно, вижу я прежде всего одинъ главный недостатокъ: это *ложь*. Ложь не въ смыслѣ *обмана* и не въ смыслѣ *ошибки*; нѣтъ, а въ смыслѣ неискренности прежде всего. Это внутренняя неправда человѣка съ самимъ собою. Такая ложь, ложь внутренняя, рядится всего болѣе въ одежду правды, искренности, простоты и прямоты. Такова ваша книга". Письмо это уже было напечатано въ Русскомъ Архивѣ (см. въ статьѣ „Гоголь и Славянофилы" 1890, I, стр. 139). Здѣсь у мѣста привести лишь отвѣтъ Гоголя:

„Іюня 3 (1848). Васильевка".

«Откровенность прежде всего, Константинъ Сергѣевичъ. Такъ какъ вы были откровенны и сказали въ вашемъ письмѣ все, что̀ было на душѣ, то и я долженъ сказать о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя были во мнѣ при чтеніи письма вашего. Вопервыхъ, меня нѣсколько удивило, что вы, на мѣсто извѣстій о себѣ, распространились о моей книгѣ, о

которой я уже не полагалъ услышать что либо по возвратѣ моемъ на родину. Я думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились, и она предана забвенію. Я, однакоже, прочелъ со вниманіемъ три большія ваши страницы. Многое въ нихъ дало мнѣ знать, что вы съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, слѣдили (историческимъ и философическимъ путемъ) существо природы Русскаго человѣка и, вѣроятно, сдѣлали немало значительныхъ выводовъ. Тѣмъ съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ жажду прочесть вашу драму, которой покуда въ рукахъ не имѣю. Вотъ еще вамъ одна мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ то время, когда я прочелъ слова письма вашего: „Главный недостатокъ книги есть тотъ, что она—ложь“. Вотъ что̀ я подумалъ. Да кто же изъ насъ можетъ такъ рѣшительно выразиться, кромѣ развѣ того, который увѣренъ, что онъ стоитъ на верху истины? Какъ можетъ кто-либо (кромѣ говорящаго развѣ святымъ духомъ) отличать, что̀ ложь и что̀ истина? Какъ можетъ человѣкъ, подобный другому, страстный, на всякомъ шагу заблуждающійся, изречь справедливый судъ другому въ такомъ смыслѣ? Какъ можетъ онъ, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, съ начала до конца, какую бы то ни было душевную исповѣдь, онъ, который и самъ есть ложь, по слову апостола Павла? Неужели вы думаете, что въ вашихъ сужденьяхъ о моей книгѣ не можетъ также закрасться ложь? Въ то время, когда я издавалъ мою книгу, мнѣ казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Развѣ не можетъ случиться того же и съ вами? Развѣ и вы не человѣкъ? Какъ вы можете сказать, что вашъ нынѣшній взглядъ непогрѣшителенъ и вѣренъ, или что вы не измѣните его никогда? Тогда какъ, идя по той же дорогѣ изслѣдованій, вы можете найти новыя стороны, дотолѣ вами незамѣченныя, вслѣдствіе чего и самый взглядъ уже не будетъ совершенно тотъ и, что̀ казалось прежде *цѣлымъ*, окажется только частью цѣлаго. Нѣтъ, Константинъ Сергѣевичъ, есть духъ обольщенія, духъ-искуситель, который не дремлетъ и который такъ же хлопочетъ и около васъ, какъ около меня, и, увы! чаще всего бываетъ онъ возлѣ насъ въ то время, когда думаемъ, что онъ далеко, что мы освободились отъ него и отъ лжи, и что самая истина говоритъ нашими устами. Вотъ какія мысли пришли мнѣ въ то время, когда я читалъ приговоръ вашъ книгѣ, на которую до сихъ поръ еще не имѣлъ духа взглянуть! Скажу вамъ также, что мнѣ становится теперь страшно всякій разъ, когда слышу человѣка, возвѣщающаго слишкомъ утвердительно свой выводъ, какъ непреложную, непогрѣшительную истину. Мнѣ кажется, лучше говорить съ меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательствъ*“.

„Драму вашу я прочту со вниманьемъ и даю вамъ слово не скрыть своего мнѣнія. Она тѣмъ болѣе для меня интересна, что, вѣроятно, въ ней я отыщу яснѣйшее изложеніе всего того, о чемъ вы говорите въ письмѣ вашемъ нѣсколько неопредѣленно и неясно. Покуда не сердитесь на критики въ журналахъ и не называйте ихъ также слѣдствіями вражды, зависти и тому подобнаго. Во всякой изъ нихъ можетъ быть та частица правды, которая только сначала колетъ въ глаза; но если прочтешь нѣсколько разъ, она будетъ цѣлительна и полезна. Искренно уважающій вашъ другъ и любящій васъ Н. Гоголь".

Проведя лѣто въ Малороссіи, Гоголь осенью 1848 года пріѣхалъ въ Москву. Въ письмахъ Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской такъ упоминается о свиданіи съ нимъ:

„*14 Іюня.* Не помню, писала ли я тебѣ, что Гоголь уже въ Малороссіи и въ Августѣ собирается въ Москву. Константинъ писалъ ему откровенное письмо; какъ-то онъ его приметъ? *30 Сентября.* Гоголь теперь въ Петербургѣ. Онъ былъ въ Москвѣ, мы его видѣли; онъ мало наружно перемѣнился, но кажется какъ будто не тотъ Гоголь. Константинъ въ минуту свиданья забылъ все и задушилъ было его обнимая. *13 Октября.* Ты меня спрашиваешь о Гоголѣ; Иванъ (братъ) можетъ передать подробно наше свиданіе. Примиреніе произошло еще на письмахъ. Всѣ ему обрадовались, и отношенія остались по прежнему дружескія; но только все казалось, это не тотъ Гоголь. *29 Ноября.* Гоголь у насъ по прежнему бываетъ также часто; онъ веселѣе и разговорчивѣе, нежели былъ прежде; говоритъ откровенно и о своей книгѣ; и вообще сталъ проще, какъ всѣ находятъ. Онъ твердо намѣренъ продолжать „Мертвыя Души". *22 Декабря.* Сегодня обѣдаютъ у насъ Гоголь и другіе".

Самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ (Зап. о жизни Н. В. Гоголя, II т., стр. 222) разсказываетъ объ этомъ свиданіи и о зимѣ $1848/_9$ года такъ:

„Когда Гоголь пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Москву (въ Сентябрѣ 1848 года), я былъ въ деревнѣ и только въ Октябрѣ переселился въ городъ. Въ тотъ же вечеръ пришелъ къ намъ Гоголь, и мы увидѣлись съ нимъ послѣ шестилѣтней разлуки. Въ непродолжительномъ времени возстановились между нами прежнія, какъ бы прерванныя, нарушенныя продолжительною разлукою отношенія; но объ его книгѣ и второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» не было и помину. Гоголь въ эту зиму прочелъ намъ всю «Одиссею», переведенную Жуковскимъ. Онъ слишкомъ восхищался этимъ

переводомъ. Я и сынъ мой Константинъ были не совсѣмъ согласны съ нимъ. Разумѣется, это было ему непріятно; но онъ не показывалъ никакого неудовольствія. Одинъ разъ, когда мы высказали ему немалое число самыхъ неопровержимыхъ замѣчаній на переводъ «Одиссеи», Гоголь сказалъ: „Напишите все это и пошлите Жуковскому; онъ будетъ вамъ очень благодаренъ".

„Часто также читалъ вслухъ Гоголь Русскія пѣсни, собранныя г-мъ Терещенко, и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ свадебныхъ пѣсенъ. Гоголь всегда любилъ читать; но должно сказать, что онъ читалъ съ неподражаемымъ совершенствомъ только все комическое въ прозѣ, или пожалуй чувствительное, но одѣтое формою юмора; все же чисто-патетическое, какъ говорится, и лирическое Гоголь читалъ нараспѣвъ. Онъ хотѣлъ, чтобы ни одинъ звукъ стиха не терялъ своей музыкальности и, привыкнувъ къ его чтенію, можно было чувствовать силу и гармонію стиха. Изъ писемъ его къ друзьямъ видно, что онъ работалъ въ это время неуспѣшно и жаловался на свое нравственное состояніе. Я же думалъ, напротивъ, что трудъ его подвигается впередъ хорошо, потому что самъ онъ былъ довольно веселъ и читалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Я въ этомъ, какъ вижу теперь, ошибался; но вотъ что̀ вѣрно: я никогда не видалъ Гоголя такимъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, т. е. въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1848-го и въ Январѣ и Февралѣ 1849 года. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога. Надобно замѣтить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде никогда не могъ выносить сильнаго холода и что теперь онъ одѣвался очень легко. Но недолго предавался я радостнымъ надеждамъ на совершенное возстановленіе его здоровья. Съ появленіемъ первыхъ оттепелей, Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе, и хандра очевидно стала имъ овладѣвать. Однако, 19-го Марта, въ день его рожденья, который онъ всегда проводилъ у насъ, я получилъ отъ него слѣдующую довольно веселую записку:

„Любезный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, имѣютъ сегодня подвернуться вамъ къ обѣду два пріятеля: Петръ Мих. Языковъ и я, оба грѣховодники и скоромники. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ бычачины на одно лишнее рыло".

„Имянины свои, 9-го Мая, Гоголь праздновалъ, по прежнему, въ саду у М. П. Погодина, и 7-го Мая я получилъ отъ него слѣдующую записку. (Было одно обстоятельство, не касавшееся Гоголя, но которое не позволило ему сдѣлать намъ прямаго приглашенія).

„Мнѣ хотѣлось бы, держась старины, послѣ завтра отобѣдать въ кругу короткихъ пріятелей въ Погодинскомъ саду. Звать на имянины самому неловко. Не можете ли вы дать знать, или сами, или чрезъ Константина Сергѣевича, Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно съ Мельгуновымъ? Придумайте, какъ это сдѣлать ловче и дайте мнѣ потомъ отвѣтъ, если можно заблаговременно“.

Лѣтомъ 1849-го года Гоголь посѣтилъ и Абрамцево. Сергѣй Тимоѳеевичъ (см. тамъ же, стр. 228) такъ разсказываетъ объ этомъ:

„Гоголь много гулялъ у насъ по рощамъ и забавлялся тѣмъ, что, находя грибы, собиралъ ихъ и подкладывалъ мнѣ на дорожку, по которой я долженъ былъ возвращаться домой. Я почти видѣлъ, какъ онъ это дѣлалъ. По вечерамъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ переводы древнихъ Мерзлякова, изъ которыхъ особенно ему нравились гимны Гомера. Такъ шли вечера до 18-го числа. 18-го вечеромъ Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ:

— Да не прочесть ли намъ главу „Мертвыхъ Душъ?“

Мы были озадачены его словами и подумали, что онъ говоритъ о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“. Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобъ принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки; но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

—«Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ втораго“.

„И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь“.

„Не могу выразить, что̀ сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Туже минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ первую главу втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ,—и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ, въ свою комнату, потому что уже прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ“.

„Тутъ только мы догадались, что Гоголь съ перваго дня имѣлъ намѣреніе прочесть намъ первую главу изъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, которая одна, по его словамъ, была отдѣлана, и ждалъ отъ насъ только какого нибудь вызывающаго слова. Тутъ только припомнили мы, что Гоголь много разъ опускалъ руку въ карманъ, какъ бы хотѣлъ что-то вытащить, но вынималъ пустую руку“.

„На другой день Гоголь требовалъ отъ меня замѣчаній на прочитанную главу; но намъ помѣшали говорить о „Мертвыхъ Душахъ". Онъ уѣхалъ въ Москву, и я написалъ къ нему письмо, въ которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и указалъ на особенныя, по моему мнѣнію, красоты".

Вотъ это письмо отъ 27-го Августа 1849 года:

«Я чувствую душевную потребность сказать вамъ нѣсколько словъ, милый другъ Николай Васильевичъ. Я долженъ передъ вами покаяться. Послѣ всего случившагося въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, я, Ѳома невѣрный, какъ вы сами меня назвали, потерялъ было вѣру въ дальнѣйшее существованіе вашего творческаго таланта. Мнѣ показалось несовмѣстнымъ ваше духовное направленіе съ искусствомъ. Я ошибся. Слава Богу! Благодарю васъ, что вы наконецъ рѣшились разсѣять мое заблужденіе. Вы знали его; но не знали, какъ тяжело было мнѣ смотрѣть на васъ, на мнимаго страдальца, утратившаго плодотворную силу своего творчества, но не потерявшаго стремленія, необходимости творить. Много вытерпѣлъ я сердечной скорби отъ моей грубой ошибки. Но теперь все забыто! Слава Богу, я чувствую только одну радость. Талантъ вашъ не только живъ, но онъ созрѣлъ. Онъ сталъ выше и глубже, что̀ я и сказалъ вамъ сейчасъ послѣ чтенія».

„Можетъ быть, вы хотѣли бы слышать отъ меня критическую оцѣнку, но я не могу этого сдѣлать. Я слушалъ съ такимъ волненіемъ, а сначала и съ предубѣжденіемъ, что подробности впечатлѣній скоро поглотились однимъ чувствомъ наслажденія. При томъ же я ничего не могу судить вѣрно о подробностяхъ, *слушая въ первый разъ*: мнѣ надобно прочесть своимъ глазомъ. Но вотъ что у меня осталось въ памяти. 1) Мнѣ показалось, что сначала какъ-то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мнѣ показался нѣсколько длиннымъ и натянутымъ разсказъ объ Александрѣ Петровичѣ. 3) Встрѣча въ деревнѣ крестьянами молодаго барина какъ будто жидка и одностороння. Но я не ручаюсь за вѣрность моихъ замѣчаній. Если вы захотите ихъ имѣть, то дайте мнѣ тетрадь въ руки. — Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье и благословитъ окончательные труды ваши: ибо я считаю, что *Мертвыя Души* написаны и что теперь остается послѣдняя отдѣлка. Я прошу у Бога милости дожить до ихъ появленія, при настоящемъ моемъ умѣ и чувствахъ; я хочу вполнѣ насладиться не только возстановленіемъ вашей славы, но и полнымъ торжествомъ вашимъ на всемъ пространствѣ Руси.... Какъ утѣшили вы меня, Константина и все наше семейство! Какъ долго мы были полны только однимъ чувствомъ, о которое притуплялось даже горе.... Прочь всѣ теоріи и умствованія: да будетъ благословенно искусство на землѣ! Крѣпко васъ обнимаю. Душой вашъ С.

Аксаковъ. Иванъ вамъ кланяется. Онъ спрашиваетъ, читали ли вы стихотворенія Григорія Богослова? Если нѣтъ, то прочтите. Въ Рыбинскѣ играли „Ревизора“; въ половинѣ пьесы, актеры, видя, что зрители больше ихъ похожи на дѣйствующія лица, помирали всѣ со смѣху“.

„Получивъ мое письмо, Гоголь былъ такъ доволенъ, что захотѣлъ видѣть меня немедленно. Онъ нанялъ карету, лошадей и въ тотъ же день прикатилъ къ намъ въ Абрамцево. Онъ пріѣхалъ необыкновенно веселъ или, лучше сказать, свѣтелъ, и сейчасъ сказалъ:

— Вы замѣтили мнѣ именно то, что я самъ замѣчалъ, но не былъ увѣренъ въ справедливости моихъ замѣчаній. Теперь же я въ нихъ не сомнѣваюсь, потому что тоже замѣтилъ другой человѣкъ, *пристрастный* ко мнѣ.

„Гоголь прожилъ у насъ цѣлую недѣлю; до обѣда раза два выходилъ гулять, а остальное время работалъ; послѣ же обѣда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть слѣдующія главы; но онъ убѣдительно просилъ, чтобъ я погодилъ. Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ прочелъ уже нѣсколько главъ А. О. Смирновой и С. П. Шевыреву, что самъ увидѣлъ, какъ много надо передѣлать и что прочтетъ мнѣ ихъ непремѣнно, когда онѣ будутъ готовы“.

„6-го Сентября Гоголь уѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Ольгою Семеновной. Прощаясь, онъ повторилъ ей обѣщаніе прочесть намъ слѣдующія главы „Мертвыхъ Душъ“ и велѣлъ непремѣнно сказать это мнѣ“.

«Въ Генварѣ 1850 года Гоголь прочелъ намъ въ другой разъ первую главу „Мертвыхъ Душъ“. Мы были поражены удивленіемъ: глава показалась намъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ:

— Вотъ что значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, повидимому, самыя ничтожныя: тамъ одно слово убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено—и все выходитъ другое. Тогда надо напечатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы».

„Оказалось, что онъ воспользовался всѣми сдѣланными ему замѣчаніями“.

«Января 19-го Гоголь прочелъ намъ вторую главу второго тома «Мертвыхъ Душъ», которая была довольно отдѣлана и не уступала первой въ достоинствѣ; а до отъѣзда своего въ Малороссію онъ прочелъ третью и четвертую главы».

Отъѣздъ Гоголя изъ Москвы въ Малороссію, вдвоемъ съ М. А. Максимовичемъ, на долгихъ, совершился раннимъ лѣтомъ 1850 года изъ дома Аксаковыхъ (именно 13 Мая). Гоголь прислалъ Сергѣю Тимоѳеевичу записку по этому случаю:

„Мы съ Максимовичемъ заѣдемъ къ вамъ по дорогѣ, то-есть передъ самымъ отъѣздомъ, часу во второмъ; стало быть во время вашего завтрака, чтобы и самимъ у васъ чего нибудь перехватить: одного блюда, не больше, или котлетъ, или, пожалуй, варениковъ, и запить бульонцемъ".

По этому случаю была и другая записочка Гоголя къ Константину Сергѣевичу:

„Оказывается, что вамъ очень недурно съѣздить въ Кіевъ, Константинъ Сергѣевичъ, во первыхъ, чтобъ не обидѣть первопрестольной столицы, а вовторыхъ, чтобъ, задавши работу ногамъ, освѣжить голову, совершая путь по поламъ съ подсѣдомъ на телѣгу и съ напускомъ пѣхондачка, совокупно съ нами оттопавши дорогу до Глухова, откуда Кіевъ уже подъ носомъ. И потомъ по благоусмотрѣнію устроить возвратъ *)".

Въ добавленіе къ свидѣтельству Сергѣя Тимоѳеевича о хорошемъ состояніи здоровья Гоголя въ зиму 184⁸/₉ года должно сказать, что самъ Гоголь пугался „суровостей зимы"и въ Февралѣ 1850 г. болѣлъ серьезно. Въ концѣ этого мѣсяца, по его словамъ въ письмѣ къ А. С. Данилевскому (IV т. „Соч. и письма Гоголя, стр. 500), онъ еще не оправился отъ болѣзни и находился въ „состояніи хандры и нѣкотораго унынія отъ всего что̀ дѣлается на свѣтѣ".

По всей вѣроятности, къ этому времени относится слѣдующая записка Сергѣя Тимоѳеевича:

„Зачѣмъ же вы хвораете, другъ мой? Я третій день опять боленъ и началъ лѣчиться земляничнымъ корнемъ. Константинъ уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы побывать у васъ. Крѣпко васъ обнимаю. Вашъ другъ С. Аксаковъ. 11 Февраля".

На это отвѣтная записка Гоголя, помѣченная карандашемъ *1850 г. Февраль:* „Чувствую лучше. Простуда и жаръ въ головѣ уменьшается. Оверъ одобрилъ все сдѣланное моимъ док-

---

*) Г. Кулишъ, разсказывая объ этомъ путешествіи *на долгихъ* со словъ Максимовича, въ Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя, 2-й т. стр. 231, обозначаетъ днемъ выѣзда 13 Іюня; между тѣмъ онъ-же, въ изданіи „Сочиненія и письма Гоголя", обѣ приводимыя здѣсь записочки Гоголя относитъ къ Маю мѣсяцу и первую изъ нихъ именно къ 13-му Мая. Такъ какъ эти записки писаны на лоскуткахъ и были присланы не по почтѣ и безъ конвертовъ, то на нихъ не обозначено ни числа, ни года. Уцѣлѣвшіе подлинники помѣчены только карандашемъ: *1850 года, Май.* Къ тому-же сдѣлана и ошибка въ запискѣ къ Константину Сергѣевичу, а именно напечатано: „Совокупно съ ними оттопавши дорогу до Глухова"; въ подлинникѣ весьма четко: *съ нами,*—намекъ на то, что именно собственное путешествіе Гоголя съ Максимовичемъ *на долгихъ* дало поводъ и Константину Сергѣевичу мечтать о путешествіи пѣшкомъ изъ Москвы въ Кіевъ. Далѣе приводится нами и еще одно несомнѣнное доказательство, что выѣздъ изъ Москвы былъ 13 Мая. *Изд.*

торомъ. Надѣюсь, если не сегодня, то завтра выдти на воздухъ. Радъ, что вы также чувствуете лучше. За все слава Богу. Весь вашъ Н. Г.“ Въ письмѣ къ Плетневу (тамъ же, VI т., стр. 516) Гоголь пишетъ: „Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, далась мнѣ знать сильно. Думалъ было, что укрѣпился и запасся здоровьемъ на Югѣ на долго, но не тутъ-то было. Зима третьяго года кое-какъ перекочкалась, но прошлая едва-едва вынеслась“. Онъ съ тѣмъ и уѣхалъ на лѣто въ Малороссію, чтобы оттуда на зиму вовсе перебраться на Югъ „отъ суровости зимы“.

По отъѣздѣ Гоголя въ Малороссію, Сергѣй Тимоѳеевичъ долго не имѣлъ отъ него извѣстій; письмо отъ Гоголя пришло уже въ позднюю осень, изъ Одессы:

„7 Ноября. Одесса“.

«Увѣдомляю васъ, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ Одессѣ и, можетъ быть, останусь здѣсь всю зиму, хоть, признаюсь, здѣшняя зима мало чѣмъ лучше Московской. Но нечего дѣлать, съ паспортомъ я опоздалъ; а отсюда подыматься на Сѣверъ тоже поздно. Видѣлъ я Казначеева, который мнѣ показался весьма добрымъ человѣкомъ, и часто видаюсь со Стурдзой, съ кн. Репниными, Титовыми и со многими старыми товарищами по школѣ; но чувствую, что васъ не достаетъ. Пожалуйста, увѣдомьте меня о себѣ, о всѣхъ вашихъ и о всемъ, что до васъ относится; о семъ прошу и Константина Сергѣевича. Продолжаете ли записки? Смотрите, чтобъ намъ, какъ увидимся, было не стыдно другъ передъ другомъ, и было-бы что прочесть. Константину и Ивану Сергѣевичамъ также. Пишите: въ Одессу, въ домѣ генералъ-маіора Тропцинскаго. Душевный поклонъ Ольгѣ Семеновнѣ, Вѣрѣ Сергѣевнѣ и всему дому. Весь вашъ Н. Г.“

Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчалъ Гоголю:

„Москва. Декабря 3-го 1850 года“.

„Наконецъ я получилъ прямую вѣсточку отъ васъ, милый другъ Николай Васильевичъ! Итакъ вы въ Одессѣ, и ваше намѣреніе провесть зиму подъ теплымъ небомъ Бейрута не состоялось. Я долженъ признаться вамъ, что обрадовался этому извѣстію. Одесса близехонько, благодаря легкости и удобству сообщеній. Мнѣ страшно было думать, что вы опять заѣдете такъ далеко, и я не вѣрилъ и не вѣрю въ мысль, чтобъ это чужое тепло было полезно вашему здоровью; а вѣдь о немъ-то и рѣчь идетъ. Повѣрьте, что я не увлекаюсь эгоизмомъ и не подкупленъ возможностью скораго свиданія съ вами: возможностью сѣсть, да и пріѣхать въ Москву. Будьте здоровы, доканчивайте успѣшно свой великій трудъ и не ѣздите въ Москву хоть цѣлый годъ“.

„Я одинъ разъ только имѣлъ извѣстіе, что вы живете въ Васильевкѣ,

что вы здоровы и сбираетесь въ Одессу, чтобъ оттуда ѣхать дальше. О Максимовичѣ до сихъ поръ ничего не знаемъ.—Теперь слѣдуетъ разсказать вамъ по порядку все, что̀ случилось съ нами въ продолженіи 6 мѣсячной разлуки. 4-го Іюня я переѣхалъ въ свою подмосковную *), гдѣ и прожилъ до 21-го Ноября. До наступленія зимы, которая явилась у насъ почти мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго, я неутомимо удилъ и ходилъ за грибами и былъ довольно здоровъ; послѣдній же мѣсяцъ писалъ ежедневно свои охотничьи записки и кончилъ отдѣленіе степной или полевой дичи, начатое въ Москвѣ; написалъ даже кое-что въ техническое отдѣленіе моихъ записокъ. По совѣсти долженъ сказать, что я доволенъ только нѣкоторыми мѣстами. Я переѣхалъ въ Москву съ гораздо большей неохотою, чѣмъ когда нибудь. Послѣ завтра двѣ недѣли, какъ я переѣхалъ и до сихъ поръ еще не началъ примиряться со своимъ положеніемъ. Не могу возбудить въ себѣ никакого интереса къ окружающимъ меня предметамъ. Все мнѣ чуждо и скучно. Писать ничего не могу. Событіе, которое въ другое время не только бы занимало, но и волновало меня, т. е. постановка на сцену драмы Константина, я точно вижу какъ во снѣ. Кромѣ личнаго участія въ сочинителѣ, тутъ рѣшаются два важные вопроса: можно ли перенесть съ успѣхомъ на сцену, въ ея настоящемъ значеніи, драматизмъ исторической старой Русской жизни хотя въ одномъ моментѣ, или простота ея такъ велика, что для сцены не годится? Второй вопросъ еще важнѣе: сохранилось ли настолько въ низшихъ слояхъ общества (а не народа) и развилось ли въ насъ Русскаго чувства, чтобъ мы способны были почувствовать эту жизнь? Эту пiэсу выпросилъ себѣ въ бенефисъ одинъ плохой актеръ Леонидовъ, и Константинъ далъ мимоходомъ согласіе, предполагая, что это дѣло, по многимъ причинамъ, не состоится; а между тѣмъ оно состоялось, и 13 Декабря драма идетъ. Я предполагалъ, что всѣ актеры, особенно по нерасположенію къ бенефиціанту, будутъ весьма недовольны постановкой этой піесы. Можетъ быть, оно сначала такъ и было; но когда Константинъ, при первой считкѣ, прочелъ ее съ совершенною простотою и горячимъ одушевленіемъ, всѣ были увлечены и многіе растроганы до слезъ. Лучшіе актеры захотѣли играть по нѣскольку лицъ въ народѣ, и со вчерашняго дня начались уже репетиціи, которыя будутъ продолжаться даже по ночамъ, послѣ спектаклей, за недостаткомъ времени и свободной сцены. Признаюсь, этого я никакъ не ожидалъ и начинаю думать, что многія мѣста произведутъ сильное дѣйствіе. Святость содержанія драмы и простота, никому не замѣтная,

---

[1]) Вотъ подтвержденіе, что отъѣздъ Гоголя изъ Москвы 1850 года совершился „изъ дома Аксаковыхъ 13 Мая", а не Іюня; ибо съ 4 Іюня Сергѣй Тимоѳеевичъ уже былъ въ Абрамцевѣ. *Изд.*

въ совершеніи великихъ дѣлъ, понята толпой актеровъ, вполнѣ оторванныхъ отъ народа, недостаточно образованныхъ, чтобъ понять его, и забитыхъ представленіемъ лицъ почти всегда совершенно имъ чуждыхъ!.. Согласитесь, что этого никакъ нельзя было ожидать. Хочу сдѣлать глупость: ѣхать на первое представленіе въ литерную ложу, гдѣ бы я могъ спрятаться отъ блеска лампъ и отъ зрителей, ибо я никого не хочу соблазнять своимъ нарядомъ *). Непремѣнно напишу подробно обо всемъ вамъ".

„Константинъ, Вѣра и Надя съѣздили въ Кіевъ и остались очень довольны своимъ путешествіемъ: чудное мѣстоположеніе Кіева въ соединеніи съ его историческимъ и религіознымъ значеніемъ произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ. Малороссія поэтически подѣйствовала на моихъ дочерей и смягчила даже непреклоннаго Константина. Впрочемъ главная цѣль поѣздки недостигнута: здоровье Вѣры находится въ прежнемъ положеніи, какъ и главной больной, Олиньки; всѣ же остальные—слава Богу. Гриша мой служитъ покуда въ Петербургѣ, а Иванъ продолжаетъ неутомимо подвизаться въ Ярославской губерніи. Много новаго, любопытнаго и важнаго открылъ онъ своимъ слѣдствіемъ; отъ него же узнàетъ правительство и всѣ тѣ, кому знать надлежитъ".

«Вотъ вамъ, милый другъ, рапортъ обо всѣхъ насъ. Старуха моя, съ прежнимъ самозабвеніемъ, хлопочетъ обо всемъ, и покуда Богъ хранитъ ея здоровье. Хомякова еще нѣтъ; я крѣпко звалъ его къ 13-му Декабрю, но онъ ничего не отвѣчаетъ. Кошелевъ, Томашевскій и братъ кланяются вамъ. Жена и вся моя семья васъ обнимаютъ. Въ Москвѣ обдали меня потокомъ такихъ гадкихъ вѣстей, что затыкаю уши. Старинный другъ мой и вашъ хорошій знакомый, Кавелинъ кончилъ жизнь. Казначеевъ-добрѣйшій человѣкъ и самый старшій изъ моихъ друзей: мы дружны съ нимъ 42 года. Я напишу къ нему. Крѣпко васъ обнимаю и молю у Бога силъ и здоровья вамъ. Вашъ С. Аксаковъ».

Въ отвѣтъ на это Гоголь писалъ:

„Одесса. Декабря 23 (1850). Очень обрадовали меня вашимъ письмецомъ, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Слава Богу, вы здравствуете, хоть и не такъ, можетъ быть, какъ хотѣлось бы; но... за все слава Богу! Если будемъ довольствоваться малымъ, дастся и больше. Меня также Богъ милуетъ и хранитъ: зима здѣшняя благопріятна мнѣ. Занятія мои потихоньку идутъ. Весной хочется быть въ Москвѣ, повидаться съ вами и съ Москвой. Очень радъ, что драма Константина Сергѣевича попала на сцену. Весьма меня обяжете, если увѣдомите,

*) С. Т. Аксаковъ ходилъ въ Русскомъ платьѣ. *Изд.*

какъ она шла, какъ вообще впечатлѣніе и что̀ говорятъ о ней порознь? Затѣмъ обнимаю васъ отъ всей души и поздравляю совокупно, со всѣмъ милымъ вашимъ семействомъ, всѣхъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ онъ каждому изъ васъ принесъ въ душу много радостей такихъ, за которыя безпрерывно хочется благодарить Бога. Вашъ весь Н. Гоголь".

Одновременно съ тѣмъ и самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ Гоголю:

«Москва, 25 Декабря (1850 г.) Понедѣльникъ. Поздравляю васъ, милый другъ Николай Васильевичъ, съ великимъ праздникомъ. Давно бы слѣдовало мнѣ написать вамъ о представленіи драмы Константина, которое было 14 Декабря; но въ продолженіи этихъ десяти дней много было у меня смущеній разныхъ и нездоровья .. До сихъ поръ Москва полна разговоровъ, брани и клеветъ на автора. Я былъ самъ въ театрѣ, который биткомъ набился народомъ... Мнимая Русская аристократія и высшее дворянство, не знаю почему, изволили обидѣться .. Я имѣлъ счастіе услышать, что про моего Константина говорили тѣже рѣчи, какія я слыхалъ про васъ послѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», то-есть: „въ кандалы бы автора, да въ Сибирь!" Вы знаете драму. Она никогда не назначалась для театра и написана безъ всякаго сценическаго искусства; но строгая истинность историческихъ событій и горячее чувство автора очень слышны на сценѣ, и многія мѣста производятъ сильное впечатлѣніе. Для меня по крайней мѣрѣ вопросъ Русской драмы рѣшенъ: она можетъ и должна быть, но непремѣнно древняя, ибо въ настоящее время Русской жизнью живетъ одинъ крестьянинъ. Крѣпко васъ обнимаю. Все голова болитъ. Всѣ вамъ кланяются. Вашъ другъ С. Аксаковъ".

Январь, Февраль и Мартъ наступившаго 1851-го года Гоголь провелъ въ Одессѣ. Но слѣдующее письмо Сергѣя Тимоѳеевича уже не застало Гоголя въ Одессѣ.

„19 Марта 1851 г. Москва".

„Здравствуйте, милый другъ Николай Васильевичъ, въ новый вашъ годъ! Крѣпко васъ обнимаю и поздравляю. Нѣсколько любящихъ васъ пріятелей заранѣе согласились было сегодня обѣдать у насъ; но, какъ нарочно, что-то угораздило Погодина съ Шевыревымъ устроить сегодня обѣдъ Іордану. Не только всѣ наши гости обѣдаютъ тамъ, но и Константина утащили. Надѣюсь однако, что Бодянскій отобѣдаетъ и придетъ къ намъ. Хотя варениковъ ѣсть не будетъ, но послушаемъ: „Ой, на дворѣ мятелица".

«Давненько не писалъ я къ вамъ.... А отъ васъ ужъ и не помню когда получилъ грамотку. Хоть ваше молчанье я считаю добрымъ знакомъ, но это черезъ-чуръ. Въ послѣднее время я крѣпко разстроился было своими нервами, которыя расплясались у меня, какъ у истерической женщины; теперь понемногу поправляюсь. Причину такой передряги перескажу вамъ лично. Странное дѣло: эта нервическая хворь не только не мѣшала, но даже помогала мнѣ работать надъ моими записками, которыя кончены, и это меня даже огорчаетъ. Конечно, возни за ними осталось еще довольно, но она не можетъ такъ сильно меня занимать; а безъ занятія нашему брату плохо. Мнѣ кто-то сказывалъ, что вы, до пріѣзда въ Москву, поѣдете на южный берегъ Крыма. Если это правда, то я боюсь, что это письмо не застанетъ васъ въ Одессѣ и что вы не скоро къ намъ пріѣдете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ: хочу слушать и читать. Прощайте, другъ мой! Обнимите за меня Казначеева и скажите ему, что его грамотка шла ко мнѣ два мѣсяца. Прощайте! Всею душою вашъ С. Аксаковъ“.

Гоголь отвѣчалъ на это уже изъ своей Васильевки: „Мая 14 (1851) д. Васильевка. Милое ваше письмо, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, получилъ уже здѣсь въ Малороссіи и благодарю васъ за поздравленіе съ днемъ рожденія моего, и васъ, и Ольгу Семеновну, и Константина Сергѣевича, и всю семью. На дняхъ выѣзжаю въ Москву. Вѣроятно, вы уже будете въ вашей подмосковной, но постараюсь заглянуть къ вамъ и туда. О Максимовичѣ не имѣю никакихъ вѣстей; слышалъ только, что былъ онъ боленъ и ничего больше. Весна здѣсь такъ благопріятна, какъ давно не была. Обнимаю васъ, до свиданья. Вашъ Н. Гоголь“.

Вскорѣ Гоголь, и въ самомъ дѣлѣ, прибылъ въ Москву, откуда проѣхалъ въ Абрамцево. Сергѣй Тимоѳеевичъ, въ той же запискѣ, составленной для г. Кулиша, пишетъ объ этомъ времени (Записки о жизни Н. В. Гоголя, II т., стр. 254):

„Въ 1851 году Гоголь былъ у насъ въ деревнѣ три раза: въ Іюнѣ, въ половинѣ Сентября, когда онъ сбирался на свадьбу сестры своей въ Васильевку (откуда хотѣлъ проѣхать на зиму опять въ Одессу) и, наконецъ, въ третій разъ 30-го Сентября, когда онъ уже воротился съ дороги, изъ Оптиной пустыни. Онъ былъ постоянно грустенъ и говорилъ, что въ Оптиной пустыни почувствовалъ себя очень дурно и, опасаясь расхвораться, пріѣхать на свадьбу больнымъ и всѣхъ разстроить, рѣшился воротиться. Очень было замѣтно, что его постоянно смущала

мысль о томъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть. Перваго Октября, въ день рожденія своей матери, Гоголь ѣздилъ къ обѣднѣ въ Сергіевскую Лавру и, на возвратномъ пути, заѣзжалъ въ Хотьковъ монастырь. За обѣдомъ Гоголь поразвеселился, а вечеромъ былъ очень веселъ. Пѣлись Малороссійскія пѣсни, и Гоголь самъ пѣлъ очень забавно. Это было его послѣднее посѣщеніе Абрамцева и послѣднее свиданіе со мною. 3-го Октября онъ уѣхалъ въ Москву".

Здѣсь у мѣста напомнить объ этомъ послѣднемъ прощаніи Гоголя слова самого Сергѣя Тимоѳеевича, уже приведенныя въ началѣ, когда авторъ разсказывалъ о „незабвенномъ на всю жизнь днѣ 13 Ноября 1839-го года", а именно: „Лице Гоголя не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ. Вмѣсто отвѣта онъ благодарилъ Бога за эту минуту, за встрѣчу на землѣ со мной и моимъ семействомъ, протянулъ мнѣ обѣ руки, крѣпко сжалъ мои и посмотрѣлъ на меня такими глазами, *какими смотрѣлъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, уѣзжая изъ нашего Абрамцева въ Москву и прощаясь со мной не надолго. Я вѣрю, что въ немъ это было предчувствіе вѣчной разлуки*".

Спустя 3 мѣсяца и 17 дней послѣдовала кончина Гоголя. За этотъ промежутокъ времени сохранилась одна только записка Сергѣя Тимоѳеевича къ Гоголю, отъ 9-го Генваря 1852-го года, изъ Абрамцева:

„Здравствуйте, милый другъ Николай Васильевичъ! Какъ поживаете? Я кое-какъ перебиваюсь. Посылаю съ Иваномъ половину моихъ записокъ, чтобъ процензуровать и печатать; остальную половину пришлю черезъ недѣлю. Поздравляю васъ съ прошедшими праздниками и наступившимъ новымъ годомъ. 1852-й годъ долженъ быть ознаменованъ появленіемъ II-го тома „Мертвыхъ Душъ". Каково ваше здоровье и какъ идетъ дѣло? По слухамъ, кажется, не дурно. Я не надѣюсь скоро васъ обнять. Не могу и подумать о зимней дорогѣ и возкѣ; да и жить мнѣ въ нашей квартирѣ неудобно. Я уже далъ довѣренность Ивану по всѣмъ моимъ дѣламъ. Крѣпко васъ обнимаю. Молю Бога, чтобъ Онъ подкрѣпилъ ваши силы. Душою вашъ С. Аксаковъ. 9-го Января. Всѣ мои васъ обнимаютъ и поздравляютъ".

Объ этихъ послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Гоголя самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ (въ тѣхъ-же Запискахъ, ч. II стр. 255) вспоминаетъ такъ:

„Въ продолженіи Октября и Ноября Гоголь вѣроятно чувствовалъ себя лучше и могъ успѣшно работать, что̀ доказывается нѣсколькими

его записками. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, онъ писалъ: „Слава Богу за все. Дѣло кое-какъ идетъ. Можетъ быть, оно и лучше, если мы прочитаемъ другъ другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то безпорядка, какъ всегда бываетъ осенью, когда человѣкъ возится и выбираетъ мѣсто, какъ усѣсться, а еще не усѣлся". Слѣдующія слова изъ другой записки показываютъ, что Гоголь былъ доволенъ своею работой: „Если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ быть, я какъ нибудь управлюсь". Потомъ дошли до меня слухи, что Гоголь опять разстроился. Я писалъ къ нему и спрашивалъ, какъ подвигается его трудъ, и получилъ отъ него слѣдующую печальную, послѣднюю записку, писанную или въ исходѣ Декабря 1851 го года, или въ началѣ Января 1852-го года: „Очень благодарю за ваши строчки. Дѣло мое идетъ крайне тупо. Время такъ быстро летитъ, что ничего почти не успѣваешь. Вся надежда моя на Бога, Который одинъ можетъ ускорить мое медленно-движущееся вдохновеніе. Вашъ весь Н. Г. Обнимаю вмѣстѣ съ вами весь домъ вашъ".

Это послѣднія собственноручныя строки Гоголя изъ его переписки съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ.

О послѣднихъ дняхъ Гоголя, изъ матеріяловъ, собранныхъ для „Исторіи моего знакомства", нельзя не привести выписки изъ письма, жившей въ Москвѣ, Вѣры Сергѣевны къ матери Гоголя, а также нѣсколько строкъ изъ письма ея же въ Абрамцево къ отцу.

„Сегодня Оверъ удивилъ насъ своими разсужденіями о Гоголѣ. Какъ могъ онъ такъ истинно понять его и то̀, какъ должны были-бы поступать съ нимъ друзья! Даже слишкомъ было больно слышать, что теперь... нельзя исправить. Но видно такъ Богу угодно, таковы судьбы Божіи и для Россіи. Но грустно, грустно.. И никого близкихъ изъ нашихъ не было около него".

Слѣдуетъ отрывокъ изъ письма къ матери Гоголя:

„Я вамъ обѣщала, добрая Марья Ивановна, описаніе нашихъ послѣднихъ свиданій съ Николаемъ Васильевичемъ. Хотя въ нихъ особеннаго ничего не было, но я знаю, что вамъ все дорого. Мы жили эту зиму въ деревнѣ по обстоятельствамъ денежнымъ; больной сестрѣ былъ нанятъ маленькій домикъ, и кто нибудь изъ братьевъ и изъ сестеръ постоянно съ ней жилъ. Николай Васильевичъ очень уговаривалъ нанять большой домъ и переѣхать всѣмъ, увѣряя, что жить на два дома не будетъ выгодно . . . Послѣ половины Января (1852 г.) я съ сестрою Надей поѣхала въ Москву. Какъ пріѣхали, дали знать Николаю Ва-

сильевичу. Онъ навѣстилъ насъ, и мы нашли его довольно бодрымъ; но въ это время занемогла жена Хомякова, сестра Языкова, съ которымъ Николай Васильевичъ былъ такъ друженъ. Всѣхъ очень встревожила и огорчила болѣзнь такой молодой женщины. Николай Васильевичъ навѣщалъ насъ черезъ день; хотя на короткое время, но приходилъ непремѣнно узнать, что́ у насъ дѣлается, какія вѣсти изъ деревни?.. Вы, можетъ быть, слышали, что у насъ какъ-то пѣвались Малороссійскія пѣсни, и Николай Васильевичъ самъ ихъ напѣвалъ для того, чтобы класть на ноты. Желая ему сдѣлать пріятное, сестра предложила ему заняться опять пѣснями. Хомяковой сдѣлалось получше, и мы назначили день, чтобы собраться; но больной сдѣлалось опять хуже и, наканунѣ назначеннаго дня, она скончалась 35-ти лѣтъ, оставя 7 маленькихъ дѣтей и мужа, любившаго ее всею душой. Эта кончина поразила и огорчила всѣхъ, но Николая Васильевича она особенно разстроила. Онъ былъ на первой панихидѣ и насилу могъ остаться до конца. На другой день онъ былъ у насъ и говорилъ, что его это очень разстроило. „Вотъ какъ!“.. сказалъ онъ, грустно здороваясь съ нами; говорилъ, что боялся въ тотъ день посылать узнавать о ея здоровьѣ и только ждалъ извѣщенія отъ Хомяковыхъ, которое и не замедлило придти. Спросилъ, гдѣ ее положатъ? Мы сказали: въ Даниловомъ монастырѣ возлѣ Языкова Николая Михайловича. Онъ покачалъ головой, сказалъ что-то объ Языковѣ и задумался такъ, что намъ страшно стало: онъ, казалось, совершенно перенесся мыслями туда и оставался въ томъ-же положеніи такъ долго, что мы нарочно заговорили о другомъ, чтобъ прервать его мысли. На другой день, во Вторникъ, мы не видали Николая Васильевича; въ этотъ день похороны. На нихъ онъ не былъ. На третій день въ Середу пришелъ онъ; мы его спросили, отъ чего онъ не былъ? Онъ сказалъ, что слишкомъ былъ разстроенъ, не могъ. Разговоръ, разумѣется, все былъ о томъ-же. Онъ сказалъ: „Я отслужилъ самъ одинъ панихиду по Екатеринѣ Михайловнѣ и помянулъ вмѣстѣ всѣхъ близкихъ прежде отшедшихъ; и она, какъ будто въ благодарность, привела ихъ всѣхъ такъ живо передъ меня. Мнѣ стало легче. Но страшна минута смерти“. Почему-же страшна? сказалъ кто-то изъ насъ. Только бы быть увѣрену въ милости Божіей къ страждущему человѣку, и тогда отрадно думать (о смерти). «Ну, объ этомъ надобно спросить тѣхъ, кто перешелъ черезъ эту минуту“, сказалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ (послѣ того, какъ отслужилъ панихиду) онъ сдѣлался спокоенъ, какъ-то свѣтелъ духомъ, почти веселъ; по крайней мѣрѣ, такимъ мы его видѣли во всѣ послѣдніе раза.—Черезъ день опять онъ пришелъ и именно утромъ. Братья наши разъѣхались: одинъ въ Курскъ, другой въ деревню; къ намъ принесли корректуру Николаю Васильевичу. Я послала

ему съ запиской. Онъ приходитъ и говоритъ, что получилъ записку, но корректуры не получалъ; сказалъ, что только-что отъ обѣдни. Это была Пятница передъ Масляной; въ Суботу приходилось Срѣтеніе, и потому поминальную суботнюю службу служили въ Пятницу. Видно было, что онъ находился подъ впечатлѣніемъ этой службы; мысли его были всѣ обращены къ тому міру. Онъ былъ свѣтелъ, даже веселъ, говорилъ много и все объ одномъ и томъ же. Онъ говорилъ, что надобно посовѣтовать Хомякову читать самому Псалтирь по своей женѣ, что это для него и для нея будетъ утѣшеніе, и что тогда только имѣетъ смыслъ чтеніе Псалтири по умершимъ, когда читаютъ близкіе; говорилъ о впечатлѣніи смерти на людей, о томъ, возможно-ли человѣка воспитать такъ съ малыхъ лѣтъ, чтобъ онъ понималъ значеніе жизни и смерти, чтобы смерть не поражала какъ будто нечаянность. Говорилъ объ одной знакомой старушкѣ, которая по своему дурному нраву возбудила противъ себя негодованіе всѣхъ. Онъ говорилъ о томъ какъ гнѣвъ опасенъ: раздражаетъ другихъ; хвалилъ очень своего приходскаго священника *) и всю службу въ его приходѣ. День былъ прекрасный, ясный; мы спросили его, работалъ-ли онъ сегодня? Нѣтъ еще, сказалъ онъ улыбаясь, вышелъ съ утра изъ дома. Надобно вамъ теперь позаняться (сказали мы). Надобно (отвѣчалъ онъ), но не знаю, какъ пойдетъ.—Въ Воскресенье онъ опять пришелъ послѣ обѣдни пѣшкомъ изъ своего прихода, нѣсколько усталый; опять хвалилъ очень своего приходскаго священника и все служеніе; видно, что онъ былъ полонъ службой, говорилъ опять о Псалтири. Сказалъ также: „Всякій разъ какъ иду къ вамъ, прохожу мимо Хомякова дома и всякій разъ, и днемъ, и вечеромъ, вижу въ окнѣ свѣчу, теплящуюся въ комнатѣ Екатерины Михайловны (тамъ читаютъ Псалтирь). Говорилъ также и о другомъ, о печатаніи, хотѣлъ придти къ намъ держать корректуру, чтобы научить насъ. Мы сказали, что на другой день ждали брата изъ деревни. На другой день, это было въ Понедѣльникъ на Масляной, послѣ обѣда мы сидѣли и разговаривали съ пріѣзжими изъ деревни; слышимъ, что кто-то взошелъ; оглядываемся: Николай Васильевичъ! Мы очень удивились и обрадовались ему. Онъ спросилъ, пріѣхалъ-ли братъ и гдѣ онъ? Узнавши, что у Хомякова, сказалъ, что пойдетъ туда. Въ немъ было видно нѣсколько утомленіе; сказалъ, что скоро уйдетъ, что долженъ лечь ранѣе, потому что чувствовалъ какой-то холодъ ночью, который его впрочемъ не безпокоилъ. Мы сказали: это нервный!—Да, нервный, сказалъ онъ совершенно спокойно.

---

*) Алексѣя Ивановича Соколова, въ то время служившаго въ церкви Симеона Столпника на Поварской, нынѣ протопресвитера въ храмѣ Христа Спасителя. Гоголь скончался въ домѣ графини А. Е. Толстой (нынѣ принадлежащемъ Н. А. Шереметевой), на лѣвой сторонѣ Никитскаго бульвара (отъ Арбатскихъ воротъ). *Изд.*

Видно, что онъ самъ не придавалъ тому значенія; сказалъ, что пойдетъ сейчасъ. Мы простились по обыкновенію, и онъ ушелъ. Это было въ послѣдній разъ. Къ Хомякову онъ не заходилъ. Въ Середу его навѣстили; онъ сказалъ, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. Видя, что онъ не идетъ къ намъ нѣсколько дней, я написала записочку, чтобъ узнать о его здоровьи: велѣли сказать, что не въ состояніи отвѣчать. На другой день посылали узнать; сказали, что ему лучше". (Въ сохранившемся отрывкѣ не достаетъ конца).

Когда пришло въ Абрамцево неожиданное извѣстіе о кончинѣ Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ самъ хворалъ. Чувства свои по поводу этой глубоко-знаменательной кончины онъ передалъ въ дружескомъ письмѣ къ сыновьямъ своимъ. Письмо это отъ начала до конца писано имъ собственноручно и имъже помѣчено: *однимъ сыновьямъ*. Вотъ оно:

„Однимъ сыновьямъ. 1852 г. 23 Февраля".

«Ровно двое сутокъ, какъ Гоголя нѣтъ на свѣтѣ. Гоголь умеръ... Странныя слова, совсѣмъ не производящія обыкновеннаго впечатлѣнія! Если вчера была во мнѣ нѣкоторая борьба моего чувства съ общею потерею, то сегодня первое совершенно исчезло, такъ что я не могу отыскать его... и я совершенно подавленъ общею бѣдою. Я не знаю, любилъ-ли кто нибудь Гоголя исключительно какъ человѣка. Я думаю, нѣтъ; да это и невозможно. У Гоголя было два состоянія: творчество и отдохновеніе. Первое давно уже, вѣроятно вскорѣ послѣ выхода «Мертвыхъ Душъ», перешло въ мученичество, можетъ быть, сначала благотворное, но потомъ перешедшее въ безполезную пытку. Какъ можно было полюбить человѣка, тѣло и духъ котораго отдыхаютъ послѣ пытки? Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нѣтъ никакого дѣла; конечно бывали исключительныя мгновенія, но весьма рѣдкія и весьма для немногихъ. Я думаю, женщины любили его больше и особенно тѣ, въ которыхъ наименѣе было художественнаго чувства, какъ напримѣръ Смирнова. Вотъ до какой степени Гоголь для меня не человѣкъ, что я, который въ молодости ужасно боялся мертвецовъ и который не видывалъ ихъ до смерти (собственныхъ) дѣтей, я, постоянно боявшійся до сихъ поръ нѣсколько ночей послѣ смерти каждаго знакомаго человѣка, не могъ произвести въ себѣ этого чувства во всю послѣднюю ночь! Нѣсколько разъ просыпался, думалъ о Гоголѣ, воображалъ его трупъ, лежащій въ гробѣ со всѣмъ страшнымъ для меня, окруженіемъ,— и, не чувствуя никакого страха, вскорѣ засыпалъ".

„Я признаю Гоголя святымъ, не опредѣляя значенія этого слова.

Это истинный мученикъ высокой мысли, мученикъ нашего времени, и въ тоже время мученикъ христіанства. Я это предчувствовалъ и еще въ 1844-мъ году, когда онъ прислалъ намъ подарки, написавъ прежде такое письмо, что я ждалъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» [1]), я писалъ къ обоимъ этимъ Петровичамъ о своемъ отчаяніи. Долго хохотали надо мною эти умные..., прочитавъ въ моемъ письмѣ, что или художникъ погибъ и выдетъ святой отшельникъ, или Гоголь умретъ въ сумасшедшемъ домѣ. Слава Богу, не сбылось послѣднее; но за то онъ ничего не произвелъ новаго и умеръ. Правда, я предавался надеждѣ, услышавъ первыя главы «Мертвыхъ Душъ» II-го тома, но съ какимъ-то страхомъ и даже подшпоривая себя. Притомъ, вѣдь это было написано *прежде* и только воспроизведено или, можетъ быть, только повторено даже въ слабѣйшемъ видѣ. Нельзя исповѣдывать двѣ религіи безнаказанно. Тщетна мысль совмѣстить и примирить ихъ. Христіанство сейчасъ задастъ такую задачу художеству, которую оно выполнить не можетъ, и сосудъ лопнетъ. Жалѣю, что я не въ Москвѣ. Меня не разстроили бы всѣ эти церемоніи. Напротивъ, мнѣ было-бы весело увидѣть всѣ улицы около церкви, покрытыя толпами людей. Но едва-ли это будетъ? [2])... Десять лѣтъ молчанія, шесть лѣтъ пропаданія изъ Россіи, слухи объ отчаянной болѣзни и даже смерти, наконецъ похороны самого себя въ извѣстной книгѣ ослабили общее участіе. Бѣдный, бѣдный страдалецъ Гоголь! Боюсь, что чувство жалости сильно мною овладѣетъ; а притомъ это еще вопросъ: какъ-то мы будемъ жить при мысли, что нѣтъ Гоголя. Прощайте, друзья мои. Крѣпко обнимаю и благословляю васъ. Отецъ и другъ С. Аксаковъ".

Въ тоже время Сергѣй Тимоѳеевичъ продиктовалъ некрологическую замѣтку по поводу кончины Гоголя, куда вошли нѣкоторыя выраженія изъ приведеннаго письма. Онъ подписалъ ее своими начальными буквами и напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Вотъ эта его статья:

Письмо къ друзьямъ Гоголя.

«Гоголя нѣтъ на свѣтѣ, Гоголь умеръ... Странныя слова, не производящія обыкновеннаго впечатлѣнія. Умереть Гоголю вдругъ нельзя: тѣло его предано землѣ, но духъ вошелъ въ нашу жизнь, особенно въ жизнь молодаго поколѣнія. Много, очень много надобно времени, чтобъ память о Гоголѣ потеряла свѣжесть; забыть, кажется мнѣ, онъ никогда

[1]) Подарокъ С. Т. Аксакову, Степану Петровичу Шевыреву и Михаилу Петровичу Погодину книжки „Подражаніе Христу" Ѳомы Кемпійскаго (см. выше). *Изд.*

[2]) Было. *Изд.*

не будетъ. Но Гоголь сжегъ «Мертвыя Души»... вотъ страшныя слова. Безотрадная грусть обнимаетъ сердце при мысли, что Гоголь не досказалъ своего слова, что погибъ плодъ десятилѣтнихъ вдохновенныхъ трудовъ, что навсегда исчезли созданные имъ образы, выступавшіе во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», первыя главы котораго онъ читалъ многимъ. Я самъ слышалъ четыре, а С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышали семь главъ. И Улинька, и Тентетниковъ съ ихъ взаимною любовью, и генералъ Бетрищевъ, и Констанжогло, и братья Платоновы, и многіе другіе—всѣ погибли, и навсегда! Это ужасно, это невыносимо горько. Но теперь еще не время распространяться объ этомъ. Я обращаюсь къ статьямъ Гоголя, получившимъ теперь настоящій смыслъ, къ его *Предисловію* и *Завѣщанію*, напечатаннымъ въ книгѣ: „*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.* Если бъ Гоголь былъ живъ, я никогда бы не сталъ перечитывать этой книги, въ свое время не одинъ разъ прочитанной мною; но теперь слѣдовало это сдѣлать, и я прочелъ ее вновь. Поразили меня эти двѣ статьи. Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно такое же дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые также, какъ и я, были недовольны этою книгою и особенно печатнымъ завѣщаніемъ живаго человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе. Гоголя, какъ человѣка, знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что̀ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что̀ говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что̀ самъ говоритъ; однимъ словомъ, Гоголя не могли знать хорошо и потому могли усомниться въ задушевности, въ правдѣ многихъ словъ его послѣдней книги. Но теперь, когда онъ смертью запечатлѣлъ искренность своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, кажется, наступило время дать полную вѣру его христіанской любви къ людямъ. Рѣчь идетъ не о томъ, ошибочны были или нѣтъ нѣкоторыя мысли и воззрѣнія Гоголя, рѣчь идетъ о правдѣ его смиренія, чистотѣ намѣреній, сердечности чувствованій и стремленія къ добру".

„Я убѣдительно прошу всѣхъ друзей и почитателей Гоголя обратить особенное вниманіе на слѣдующія его слова: «Завѣщаю по смерти

моей не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листахъ и журналахъ; все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что̀ нужно осудить, нежели того, что̀ заслуживаетъ хвалу. Всѣ нападенія на нихъ были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы. Передо мной никто не виноватъ; неблагороденъ и несправедливъ будетъ тотъ, кто попрекнетъ мною кого-либо въ какомъ бы то ни было отношеніи». Неужели теперь мы не повѣримъ въ искренность каждой буквы этихъ словъ? Чѣмъ можемъ мы достойнѣе почтить память усопшаго нашего друга, какъ не самымъ точнымъ исполненіемъ завѣщаннаго имъ желанія? Я знаю, нельзя ожидать общаго почтительнаго молчанія, хотя на короткое время. Вѣроятно, много будутъ писать и уже пишутъ теперь о Гоголѣ. Вѣроятно нѣкоторые, глубоко, болѣзненно огорченные смертію любимаго и чтимаго художника, станутъ такъ горячо хвалить его, что оскорбятъ самолюбіе многихъ; оскорбленные станутъ возражать съ большею неумѣренностью; охотно присоединится къ нимъ онѣмѣвшее предъ таинствомъ смерти, старинное недоброжелательство, и закипятъ надъ свѣжею могилой Гоголя новыя вражды, тогда какъ сердце его билось однимъ желаніемъ, чтобъ люди жили въ мирѣ и любви. Не будетъ ли это истиннымъ оскорбленіемъ памяти Гоголя, который никогда ни къ кому не питалъ непріязни, даже скоропреходящаго гнѣва? Эту истину могутъ засвидѣтельствовать не только всѣ друзья, но даже сколько-нибудь знакомые съ нимъ люди. Не заводить новыя ссоры слѣдуетъ надъ прахомъ Гоголя, а прекратить прежнія, страстями возбужденныя, несогласія, и въ этомъ искать утѣшенія въ нашемъ общемъ великомъ горѣ.

С. А.

Деревня.
1852 года, 6-го Марта".

Годъ спустя, Сергѣй Тимоѳеевичъ еще помянулъ своего безсмертнаго друга некрологическою замѣткой въ тѣхъ же Московскихъ Вѣдомостяхъ. Приводимъ и эту статью.

Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя.

„Вотъ и годъ прошелъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ Гоголя! 21-го Февраля 1853 года, въ память дня его кончины, много пролито теплыхъ слезъ и отслужено панихидъ. Гоголь былъ не только великій художникъ, но и вполнѣ вѣрующій христіанинъ. Гоголя нѣтъ на свѣтѣ—мы привыкли къ этимъ словамъ и къ горестному ихъ смыслу. Изумленіе прошло; но не прошла и никогда не пройдетъ скорбь, что уже нѣтъ между нами великаго писателя, отъ котораго мы еще такъ много ожидали въ буду-

щемъ. Въ продолженіе года, безпрестанно гдѣ нибудь писали о Гоголѣ. Писано было не по многу, но съ живымъ участіемъ; печатали иногда то, чего не слѣдовало, что̀ рано было печатать; но немало высказалось прекрасныхъ мыслей, вѣрныхъ взглядовъ и твердыхъ убѣжденій. Конечно никто не прочелъ безъ сочувствія и благодарности благородной статьи одного изъ жителей Курской губерніи, въ защиту Гоголя [1]). Печатанныя извѣстія и достовѣрные слухи пробѣжали по всей Россіи о тѣхъ немногихъ нравственныхъ сокровищахъ, которыя остались въ утѣшеніе намъ послѣ смерти Гоголя. Въ почтительномъ ожиданіи остаются всѣ, жаждущіе этой умственной пищи, извѣстной еще немногимъ. Между тѣмъ прежнія печатныя сочиненія Гоголя давно разошлись, и уцѣлѣвшіе экземпляры покупаются, какъ я слышалъ, за страшно дорогую цѣну. Ожиданіе всѣхъ обращено на его семейство, или на тѣхъ, кому поручены литературныя дѣла покойнаго. Въ сочиненіяхъ Гоголя чувствуется потребность, необходимость: иначе не стали бы платить 50 и 75 рублей серебромъ за тѣ четыре книжки, за которыя недавно платили и вѣроятно скоро будутъ платить по прежнему 25 рублей ассигнаціями.

Естественно было желаніе публики узнать біографію Гоголя, и также естественно было желаніе людей пишущихъ сообщить хотя нѣкоторыя біографическія извѣстія о немъ. Жаль, что, увлекаясь добрымъ чувствомъ, нарушая должное уваженіе къ предмету, столь важному и многозначительному, печатали иногда извѣстія рановременныя (и потому лишенныя всякаго значенія), перемѣшанныя съ извѣстіями о модныхъ платьяхъ и катаньяхъ [2]). Неумѣстны также и неинтересны для публики странные споры о днѣ и годѣ рожденія Гоголя, когда такъ не трудно и положительно можно узнать эти числа отъ его матери. Еще менѣе интересны улики въ ошибкахъ, когда самъ исправляющій ихъ впадаетъ въ другія ошибки [3]): все это разрѣшить и поправить было легко непечатнымъ образомъ. Не заслуживаетъ вниманія недавно раздавшееся шипѣніе, вѣроятно, давно сдерживаемой непріязни или зависти, скрытое подъ формою повѣсти. Презрительнымъ равнодушіемъ наградитъ публика такія безсильныя и жалкія попытки. Но были статьи замѣчательныя по изложенію и содержанію. Первое почетное мѣсто между ними принадлежитъ статьѣ, напечатанной въ Апрѣльской книжкѣ „Отеч. Зап". прошедшаго года: „Нѣсколько словъ для біографіи Н. В. Гоголя". Она написана съ участіемъ, увлекательно, тепло и въ тоже время съ соблюденіемъ разумной мѣры теплоты; она

---

[1]) Москов. Вѣд. 1852 года.
[2]) „Москов. Вѣд." 1852 года.
[3]) „Отеч. Зап." № 2-й 1853 года.

составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для будущей пространной, полной біографіи Гоголя. Но ея время не близко. Біографія всякаго извѣстнаго и почему нибудь замѣчательнаго человѣка представляетъ много затрудненій; не только нельзя ее скоро напечатать по свѣжести отношеній покойнаго къ живымъ людямъ, но даже нельзя безпристрастно написать: ясности взгляда будетъ мѣшать близость предмета; надобно отойти отъ него, и чѣмъ предметъ выше, тѣмъ отойти надобно дальше. Я разумѣю біографію внутренней жизни, искреннюю и полную. Прекрасная статья, о которой я сейчасъ говорилъ, могла быть написана вполнѣ удовлетворительно, потому что время, ею изображенное, время дѣтства Гоголя, уже далеко, и потому что дѣтскій и юношескій возрасты не представляютъ препятствій и трудностей къ ихъ описанію, непремѣнно сопровождающихъ изображеніе жизни человѣка въ лѣтахъ зрѣлаго мужества. Біографія же Гоголя заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами — ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, и какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло впрочемъ понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и повѣрить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣешь, хотя безпрестанно говоришь о немъ.

Для бо̀льшаго уясненія предмета, я позволяю себѣ повторить нѣкогда сказанное мною: Гоголя, какъ человѣка, знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что̀ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что̀ говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что̀ самъ говоритъ. Къ этому должно прибавить, что разные люди, знавшіе Гоголя въ разныя эпохи его жизни, могли сообщить о немъ другъ другу разныя извѣстія. Да не подумаютъ, что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ, съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ. Но Гоголь

шелъ постоянно впередъ; его христіанство становилось чище, строже; высокое значеніе цѣли писателя—яснѣе, и судъ надъ самимъ собою—суровѣе. И такъ въ этомъ смыслѣ Гоголь измѣнялся. Но даже въ одно и тоже время, особенно до послѣдняго своего отъѣзда за границу, съ разными людьми Гоголь казался разнымъ человѣкомъ. Тутъ не было никакого притворства: онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди, или по крайней мѣрѣ, которыя могли они понять. Такъ напримѣръ, съ однимъ пріятелемъ, и на словахъ, и въ письмахъ, онъ только шутилъ, такъ что всякій хохоталъ, читая эти письма; съ другими говорилъ объ искусствѣ и очень любилъ самъ читать вслухъ Пушкина, Жуковскаго и Мерзлякова (его переводы древнихъ); съ иными бесѣдовалъ о предметахъ духовныхъ, съ иными упорно молчалъ, и даже дремалъ, или притворялся спящимъ. Кто не слыхалъ самыхъ противуположныхъ отзывовъ о Гоголѣ? Одни называли его забавнымъ весельчакомъ, обходительнымъ и ласковымъ; другіе - молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ; третьи — занятымъ исключительно духовными предметами. . . . Однимъ словомъ, Гоголя никто не зналъ вполнѣ. Нѣкоторые друзья и пріятели конечно знали его хорошо; но знали, такъ сказать, по частямъ. Очевидно, что только соединеніе этихъ частей можетъ составить цѣлое, полное знаніе и опредѣленіе Гоголя.

Итакъ, остается желать, чтобъ люди, бывшіе въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, записали для памяти исторію своего съ нимъ знакомства и включили въ свое простое описаніе всю свою съ нимъ переписку. Тогда эти письма, будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, освѣтили бы многія, до сихъ поръ неясныя для иныхъ стороны жизни Гоголя. Такіе-то, по истинѣ драгоцѣнные матеріалы въ соединеніи съ печатными сочиненіями Гоголя, съ тѣми, которыя будутъ напечатаны, и съ его письмами, дали бы возможность біографу достойнымъ образомъ исполнить свое важное и трудное дѣло. Гоголь велъ обширную переписку. Приблизительно можно сказать, судя по числу его писемъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, что число всѣхъ писемъ можетъ простираться до нѣсколькихъ сотенъ. Какое богатство! Гоголь выражается совершенно въ своихъ письмахъ; въ этомъ отношеніи они гораздо важнѣе его печатныхъ сочиненій. Какое наслажденіе для мыслящихъ читателей прослѣдить, разсмотрѣть въ подробности духовную жизнь великаго писателя и высоконравственнаго человѣка! Сколько борьбы въ примиреніи художника съ христіаниномъ, сколько подвиговъ послушанія и сколько ошибокъ, увлеченій зыбкаго человѣческаго ума, никогда однако же не помрачавшихъ чистоты душевной, открыла бы такая біографія! Сколько умилительнаго и поучи-

тельнаго нашли бы въ ней даже такіе читатели, которые чужды литературнаго направленія! Да исполнится когда нибудь это желаніе, безъ сомнѣнія, раздѣляемое многими, и да будетъ оправданъ и оцѣненъ Гоголь по достоинству, какъ художникъ и какъ человѣкъ.

«С. А—въ».

«1853 года, Марта 1-го дня. Деревня» *).

Усердно занявшись тѣмъ, о чемъ просилъ всѣхъ друзей Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ и былъ въ правѣ сказать о себѣ слова, приведенныя во *Вступленіи*:

„Я печатно предлагалъ всѣмъ друзьямъ и людямъ, коротко знавшимъ Гоголя, написать вполнѣ искренніе разсказы своего знакомства съ нимъ и такимъ образомъ оставить будущимъ біографамъ достовѣрные матеріалы для составленія полной и правдивой біографіи великаго писателя. Это была-бы, по моему мнѣнію, искренняя услуга исторіи Русской литературы и потомству. Не знаю, принято ли кѣмъ нибудь мое предложеніе, но *я почти исполнилъ свое намѣреніе*".

КОНЕЦЪ.

*) Моск. Вѣдом. 1853, № 35.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1890 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

давно уже доставленныя въ Гографическое Общество, а также извлеченія изъ хранящихся въ ученомъ его архивѣ матеріаловъ.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ будетъ сверхъ того стараться объ устроеньи новыхъ сношеній съ различными мѣстными наблюдателямя во всѣхъ краяхъ Россіи, поддерживать и развивать общеніе Отдѣленія съ многочисленными членами-сотрудниками Общества и пріобрѣтать ему новыхъ, обмѣниваясь съ ними мыслями о кругѣ наблюденій и о вопросахъ ожидающихъ разрѣшенья, о выработкѣ наилучшихъ пріемовъ въ дѣлѣ записыванья и изученія особенностей языковъ, нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, памятникокъ народной словесности, повѣрій, преданій, примѣтъ народнаго быта съ его обычнымъ правомъ, экономическимъ ростомъ или упадкомъ, съ домашнимъ обиходомъ и строемъ со внѣшнею обстановкою, съ народнымъ вкусомъ и чувствомъ къ изящному, съ народными воззрѣньями религіозными, нравственными, общественными, государственными и международными. При этомъ „ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ удѣлять мѣсто и вниманье не только всѣмъ разновидностямъ Русскаго народа и цѣлаго Славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ „ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической гоографіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Австро-Венгріи и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и сопредѣльной съ ней Азіи. Въ Отдѣлѣ Критики и Библіографіи будутъ ведены особыми спеціалистами обзоры и указатели отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ Русскихъ и Славянскихъ, такъ и иностранныхъ, велико-британскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, румынскихъ и греческихъ. Въ Отдѣлѣ Вопросы и Отвѣты редакція дастъ мѣсто отвѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, къ коимъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Редакторомъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ будетъ всегда, независимо отъ перемѣны лицъ, Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ В. И. Ламанскій. Сверхъ Помощника Предсѣдательствующаго проф. Н. И. Веселовскаго и Секретаря Отдѣленія Ѳ. М. Истомина, ближайшее участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. А. Н. Веселовскій, акад. Л. Н. Майковъ, проф. И. П. Минаевъ, прив.-доц. С. Ѳ. Ольденбургъ и А. Н. Пыпинъ. Въ числѣ сотрудниковъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ можемъ назвать: Н. И. Андерсона, Ѳ. Д. Батюшкова, проф. В. В. Богишича, И. М. Болдакова, Ѳ. Ѳ. Бразуна, проф. А. С. Будиловича, Н. В. Волкова, проф В. П. Васильева, А. К. Васильева, проф. С. М. Георгіевскаго, проф. К. Я. Грота, проф. М. С. Дрпнова, проф. И. Н. Жданова, проф. К. Г. Залемана, проф. В. А. Жуковскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. И. Кудряшева, Д. Н. Кудрявскаго, прив.-доц. О. Е. Лемма, прив.-доц. Н. Я. Марра, проф. Э. Ю. Петри. проф. А. М. Позднѣва. И. Н. Половинкина, проф. А. И. Пономарева проф. А. И. Соболевскаго, проф. В. Д. Смирнова, проф. И. Н. Смирнова, В. В. Стасова, прив.-доц. П. А. Сырку, проф. Ѳ. И. Успенскаго, проф. Д. А. Хвольсона и мн. др.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Лица, желающія доставлять сообщенія въ редакцію, благоволятъ обращаться до 1-го Сентября къ редактору (Владиміру Ивановичу Ламанскому) въ Новгородской губ., гор. Боровичи, а съ 1 Сентября въ С.-Петербургъ (въ Императорское Русское Географическое Общество).

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. **В. Ламанскій.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива" 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" П. Бартеневъ.

